

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 17/09

Scientific journal

Series "Scientific History.
History of Russia"

Moscow 2009

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 17/09

Научный журнал

Серия «Исторические науки.
История России»

Москва 2009

УДК 91(05)
ББК 63

Главный редактор

Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора

Д.П. Бак

Ответственный секретарь

Б.Г. Власов

Главный художник

В.В. Сурков

Редакционная коллегия серии

«Исторические науки. История России»

Е.И. Пивовар – ответственный редактор

С.В. Карпенко – заместитель ответственного
редактора

М.А. Скляр – ответственный секретарь

А.Ю. Бахтурина

А.Б. Безбородов

Л.Е. Горизонтов

Н.В. Елисеева

В.И. Журавлева

В.Д. Зимина

А.Б. Каменский

И.В. Курукин

А.А. Киличенков

Т.Ю. Красовицкая

А.П. Логунов

В.А. Муравьев

В.Я. Петрухин

П.П. Шкаренков

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи	
<i>А.В. Бородкин</i> Общины старообрядцев-капитонов в Центральной России и правительственные сыски раскольников в XVII в.	11
<i>В.Ф. Блохин</i> «Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.)	20
<i>Н.Г. Кулинич</i> Формирование городского населения Дальнего Востока России (вторая половина XIX – первая треть XX в.)	32
<i>А.Ю. Бендин (Белоруссия)</i> Указ о веротерпимости и его реализация в Северо-Западном крае Российской империи (1905 г.)	44
<i>А.Ю. Бахтурина</i> Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905–1908 гг.)	59
<i>А.Ю. Сизова</i> Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы	70
<i>С.В. Карпенко</i> Первые шаги правительства генерала А.И. Деникина по регулированию внешней торговли (август 1918 – апрель 1919 г.)	84
<i>В.Н. Томилин</i> МТС и колхозы Центрального Черноземья: пороки планирования и проведения агротехнических работ (1946–1950 гг.)	99
<i>С.В. Богданов</i> Власть и экономическая преступность в СССР в период перестройки	109

Сообщения

<i>М.А. Андреев</i> Левые эсеры в Наркомпросе РСФСР (1917–1918 гг.)	119
<i>А.Л. Кубасов</i> Из истории тюрем и лагерей ГПУ (1922–1923 гг.)	126
<i>А.В. Урядова</i> Генуэзская конференция и русская эмиграция	137

Новая Россия и постсоветское зарубежье

<i>В.Н. Круглов</i> Проекты изменения административно-территориального устройства России 1990–2000 гг.	148
<i>А.Н. Такова</i> Политические преобразования в Кабардино-Балкарской Республике 2005–2008 гг.	157
<i>А.Д. Осмаев</i> Грозный в 1999–2008 гг.: война и повседневная жизнь горожан	167
<i>В.В. Машко</i> Из истории Союзного государства Беларуси и России: бюджет и бюджетная политика	182

История и теория исторической науки

<i>А.М. Пашков</i> Историческое краеведение Русского Севера в контексте развития российской историографии и культуры конца XVIII – начала XX в.	191
<i>Г.Н. Ланской</i> Проблемы социальной истории России XIX–XX вв. в отечественных исследованиях 2008 г.	201
<i>П.П. Марченя</i> Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке	212
<i>В.А. Поляков</i> Голод первой половины 1920-х годов в советской историографической традиции	228

<i>А.А. Киличенков</i>	
Западная историография Военно-морского флота СССР: теории времен холодной войны	237
<i>Критика и библиография</i>	258
<i>Abstracts</i>	298
<i>Сведения об авторах</i>	307

CONTENTS

Articles

<i>A. Borodkin</i> Communities of old believers-capitons in the central Russia and the governmental searches of church's decedents in the XVII c.	11
<i>V. Blokhin</i> "Province bulletin" as a mirror of Russian province (XIX c. – early XX c.)	20
<i>N. Kulinich</i> Forming of urban population of The Russian Far East (the second half of the XIX c. – first third of the XX c.)	32
<i>A. Bendin</i> The decree of toleration and its realization in Northwest edge of Russian empire (1905)	44
<i>A. Bakhturina</i> Russian revolutionary movement and Finland (1905–1908)	59
<i>A. Sizova</i> Russian higher education at Provisional government: the plan and the beginning of democratic reform	70
<i>S. Karpenko</i> The first steps of general A.I. Denikin's government on foreign trade controls (August 1918 – April 1919)	84
<i>V. Tomilin</i> MTSS and collective farms of the Central black soil region: drawbacks of the planning and agrotechnical works (1946–1950)	99
<i>S. Bogdanov</i> Power and economic crime in the USSR during Perestroika period	109

Comments	
<hr/>	
<i>M. Andreev</i>	
Left Socialist-Revolutionaries in Narkompros in 1917–1918	119
<i>A. Kubasov</i>	
From a history of the GPU's prisons and camps (1922–1923)	126
<i>A. Uryadova</i>	
Genoa conference and the Russian emigration	137
Contemporary Russia and Post-Soviet States	
<hr/>	
<i>V. Kruglov</i>	
Projects of the reformation of administrative-territorial structure of Russia, 1990–2000	148
<i>A. Takova</i>	
Political alterations in Kabardino-Balkarian Republic in 2005–2008	157
<i>A. Osmaev</i>	
Grozny in 1999–2008: war and a daily life of the townspeople	167
<i>V. Mashko</i>	
From a history of the Union State of Belarus and Russia: budget and budgetary policy	182
The History and the Theory of Historical Science	
<hr/>	
<i>A. Pashkov</i>	
The local historical research of the Northern Russia in the context of the Russian historiography and culture development from the late XVIII c. up to early XX c.	191
<i>G. Lanskoï</i>	
Problems of social history of Russia of XIX–XX cc. in domestic etudes of 2008	201
<i>P. Marchenya</i>	
Historical research on mass consciousness of 1917 revolutionary epoch in domestic historiography	212

<i>V. Poliakov</i>	
The famine of early 1920's in the Soviet historiography tradition	278
<i>A. Kilichenkov</i>	
Western historiography of the Soviet Navy: theories of Cold War period	237
<i>Book Reviews</i>	258
<i>Abstracts</i>	298
<i>Information about the authors</i>	310

СТАТЬИ

А.В. Бородкин

ОБЩИНЫ СТАРООБРЯДЦЕВ-КАПИТОНОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЫСКИ РАСКОЛЬНИКОВ в XVII в.

В статье рассматривается состояние общин старообрядцев-капитонов в Центральной России в XVII в., их расположение, активность и социальный состав. Впервые анализируется взаимосвязь между правительственными сысками раскольников и дроблением первых старообрядческих общин. Изучены центры старообрядцев и их взаимоотношения с патронажными общинами, связи между лидерами старообрядческих общин и их отношение к распаду единого движения.

Ключевые слова: старообрядцы, религиозные общины, раскольники, монастырь, стрельцы.

История русского старообрядчества продолжает привлекать самое пристальное внимание отечественных и зарубежных исследователей¹. Особый интерес в настоящее время вызывает региональный аспект этой проблематики². Однако, несмотря на проведенные изыскания, судьба старообрядческих лидеров и созданных ими общин остается неизвестной. Так, последние годы жизни одного из вождей движения Капитона Даниловского связывают с Вязниковскими кельями. Но этот этап старообрядчества мало известен исследователям. Нет точных сведений и о гибели Капитона.

Место рождения основателя одного из течений раннего старообрядчества не установлено³. Известно лишь, что «сей убо чернец постригся негде близ дома своего, яко бяше убог сый и неимяше чим в мире питатися, отшед вдале от села Даниловского, в место нарицаемое Колесниково, и тамо начал жити по образцу пустынножителей»⁴. До середины 30-х годов XVII в. Капитон был одним из ревнителей древнего благочестия, авторитетным и благочестивым иноком. Духовные власти претензий к нему не имели.

В 1634 г. старец получил от царя Михаила Федоровича грамоту с разрешением основать Троицкую обитель в Костромском уезде⁵. При строительстве новой обители Капитон проявил себя как талантливый организатор⁶.

В 1639 г. уволенный архимандрит Рязанского Преображенского монастыря Герасим, живший некоторое время с братией монастыря, подал на Капитона донос «о неистовствах». Капитон был арестован и отправлен в ярославский Спасский монастырь, а затем сослан в Тобольск⁷.

Через 12 лет после ареста и ссылки в Тобольск Капитон поселился в келье на реке Шаче Костромского уезда. Обнаружив там кельи, местные власти разгромили их, но Капитон успел бежать в Шуйский уезд, где жил до середины 1650-х годов в пустынях у села Калбацкого⁸. И там старцу удалось уйти от стрельцов. Неуловимость Капитона снискала ему огромную популярность среди крестьян. Названное по имени основателя движение капитонов стало частью русского старообрядчества, проникло в Сибирь, в Поморье и на Дон, охватило уезды Центральной России.

Для уничтожения движения капитонов царское правительство применяло стрелецкие сыски. Помимо Приказа тайных дел сыском раскольников занимались Посольский, Разрядный и Патриарший приказы. При необходимости доступ к документам этих сысков имели местные воеводы и духовные власти. Наиболее интересные документы оставили сыски Патриаршего приказа – сыск 1661 г. дьяка А. Яковлева, сыск 1661 г. против раскольников Троице-Сергиева монастыря, сыски 1662 г. под Вязниками, в Юрьевце Поволжском и в Костромском уезде, 1664 г. на Керженце, 1666 г. на Вятке и в Вологде. Самое позднее сыскное дело этого приказа датировано 1673 г.⁹

Последние кельи Капитона появились под Вязниками: «Град убо Ярополч, имея посад или жилище Вязники во Владимирской области... идеже и во оно время никонова смущения... от градов и монастырей бегаючи иноцы и мирские в пустынях крыяхуся... тамо предивный отец Капитон живяще... тому мнози ученицы бяху чудного жития его подражатели»¹⁰.

Продолжая Выговскую агиографическую традицию, Симеон Денисов рисовал Капитона каноническим продолжателем общерусского монашества, пытался добиться тождества житийного текста с ранними памятниками русской агиографии. Стремление к формам старорусского жития заставило его окончить повествование смертью Капитона. Однако известие это не является достоверным. В.С. Румянцева обоснованно полагает, что сравнение высказываний Ефросина (80-е годы XVII в.) и Симеона Денисова

(20-е годы XVIII в.) о Капитоне и его учении показывают процесс «окостенения» старообрядческой идеологии, из которой «выхолащивалось все живое». И если в сочинение Ефросина «еще врывается идейная борьба между разными течениями противощерковного движения, в конце века получившего староверческое оформление (от него отделилось сектантское)», то у Денисова «происходит переосмысление начальной версии раскола в рамках дониконовской православной традиции»¹¹.

Биография Капитона Даниловского стала частью его учения. В старообрядческой литературе встречаются самые разные сведения о его смерти. Симеон Денисов свидетельствовал о мирной кончине. Некоторые старообрядческие синодики XVII–XVIII вв. упоминают Капитона в числе «Вязниковских убиенных пустынников», подтверждая предположение о насильственной смерти¹². Ряд ранних синодиков (конец XVII в.) именует Капитона священником и схимником. Старообрядческие синодики начала и середины XVIII в. не упоминают о священстве Капитона. Синодики и поминальные статьи середины и конца XVIII в. не называют Капитона схимонахом. А синодики начала XIX в. (в том числе все их модификации) даже отодвигают упоминание об иноке Капитоне, «Вязниковском мученике», на последнее место в общем перечислении погибших. В сводном старообрядческом синодике Капитон тоже упомянут в «Вязниковском списке» как «пострадавший за древлещерковное благочестие»¹³.

Результаты правительственных сысков 1665–1666 гг. несколько проясняют судьбу Капитона. «А старец де Капитон... холоп твой, имал в прошлом... году из лесу пустынников и кельи жег за Клязьмою, а Капитон де под теми келиями». Чернец Варнава, схваченный в конце декабря 1665 г. стрельцами на озере Юхра, показал, что «про Капитона де старца, он слышал, что в тех пустынях он жил и прикован к цепи и умер давно. А сам Варнава его Капитона не видел»¹⁴.

Так безвестно и таинственно закончил свой жизненный путь «неистовый чернец» Капитон Даниловский. Но имя его оставалось популярным в народе до конца XVII в. Складывались легенды о том, что он жив, благополучно скрылся от сысков и еще проповедует. Этой легендой часто пользовались самозванцы, выдавая себя за Капитона либо за его духовных учеников. Традиция эта сохранялась до XIX в. В 1860-х годах Капитона искали в Нижегородском и Муромском уездах, в 1880-х гг. – в Кинешемском и Костромском. В то же время в старообрядческих рукописях Капитон упоминался все реже и реже, и к середине XVIII в. его имя стало встречаться лишь эпизодически, в связи с «Вязниковскими мучениками».

С конца 1650-х годов, когда в районе Вязников поселился Капитон с учениками, вязниковские общины стали региональным центром противления церковной политике правительства. С начала 1660-х годов этот район был взят Москвой под особый надзор. Бежавших сюда капитонов власти подозревали в организации беспорядков 1654 г. в Москве. За жизнью вязниковских пустынников пристально следили московские «послухи», сообщавшие в столицу обо всем увиденном и услышанном.

Первый сыск капитонов в Вязниках был проведен в 1662 г. Документы его не сохранилась.

Второй – в 1665–1666 гг. 24 апреля 1665 г. священник Вязниковской слободы Василий Федоров донес митрополиту Павлу, местоблюстителю патриаршего престола, о появлении «за рекой Клязьмой в бору» капитонов¹⁵: они «келии поставили и в земле норы поделали, а к церкви Божией не ходят»¹⁶.

Эти факты в 1665 г. подтвердил в своем доносе архиепископ Илларион. Содержание доноса вызвало сильную тревогу правительства. Сыск был проведен под личным наблюдением царя. С 5 декабря 1665 г. до середины февраля 1666 г. его проводили силами полка московских стрельцов А.И. Лопухина. До середины января в Вязниках действовала особая следственная комиссия князя И.С. Прозоровского, в состав которой входили дьяки Приказа тайных дел А.С. Матвеев и Ф. Михайлов. Затем, с февраля по октябрь 1666 г., капитонов выявляли местные власти во главе с С. Чаадаевым, в подчинение которому были переданы столичные стрельцы¹⁷.

19 декабря 1665 г. полковник Аврам Лопухин с двумя неполными сотнями стрельцов был направлен в Переславль-Залесский для поимки капитонов. Полк имел опыт действий против раскольников: в 1662–1663 гг. уже участвовал в сысках. 27 декабря А. Лопухин получил указание ужесточить сыск, после чего предпринял несколько конных походов в лес общей продолжительностью около недели. В них принимали участие архимандрит Антоний и ключник Андрей Пекин. Походы подтвердили широкие связи местных крестьян с пустынниками, выявили контакты с ними игумена Благовещенского монастыря Моисея. Стрельцы арестовали 55 человек и сожгли 30 келий.

Помимо вязниковских известностью у капитонов пользовались и вологодские общины¹⁸.

Первый сыск церковных мятежников «на Вологде» был проведен местными властями в 1665 г. Его возглавлял архиепископ Симон. Власти ограничились сбором сведений о наличии старообрядцев в сельских приходах епархии.

Повторный сыск, в феврале 1666 г., был организован гораздо лучше. На основании ранее полученных сведений были произведены аресты наиболее известных раскольников.

Но вскоре вологодский воевода С.А. Зубов известил Приказ тайных дел о капитонствующих крестьянах уезда на основании «извета» игумена Павлово-Обнорского монастыря Иосифа о наличии капитонов в вотчине И.Д. Милославского. Царь Алексей Михайлович приказал С.А. Зубову возобновить поиск капитонов. Третий сыск начался 20 марта 1666 г. Приказано было арестовать капитонствующих вместе с учителем Ф. Артемьевым, а также «велеть расспрашивать о старце Капитоне»¹⁹. Весть о новом сыске быстро распространилась среди крестьян и вызвала случаи саможжения. Уже 21 марта в Лежском волоке в деревне Мишутино сгорели 4 человека. Добровольные «гари» происходили на протяжении всего сыска в вотчинах Ф. Довларова, в Комельской и Никольской волостях. В отличие от прежних сысков, ответчиками в нем предстали крестьяне с семьями, что указывает на наличие постоянной общины.

Среди владельцев капитонствующих крестьян были названы Павлов-Обнорский, Спасо-Троицкий и уже известный прежними связями с Капитоном Корнильев-Комельской монастыри. Среди светских владельцев – боярин И.Д. Милославский, помещики Ф. Довларов, В. Хвостов, С. Бречанинов и некоторые другие.

В воеводской «отписке» о результатах сыска С.А. Зубов донес о задержании 71 капитона и бегстве восьми. 17 человек сожгли себя во время сыска.

Как показали сыски, важным отличием вологодских общин от вязниковских явилось значительное количество глав капитонствующих общин, в некоторых случаях по-своему толкующих учение Капитона. Так, если учение Степана Васильева (деревня Чешашно Обнорской волости) и Тимофея Трофимова в целом соответствовали основам капитоновщины, то в учении Ивана Омелянина (деревня Киселево) уже появились некоторые отличия. Вскрылись особые патронажные отношения между Вязниками (центр) и Вологдой (общины). К примеру, Алексей Грибанов (деревня Периковы) распространял учение Капитона, что было подтверждено показаниями семьи Перфильевых-Неусыпаевых, арестованной в деревне Заречной.

Распространение капитоновщины в Костромском и отчасти Ярославском краях имело свои особенности. Во-первых, здесь был более строгий надзор за настроениями паствы. В Костромском уезде его осуществлял Ипатьевский и Богоявленский монастыри, игумены которых получили от царя прямые указания на этот счет.

В Ярославском уезде этим также занимались некоторые монастыри²⁰. Во-вторых, в окрестностях Костромы и Ярославля наблюдались лишь отдельные случаи капитонствования, тогда как север уездов представлял собой район с высокой концентрацией старообрядческих общин²¹. Это не могло не сказаться на социальном составе общин. Если на юге они состояли главным образом из посадских людей и части низшего духовенства, то на севере – из крестьян и приходских священников. Север Костромского уезда и связанные с ним районы вологодских и ярославских земель стали местом распространения самоубийств старообрядцев²².

Пассивный тип протеста, характерный для этого региона, выразился, в частности, в анонимном подметном письме, прибитом в марте 1666 г. на главных проезжих воротах Костромы. Написал его местный житель: на это указывала осведомленность анонимного автора относительно некоторых деталей, которые могли быть известны только костромичу. На мысль о принадлежности автора к капитонам наводило тщательно завуалированное под обличие «неправды» утверждение о принадлежности игумена Богоявленского монастыря Герасима к «слугам антихристовым»: оно полностью совпадало со взглядами вязниковских старцев. Власти приписали авторство письма костромским капитонам или сбежавшим от «расправы» вязниковским пустынникам²³.

Первый сыск в Костроме был проведен еще до марта 1666 г., возглавлял его костромской воевода З.В. Волков. Во время сыска был схвачен живший в погосте церкви Николая Чудотворца села Нефедова, в Плаксином стане, бобыль Исачко Андроников. Поскольку он не являлся лицом духовного звания, его заключили в городскую тюрьму.

Второй сыск был проведен в апреле–мае 1666 г., он явился реакцией на подметное письмо. Во главе сыска стоял стрелецкий голова Ф. Александров. Однако священники близлежащих к Костроме сел убедили его в благонадежности своей паствы. Стрелецким командам, действовавшим в окрестностях Костромы, не удалось обнаружить общину капитонов, ничем закончились и попытки установить автора письма.

Судя по итогам сысков, костромские общины капитонов были слабы и раздроблены. Уже в конце XVII в. сведения о них из источников исчезают. Далее общины в северных и прилегающих к ним северо-восточных районах Ярославщины развивались самостоятельно²⁴. В них шел процесс распада капитоновщины на отдельные учения.

В Нижегородском уезде капитонствующих общин было немного. Приблизительно с 50-х годов XVII в. уезд попал в сферу дей-

ствия вязниковских старцев. На территории уезда активно действовали как вязниковские, так и местные проповедники капитоновщины. Здесь не существовало собственного центра старообрядцев-капитонов. Более того, имеющиеся в Нижегородском уезде староверческие пустыни последователей Аввакума и Досифея полностью контролировали этот регион²⁵. Поэтому здесь староверие быстро распалось на отдельные течения²⁶.

Сыски были проведены и в Нижегородском уезде. Сыск 1664 г. охватил небольшую территорию. Повторный сыск 1664 г. был проведен нижегородским воеводой А. Лопухиным в районе Козлецких болот.

Капитон не оставил единого, приемлемого для всех учения, что предопределило его быстрый распад на отдельные течения. Уже в самих вязниковских общинах учение разделилось на две части: «старообрядческую» (адаптированную к староверию) и «сектантскую». Наиболее широко капитоновщина распространилась в нескольких уездах Центральной России: Владимирском, Гороховецком, Костромском, Вологодском, Кинешемском. В меньшей степени – в Новгородском, Псковском, Нижегородском, Московском и Ярославском уездах.

Социальный состав этого антицерковного движения был относительно однороден – в целом оно было крестьянским. В то же время в нем участвовали монашеские, часть мелкого и среднего сельского (реже городского) духовенства, а в отдельных случаях – посадские.

До середины XVII в. капитоновщина быстро охватывала все новые и новые районы. Смерть Капитона совпала с пиком популярности учения (1650–1664 гг.).

После смерти Капитона созданные им капитонствующие общины остались один на один со своими противниками. Наиболее известными из них были владимирские и суздальские общины²⁷. Центром формирования наиболее радикальных из них была Ярополченская волость Владимирского уезда. Социальный состав общин был относительно однороден: низшее духовенство, дворцовые крестьяне, монашеские, посадские люди. Одновременно с капитоновщиной область находилась под влиянием канонического староверия, центром которого оставался Вязниковский Благовещенский монастырь.

В последующие годы активные правительственные сыски частично ликвидировали главные капитонствующие общины. Движение распалось, утратило массовость и постепенно исчезло.

- 1 *Paert I.* Old Believers, Religious Dissent and Gender in Russia, 1760–1850. Manchester, 2003; *Таранец С.В.* Куреневское тримонастырье: история русского старообрядческого центра в Украине (1675–1935 гг.). Киев, 1999; *Таранец С.В.* Джерела з өсторөї старообрядства Правобережної України көнца XVIII – початку XX столыття. Київ, 2007; *Старухин Н.А.* Раскол русской православной церкви XVII в. Новосибирск, 2006; и др.
- 2 *Бородкин А.В., Витушкин К.В., Прокофьева Н.В.* Старообрядцы Верхневолжья: прошлое, настоящее и будущее. Ярославль, 2008; *Наградов И.С.* Старообрядческий мир Костромской губернии. Кострома, 2008.
- 3 Житие инокa Корнилия // Рассказы по истории старообрядчества. СПб., 1861; Третье окружное послание Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского // Православный собеседник. 1855. Кн. 1. С. 3.
- 4 Третье окружное послание Игнатия... С. 96–99; *Журавлев А.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. М., 1890. С. 83.
- 5 *Шульгин В.С.* «Капитоновщина» и ее место в расколе // История СССР. 1969. № 4. С. 130–131.
- 6 *Титов А.* Калясниковский синодик. М., 1895. С. 41–43.
- 7 *Преображенский А.А.* Неизвестный автограф сибирского летописца Саввы Есипова // Советские архивы. 1983. № 2. С. 63–65.
- 8 *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России. М., 1965. С. 41–43.
- 9 *Румянцева В.С.* Народные антицерковные движения в России в XVII в. М., 1986.
- 10 *Денисов С.* Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие. М., 1906. С. 46.
- 11 *Румянцева В.С.* Указ. соч. С. 79.
- 12 Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Фонд редких книг. Оп. 1. Д. 1406; Д. 1442; Д. 1435.
- 13 *Пытин А.И.* Сводный старообрядческий синодик. СПб., 1883; ГАЯО. Фонд редких книг. Оп.1. Д. 1434. Л. 8.
- 14 Цит. по: *Румянцева В.С.* Указ. соч. С. 79.
- 15 *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе XVII века. СПб., 1898. С. 35.
- 16 Там же. С. 35.
- 17 *Румянцева В.С.* Указ. соч. С. 147.
- 18 *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества // Летопись занятий императорской Археографической комиссии за 1911 год. СПб., 1912. С. 239.
- 19 *Румянцева В.С.* Сыскное дело Тайного приказа о вологодских капитонах // История СССР. 1978. № 2. С. 170–180.
- 20 Ярославские губернские ведомости. 1890. № 12; Ярославский историко-архивный музей-заповедник (ЯИИМЗ). Ф. 7. Д. 52231; *Виденеева А.Е.* Содержание

Общины старообрядцев-капитонов в Центральной России...

- старообрядцев в монастырях Ростовской епархии // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 4. М., 1995. С. 22.
- 21 *Дмитриевский В.* Раскол старообрядчества в Ростово-Ярославском крае. Ярославль, 1909. С. 74–81.
- 22 *Зеньковский С.* Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. М., 1995. С. 381–383.
- 23 *Румянцева В.С.* Указ. соч. С. 147–149; *Диев М.Я.* Капитон – расколоучитель XVII века в Ярославской и Костромской губерниях // Ярославские губернские ведомости. 1890. № 12; *Романовский С.* Состояние раскола и сектантства в Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. 1904. № 6; *Грандильевский Л.* Противоцерковное раскольническое движение в Костроме // Костромские епархиальные ведомости. 1904. № 16.
- 24 *Некрасов А.А.* Старец Капитон Даниловский: К вопросу о начале церковного раскола XVII в. в Ярославском крае // Минувших дней связующая нить. Ярославль, 1995. С. 79–82.
- 25 *Шашков А.Т.* Пошехонский дворянин-старовер Ф.Я. Токмачев и споры конца XVII века вокруг еретических писем протопопа Аввакума // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 105–112.
- 26 *Сироткин С.В.* «Раскольничья прелесть» в Арзамасском уезде в 70-е гг. XVII в. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 262.
- 27 *Румянцева В.С.* Указ. соч. С. 147–170.

В.Ф. Блохин

«ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
(XIX – начало XX в.)

В статье рассматриваются проблемы истории создания «Губернских ведомостей», анализируется степень их влияния на происходившие в стране процессы. Созданные самим правительством, эти средства печати в советской исторической науке вплоть до 1990-х годов не находили объективной оценки. Статья содержит анализ различных, в том числе и современных, подходов к этим изданиям. Автор на конкретных примерах доказывает, что «Губернские ведомости» в своих и лучших, и худших образцах послужили прототипом новых форм частной провинциальной печати XIX в.

Ключевые слова: «Губернские ведомости», официальная пресса, история повседневности, просветительство, цензура.

«Мертворожденные детища губернских правлений» – это определение «Губернских ведомостей», данное писателем и публицистом «Современника» В.А. Слепцовым, стало хрестоматийным. Десятки раз воспроизводилось оно в исследованиях по отечественной истории и журналистике, прочно вошло в энциклопедические статьи¹.

Рождались «Губернские ведомости» в недрах николаевского Министерства внутренних дел. В соответствии с высочайше утвержденным «Положением» об их издании от 27 октября 1830 г. они начали выходить в России с января 1831 г. Из указа Правительствующего сената от 9 декабря 1831 г. следует, что император «повелеть изволил» начать печатать в виде эксперимента «Ведомости» только в шести губерниях: Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской, указав, что если опыт окажется удачным, его следует постепенно распространять и в других губерниях.

© Блохин В.Ф., 2009

«Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.)

Постепенность в деле создания правительственных органов печати объясняется не только определенными опасениями идеологического свойства, но и элементарной невозможностью быстрого налаживания такого сложного дела с технической точки зрения. Николай I распорядился печатать «Ведомости» по возможности на лучшей бумаге и хорошим шрифтом, но в большинстве губерний типографии отличались «недостаточным их состоянием» и требовалось срочное вмешательство Государственного казначейства. Министерство внутренних дел предложило губернаторам «обратить особое внимание на типографию, при губернском правлении состоящую, и принять все зависящие меры, дабы с наступлением того срока не встретилось никакой остановки к их печатанию»².

С 3 июня 1837 г. издание «Губернских ведомостей» стало обязательным при каждом губернском правлении, и с 1 января 1838 г. они уже выходили в 42 губерниях России. Надзор за их деятельностью превратился в неотъемлемую часть работы полицейских правлений на всей территории страны. С 1830 по 1905 г. в «Полное собрание законов Российской империи» вошло более тридцати законов, регулирующих издание местных официальных органов печати³. С момента зарождения «Губернских ведомостей» предусматривалось наличие в них двух отделов: 1) общего, статьи которого содержали общегосударственные распоряжения, и 2) местного, со сведениями о положении дел в губернии. Вторая часть (до 19 мая 1845 г. называлась «Прибавления к губернским ведомостям») в свою очередь делилась на две – официальную и неофициальную, которые раздельно печатались с особой нумерацией страниц и раздельно рассылались. Вместе они печатались лишь в виде исключения.

Так с 1838 г. за провинцией, по словам историка-публициста Б.Б. Глинского, будущего редактора «Исторического вестника», «официально было признано право иметь свою собственную печать»⁴.

Со второй половины 1850-х годов в столичных журналах появились первые обзоры «Губернских ведомостей», главным образом посвященные их историческим и статистическим отделам⁵. Журналист и экономист А.Н. Егунов, являвшийся автором нескольких подобных публикаций, высказывал твердое убеждение в том, что программа неофициальной части «Губернских ведомостей» чрезвычайно широка и позволяет им делать постоянные вклады в «сокровищницу науки»⁶. Автор обзоров, профессионально занимавшийся проблемами статистики и экономики, отмечал, что статистические материалы, помещавшиеся в «Губернских ведомостях», зачастую являлись единственно достоверной информацией

из различных отдаленных мест. Сведения же, полученные официальным путем, очень часто подвергались намеренному искажению или утаиванию местной администрацией для того, чтобы не выставлять себя в неприглядном свете.

Однако в других газетно-журнальных обзорах этого периода «Губернские ведомости» критиковались за «спорадическое» помещение в них материалов исторического, этнографического, статистического содержания. Отмечалось, что большая часть «Ведомостей» наполняется или перепечатками из разных изданий, или вообще не имеет так называемой «неофициальной» части. Вместо нее помещались лишь сведения о приехавших и отъехавших⁷. В виде положительного исключения назывались «детища» владимирского, пермского, вятского, костромского, олонцкого и астраханского губернских правлений. Уже в это время прозвучал вывод, сохранявший актуальность на протяжении всего периода существования этого вида казенной печати: занимательность, интерес и вообще успех «Губернских ведомостей» чаще всего зависел от одного энергичного и бескорыстно преданного своему делу человека – их редактора. Причина бесцветности большей части губернской прессы, по мнению ее современников, заключалась «в недостатке денежных средств, которые бы могли привлечь к участию в труде дельных и умных сотрудников»⁸. Действительно, авторы статей только в виде очень редкого исключения получали за них в качестве гонорара не отписки опубликованных материалов, а денежное вознаграждение.

Вскоре выявились и другие недостатки казенной провинциальной печати. Интерес автора библиографического обзора литературы по «отечествоведению» за 1859–1868 гг. вызвали публикации архангельских, бессарабских, олонцких, пермских, таврических, терских, харьковских и ярославских «Губернских ведомостей». В то же время в обзоре содержался вывод о том, что подобные издания других губерний следовало бы передать в аренду частным лицам «с предоставлением им, на первое время, известных льгот и вспоможений»⁹. Относительно небольшой список «Ведомостей», отличавшихся обилием интересной исторической и статистической информации в течение всего десятилетнего периода, свидетельствовал о нестабильности такого рода изданий, об их зависимости от различного рода обстоятельств объективного и субъективного характера. Подводя итог первым опубликованным обзорам губернской печати, следует отдать должное их авторам, стремившимся более или менее объективно оценить положительные и отрицательные черты этих специфических печатных органов.

«Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.)

Иное впечатление оставляет статья Слепцова в некрасовском журнале «Современник».

В ноябре 1865 г. на заседании Совета Главного управления по делам печати обсуждалось «отношение» Петербургского цензурного комитета от 5 ноября 1865 г. о литературном и политическом направлении этого журнала. Наряду со статьей «Записки современника» рассматривались еще три «предосудительные» публикации, появившиеся в сентябре 1865 г. Среди них был и обзор Слепцова «Русская литература. Губернская пресса». Итогом обсуждения стало первое предостережение, выданное министром внутренних дел «Современнику». В официальном уведомлении на этот счет статья Слепцова не упоминалась, но ее содержание послужило одним из поводов к суровым правительственным мерам.

В статье «Современника» о положении печати в провинции революционно-демократический взгляд на местную прессу того времени отличался неприкрытой суровостью. Автор с иронией отмечал, что при внимательном изучении губернской литературы в ней проявляется «неоцененное качество»: «Качество это свойственно всем провинциальным газетам вообще и состоит в том, что они всегда очень верно воспроизводят ту среду, которая питает и греет их; можно сказать даже, что они и не могут дурно воспроизводить ее, если бы даже хотели»¹⁰. Он обвинял губернные газеты в том, что они «высказывают постоянное желание изображать вещи совершенно не в том виде, в каком они есть», что «нитки, которыми сшиваются произведения губернских публицистов, до такой степени всем знакомы, что даже человек, никогда не служивший в провинции, сразу может заметить, что это нитки из губернского правления». Намек на казенное происхождение «Губернских ведомостей» переходил в вывод о том, что «потому-то этих произведений никто не читает»¹¹.

Взгляд на губернскую официальную прессу, содержащийся в статье «Современника», позднее разделили историки отечественной печати. «Почему так часто вспоминает Слепцов именно эту газету?» («Олонецкие губернские ведомости». – В. Б.) – задается вопросом автор комментариев к статье в многотомном издании Академии наук СССР «Литературное наследство», и сам находит ответ: «Потому что в ней наглядней всего раскрывался лицемерный характер правительственной политики, правительственного законодательства»¹². И еще: «Слепцов дает ясно понять, что *не русское общество, не народ*, а начальники губерний фактически получили право на эту “гласность” и воспользовались ею для публикации в “независимой” прессе своих распоряжений, указов, для “оглашения своих предначертаний”»¹³.

С момента активизации внимания советских исследователей к проблемам провинциальной прессы изучение ее осуществлялось в соответствии с принципами так называемого ленинского учения о классовом характере печати, вытекающего из ленинской же периодизации освободительного движения в России. Утверждалось, что становление и распространение русской провинциальной периодики неразрывно связаны с разночинским, или буржуазно-демократическим, этапом освободительной борьбы, который являлся подготовительным для перехода к этапу пролетарскому. Приоритетными были исследования тех органов печати, которые придерживались революционно-демократических взглядов, поскольку именно эти издания рассматривались как предтеча «печати пролетарской» (термин, обязанный своим происхождением В.И. Ленину).

Очевидно, что в общую концепцию развития газетной периодики совершенно не вписывались казенные «Губернские ведомости». Поэтому не выглядит преувеличенным утверждение М.П. Мохначевой о том, что целые поколения исследователей тиражировали вывод авторитетных ученых Н.М. Лисовского и С.А. Венгерова об отстраненности «Губернских ведомостей» от общественно-политической борьбы¹⁴. Причем если авторы историко-библиографического пособия начала XX в.¹⁵ отдавали должное высокой информативности неофициальной части этих изданий, то их продолжатели зачастую не обращали внимание на это обстоятельство.

Неофициальная часть «Губернских ведомостей» не рассматривалась в качестве естественного предшественника частной периодики и изучалась обособленно исключительно в качестве исторического источника по изучению российской провинции¹⁶. Более того, на основе фактов отклонения со стороны местной администрации просьб об изданиях частных органов печати утверждалось, что «Ведомости» стали «своего рода преградой на пути периферийных частных газет как более сильные конкуренты, поддерживаемые правительством»¹⁷.

Идеологические установки исключали в советских исследованиях пореформенной России признание эволюционного пути развития, замалчивались попытки со стороны самих революционеров-демократов «примирения» с действительностью, а в качестве приоритетных сохранялись их взгляды, связанные только с радикальными и революционными мерами. По мнению советских исследователей истории провинциальной периодической печати, внимание революционеров-демократов к ней было обусловлено исключительно «поиском средств, расширяющих сферу идеологического воздействия на все слои русского общества»¹⁸.

«Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.)

Совершенно очевидно, что обнаружить такие средства в «Губернских ведомостях» не удавалось. Поэтому вслед за «прогрессивными публицистами» советских исследователей интересовали в этих «официально-монархических» изданиях главным образом те публикации, которые «рассказывали о бунтах и волнениях», об угнетении крестьян.

Однако такого рода материалы если и присутствовали в «Губернских ведомостях», то в весьма ограниченном количестве. В итоге «самое большее, чего удавалось эти издания в научных исследованиях – констатации их существования и, как правило, негативной оценки»¹⁹. Например: «До конца дней своих эти издания так и остались сухими казенными листками»²⁰. Или более осторожно: «Однако в материалах губернских ведомостей при критическом их переосмыслении можно извлечь много сведений о положении народных масс, первых проблесках народного протеста, факты политического и социально-экономического значения»²¹.

Между тем документы канцелярии губернатора, губернского правления, статистического комитета, губернского по крестьянским делам присутствия, казенной палаты, журналы дум и земских собраний, протоколы и отчеты разных общественных организаций, которыми главным образом насыщались неофициальные разделы «Ведомостей», традиционно вызывают наибольший интерес у исследователей, работающих с фондами местных архивов. Это понятно: фонды губернских присутственных мест в силу разных обстоятельств дошли до современных историков далеко не в полном объеме, и пробел этот вполне могут восполнить материалы, сохранившиеся на страницах «мертворожденных детищ губернских правлений».

Утверждая, что «Губернские ведомости» «сохранили на своих страницах ценнейшие материалы, сообщенные местными собирателями и бытописателями, тем более ценные, что частью имели уникальный характер»²², отмечая многогранность этого исторического источника, историки и журналисты в обязательном порядке ссылались на его недостатки идейного свойства: «Являясь официальным органом власти, они освещали события весьма односторонне, с позиций господствующего класса, часто тенденциозно замалчивая одно и выпячивая другое»²³. «Губернские ведомости» оценивались без учета рамок, установленных в отношении их издательской программы. Не учитывалось и то обстоятельство, что при жесткой заданности и однообразии структуры этого органа печати, «усыпляющей» внимание исследователя, система запретов для многих губернских изданий превращалась в стимул к поиску новых форм подачи материала. За видимым однообразием таились ростки провинциальной общественно-политической печати.

Таким образом, в изучении губернской прессы довольно четко обозначились два взаимоисключающих подхода: одни исследователи не всегда исходили из того, что «Ведомости» являлись официальным органом губернской власти, для других же, руководствующихся предуготовленными политическими антипатиями, наоборот, это обстоятельство выступало в качестве оценочно-определяющего. Однако и первые, и вторые признавали то, что на страницах «Губернских ведомостей» находили отражение правительственная политика, уровень развития в конкретной губернии промышленности и сельского хозяйства, общественной и культурной жизни. Наконец, отмечалось, что эти издания являлись важнейшим источником для изучения истории того или иного края²⁴.

Новый подход к изучению «Губернских ведомостей» как в исторической науке, так и в истории журналистики зародился в конце 1960-х годов, но в полной мере он утвердился в середине 1990-х годов²⁵. Они со всеми своими достоинствами и недостатками стали восприниматься тем, чем являлись на определенном этапе: практически единственным информационным источником для по крайней мере двух поколений провинциальных жителей России, приучающим население к регулярному знакомству с местными новостями. Так, на огромной территории Сибири появившиеся только в 1857 г. «Ведомости» в Тобольске, Томске, Красноярске и Иркутске были первыми и единственными органами печати, имевшими, естественно, огромное общественное значение²⁶. Хотя первый номер «Тобольских губернских ведомостей» содержал лишь одну самостоятельную статью – рецепт изготовления чернил. А «Томские губернские ведомости» на протяжении всего 1857 г. в своей неофициальной части не опубликовали ни одного самостоятельного литературного материала²⁷. Зато в «Иркутских губернских ведомостях» с момента выхода их первого номера неофициальная часть «чуть ли не в два раза превосходила по объему официальную, и начиналась она не с традиционной суховатой передовой статьи, а с бойкого и живого фельетона»²⁸.

Редакторы неофициальной части учились тому, чтобы находить новости там, где по прежним представлениям их не было: не каждый день в тихом захолустном городке происходило что-то особенное. Если в 1840–1850-е годы в этой части в основном помещались различного рода «любопытные материалы», то в пореформенный период тематика значительно расширилась. В «Губернских ведомостях» печатались материалы о повседневной жизни как страны в целом, так и конкретной губернии. Причем их подъем и упадок был связан с политической ситуацией в империи. «Оживлять “Губернские ведомости!”» – этот призыв начиная с середины

«Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.)

1850-х годов раздавался чуть ли не по всей России. Его можно было услышать «кое-где изредка» и в начале 1890-х годов, но теперь в нем не было «той живости» и произносился он «большую частью полуиронически»²⁹.

Министерство внутренних дел, осуществлявшее общее руководство губернскими официальными газетами, преследовало как назревшие цели информирования населения, так и задачи более отдаленной перспективы: приучения «к гласности в стране молчания и немоты» (по образному высказыванию А.И. Герцена)³⁰. Иными словами, стремилось обеспечить путем популяризации поддержку со стороны провинциальных подданных правительственных решений, сообщая факты, «оправдывающие действия правительства по той или другой отрасли управления»³¹, а также оказывать воздействие властей на население конкретного края в просветительско-религиозном духе, «знакомя его с лучшими порядками в жизни, рассказывая ему обо всем, чем можно содействовать к улучшению его быта, хозяйства и благосостояния»³².

Помимо исторических, этнографических и статистических сведений редакции проявляли устойчивый интерес к проблемам просвещения (в том числе сельской школе и женскому образованию), к деятельности библиотек и развитию библиотечного дела в провинции, социальному призрению, медицинским и агрономическим сведениям, что было особенно важно в условиях ограниченного количества квалифицированных специалистов. Просветительский характер этих изданий предопределил сотрудничество в них местных ученых, писателей, публицистов, зачастую придерживавшихся различных политических взглядов.

Губернскому органу печати не только требовались свои талантливые авторы, которые могли бы успешно в духе времени обновлять содержание газеты в условиях жестких требований власти, но в не меньшей степени он нуждался и в своем собственном читателе. Как это ни парадоксально, но и сама читающая публика, «смирняющаяся так похвально перед столичной гласностью», пока никак не могла и не хотела принимать «свою *местную* гласность»³³. Те, кто выбирал «Ведомости» для своего чтения (например, купцы, крестьяне, народные библиотеки-читальни, различные общества и собрания), вовсе не рассчитывал обнаружить в них статьи обличительного характера и критического настроения, для чего как раз и существовала, по мнению многих, печать столичная. То, что уже воспринималось как вполне естественное в московских и петербургских газетах и журналах, настораживало в местных изданиях.

В губернскую администрацию летели письма с требованием запретить такого рода публикации. Причем главным аргументом

выступало то, что тот или иной местный «писака» не должен «сметь рассуждать» на подобные темы. Газета «Губернские ведомости» для провинциальной публики – «представительница особого *услужливого* рода литературы, который обязан петь панегирики своим милым согражданам»³⁴, – с грустью констатировал автор статьи в «Воронежских ведомостях». Вторили ему «Рязанские губернские ведомости»: «Независимо от программы местные преубеждения каждый раз поднимают бурю против всякого личного, самостоятельного мнения редакции»³⁵.

Проблема, наиболее остро вставшая позднее перед частной провинциальной печатью, уже в 1860-х годах коснулась и «Губернских ведомостей»: наказания за критику в адрес местных чиновников. На основании обвинений в «оскорблении общества» и отдельных лиц, в несоответствии «тону официальной газеты» цензором по своему усмотрению осуществлялась правка подготовленных материалов, разбирался набор неодобренных статей. Результатом являлось оскудение печатных материалов и уменьшение количества подписчиков. «И не знаешь... как сделать так, чтобы никого не обидеть, никого не раздражить, чтобы все оставались тобою довольны и не считали тебя личным врагом своим», – делился своими трудностями редактор неофициальной части губернской газеты³⁶.

Цензурный карандаш местного чиновника трудился не только над жизненно-современными статьями, но и над материалами, казалось бы, весьма нейтральными. Например, этнографическими. Так, во времена печально знаменитого «Комитета 2-го апреля 1848 г.» три специальных чиновника регулярно подавали сведения о содержании губернской прессы, и преследованиям подвергались публикации фольклорных записей обрядов, народных песен, пословиц и поговорок, загадок. Выводы комитета сводились к тому, что едва ли следует допускать без разбора, и тем более в «Губернских ведомостях», всего, что сохранилось в изустном предании, в особенности же если этим «нарушаются добрые нравы и может быть дан повод к легкомысленному или превратному суждению о предметах священных»³⁷. После закрытия комитета в 1855 г. цензурный надзор за подобного рода материалами был значительно смягчен, однако основанные на местном материале публикации о различных «суевериях и предрассудках», о расколе, давно допускаемые в столичной печати, по-прежнему преследовались местной цензурой. Причина была банальной: «А ну как скажут: как же вы за *этим* не смотрите, не уничтожаете *этого*? В других местностях *этого* нет, а у *вас* есть!..»³⁸

В 1870–1880-е годы стала очевидной бесперспективность дальнейшего существования в прежнем виде «Губернских ведомостей».

«Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.)

К концу 1870-х годов в различных губерниях и областях их вышло 76³⁹. Положение этих органов печати существенно изменилось: частные издания превратились в большинстве мест в сильных конкурентов. Все громче и чаще говорилось о том, что «Губернские ведомости» и типографии должны перейти в частные руки на арендных условиях, а редактирование их неофициальной части следует передать из канцелярий губернаторов в губернские статистические комитеты (что уже в некоторых местах осуществлялось), которые, в свою очередь, сделать независимыми от этих канцелярий.

Большинство «Губернских ведомостей» просуществовало до 1917 г., чаще всего влача жалкое существование. Однако несомненным является то, что они как в лучших, так и в худших своих образцах послужили прототипом новых форм губернской периодики. Говоря словами самих «Губернских ведомостей», «нужно слишком предвзято и недобросовестно рассуждать, чтобы не видеть в целой обширной группе русских губернских ведомостей честных, усиленно работающих на пользу общества органов печати, чтобы не признавать самый принцип учреждения этих органов чрезвычайно желательным и симпатичным; выделять, изгонять губернские ведомости из общей семьи русской печати – просто бесчестно»⁴⁰.

Примечания

- 1 См., напр.: Большая советская энциклопедия. Т. 13. М., 1952. С. 167.
- 2 Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей»: Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Воронеж, 1888. С. 16.
- 3 Дейч Г.М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. IX. С. 251.
- 4 Глинский Б.Б. Русская периодическая печать в провинции // Исторический вестник. 1898. Январь. С. 302.
- 5 См.: Русский вестник. 1856. Т. I. С. 222; Русский вестник. 1856. Т. II. С. 51–132; Русский вестник. 1856. Т. III. С. 129; Отечественные записки. 1856. Октябрь. С. 137–148; Отечественные записки. 1856. Ноябрь. С. 25–38; Отечественные записки. 1857. Ноябрь. С. 25–44.
- 6 Отечественные записки. 1857. Ноябрь. С. 44.
- 7 Там же.
- 8 Межов В.И. Краткий систематический и библиографический обзор литературы русского отечествоведения за 1859–1868 гг. СПб., 1870. С. 13.
- 9 Там же. С. 14.
- 10 Современное обозрение. Русская литература. Губернская пресса // Современник. 1865. Сентябрь. С. 42.
- 11 Там же.

- 12 Василий Слепцов: Неизвестные страницы // Литературное наследство. М., 1963. Т. 71. С. 349.
- 13 Там же.
- 14 *Мохначева М.П.* «История или известование»? (Губернские ведомости в контексте источниковедения историографии 30–70-х гг. XIX в.) // Журналистика и историческая наука. Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1999. С. 15.
- 15 См.: *Лисовский Н.М.* Периодическая печать в России 1703–1903: Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий с диаграммами // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати, 1703–1903. СПб., 1903; *Венгеров С.А.* Ежедневная печать конца дореформенной эпохи // Там же.
- 16 См., напр.: *Улащик Н.Н.* Минские губернские ведомости как исторический источник // Проблемы источниковедения. Т. 7. М., 1959; *Бурмистрова Л.П.* Губернские ведомости как исторический источник эпохи падения крепостного права (по материалам Поволжья и Урала). Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1868; *Иванов А.Н.* «Ярославские губернские ведомости» // В помощь краеведческой работе библиотек. Ярославль, 1971. С. 19–21; *Кустов В.А.* Газета «Пермские губернские ведомости», 1838–1917: Краеведческий очерк // Язык и ономастика Прикамья. Пермь, 1973; *Чмыхало Б.А.* К истории становления печати Енисейской губернии // Из истории литературы Сибири. Вып. 1. Красноярск, 1976. С. 45–49; *Дейч Г.М.* Указ. соч. С. 236–253; *Воронина Ф.Н.* Первая губернская газета (из истории нижегородской печати) // Записки краеведов. Горький, 1981. С. 74–81; *Александрова Н.Н.* Становление первой государственной газеты в Сибири («Тобольские губернские ведомости» в 1857–1861 гг.) // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1998. № 1. С. 102–112; № 2. С. 103–112.
- 17 *Станько А.И.* Русские газеты первой половины XIX века. Ростов-н/Д, 1969. С. 25.
- 18 См.: *Ковалева М.М.* Русская провинциальная печать в оценке журнала революционной демократии «Современник» // Становление и развитие местной печати России. Воронеж, 1985. С. 29.
- 19 См.: *Витухновская М.А.* Из истории российской провинциальной печати. (Олонецкие губернские ведомости в конце XIX в.) // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. М.; СПб., 1992. С. 103.
- 20 *Есин Б.И.* Краткий очерк развития газетного дела в России XVIII–XIX вв. М., 1967. С. 47.
- 21 *Чекурин Л.В.* Отражение общественного движения на страницах «Рязанских губернских ведомостей» // Общественное движение в центральных губерниях России во второй половине XIX – начале XX в. Рязань, 1984. С. 88.
- 22 *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М., 1963. Т. II. С. 215.
- 23 *Дейч Г.М.* Указ. соч. С. 236.
- 24 Там же.

«Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.)

- 25 *Станько А.И.* Указ. соч.; *Булацев Х.С.* Пионеры провинциальной печати: (Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в.). Л., 1981; *Бурмистрова Л.П.* Провинциальная газета в эпоху русских просветителей: Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840–1850 гг. Казань, 1985; *Вахрушев А.А.* Становление и развитие печати Вятской губернии (XIX – начало XX века). Ижевск, 1994; *Мохначева М.П.* Указ. соч. С. 12–89; *Ахмадуллин Е.В.* Правительственная печать России (конец XIX в. – февраль 1917 г.). Ростов-н/Д, 2000; *Лучинский Ю.В.* «Провинциальные братья»: кубанская модель губернских ведомостей // Журналистика: историко-литературный контекст. Вып. 2. Краснодар, 2003. С. 9–21; *Мандрика Ю.Л.* Неофициальная часть «Тобольских губернских ведомостей»: Поиск жанра // Коммуникация в современном мире. Воронеж, 2004. С. 40–45; *Лепилкина О.И.* Губернские ведомости как тип издания XIX века // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 41. Ставрополь, 2005. С. 175–183.
- 26 См. подробнее: *Александрова Н.Н.* Указ. соч. С. 103.
- 27 См.: *Головачев П.* Прошлое и настоящее сибирской печати // Восточное обозрение. 1903. № 17. 21 января.
- 28 *Любимов Л.С.* История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 39.
- 29 *Короленко В.Г.* Из истории областной печати // Сборник в память Александра Серафимовича Гациского. Нижний Новгород, 1897. С. 10.
- 30 См.: *Герцен А.И.* Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., 1975. С. 296. А.И. Герцен сам сотрудничал в «Вятских губернских ведомостях» и фактически редактировал неофициальную часть «Владимирских губернских ведомостей» после переезда во Владимир.
- 31 *Василев И.И.* Пензенские губернские ведомости: Первое пятидесятилетие, 1839–1887. Отдел неофициальный. Пенза, 1889. С. XVIII.
- 32 *Скрипичин В.А.* Саратовские губернские ведомости: Часть неофициальная, 1838–1894. Саратов, 1895. С. 18.
- 33 См.: Воронежские губернские ведомости. 1862. № 10.
- 34 Воронежские губернские ведомости. 1862. № 20.
- 35 Рязанские губернские ведомости. 1862. № 46.
- 36 Воронежские губернские ведомости. 1862. № 10.
- 37 Цит. по: *Блюм А.В.* Фольклорно-этнографические материалы «Губернских ведомостей» в оценке царской цензуры (по документам «Комитета 2-го апреля 1848 г.») // Советская этнография. 1971. Январь–февраль. С. 112.
- 38 Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». С. 177.
- 39 *Мохначева М.П.* Указ. соч. С. 30.
- 40 Новое слово. 1896. № 12. С. 162.

Н.Г. Кулинич

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ*
(вторая половина XIX – первая треть XX в.)

В статье рассматриваются особенности формирования городского населения Дальнего Востока России, освоение территории которого осуществлялось властью по колонизаторскому типу. Рост горожан обеспечивался за счет различных форм переселения из центральных районов страны. Расходуя на это значительные средства, государство не создавало условий для приживаемости переселенцев. Отсутствие жилья, плохое снабжение, нехватка учреждений культуры и здравоохранения стали главными причинами массовой возвратной миграции. Поэтому основной контингент населения дальневосточных городов составляли «временные жители», не заинтересованные в кардинальном улучшении сложившихся здесь условий жизни.

Ключевые слова: Дальний Восток России, города, городское население, переселение, возвратная миграция.

Одной из важнейших особенностей развития Дальнего Востока во второй половине XIX–XX в. стал быстрый рост городов и городского населения. Образование первых дальневосточных городов диктовалось исключительно государственными и, в первую очередь, геополитическими задачами: необходимостью укрепить позиции России на столь отдаленной от центра территории. Поэтому их возникновение и дальнейшее развитие отличалось от аналогичных процессов в европейской части страны.

Первые городские поселения, создававшиеся как военно-административные центры, появились на Дальнем Востоке еще в XVII в. – Нерчинск и Сретенск. В XVIII в. к списку дальневосточных городов добавились Охотск, Петропавловск-Камчатский

© Кулинич Н.Г., 2009

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-88102 а/Т.

и Петровск-Забайкальский. Однако до середины XIX в. городское население оставалось малочисленным – всего 27,6 тыс., что составляло менее 1% жителей.

Массовое градостроительство в регионе началось во второй половине XIX в., когда были образованы Николаевск-на-Амуре, Чита, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Никольск-Уссурийский. В связи с ускоренным (в сравнении с сельским хозяйством) развитием промышленности, транспорта и торговли городское население региона росло быстрее, чем сельское. По данным переписи 1897 г., здесь было 10 официально утвержденных городов с населением 103,3 тыс. человек.

Таким образом, за 50 лет численность горожан увеличилась почти в 4 раза. Их удельный вес в составе всего населения региона вырос с 1 до 12,7%¹. В этот период Дальний Восток был наиболее активно осваиваемым регионом страны. Увеличение численности его населения шло за счет миграционных процессов, только в определенной степени регулируемых властью. В 1863–1897 гг. неместные уроженцы составили 67,7% к общему приросту населения². Изменявшиеся в течение времени приоритеты государственных интересов и переселенческие потоки предопределили крайнюю неравномерность городского развития. Самым крупным на тот момент городом был Благовещенск – 32 834 жителей, так как основная масса переселенцев в 1860–1880-е годы прибывала на Дальний Восток, сплаваясь из Забайкалья по Амуру, и оседала в Амурской области. Далее шли Владивосток – 28 933 жителей, Хабаровск – 14 971, Чита – 11 522³.

Самый быстрый рост дальневосточных городов пришелся на следующее десятилетие. К 1917 г. в Амурской, Приморской и Забайкальской областях городское население увеличилось в 3,8 раза, а сельское – лишь в 1,7. К этому времени горожане составляли более четверти всех дальневосточников. Установление регулярной морской связи с европейской частью России и строительство Транссибирской железной дороги предопределили ускоренное заселение Приморья, ставшего в этот период наиболее урбанизированной территорией Дальнего Востока. По отношению ко всему населению Приморской области горожане в 1917 г. составляли 33%, Амурской – 20,2%, Забайкальской – 15,7%⁴. Самым крупным городом стал город-порт Владивосток (103,2 тыс.), имевший большое значение для России в период Русско-японской и Первой мировой войн.

При проведении земледельческой колонизации власть учитывала важные моменты, способствовавшие приживаемости новоселов на новом месте. Поэтому «обратничество» среди крестьян

в XIX в. не превышало 2%. Иное положение складывалось в неземледельческой колонизации. Во второй половине XIX в. она состояла из ремесленников, рабочих-отходников, каторжан и ссыльных различных категорий, демобилизованных нижних чинов армии и флота и т. д. Этот поток в значительно меньшей степени поддавался регламентации и носил преимущественно стихийный характер.

В 1890-е годы стала практиковаться новая форма неземледельческого переселения – массовое «контрактование» квалифицированных работников в Европейской России, ставшее первым опытом организованного набора. Завозились строительные рабочие на строительство Уссурийской железной дороги, транспортные – для эксплуатации подвижных составов и другого железнодорожного оборудования и т. д. Именно «контрактование» стало главным способом решения проблемы трудовых ресурсов для дальневосточной промышленности. Только за 1911–1913 гг. через Иркутск на восточную окраину проследовало на заработки более 163,7 тыс. человек. Завезенные рабочие, как правило, становились временными (только на срок контракта) жителями дальневосточных городов. Закрепляемость этих новоселов была многократно ниже, чем крестьян. По наблюдениям Амурского и Приморского бюро по рабочему вопросу, только около 1,2–1,6 тыс. рабочих (вместе с семьями – 3,4–4 тыс.) в год оставалось в регионе на постоянное жительство⁵.

Временными жителями дальневосточных городов были и присылаемые сюда из центра царские чиновники, и расквартированные здесь войсковые части. Посетивший регион в начале XX в. этнограф П. Краснов писал: «...Пока в Хабаровске местных жителей нет. Вы видите петербуржцев, москвичей, орловцев, севастопольцев, одесситов и т. д., все интересы которых сосредоточены там, у себя, в России. Они приезжают сюда на службу на срок – на три или пять лет»⁶. Хотя речь шла только о Хабаровске, с 1884 г. являвшемся административным центром Приамурского генерал-губернаторства, эта характеристика справедлива и для других дальневосточных городов. Доминирование психологического настроения на «временность пребывания» в сознании основной части городских жителей подтверждается Т.А. Ярославцевой. Проанализировав опросные листы рабочих, прибывших в 1911–1913 гг. на Дальний Восток из центральной России, она пришла к выводу, что большинство из них стремились отправить «семье заработанные средства и не заводить имущество по месту своего временного проживания»⁷. Рабочие не видели смысла «всерьез» обустроиваться, готовы были довольствоваться предоставленными им условиями, далекими от человеческих.

Основным типом жилья были бараки и казармы, возводившиеся без соблюдения необходимых санитарных норм, а также землянки, фанзы, шалаши и палатки. Но так как рост городского населения значительно опережал скромные темпы жилищного строительства, даже этого жилья не хватало. Жилищная проблема в начале XX в. стала «самым болезненным вопросом не только для наименее обеспеченного класса, но и для лиц со средним заработком»⁸. Острая нехватка жилья заставляла власти при контрактации рабочих отдавать предпочтение одиноким мужчинам. Обследование рынка рабочей силы Приамурья подтвердило, что подавляющее большинство прибывших на Дальний Восток рабочих (99%) были одиночками, и только 1% имел при себе семью. Следствием этого стало крайне неблагоприятное соотношение полов в составе городского населения. В 1916 г. в городах Дальнего Востока на 100 мужчин приходилось 70 женщин⁹.

Сменяемость и непостоянство жителей дальневосточных городов вели к росту численности мигрантов из Китая, Кореи и Японии. С 1870-х годов они стали одним из существенных источников формирования городского населения. Основной контингент иностранных жителей составляли китайские отходники, прибывавшие сюда на заработки на короткий срок (не более 3–4 лет). Их труд использовался на строительстве, в горнодобывающей промышленности, на погрузочно-разгрузочных работах в портах и т. п. Привлечение этой рабочей силы, готовой работать за гроши и мириться с самыми нечеловеческими условиями труда и быта, сулило выгоды и казенным работодателям, и частным предпринимателям.

Обеспокоенное масштабами иностранной миграции, царское правительство предприняло попытку к ее сокращению. В 1910 г. был принят закон, ограничивший использование «желтого труда» и позволивший несколько сбить «китайскую миграционную волну»¹⁰. Однако достигнутый эффект был непродолжительным. Первая мировая война усилила отток на запад части дальневосточного населения и увеличила потребность в китайских рабочих. Особенно нуждался в них Владивосток, через который шел транзит огромного количества военных грузов. В 1916 г. китайцы составляли 40,2% населения города-порта¹¹.

После 1917 г. процесс формирования дальневосточного городского населения происходил уже в иных политических условиях. Первым фактором, предопределившим его специфику, стали затянувшиеся Гражданская война и интервенция. Только в ноябре 1922 г. дальневосточная территория вошла в состав РСФСР. Однако до середины 1920-х годов регион вынужденно сохранял некоторую обособленность, получая от центра военно-политическую

поддержку, но никакой экономической. Почти полный разрыв экономических связей усугубил сложность обстановки. Здесь сильнее, чем где-либо в стране, ощущался острый недостаток самых необходимых продуктов питания и промтоваров. Все это не могло не сказаться на формировании городского населения. В годы Гражданской войны оно значительно увеличилось за счет беженцев, военнопленных и военнослужащих. Однако основная часть прибывших покинула российскую территорию практически сразу после установления здесь Советской власти. В результате проведенная в 1923 г. перепись населения выявила даже небольшое (на 0,4%) уменьшение городского населения по сравнению с переписью 1916 г.¹²

Отсутствие четких перспектив развития региона привело к замедлению процесса урбанизации. За пять лет (с 1924 по 1929 г.) количество горожан увеличилось всего на 21,5%, а сельских жителей – на 25,0%¹³. Рост городского населения в этот период обеспечивался в основном за счет внутренней миграции в город крестьян. В то же время выросла и доля естественного прироста, составившего в 1917–1930 гг. в городах 8,4%, в сельской местности – 24,4%¹⁴. Таким образом, наметилась тенденция к формированию не временных, а постоянных городских жителей.

Однако во второй половине 1920 – начале 1930-х годов возникли обстоятельства, изменившие отношение центра к дальневосточной окраине. Начатая индустриализация потребовала значительных капиталовложений, что заставило правительство обратить внимание на экспортную привлекательность сырьевых ресурсов региона. Осложнение международной обстановки на Дальнем Востоке в связи с ухудшением отношений СССР с Японией, а затем и Китаем поставило вопрос о необходимости укрепления восточных границ. В результате была реанимирована стратегия создания дальневосточного форпоста. Здесь стали сосредотачиваться значительные сухопутные и морские вооруженные силы, создаваться оборонные отрасли промышленности. Курс на укрепление обороноспособности региона высветил еще одну проблему: наличие значительного количества иностранных рабочих. Только во Владивостоке в 1929 г. проживало 21,1 тыс. китайцев и 7,6 тыс. корейцев. Вместе они составляли около 25% жителей¹⁵. В условиях обострения международной ситуации это было крайне нежелательным. Поэтому переселение европейского населения из центра страны преследовало еще одну цель: вытеснение из дальневосточной экономики «желтых» рабочих.

Все это предопределило исключительно быстрый рост городского населения. По сравнению с 1926 г. численность горожан

в Дальневосточном крае (ДВК) к 1939 г. увеличилась в 3,4 раза (сельского населения – только в 1,5 раза). За 14 лет городскими жителями стали 824,8 тыс. человек. Рост городов по-прежнему отличался крайней неравномерностью. Более быстрыми темпами (в 4,2 раза) росло население городов на территории Хабаровского края, где были образованы новые города – Биробиджан, Комсомольск, Магадан. Дальний Восток в этот период демонстрировал самые высокие темпы урбанизации: доля горожан за 14 лет выросла с 27,0% до 50% (в целом в РСФСР – с 18,0% до 33,5%)¹⁶.

Основным источником формирования населения дальневосточных городов стал механический приток жителей из центральных районов страны. Промышленное переселение началось в 1929 г. В отличие от дореволюционного периода, этот процесс принял более организованный характер: он осуществлялся под контролем Управления НКВД по Дальневосточному краю, где был сформирован Переселенческий отдел. Однако первый опыт промышленного переселения в новых условиях выявил старую проблему – слабую приживаемость переселенцев. Из 9 842 рабочих, завезенных в край в 1929–1930 гг., вернулись назад 6 586 (почти 70%)¹⁷. Замедленное социально-экономическое развитие Дальнего Востока в 1920-е годы еще больше усилило исторически сложившееся отставание уровня жизни дальневосточников от жителей центральных районов страны. Здесь сохранялись тяжелые жилищные условия, товарный дефицит, низкий уровень медицинского и культурного обслуживания¹⁸. Выделяемых государством средств хватало на перемещение значительных масс людей (по неполным данным, в 1930-е годы в города и рабочие поселки Дальнего Востока было завезено более 2 млн человек). Однако их было недостаточно для того, чтобы создать для новоселов приемлемые материальные и социальные условия, способствующие их закреплению. Были случаи, когда завозившиеся в край рабочие отказывались выйти из вагонов до тех пор, «пока им не дадут планового снабжения, жилищ хороших и пока не удовлетворят все, что записано в договоре». Выполнить все их требования у руководителей дальневосточных предприятий просто не было возможности. «Мы выполняем все условия, – говорили они, – кроме жилищ... Поэтому привозимые рабочие на 75–80% уезжают обратно»¹⁹.

Жилищная ситуация была наиболее сложной. С 1927 по 1935 г. городской жилищный фонд увеличился всего на 76,7%, а городское население за это время выросло в 2,5 раза. Если в 1927 г. на одного жителя дальневосточных городов приходилось чуть более 4,4 кв. м. (в среднем по РСФСР – 5,9 кв. м.), то в 1937 г. – всего 2,8 кв. м.²⁰ Особенно тяжелым было положение с жильем в городах-ново-

стройках, таких как Комсомольск. Жители «города юности» долгое время вынуждены были ютиться в шалашах, землянках, палатках, наскоро сколоченных временках, приспособивать под жилье сараи, конторы, мастерские и т. п. В связи с абсолютным отсутствием жилья в городе в 1939 г. даже пришлось «свернуть» запланированную вербовку рабочих. В этих условиях сложно было завести в край квалифицированных рабочих. Руководители предприятий жаловались, что «квалифицированная сила в первую очередь ставит условие предоставления квартир. Квартир же мы предоставить не можем, отсюда не можем иметь квалифицированных работников»²¹.

Отсутствие жилья стало главным препятствием для привлечения в край дипломированных учителей. В 1935–1939 гг. Наркомпрос командировал на работу в школы ДВК из центра 4 331 человека. Однако к началу 1940 г. из них осталось менее 50%, а остальные, как следует из отчета Далькрайно, «ушли из пределов края»²².

Безусловно, не только хозяйственные, но и советские и партийные руководители осознавали причины слабой закрепляемости переселенцев. Выступая в январе 1934 г. на XI Дальневосточной краевой партконференции, первый секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л.И. Лаврентьев говорил: «Мы завозим в край кадры из других областей Союза... Организация жизни рабочих, зоотехников, инженеров и т. д. находится на низком уровне. Отсюда большая текучесть – основной бич нашей работы. Это губит нас и мы сами виноваты в этом, ибо не создаем нормальных условий для приезжающих людей». При этом речь в его выступлении шла о заведомо заниженном минимуме жизненных благ. «Конечно, – говорил Лаврентьев, – мы не можем поставить их в такие условия, какие созданы в крупных пролетарских центрах – Ленинграде, Москве, Харькове. Но простой барак, чище, светлее и теплее, чем сейчас, мы должны им предоставить, мы должны дать им баню, чистую светлую столовую, где были бы созданы условия для нормальной жизни»²³. Однако даже эти минимальные условия обеспечены не были.

Вместо этого новая власть предпочла прибегнуть к способам, апробированным еще царской администрацией. В первую очередь переселялись холостые молодые мужчины. Делая заявку о потребности в рабочей силе, директора промышленных предприятий требовали «присылать исключительно одиноких рабочих, так как семейных селить негде»²⁴. В результате исторически сложившаяся на Дальнем Востоке диспропорция между мужским и женским населением увеличилась, особенно в быстро растущих городах.

Так, если в среднем в городах ДВК в 1937 г. на 100 мужчин приходилось 73 женщины, то в Биробиджане – 52,2, Советской Гавани – 59,0, Комсомольске – 62,0, Лесозаводске – 2,7, Артеме – 65,4²⁵. Многие новоселы-мужчины не имели возможности создать семьи, что не способствовало их закреплению в крае.

В итоге из всех возможных форм переселения в 1930-е годы возобладали те, которые заведомо ограничивали срок пребывания в регионе: организованный набор, прикомандирование, перевод, вызов. Удельный вес этих форм в общей картине переселения вырос с 15,6% в 1920-е гг. до 41% в 1930-е²⁶. В результате основным типом горожанина на Дальнем Востоке по-прежнему оставался «временный житель». Он готов был требовать для себя приемлемых жизненных условий, но не видел смысла самостоятельно предпринимать необходимые действия для их улучшения. В свою очередь, установка на заведомо временный контингент в определенной степени освобождала краевое руководство от необходимости создавать жизненные условия для закрепления населения.

Социокультурная отсталость региона в значительной степени консервировалась применением принудительного труда. Уже в 1929 г. на заседании Экономического совета РСФСР рассматривался вопрос об использовании заключенных для удовлетворения возросшей потребности края в трудовых ресурсах. В 1930-е годы здесь была создана целая система исправительно-трудовых лагерей и колоний. Согласно подсчетам Г.А. Ткачевой, в 1937 г. в дальневосточном регионе находилось от 291 до 357 тыс. осужденных, в 1939 г. – от 360 до 416 тыс., что составляло, соответственно, 14,4 и 17,6% учтенного населения за эти годы²⁷.

Заключенные и «трудпоселенцы» стали еще одним источником формирования городского населения. По данным спецпереписи 1937 г., в составе городского населения Дальнего Востока было определено 133 454 человека, входивших в спецконтингенты «Б» и «В» (16,4% от общей численности горожан). Как правило, они размещались в сравнительно небольших, еще только создававшихся городских поселениях: Комсомольске, Свободном, Магадане. Но и в четырех наиболее крупных городах региона представительство спецконтингента было весьма значительным: в Хабаровске – 16 939 человек (9,5% от общего числа жителей), Уссурийске – 5 142 (7,8%), Владивостоке – 14 474 (7,0%), Благовещенске – 1 331 (2,3%)²⁸.

В 1930-е годы была использована еще одна форма переселения – «общественный призыв», по которому в ДВК прибыло более 60 тыс. молодых энтузиастов. В отличие от остальных переселенцев, они ехали сюда не за «длинным рублем», а за «социали-

стической романтикой». Наибольший отклик получило обращение В. Хетагуровой к девушкам Советского Союза с предложением «Приезжайте к нам на Дальний Восток». На обращение отозвались 145,5 тыс. девушек и 96,4 тыс. юношей. Из них сумели реализовать свой комсомольский порыв только 27 тыс.²⁹ Однако условия жизни в регионе были настолько тяжелыми, что даже эта идейная, исполненная энтузиазма молодежь была не в состоянии их выдержать. Тем не менее основная часть прибывших в результате общественных призывовполнила ряды временных жителей дальневосточных городов.

Ситуация усугублялась тем, что и сами руководители были такими же временными для края людьми. Практически все они были направлены на работу ЦК ВКП(б). С ноября 1925 г. по октябрь 1938 г. сменилось восемь первых секретарей Далькрайкома ВКП(б). Каждый из присылавшихся центром на эту должность был, как правило, новым для Дальнего Востока человеком, мало знакомым с его условиями. Аналогичная ситуация наблюдалась и в составе советских и хозяйственных руководителей всех рангов. Большинство из них были настроены на непродолжительное пребывание, поэтому оставляли свои семьи в прежних местах жительства. Те из коммунистов-руководителей, кто прожил в ДВК 3–4 года, считались чуть ли не старожилками. «Большинство из нас – старые дальневосточники, – говорили выступавшие на совещании заведующих областными и районными отделами народного образования в мае 1936 г., – мы уже два-три-четыре года работаем на ДВК»³⁰. Осознавая себя временными жителями, местные руководители не видели смысла в напряжении сил ради кардинального изменения сложившихся здесь условий жизни. Посетивший Дальний Восток в 1933–1934 гг. писатель А.А. Фадеев обратил внимание, что «чемоданными» настроениями были заражены практически все приезжие. Выступая в январе 1934 г. на XI Дальневосточной краевой партконференции, он говорил: «У многих, не только прямых и открытых “чемоданщиков”, а и у полезных работников, живет мысль о том, что они здесь временно, а потому у них нет воли развивать культурное дело на Дальнем Востоке. Они чувствуют себя временно здесь, думают: “Ладно, пострадаю немного, а там попаду в более культурное место”»³¹. Эта установка на временное пребывание лишала инициативы краевых руководителей.

Из всех возможных вариантов улучшения закрепляемости дальневосточного населения Советская власть отдала предпочтение двум: идеологическому воздействию и насильственному удержанию. В 1930-е годы активно пропагандировались различные

формы «самозакрепления»: «до конца пятилетки», «до конца строительства предприятия» и даже «пожизненно», что звучало почти как приговор³². Одновременно использовались меры принудительного удержания рабочих: договор обычно заключался на три года, но их не отпускали и после его окончания. На стройках Комсомольска в 1935–1936 гг. большинство вербованных сумели оформить свое увольнение только через суд. Для членов ВКП(б) фактором вынужденного «самозакрепления» стала процедура снятия с партучета: разрешение на это необходимо было выпросить сначала в парткоме своего предприятия, затем в горкоме и, наконец, крайкоме ВКП(б)³³. Получить разрешение редко кому удавалось. В духе военизированной терминологии 1930-х годов сформировалось особое понятие – «дезертирство из пределов ДВК». Для членов партии такое «дезертирство» оборачивалось как минимум лишением партбилета со всеми вытекавшими из этого последствиями.

Однако в список дезертиров попадали даже краевые руководители. Одним из таких был Е.М. Хавкин, член партии с 1928 г., посланный на руководящую работу по путевке ЦК ВКП(б). 19 июня 1936 г. он был введен кандидатом в состав бюро Далькрайкома ВКП(б), а уже 5 июля того же года исключен из партии «за дезертирство с работы из пределов ДВК». Материал о его антипартийном поступке был опубликован в периодической печати и передан в ЦК ВКП(б)³⁴.

Эти «меры закрепления» сформировали устойчивое отношение к ним дальневосточников, отраженное в информационном письме одного из уполномоченных по проведению переписи населения 1939 г. В качестве примера наиболее типичных «разговоров антисоветского порядка» он привел следующий: «Переписывают население для того, чтобы его закрепить на ДВК и не выпустить отсюда»³⁵.

Таким образом, колонизаторский тип освоения дальневосточной территории России был характерен как для императорской, так и для Советской власти, фактически воспроизводившей ту же модель, что была в свое время создана и применена царским правительством. Выбранные властью приоритеты регионального развития (валютно-экспортные отрасли промышленности и укрепление оборонного потенциала) предопределили повышенные темпы урбанизации и быстрый рост городского населения. В условиях слабой заселенности региона основным его источником могло стать только население центральной части страны. Тратя значительные средства на переселенческие кампании, власть, независимо от политического режима, не прилагала достаточных усилий

Н.Г. Кулинич

для развития здесь социальной сферы, необходимой для закрепления завозившегося населения. В результате основной фигурой дальневосточного горожанина стал «временный житель», не слишком заинтересованный в кардинальном улучшении сложившихся здесь условий жизни, заведомо более низких по сравнению с центром страны.

Примечания

- 1 История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М., 1990. С. 225.
- 2 Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 40.
- 3 *Ткачева Г.А.* Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. Владивосток, 2005. С. 34.
- 4 История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. С. 226.
- 5 *Галямова Л.И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 2000. С. 15.
- 6 *Винник П.А.* Организация благоустройства населенного пункта в 1920–1930 гг. (на примере города Хабаровска) // Развитие городского хозяйства: история и современность. Хабаровск, 2005. С. 38.
- 7 *Ярославцева Т.А.* Жилищно-коммунальное хозяйство на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: историко-правовой аспект. Хабаровск, 2004. С. 81.
- 8 *Галямова Л.И.* Указ. соч. С. 182.
- 9 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 367. Л. 4, 5.
- 10 *Галямова Л.И.* Указ. соч. С. 19.
- 11 *Чупряев Ф.* Движение населения г. Владивостока // Дальневосточное статистическое обозрение. 1929. № 5–6 (56). С. 6–7.
- 12 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 17. Д. 367. Л. 4, 5.
- 13 Подсчитано по: Контрольные цифры народного хозяйства края на 1928/29 г. Хабаровск, 1928. С. 63; ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1977. Л. 3об; ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 78. Л. 245.
- 14 Дальневосточный край в цифрах. М.; Хабаровск, 1932. С. 17, 18.
- 15 Дальневосточное статистическое обозрение. 1929. № 5–6. С. 7.
- 16 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 279. Л. 35–37, 41–44.
- 17 *Пикалов Ю.В.* Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922 – июнь 1941 г.). Хабаровск, 2003. С. 122.
- 18 ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1977. Л. 8об.
- 19 ГАХК. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 4. Л. 133, 168.
- 20 *Ткачева Г.А.* Указ. соч. С. 27.
- 21 ГАХК. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 4. Л. 86.

Формирование городского населения Дальнего Востока России

- 22 ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 49. Л. 13.
- 23 Тихоокеанская звезда. 1934. 8 янв.
- 24 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 94. Л. 82.
- 25 Там же. Оп. 1. Д. 1315. Л. 11–16.
- 26 *Ткачева Г.А.* Указ. соч. С. 26.
- 27 Там же. С. 29–30.
- 28 Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 54–59, 62–66, 166–176, 230–231.
- 29 *Дубинина Н.И.* Дальневосточницы в борьбе и труде, 1917–1941. Хабаровск, 1982. С. 103–111.
- 30 ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 35. Л. 58.
- 31 Тихоокеанская звезда. 1934. 10 янв.
- 32 Ворошиловец. 1934. 27 янв.; Молот. 1934. 17 янв.
- 33 ГАХК. Ф. П-2. Оп. 6. Д. 377. Л. 4–7; Д. 378. Л. 71.
- 34 Там же. Оп. 1. Д. 831. Л. 119, 131.
- 35 Там же. Оп. 6. Д. 379. Л. 225–226.

А.Ю. Бендин

УКАЗ О ВЕРОТЕРПИМОСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ (1905 г.)

Статья посвящена анализу проблем применения указа от 17 апреля 1905 г. на территории Северо-Западного края Российской империи. Предметом исследования являются социальные аспекты принятого правительством решения о расширении прав Римско-католической церкви. В статье анализируются особенности восприятия указа римско-католической иерархией, духовенством и мирянами, которые были вызваны нерешенными проблемами в отношениях католиков с государством и Православной церковью. Автор исследует и негативные последствия указа, которые испытывали православные жители края в местностях с преобладающим католическим населением.

Ключевые слова: миссионерствующие конфессии, веротерпимость, религиозное принуждение, прозелитизм, религиозно-этническая нетерпимость.

Состоявшееся после гибели В.К. Плеве в июле 1904 г. назначение бывшего Виленского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского министром внутренних дел означало, что верховная власть вознамерилась серьезно приступить к разработке нового политического курса в области религиозной и национальной политики.

Ранее, находясь на посту Виленского генерал-губернатора, в отчете за 1902–1903 гг. Святополк-Мирский предложил Николаю II пересмотреть основы политики в Северо-Западном крае по таким острым проблемам, как отношение к польскому населению, взаимоотношения между православными и католиками, положение русской школы и т. д.

© Бендин А.Ю., 2009

В свою программу новый министр внес вопросы реформирования законодательства о веротерпимости, расширения местного самоуправления, изменения политики в отношении окраин и т. д. К началу декабря 1904 г. программный доклад и проект указа были готовы. Окончательный вариант проекта указа было поручено подготовить С.Ю. Витте как председателю Комитета министров, на который была возложена разработка основных направлений по реализации намеченных в нем мероприятий. Подробной разработкой политических мер должны были заниматься два специально для этого созданных Особых совещания. 12 декабря император подписал указ Правительствующему сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»¹.

В п. 6 указа говорилось: «Для закрепления выраженного нами в манифесте 26 февраля 1903 года неуклонного душевного желания охранять освященную Основными законами империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не указанного, стеснения»².

На заседаниях, происходивших 25 января, 1, 8, 15, 22 февраля и 1 марта 1905 г., Комитет министров под председательством Витте обсудил вопросы, вытекавшие из п. 6 указа от 12 декабря 1904 г. Выводы и предложения Комитета министров, изложенные в особом журнале, были положены в основу проекта высочайшего указа Сенату «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости».

Указ, подписанный Николаем II 17 апреля 1905 г., признавал необходимым: разрешить проблему религиозного принуждения путем отмены запрета на свободный выход из «господствующей» Русской православной церкви «упорствующих в латинстве» бывших католиков и униатов без ущерба для гражданских прав «веротступников»; легализовать деятельность старообрядческих и сектантских общин; ввести преподавание Закона Божьего на «природном языке учащихся»; снять административные ограничения на деятельность духовенства Римско-католической церкви, введенные после польского восстания 1863 г.; пересмотреть религиозное законодательство относительно мусульман и буддистов³.

Положения указа должны были, по замыслу его разработчиков, устранить причины постоянной межконфессиональной напряженности в Царстве Польском и Северо-Западном крае. Они полагали, что соображения государственной безопасности, важные

в 1860-х годах, теперь утратили свою значимость, поскольку ведущей антиправительственной силой стали левые политические партии, к идеологии которых католическое духовенство относилось отрицательно⁴.

Политический расчет строился на том, что католические общины за десятилетия системной русификации, прошедшие после подавления польского восстания 1863 г., достаточно интегрировались в российское общество. Следовательно, исчезала главная политическая причина сохранения введенных тогда чрезвычайных административных мер в отношении Римско-католической церкви Северо-Западного края. В характеристике католичества, данной Министерством внутренних дел накануне издания указа, подчеркивалась «постоянная оппозиционность» и «воинствующий дух», выделявшие эту церковь из всех «терпимых» религиозных сообществ империи⁵. Однако продолжавшаяся в западных губерниях пропаганда католицизма уже не расценивалась как политически опасная: она воспринималась как незаконная религиозная конкуренция православию и русской культуре вообще, а для противодействия ей имелись необходимые правовые инструменты. Правительство пребывало в уверенности, что само по себе расширение религиозных прав Римско-католической церкви станет надежной гарантией того, что «предоставленная духовенству свобода не будет употреблена в ущерб государственным интересам»⁶.

Николай II, учитывая трудности, с которыми могла столкнуться администрация и православный епископат в западных губерниях, при рассмотрении 3 мая журнала Комитета министров по п. 6 указа 12 декабря 1904 г. поставил перед правительством два вопроса: «Как будут смотреть, по введению в действие нового законоположения, гражданская власть и духовное начальство на проповедь католических миссионеров?» и «Как установить грань между проповедью католицизма и пропагандой полонизма?»

В ответ Комитет министров подготовил разъяснения, которые должны были убедить императора в способности светской и духовной администрации контролировать религиозно-этническую ситуацию в губерниях со смешанным православно-католическим населением. Отвечая на первый вопрос, министры уверяли императора в том, что действующие нормы уголовного кодекса в должной мере «ограждают появление и распространение проповеди католических миссионеров среди православных», поэтому светская и духовная администрация, которой поручен надзор за соблюдением этих законов, имеют в своем распоряжении все необходимые средства для «прекращения делающейся опасной проповеди инославных миссионеров»⁷.

Ответ на второй вопрос уже не выглядел столь определенным. Комитет министров не исключал возможность того, что духовенство Римско-католической церкви проявит стремление к пропаганде католицизма и польского национализма среди проживавшего в пределах западных и привисленских губерний православного населения непольского происхождения. И министры уведомили императора, что на рассмотрении находится проект положения, которое предоставит министру внутренних дел особые полномочия на случай незаконных действий католических священнослужителей. Они полагали, что после обретения этим положением силы закона министр получит возможность наказывать священников, действующих «во вред русским интересам», на легальном основании⁸.

Тем самым правительство, по сути, вынуждено было признать, что к моменту введения указа о веротерпимости в действие оно не располагает оперативными правовыми средствами для борьбы с католическим миссионерством в том случае, если миссионеры станут преследовать противоправные цели политического характера.

Более того, ко дню подписания Николаем II указа о веротерпимости не был разработан и утвержден правовой механизм, призванный урегулировать переход из «господствующего» православия в иные, «терпимые», конфессии. Комитет министров в положении, утвержденном императором 17 апреля, обязал Министерство юстиции подготовить проект закона, устанавливающего порядок такого перехода. Однако министр юстиции С.С. Манухин сообщил Комитету министров, что такой законопроект может быть разработан и направлен на рассмотрение Государственного совета не ранее начала осенней сессии⁹.

Таким образом, важное политическое решение принималось в ситуации правовой неопределенности, при отсутствии юридически оформленного распределения бюрократических функций между МВД и духовными ведомствами (католическим и православным) по его исполнению. Получалось так, что закон от 17 апреля точно определял объекты правоприменения, которым давалась свобода религиозного выбора, но совершенно упускал из виду действия его субъектов, то есть конкретных исполнителей, распределение и содержание их функций. В такой ситуации неизбежно появлялась почва для возникновения конфликтов политического, правового и религиозно-этнического характера.

Сама возможность легального приема лиц, покидающих православие, в «терпимые» миссионерствующие конфессии могла быть интерпретирована их представителями как утрата РПЦ ее господствующего положения. А это, в свою очередь, не могло не вызвать стремления к незаконному прозелитизму среди православных.

В связи с этим вполне вероятным было появление массовых настроений религиозного и национального реванша и связанного с ним насилия над совестью тех, кто станет объектом подобных миссионерских усилий. Во избежание возможных правонарушений со стороны духовенства и мирян «терпимых» конфессий, а также для защиты православного населения от проявлений прозелитизма и насилия необходимо было поскорее разъяснить суть закона всем заинтересованным сторонам – светской и церковной бюрократии, приходским священникам и их пастве.

Готовя закон, правительство рассчитывало на поддержку своей политики со стороны тех религиозных обществ, которые испытывали ограничения в своей религиозной жизни или подвергались правовой дискриминации, как, например, старообрядцы и сектанты. Однако в условиях Северо-Западного края поддержка этих религиозных групп не имела существенного значения. С политической точки зрения гораздо более важной была реакция белорусского, польского и литовского католического населения. После десятилетий запретов, ограничений, массового закрытия костелов и монастырей религиозная политика русского самодержавия впервые поворачивалась в сторону удовлетворения интересов паствы Римско-католической церкви, ее духовенства и епископата. Однако правительство не делало прогнозов о том, как отреагируют на указ о веротерпимости представители этой миссионерствующей церкви. Между тем нельзя было не учитывать, что предоставленная законом возможность покинуть господствующую РПЦ и присоединиться к церкви «терпимой» с неизбежностью будет провоцировать постановку вопроса о том, которая из них получит реальное преимущество от выполнения указа в этом регионе России.

Возникла опасность осложнений и в более широком смысле. Одной из задач указа являлось использование религиозной свободы для интеграции в российское общество духовенства и мирян «терпимых» конфессий и общин. Это была попытка осуществить перевод либеральных ценностей религиозной свободы на язык религиозных традиций, вероучений и экклезиологий. Помимо доминирующей тенденции к интеграции, выраженной в положениях указа, существовала и другая, подчиненная первой. Она также вытекала из положений указа и относилась к категории дифференцирующих, то есть обращенных к учету интересов и расширению прав «терпимых» религиозных сообществ. В случае неадекватного восприятия указа спонтанное развитие этой дифференцирующей тенденции «снизу» создавало опасность столкновений интересов «терпимых» миссионерствующих конфессий, прежде всего католичества, с интересами «господствующего» православия.

Противоречивый характер тенденций, заложенных в новом законе, возлагал на правительство особую ответственность. Необходимо было с помощью взвешенной религиозной политики поддерживать баланс между двумя тенденциями, не позволяя второй из них стать доминирующей, способной провоцировать неуправляемый рост религиозно-этнической напряженности и конфликтов.

События, развернувшиеся в Северо-Западном крае после 17 апреля, выявили отрицательные последствия обнародования указа о веротерпимости, не просчитанные и не спрогнозированные при разработке закона. Эффект от введения религиозных свобод оказался поразительным и совершенно неожиданным и для правительства, и для православной иерархии, которая даже не была поставлена в известность о дате издания указа, а потому и не успела к нему подготовиться¹⁰. Застигнутой врасплох оказалась и губернская администрация Северо-Западного края.

Обнародование указа вызвало резкое и длительное обострение традиционного межконфессионального противостояния, став причиной активизации противоправного католического миссионерства. В этот момент в западных губерниях (Виленской, Гродненской и Минской) начались массовые переходы «упорствующих» и «колеблющихся» из православия в католицизм. Они происходили в тех православных приходах, которые были образованы в 1865–1870 гг. и состояли в основном из бывших католиков. Виленский генерал-губернатор А.А. Фрезе отмечал: «С обнародованием указа все эти привходящие элементы православного населения Северо-Западного края стремительной волной хлынули обратно в католичество, увлекая своим движением и соприкасавшихся, так или иначе, с ними православных»¹¹.

Религиозная свобода, объявленная указом 17 апреля, имела свои правовые границы, по-прежнему охранявшие православное население от прозелитизма¹². С правовой точки зрения переход из православия в иные вероисповедания рассматривался как результат свободного выбора, осуществляемого без воздействия духовенства иной конфессии. Однако на деле католическое духовенство совсем иначе интерпретировало его основные положения. К моменту выхода указа не был разработан и утвержден правовой механизм его применения, и эта правовая пауза, допущенная правительством, позволила католической иерархии Северо-Западного края решительно и умело инициировать и направить процесс возвращения «упорствующих» в костел по правилам, введенным собственной канонической властью¹³.

По свидетельствам духовенства РПЦ, само издание указа вопреки его точному смыслу расценивалось ксендзами как совершенно

очевидное торжество католицизма над православием. Религиозная свобода была воспринята ими как вседозволенность и право на прозелитизм среди православного населения, состоявшего из бывших католиков и униатов, которых следовало теперь вернуть в лоно «истинной» церкви. Возвращение «упорствующих» в католицизм в местностях со смешанным или преобладающим католическим населением осуществлялось в форме движения, идущего «снизу»: со стороны приходского духовенства и активных мирян, поддерживаемых епископатам. Ускоренному приему в католичество содействовали правила, установленные католическими епископами в одностороннем порядке. Инициированное указом, направляемое ксендзами и стремительно разраставшееся, это движение быстро вышло за установленные законом правовые рамки: оно ставило своей целью не только возвращение всех «упорствующих» в лоно Римско-католической церкви, но и противозаконное обращение в католицизм тех православных, которые, оставшись в меньшинстве, продолжали сохранять верность РПЦ. Это был, по сути, взрыв долго сдерживаемых миссионерской энергии, религиозной нетерпимости и русофобии, накопленных католическим духовенством за предыдущие десятилетия ограничений и запретов, усиленный эйфорией от свободы, дарованной российским самодержцем.

Религиозный восторг выражался в богослужбных формах демонстрации политической лояльности. Приходское католическое духовенство Виленской епархии направляло епископу Эдуарду фон Роппу многочисленные донесения о торжественных богослужениях, совершенных ими по желанию прихожан «за здравие и благоденствие обожаемого Государя Императора и его Августейшей семьи по поводу издания указа о веротерпимости»¹⁴.

В это же время съезд православного духовенства Литовской епархии в заседании 1 июня с горечью отмечал, что «Высочайшая милость, дарованная иноверию, неправильно понятая и ложно истолкованная католическим духовенством, весьма неблагоприятно отразилась на юной литовской пастве, в особенности в тех приходах, которые образовались после последнего польского мятежа в 1863 году... Не стесняясь никакими средствами, прибегая к обманам, лжи, угрозам, католическое духовенство все усилия свои напрягает на то, чтобы прежде всего всех этих православных свратить в католичество, отнять православные церкви и обратить их в костелы»¹⁵.

Чуть позже, 14 июля, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев обратился к генерал-губернатору Фрезе в связи с донесением епископа Гродненского и Брестского Никанора (Каменского)

о случаях открытого «совращения» православных в католицизм, сопровождаемого насилием и публичным порицанием православной веры. Обер-прокурор просил генерал-губернатора оказать содействие духовенству в налаживании мирных отношений православных с католиками, возбуждаемыми фанатизмом ксендзов¹⁶. Однако попытки духовных и светских властей приостановить нарастание католического движения и перевести его в правовое русло, определенное указом 17 апреля, не привели к положительному результату.

Общее настроение, которое переживали православное духовенство и миряне в местностях с преобладанием католического населения, где наиболее остро проявлялась религиозная нетерпимость, сводилось к формуле: «государство нас бросило – нас некому защищать». В Ковенской губернии литовцы-католики запугивали русских общим поголовным избиением в том случае, если они не уйдут или не примут католичество. Растерянность и отчаяние усугублялись еще и тем, что ксендзы разъясняли указ народу в том смысле, что Николай II повелел всем переходить в католичество, что православные храмы будут обращены в костелы, а имущество их передано католическому духовенству. Ксендзы уверяли прихожан, что сам указ издан вследствие молитв Папы Римского для возвеличения Римско-католической церкви, для блага католичества и польского народа, а это значит, что отныне католическая вера становится первенствующей в империи и православные должны немедленно подавать заявления о переходе в католичество.

Среди населения целенаправленно распространялись слухи о том, что «сам царь» вместе с семьей перешел в католическую веру («на высоте царского престола познали неправоту православия»), что в католицизм перешел Иоанн Кронштадский. Использовались и мотивы социального престижа: католичество в противовес православию восхвалялось среди крестьянского населения как «панская вера». Использовались и методы экономического шантажа: православных крестьян уверяли, что, если они будут по-прежнему сохранять верность РПЦ, земли их будут конфискованы и переданы католикам, а сами они будут переселены во внутренние губернии России и даже в Сибирь.

Нередко в костелах ксендзы кощунственно отзывались о православной вере: «поганая вера», «собачья вера», «православная вера не есть истинная, а выдуманная, и православный народ отрекся от Иисуса Христа, как караимы». И тем разжигали в прихожанах этническую вражду к русским, православным соседям-белорусам. В листовках, написанных на польском языке и распространявшихся в крае, говорилось, что поражение России в Русско-японской

войне является наказанием Божиим за то, что «отняли у нас нашу Польшу», за преследование католической веры и польского языка. В них содержались и недвусмысленные угрозы: «Кто теперь не оставит проклятого православия и не возвратится в святую римско-католическую веру, тот погубит свою душу и своих детей». Православных начали открыто называть «недовярками», «еретиками», «схизматиками», «отщепенцами», «холопами», а саму православную веру – еретической, явившейся «из-под кнута»¹⁷. Один ксендз высказался более чем откровенно: «Настало католикам время отомстить православным за все обиды и притеснения, которые несли католики от русских православных людей»¹⁸.

Религиозная эйфория, переживаемая католическим населением весной и летом 1905 г., породила требования националистического характера: Северо-Западный край – «забранный край», и он должен «отойти целиком полякам»¹⁹.

Важным элементом развязанной католическим духовенством пропагандистской кампании стало распространение слухов о том, что «православные храмы русским правительством будут переданы католикам». По сообщениям духовенства РПЦ, «ксендзы назначали два срока, после которых будто бы все православные храмы переделаются в костелы: это Троицын день и праздник святых апостолов Петра и Павла»²⁰.

Эти недобросовестные приемы противоправной миссионерской пропаганды имели негативные социально-психологические последствия. Они провоцировали у возбужденного этими слухами католического населения настроения религиозного реванша: не дожидаясь разрабатываемого правительством правового решения проблемы, силой отобрать у православных храмы, устроенные в бывших костелах, и изгнать из них православных священников. Единообразие приемов, используемых католическим духовенством для обращения православных в католичество, общее содержание их проповедей, типичный для всех епархий набор пропагандистских слухов, распространяемых устно и с помощью листовок, – все свидетельствовало об организованном характере этого миссионерского движения, носившего ярко выраженный националистический характер.

Между тем деятельность администрации генерал-губернатора Фрезе в эти месяцы ограничивалась наблюдением за неожиданной массовой вспышкой религиозно-этнического фанатизма, сопровождаемой демонстрацией политической лояльности к Николаю II. В условиях объявленных императором религиозных свобод губернаторы попросту не решались прибегать к предписанным законом мерам по охранению господствующего православия.

Сложное положение, в котором из-за бездействия администрации оказалось местное православное население, вынудило Литовского архиепископа Никандра (Молчанова) обратиться с воззванием к своей пастве: «В настоящее время свидетельства современной печати, голоса живых людей и акты жизни говорят, что некоторые инославные пастыри в деле распространения своего вероучения и привлечения в лоно своей церкви православных людей не гнушаются и недостойными их сана средствами и способами. А некоторые в своей злобе доходят до того, что решаются публично утверждать, будто православная вера проклята папами, будто все исповедующие ее – хуже язычников, будто от православия отвратился сам Господь с его пречистою Матерью, что все, теперь православные, будто бы должны обращаться в католичество»²¹.

Проигрывая «пропагандистскую войну» местному католическому духовенству, Фрезе так и не воспользовался примером Варшавского генерал-губернатора К.К. Максимовича, который 21 мая в «Варшавском дневнике» обратился к населению Привисленского края с циркуляром, разъясняющим основные положения указа от 17 апреля. Максимович четко изложил суть нового закона и его соотношение с нормами законодательства о веротерпимости: «Напоминаю, что по закону, сохраняющему полную силу (статья 4 XI т. Свода Законов), лишь одна господствующая Православная Церковь пользуется правом свободно распространять свое вероучение, лицам же прочих вероисповеданий воспрещается склонять к переходу в их религии. Виновные в соращении из православия, в порицании православной веры и в кощунстве подлежат суду по общим уголовным законам. Да не смущается русский православный люд разными нелепыми слухами, распространенными в народе, да ведает он, что православные церкви, монастыри и святые иконы царь православный и впредь никому не отдаст»²².

Циркуляр Варшавского генерал-губернатора по телеграфу был передан Фрезе и затем опубликован в светской и церковной периодике. Его сразу перепечатала газета «Северо-Западное слово», а затем и «Гродненские епархиальные ведомости». В том же номере «Гродненских епархиальных ведомостей» епископом Никанором в дополнение к богословским рассуждениям было приведено разъяснение указа о веротерпимости, сделанное министром внутренних дел А.Г. Булыгиным: «Если в отдельных случаях проявление верований будет сопряжено с опасностью для нравственности и спокойствия, или выразится в соращении православных, то в силу высочайшего указа необходимые мероприятия должны заключаться в пресечении и преследовании на основании уголовного закона указанных преступных деяний»²³.

Однако запоздалые и разрозненные попытки светских и духовных властей остановить идущую «снизу» мощную пропагандистскую кампанию, развязанную ксендзами, не привели к скольконибудь значимым результатам. Вызванные этой кампанией антиправославные и антирусские настроения все сильнее охватывали часть католического населения Северо-Западного края.

Весьма сложным оказалось положение русских поселенцев в этнической Литве. Рост религиозной нетерпимости к православным, не желавшим переходить в католичество, вынуждал отдельные сельские общины русских, проживавших в местностях с преобладанием литовцев-католиков, ходатайствовать перед обер-прокурором Победоносцевым о переселении их из Ковенской губернии в места компактного проживания православного населения²⁴.

В ответ на многочисленные прошения епископата, духовенства и жителей края о защите православных от принудительного обращения в католицизм Фрезе 23 ноября издал циркуляр губернаторам края, в котором указывал на появление в сельской местности «религиозно-церковного брожения». Причины возникшей межконфессиональной напряженности генерал-губернатор усмотрел в превратном истолковании ксендзами положений указа 17 апреля и манифеста 17 октября. «Содействуя всеми законными средствами и мерами Православной церкви и соблюдая справедливые потребности католического населения и его клира, – подчеркивал он, – не могу допустить явно враждебного антагонизма со стороны католической части населения к православию». Циркуляр предписывал губернским прокурорам принимать все меры по незамедлительной организации следствия по делам о «сворачивании православных в инославие»²⁵.

Однако совместные усилия правительства, РПЦ и губернской администрации по стабилизации этнорелигиозной ситуации в Северо-Западном крае не приносили зримого результата. Особую остроту религиозно-этническому противостоянию в крае придавало стремление католического населения самовольно вернуть себе несколько православных храмов, перестроенных из бывших костелов, конфискованных у Римско-католической церкви после подавления польского восстания 1863 г. Под влиянием развязанной пропагандистской кампании, в ситуации нарастающего революционного кризиса с осени начались попытки насильственного захвата православных храмов и монастырей, запугивания и изгнания священников.

Так, по сообщению архиепископа Никандра, 25 октября в селе Роготны Слонимского уезда Гродненской губернии католики числом до 300 человек с кольями и камнями окружили Роготненскую

церковь и стали ломать входную дверь. Когда в Роготну прибыл местный благочинный, озлобленная толпа, увидев его, закричала: «Посмей благочинный или другой священник зайти в церковь или дом – будешь нами убит». На допросе в полиции выяснилось, что католики решили силой завладеть православным храмом и обратить его в костел²⁶.

В Виленском уезде была предпринята попытка захвата православной церкви в местечке Рудомино. В том же уезде в начале ноября произошло нападение на Венславетский православный храм, бывший прежде униатской церковью. Священные предметы, находившиеся в нем, были вынесены наружу и подвергнуты осквернению; часть из них была сожжена. В конце ноября толпа литовцев-католиков напала на единоверческий храм в Каролишках Ковенской губернии. В Виленской губернии происходили нападения на дома православных священников, в один из которых была брошена бомба²⁷.

В местностях, где религиозный и этнический экстремизм приобретал особо опасные формы, губернаторы вынуждены были посылать воинские команды для охраны православных храмов и предотвращения попыток их захвата местными католиками. Бывало так, что только присутствие войск спасало православное духовенство и мирян этих приходов от угроз и расправы со стороны тех, кто требовал немедленного возвращения храмов Римско-католической церкви. Особенно напряженная ситуация сложилась в Виленском уезде, в котором присоединение «упорствующих» к католицизму в мае–июне приобрело массовый характер. В начале декабря священник Подберезского храма Виленского уезда писал генерал-губернатору Фрезе, что после ухода полуроты солдат положение оставшихся верными православию (около 50 человек), окруженных враждебно настроенными поляками и литовцами, оказалось «весьма плачевным». Католики угрожали разрушить храм, а всех православных – священников, учителей, писарей и полицию – изгнать из уезда. Священник просил у генерал-губернатора вновь прислать полуроту солдат для охраны храма²⁸.

В это же время архиепископ Литовский Никандр просил генерал-губернатора Фрезе не отзывать из местечка Островец Виленского уезда солдат, которые охраняли православный храм и усадьбу священника. Настоятельная просьба архиепископа была продиктована тем обстоятельством, что местечко входило в состав Шумского благочиния, в котором все православные храмы во второй половине 1860-х годов были перестроены из католических костелов. Так как, по сведениям канцелярии генерал-губернатора, «католическое брожение» в этой местности не ослабевало,

«ввиду угрожающей позиции, которую продолжают занимать местные католики по отношению к Островецкой православной церкви и ее духовенству» было сочтено целесообразным оставить войска в этом районе «впредь до более надежного успокоения фанатически настроенного местного населения»²⁹.

Волна религиозного экстремизма начала распространяться и на другие уезды Литовской епархии. В Свенцяном уезде попытку насильственного захвата возбужденной толпой католиков Засвирского храма остановило только присутствие 20 вооруженных солдат, присланных сюда для охраны порядка³⁰. Толпа литовцев-католиков дважды пыталась захватить Антолептский женский монастырь Новоалександровского уезда Ковенской губернии. Монастырь удалось отстоять только благодаря присутствию воинской команды³¹. В ряде случаев в роли подстрекателей крестьян к насильственному захвату храмов, по мнению администрации и православного духовенства, выступали местные ксендзы³².

В итоге с обнародованием указа от 17 апреля «упорствующие в латинстве», долгие годы насильственно удерживаемые в православии, обрели наконец возможность открыто исповедовать ту веру, которую считали «истинной». С 17 апреля 1905 г. по 1 января 1911 г. из православия в католичество перешли: по губерниям Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская) – 33 382 человека, по губерниям белорусским (Витебская, Могилевская, Минская) – 22 404. Число отпавших от господствующей церкви на территории шести губерний составило за этот период 55 786 душ обоего пола. Пик отпадений от православия пришелся на 1905–1907 гг., когда вернулись и были обращены в католицизм в губерниях Северо-Западного края 30 658 человек (в Ковенской – 1 130, Виленской – 25 480, Гродненской – 4 048), а в белорусских губерниях – 19 897 человек (в Витебской – 4 017, Минской – 14 493, Могилевской – 1 387). Таким образом, православие в регионе не понесло существенного урона. Напротив, с отпадением «упорствующих» РПЦ избавилась от серьезного источника религиозного недовольства, дестабилизировавшего церковную жизнь в приходах и создававшего напряженные отношения между православными и католиками³³.

Итак, указ 17 апреля 1905 г., позволивший решить ряд проблем, важных для Римско-католической церкви Северо-Западного края, вызвал цепную реакцию «снизу» в виде массовых противоправных действий. Целенаправленные пропагандистские усилия католического духовенства обострили религиозно-этнические противоречия и конфликты. Первый опыт применения указа в этом регионе империи потребовал от правительства поисков новых мер, способных

удовлетворить интересы Римско-католической церкви, не колебля при этом господствующего положения РПЦ.

Примечания

- 1 *Бабин В.Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // *Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.)*. СПб., 2004. С. 217–220.
- 2 Извлечения из Особого журнала Кабинета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. о порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // *Журнал Министерства юстиции*. 1905. № 5. С. 42.
- 3 Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 гг. 3-е изд. СПб., 1909. С. 34–36.
- 4 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 14.
- 5 Там же. Л. 77–78.
- 6 Там же. Л. 28–29, 31–37, 45–46, 60–61.
- 7 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 50–51.
- 8 Там же. Л. 49–51.
- 9 Там же. Л. 53.
- 10 *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни. М., 1994. С. 140–141.
- 11 Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 25.
- 12 Свод Законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1896. Ст. 4; Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Раздел 1-й. О предупреждении и пресечении преступлений против веры. Т. 14. СПб. 1890. Ст. 70; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Раздел 2-й. О преступлениях против веры и нарушении ограждающих оную постановлений. 5-е изд. Т. 15. СПб., 1886. Ст. 187, 193–195.
- 13 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 1; Д. 403. Л. 53.
- 14 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 8.
- 15 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 1–7.
- 16 Там же. Д. 404. Л. 100.
- 17 Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 7373. Л. 16–17; Д. 7285. Л. 114; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 46, 69, 83; Д. 404. Л. 68; Д. 393. Л. 80.
- 18 *Квятковский М.* Из епархиальной жизни // *Литовские епархиальные ведомости*. 1905. № 35–37. С. 310.
- 19 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 80; Д. 405. Л. 46, 69, 83; Д. 404. Л. 68; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 20–21, 60–61; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 58, 177; *Новое время*. 1905. 20 июня; За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 140; *Вестник Вилен-*

А.Ю. Бендин

- ского Свято-Духовского братства. 1911. № 1. С. 13–14; Минское слово. 1911. № 1206.
- 20 Прибавление к церковным ведомостям. 1905. № 31. С. 1291–1293; *Янушкевич П.* Письмо в редакцию // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 313; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 7, 228.
- 21 Окружное архипастырское послание к пастве Литовской архиепископа Литовского и Виленского Никандра // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 25–26. С. 222.
- 22 Виленский вестник. 1905. 7 июля.
- 23 *Никанор.* Границы веротерпимости // Гродненские епархиальные ведомости. 1905. № 26. С. 685–686.
- 24 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 68.
- 25 Распоряжение по краю Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора от 23 ноября 1905 г. № 20, сообщенное гродненскому губернатору // Гродненские епархиальные ведомости. 1905. № 49–50. С. 1305–1306.
- 26 За первый год вероисповедной свободы в России. С. 162–163.
- 27 Там же. С. 161; Не посягайте на Православие: Обсуждение в Государственной думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Вильно, 1909. С. 65; ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 173, 200, 215; Д. 409. Л. 12–13; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 163.
- 28 ГИАЛ. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 210.
- 29 Там же. Д. 414. Л. 8–10.
- 30 Там же. Д. 405. Л. 111–112, 120–121.
- 31 Там же. Д. 404. Л. 200.
- 32 Там же. Д. 355. Л. 36.
- 33 РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.

А.Ю. Бахтурина

РОССИЙСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
И ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ
(1905–1908 гг.)

В статье рассматривается политика российского самодержавия в отношении революционного движения в Финляндии в годы первой русской революции. Борьба правительства П.А. Столыпина с революционным движением была направлена против российских революционеров, которых поддерживали финляндские власти и местное население. Поэтому ее важной частью стало урегулирование правовых аспектов взаимоотношений российской и финляндской полиции на территории княжества. Данный аспект в отечественной историографии практически не рассматривался. В итоге сделан вывод о связи национальной политики российского самодержавия в Финляндии с российским революционным движением.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, революция, полиция, самодержавие, революционеры.

До сих пор нет аргументированного ответа на вопрос о том, насколько отличная от общеимперской система управления окраинами влияла на стабильность Российской империи начала XX в. Первая русская революция стала временем активных антиправительственных выступлений на окраинах европейской части страны: в Царстве Польском, прибалтийских губерниях, Великом княжестве Финляндском. Взаимодействие российского революционного движения и антиправительственных выступлений в Великом княжестве Финляндском, имевших национальную составляющую, по-разному рассматривалось в отечественной историографии.

В 1920-х годах в работах по истории революционного движения в Финляндии¹ говорилось о том, что российские и финляндские революционеры вели общую борьбу с царизмом². В начале 1930-х годов была проведена граница между большевиками и пред-

ставителями финляндских партий, подчеркивалась исключительная самостоятельность деятельности большевиков³. История революционного движения в Великом княжестве превратилась в изучение деятельности большевиков на территории Финляндии и частично – финляндского рабочего движения. Эта тенденция господствовала вплоть до середины 1950-х годов⁴ и существенно сузила возможности исследования проблемы. В 1960-х годах история революционного движения в Финляндии по-прежнему рассматривалась как борьба против существующих социально-экономических отношений⁵. Долгое время вне внимания специалистов оставалась история правительственной борьбы с революционным движением.

Политика российского самодержавия в Финляндии стала изучаться с конца 1960-х годов. С конца 1970-х годов ее изучение пошло более активно⁶. Но до настоящего времени исследователи уделяли мало внимания истории взаимодействия администрации Великого княжества Финляндского и российских властей, Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов в ходе борьбы с революционным движением в 1905–1907 гг.

Финляндия в составе Российской империи обладала особым статусом. Она имела собственную администрацию, полицию, свои деньги. Граница между российской и финляндской территориями проходила вблизи С.-Петербурга и практически не охранялась.

В 1890-х годах по России прошла волна забастовок в Москве, С.-Петербурге, Минске, Вильно и других городах. Активизировалась деятельность социал-демократов. В этой ситуации российская полиция столкнулась с тем, что автономия Финляндии мешает борьбе с революционным движением. На территории Великого княжества Финляндского не было российских жандармских органов. Попастъ в Финляндию можно было по железной дороге, пешком, и, оказавшись в Финляндии, революционер становился фактически недосыгаем для российской полиции. Финляндия становилась перевалочной базой при транспортировке оружия, нелегальной литературы.

Одновременно осложнялась обстановка в мире, возникла серьезная военная угроза со стороны Германии. Возможным союзником Германии в войне с Россией могла стать Швеция, граничившая с Финляндией. В таком случае, по мнению российских военных, необходимо было укреплять оборону в Финляндии, а для этого присоединить финляндскую армию к российской, передать ее под верховное командование. Также предлагалось изменить управление в Финляндии и усилить там контроль имперских властей.

В феврале 1899 г. был опубликован манифест, который изъял из ведения финляндского сейма дела общегосударственного значения, затем были ликвидированы вооруженные силы Финляндии, был издан манифест о переводе деятельности финляндских учреждений на русский язык. В Финляндии зрело недовольство. Одной из форм протеста стала активная помощь финнов русским революционерам и общественным деятелям. Финны помогали всем российским подпольным политическим организациям, ибо считали их своими соратниками в борьбе с русским правительством. А.В. Тыркова-Вильямс вспоминала: «Маленькое княжество стало плацдармом для революционеров и заговорщиков всех толков. В Финляндии прятались, там готовили бомбы, запасались фальшивыми документами, устраивали совещания и съезды, не допуская их в самой России. На финляндской границе не спрашивали заграничных паспортов, а переехав ее, мы уже уходили из ведения русской полиции. У полиции финской были свои инструкции, исходившие от финских властей. Благодаря всему этому Финляндия сыграла немалую роль в русской революции»⁷.

События первой русской революции поставили перед самодержавием задачу организации борьбы с российскими революционерами на территории Финляндии. Перед российскими властями в 1905 г. встало множество вопросов о наблюдении за деятельностью революционеров, о порядке задержания их на финляндской территории, о порядке изъятия дел из общей подсудности и передачи их военному суду. Важную общегосударственную проблему представлял активный ввоз оружия через Финляндию на территорию Российской империи.

В 1905–1906 гг. под влиянием всеобщей забастовки в Финляндии императорские манифесты приостановили действие закона 1899 г. Но в отношениях между правительственными учреждениями империи и Великого княжества сохранялась напряженность. Поэтому важное место во взаимоотношениях С.-Петербурга и финляндской администрации в годы революции занимали попытки императорского правительства добиться поддержки финляндской полиции в борьбе с российскими революционерами, особенно после восстаний 30 июля – 2 августа 1906 г. в Свеаборгской крепости и матросов Скаутденского полуострова. Они были поддержаны финляндскими рабочими и финляндской Красной гвардией и тем показали тесную связь между российским и финляндским революционными движениями. Начиная со второй половины 1906 г. правительство старалось воздействовать на финляндскую администрацию и добиться от нее если не содействия, то, по крайней мере, нейтрального отношения к действиям российской полиции против

русских революционеров, находившихся на территории Великого княжества.

В течение второй половины 1906 г. царское правительство вело переговоры с финляндским сенатом по вопросу о пресечении деятельности русских революционеров в Финляндии. Местные власти, включая генерал-губернатора Н.Н. Герарда, пытались развеять тревогу в правительстве относительно развития революционного движения в Финляндии. В докладной записке от 23 сентября Герард сообщал, что хотя и происходят грабежи банков, но они «вызывают усиленную деятельность местной полиции»; возникают тайные организации, но они малочисленны по составу и опасны лишь «по своим целям». В итоге он заявлял: «Нельзя не заметить единодушного противодействия таким преступным проявлениям со стороны всего общества»⁸. В С.-Петербурге ситуацию считали более серьезной, чем ее представлял Герард. На его докладной записке Николай II написал: «Сладкая водица». Видимо, не согласившись с описанной Герардом мирной ситуацией в княжестве.

27 октября товарищ министра внутренних дел А.А. Макаров предложил министру статс-секретарю по делам Великого княжества Финляндского А.Ф. Лангофу усовершенствовать законодательство Финляндии так, чтобы лица, находящиеся в Финляндии и обвиняемые в совершении преступлений на территории империи, подлежали аресту и высылке в распоряжение российских властей по требованиям, переданным по телеграфу, а судебное постановление можно было доставить в течение месяца⁹.

В ответ на предложения Макарова гражданская экспедиция финляндского сената 4 ноября издала циркуляр о порядке обысков, арестов и выдачи революционеров российским властям, которым финляндская полиция обязывалась по указанию российских полицейских обыскивать или арестовывать российских подданных¹⁰. Практической значимости указ не имел: русские революционеры по-прежнему находили убежище в Финляндии. Но его издание вызвало рост антиправительственных настроений¹¹.

Рост сепаратистских настроений, ввоз оружия через Финляндию, невозможность пресекать полицейскими мерами революционную деятельность на территории княжества побудили российские власти приступить к разработке мер в отношении Великого княжества Финляндского. Одной из первых стало закрытие финляндских портов. В январе 1907 г. для обсуждения этого вопроса была создана межведомственная комиссия под председательством контр-адмирала И.Ф. Бострема. С точки зрения правового обоснования такой меры предлагалось два варианта. Первый – рассматривать мероприятия в Финляндии как внутригосударственные и за-

крыть порты на основании обязательного постановления по правилам о местностях, состоящих на военном положении. Второй имел международный характер: Министерство иностранных дел предложило объявить Финляндию воюющей стороной. Этот путь должен был дать правительству максимальную свободу действий¹². В начале февраля 1907 г. у Николая II состоялось совещание о мерах в отношении Великого княжества¹³. Были рассмотрены предложения комиссии Бострема. Второй вариант был сразу отклонен императором и главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа.

В разработке плана мероприятий в отношении Финляндии активное участие принял П.А. Столыпин, и его предложения получили одобрение императора. В числе признанных необходимыми мер были подготовка введения военного положения в Выборгской губернии и укрепление российской администрации в княжестве. В апреле Николай II распорядился начать подготовку текста правительственного сообщения и императорского указа об объявлении Выборгской губернии на военном положении. В ноябре он вновь вернулся к этому вопросу и написал Столыпину, что «необходимо продолжать приготовления в войсках для введения их в Выборгскую губернию и довести эти приготовления до конца, а затем обождать подходящего момента»¹⁴.

Возможные способы борьбы с революционными организациями на территории Финляндии обсуждались Особым совещанием 3 ноября. Предлагалось несколько вариантов. Часть участников заседания считала необходимым расширить полномочия чинов Отдельного корпуса жандармов в княжестве. Но большинство склонялось к тому, что расширение полномочий жандармов в Финляндии без объявления Выборгской губернии на военном положении ничего не даст. В итоге император издал высочайшее повеление о том, что если не будут ликвидированы самые опасные организации революционеров в Финляндии, то Выборгская губерния будет объявлена на военном положении.

Но военное положение в Выборгской губернии введено так и не было. С.-Петербург объяснял это тем, что русская полиция арестовала несколько руководителей революционных организаций, после чего военное положение решено было не вводить. Но Николай II распорядился установить по границам Финляндии военный кордон, чтобы подозрительные лица не проникали из Финляндии в Россию. Эта версия была предложена Столыпиным Государственной думе в 1908 г.

В имеющихся в настоящее время в распоряжении российских и зарубежных историков документах нет определенных указаний

на то, почему император и Совет министров отказались от этого плана. Ряд финляндских историков объясняет это тем, что весной 1907 г. финляндский сенат представил Николаю II рапорт, доказывавший, что союз «Войма», обвинявшийся в организации ввоза оружия в Финляндию и подготовке антиправительственных выступлений, прекратил свое существование. Лангоф, используя этот документ, сумел успокоить императора¹⁵.

Отказу от введения военного положения также способствовали действия финляндского сената против российских революционеров в ноябре 1906 г. Хотя, по мнению Столыпина, они были недостаточными, но сыграли свою роль в стабилизации обстановки. Таким образом, сопоставив имеющиеся версии и свидетельства, можно говорить о том, что императорское правительство, достигнув относительных успехов в борьбе с революционерами на территории Финляндии, отказалось от крайних мер осенью 1907 г.

Но к концу года правительство вновь обратилось к вопросу о пресечении деятельности русских революционеров на территории Финляндии, поскольку, по мнению Столыпина, желаемого результата достичь не удалось. В письме Лангофу от 5 декабря 1907 г. он сообщил, что в Финляндии подготовлена серия покушений на должностных лиц в С.-Петербурге. Столыпин обратил внимание Лангофа на то, что даже при соблюдении всех формальных требований циркуляра сената от 4 ноября 1906 г. местные власти задерживают передачу российским властям арестованных революционеров. Оценивая ситуацию, Столыпин писал, что со времени обращения Макарова «положение вещей значительно ухудшилось и в настоящее время русским властям приходится считаться уже с наличием широкой системы революционных и террористических организаций, беспрепятственно устроившихся в Финляндии». Он указывал, что хотя сенат заявляет о своей готовности помогать в борьбе с революционным движением, на деле ситуация вряд ли может считаться удовлетворительной как в силу «технических особенностей дела» (отсутствие у финляндской полиции такого опыта), так и потому, что под влиянием революционных событий население и администрация княжества игнорируют интересы империи. «Результатом описанного ненормального положения, – писал Столыпин, – является полная невозможность для русских полицейских и следственных властей выполнять свои функции во всех тех случаях, когда революционные деятели переходят в Финляндию... Чиновники, пытаясь продолжать наблюдение за преступниками в пределах Великого княжества, оказываются в исключительно неблагоприятной обстановке, не только не получая поддержки от местной власти, но встречая от некоторых ее

представителей, а затем и от населения явно враждебное отношение, доходившее уже во многих случаях до открытого преследования». Столыпин пришел к заключению: «Имперское правительство может ныне... констатировать, что во всех случаях, когда русские революционеры пожелают переехать в Финляндию, они делаются недосыгаемыми в значительно большей мере, нежели при выезде их в одно из иностранных государств, власти коих проявляют гораздо более существенное содействие упорной борьбе русского правительства с революционным движением, нежели органы финляндской администрации»¹⁶. Поэтому он предлагал дать возможность российской полиции действовать на территории Великого княжества.

Лангоф ответил 18 декабря, что сенат принял решение усилить финляндскую полицию с 1 января 1908 г. Видимо, это решение не удовлетворило Столыпина. 22 декабря он встретился в Герардом и Лангофом. В письме Николаю II эту встречу он охарактеризовал как «очень бурное заседание». Столыпин, сославшись на императора, заявил Герарду и Лангофу, что в случае дальнейшего неподчинения финнов решено действовать военной силой. Подводя итоги встречи, Столыпин писал, что «по-видимому, в Гельсингфорсе начинают понимать, что это не пустые угрозы», и «дело принимает удовлетворительный оборот»¹⁷.

27 декабря он направил Лангофу разработанный в Министерстве внутренних дел проект мер по пресечению деятельности русских революционеров в Финляндии. В проекте говорилось, что чины финляндской полиции по требованию российских чиновников производят обыски и аресты подозреваемых в государственных преступлениях лиц, которые не являются финляндскими гражданами¹⁸. Проектом также предусматривалось, что российская полиция на территории Финляндии сможет без участия местной администрации обыскивать и арестовывать подозреваемых в государственных преступлениях. Этот проект Министерство внутренних дел предлагало ввести в действие в виде инструкции финляндской полиции.

Генерал-губернатор Герард, ознакомившись с проектом, сообщил, что 9 декабря провел совещание, в котором участвовали сенатор Л. Мехелин и губернаторы двух из восьми губерний Великого княжества Финляндского – Нюландской и Выборгской. Герард отмечал, что он «встретил со стороны этих лиц полную готовность идти навстречу», и решено было «открыть возможность агентам имперской полиции наблюдать за проживающими в Финляндии лицами, принадлежащими к русским революционным организациям, обнаруживать их личность и предупреждать или пресекать

их преступную деятельность». Но присланный Столыпиным проект Герард счел противоречащим Основным законам Российской империи, согласно которым административная и судебная власть в Финляндии относится к сфере местного законодательства. Поэтому издать инструкции, предложенные финляндской полиции, нельзя. Кроме того, писал Герард, если наделить имперскую полицию правом обыска и ареста проживающих в Финляндии русских, то она получит такие полномочия, какими не пользуется в пределах империи: там обыски и аресты проводятся под наблюдением судебной власти и прокурорского надзора.

Тогда Столыпин вновь обратился к Лангофу, требуя установить взаимодействие властей империи и княжества. «Крайне тревожное положение, созданное в Финляндии безответственностью и какою-то экстерриториальностью русских революционеров, укрывающихся в Финляндии, – писал он 1 февраля 1908 г., – заставляет правительство стремиться к тому, чтобы всеми зависящими от него, хотя бы и чрезвычайными мерами положить немедленно предел тому недоумению, при наличии коего преступные предприятия подготовляются беспрепятственно в нескольких верстах от резиденции монарха»¹⁹.

18 марта Столыпин просил Лангофа ускорить решение вопроса. Итогом продолжительной переписки стало то, что в марте финляндский сенат обсудил предложения Министерства внутренних дел и претензии императорского правительства. Члены хозяйственного департамента финляндского сената пришли к выводу, что «революционная деятельность, исходящая из некоторых мест Финляндии, отнюдь не происходит беспрепятственно, и что утверждение, будто русские власти в сем отношении не могут рассчитывать на законное содействие финляндской полиции, представляется неосновательным», а утверждение Столыпина о том, что «некоторые учиненные в империи тяжкие преступления были задуманы и подготовлены в Финляндии, не поддается проверке». Они также отметили, что проведенные ранее усиление финляндской полиции и повышение окладов полицейских чинов позволили повысить ее общий уровень и теперь финляндская полиция «все более удовлетворяет своим задачам»²⁰.

В связи с проектом Министерства внутренних дел члены сената выразили готовность распорядиться, чтобы губернаторы края и впредь следили за деятельностью полицейских властей по розыску российских государственных преступников и чтобы имперским властям оказывалось всяческое содействие, вплоть до выдачи такого рода русских уроженцев российским полицейским властям не позднее чем через сутки после получения соответствующих документов.

Одновременно указывалось, однако, что Министерство внутренних дел выдвигает требования, исполнить которые властью сената, в административном порядке, невозможно. Сенат отметил, что финны, даже и подозреваемые в совершении преступлений против имперских властей, могут рассчитывать «на охрану финляндского правопорядка для своей личности и неприкосновенности жилищ. Предположение об обязательной силе даваемых русскими чиновниками указаний относительно производства обыска является прямым вторжением в права финляндских граждан».

Вместо этого предлагалось, чтобы русские полицейские чиновники задерживали проживающих в Финляндии русских государственных преступников и передавали их финляндским полицейским властям. Те, в свою очередь, должны отсылать их к губернатору и содержать под стражей до поступления от российских властей требования о выдаче²¹.

В итоге 21 марта губернаторам края предписывалось выдавать задержанных русских не позднее чем через сутки после поступления из империи требования о выдаче, а также разъяснялось, что проживание русского у финна не служит препятствием к проведению обыска или ареста. Циркуляром от 27 марта финляндский генерал-губернатор напомнил губернаторам о правах русских полицейских чиновников и необходимости оказывать им содействие²².

Но существенного значения, по мнению Департамента полиции, эти меры не имели. Заведующий Особым отделом Департамента полиции полковник Е.К. Климович отмечал, что в вопросах охраны российских государственных интересов в Финляндии на содействие финляндской полиции рассчитывать нельзя, так как «финская полиция почти сплошь состоит из конституционалистов и проявляет только внешне свою готовность оказывать содействие исполнению законных требований русских властей... Поэтому в деле раскрытия сепаратистских сообществ при таком составе полиции можно рассчитывать лишь на замаскированное ее противодействие»²³. Недовольство мерами, принятыми финляндским властями, высказал и Столыпин. В феврале 1908 г. в частной беседе с финляндским сенатором Э. Йельтом он напомнил ему, что правительство не может позволить финнам давать убежище российским революционерам, и пообещал, что если так будет и дальше, то правительство примет решительные меры. Наверняка он намекнул на возможное введение военного положения²⁴.

Опыт революционных лет побудил российское правительство наметить мероприятия по подавлению вооруженных беспорядков в Финляндии в случае их повторного возникновения. Междуведомственная комиссия под председательством товарища министра

внутренних дел, командующего Отдельным корпусом жандармов генерала П.Г. Курлова предлагала в случае начала вооруженных выступлений в Финляндии увеличить число чинов пограничной стражи, немедленно заменить чинов финляндской администрации лицами, состоящими на императорской службе. После ликвидации в 1905 г. Финляндского военного округа финляндские генерал-губернаторы не имели в своем распоряжении вооруженных сил в Финляндии. Теперь комиссия Курлова предлагала дать финляндскому генерал-губернатору право вызывать военную помощь. Комиссия также предлагала построить соединительную железнодорожную ветку от Николаевского вокзала до Петербургской станции Финляндской железной дороги, что препятствовало бы угону подвижного состава вглубь Финляндии²⁵. Параллельно был разработан план передвижения войск на случай беспорядков. 11 апреля 1908 г. император утвердил соответствующее положение Совета министров.

События первой русской революции показали, что в антиправительственном движении на территории Великого княжества Финляндского принимали участие самые широкие слои населения. Оно принимало различные формы: от забастовок до пассивного сопротивления предложениям российских властей. Это способствовало развитию российского революционного движения, которое в начале XX в. находило самую разнообразную поддержку в Финляндии. Попытки правительства Столыпина исправить ситуацию не дали желаемого эффекта, наталкиваясь на пассивное сопротивление финляндской администрации.

Примечания

- 1 Сирола Ю. 1905 год в Финляндии // История революционного движения в отдельных очерках. Вып. 1. М.; Л., 1927; *Он же*. Коммунистическая партия Финляндии. М.; Л., 1929; *Смирнов В.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933.
- 2 См., напр.: *Смирнов В.* Указ. соч. С. 5–7; *Майзель М.* Страницы революционной истории финляндского пролетариата. Л., 1928.
- 3 *Смирнов В.* Указ. соч. С. 14.
- 4 *Ювеналий Ю.* Важнейшие моменты финляндского рабочего движения // Борьба классов в Финляндии. М.; Л., 1931. С. 89–106; *Сюкияйнен И.И.* Революционные события 1905–1907 гг. и международное революционное движение. М., 1955; *Ильинский Я.С.* Роль русского рабочего класса в национальном освобождении Финляндии // Вопросы истории. 1953. № 12. С. 60–70; *Он же*. Революция 1905 г. в Финляндии // Вопросы истории. 1955. № 12. С. 45–62.

- 5 *Моберг Х.И.* О связях эстонских и финских трудящихся в 1900–1918 гг. // Скандинавский сборник. Вып. 5. Таллин, 1962. С. 155–163; *Власова М.Н.* Участие финских красногвардейцев в Свеаборгском восстании 1906 г. // Скандинавский сборник. Вып. 2. Таллин, 1957. С. 222–256; *Коронен М.М.* Ленин и Финляндия // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 3–10; *Сюкияйнен И.И.* В.И. Ленин и Финляндия // Новая и новейшая история. 1969. № 5. С. 3–10; и др.
- 6 *Дусаев Р.Н.* Становление государственной автономии Великого княжества Финляндского (1808–1809). Свердловск, 1983; *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е гг. XIX в. Л., 1979; *Он же.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982; *Овчинникова А.Я.* Революционная Россия и Финляндия. Таллинн, 1988; *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986.
- 7 *Търкова-Вильямс А.* То, чего больше не будет. М., 1998. С. 328.
- 8 РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.
- 9 РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 94об.–95.
- 10 Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 229. Л. 3об.
- 11 АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 257. Л. 5.
- 12 Там же. Д. 278–279. Л. 2–4.
- 13 Красный архив. 1924. № 5. С. 107.
- 14 Там же. С. 115–116.
- 15 *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland. Helsinki, 1997. P. 208.
- 16 РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 2–4.
- 17 Там же. Л. 23–24об.; Красный архив. 1928. № 5. С. 81.
- 18 РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 59. Л. 49–49об.
- 19 Там же. Л. 29–30, 43–48.
- 20 Там же. Л. 68–69, 71–75.
- 21 Там же. Л. 76–80.
- 22 Там же. Л. 84–84об., 86–88.
- 23 Записка о политическом положении Финляндии заведующего Особым отделом Департамента полиции полковника Климовича 21 августа 1909 года. Б.м. Б.г. С. 23.
- 24 *Luntinen P.* Op. cit. P. 208.
- 25 Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 год. М., 2000. С. 464.

А.Ю. Сизова

РОССИЙСКОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ:
ЗАМЫСЛ И НАЧАЛО ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕФОРМЫ

В статье рассматривается реформаторская деятельность Временного правительства в российской высшей школе. Его стремление решить наиболее острые проблемы образования, всерьез тормозившие модернизацию государства в начале XX в., привели к попытке масштабной реализации либеральной образовательной программы. Целью данной работы стало выявление основных направлений этих реформ и анализ их эффективности. Автор выделяет три направления данной деятельности: демократизация правил приема в вузы, расширение сети вузов и установление принципов автономии высшей школы. Два из этих направлений получили дальнейшее развитие уже при советской власти.

Ключевые слова: Временное правительство, высшее образование, реформа, А.А. Мануйлов, С.Ф. Ольденбург, С.С. Салазкин.

В начале XX в. высшая школа являлась важнейшим фактором развития российского государства, будучи напрямую связана с экономической и политической модернизацией страны. Развитие высшей школы тормозилось многими проблемами. Наиболее сложными из них были: дефицит высших учебных заведений, что приводило к острому дефициту специалистов с высшим образованием в экономике, государственном управлении, социальной сфере; неудовлетворенность общественного спроса на высшее образование; социально-экономическая нецелесообразность географического размещения вузов; различная ведомственная подчиненность высших учебных заведений, затруднявшая процесс управления ими.

Февральская революция предоставила возможность российской профессуре претворить в жизнь либеральную программу обновле-

ния системы высшего образования, которая осмысливалась ими на протяжении нескольких предреволюционных десятилетий.

После свержения самодержавия портфель министра народного просвещения вплоть до 26 сентября сохраняли за собой кадеты. Первым министром стал А.А. Мануйлов, ученый-экономист и общественно-политический деятель. Со 2 июля по 26 сентября этот пост занимал академик-востоковед С.Ф. Ольденбург. А 26 сентября министром был назначен С.С. Салазкин – эсер, представитель группы «земцев», известный специалист-биохимик. Политика всех трех министров по сути являлась попыткой воплощения в жизнь кадетской образовательной программы.

Прежде всего было намечено приблизить высшую школу к экономическим и социальным задачам, стоящим перед Россией. Самыми неотложными мероприятиями считались развитие профессионального образования, расширение сети высших учебных заведений, проведение в жизнь основных принципов подлинной автономии высшей школы, реформа уставов вузов¹.

Для разработки конкретных мер по реформированию высшей школы Временным правительством было создано три государственных органа: Комиссия по реформе вузов, Совецание по реформе вузов и Комитет по народному образованию. Два первых занимались исключительно высшей школой, а третий – реформированием системы образования в целом. К своей работе они широко привлекали общественность, прежде всего вузовскую профессуру.

Комиссия по реформе высшей школы одним из самых важных сочла вопрос об объединении всех высших учебных заведений в ведомстве Министерства народного просвещения². К 1917 г. все государственные, общественные и частные вузы распределялись между десятью ведомствами. Зачастую вузы одного и того же профиля находились в подчинении разных министерств. Это чрезвычайно затрудняло проведение целенаправленной политики по реформированию системы высшего образования в соответствии с социально-экономическими потребностями страны.

Но несмотря на признание пагубности такого положения вузовской общественностью, да и самим Временным правительством, в этом направлении не было сделано решительных шагов. Причиной тому стал, прежде всего, недостаток времени: его попросту не хватило на реализацию столь масштабной задачи. Нестабильность общественно-политической обстановки и «министерская чехарда» также препятствовали решению этой проблемы.

Важнейшим шагом на пути демократизации высшего образования стала отмена всех сословных, национальных, религиозных, политических и половых ограничений при поступлении в вуз.

Циркуляром Временного правительства от 10 марта все лица, отчисленные ранее по политическим или религиозным мотивам, принимались обратно, отменялось требование предоставлять при поступлении в вуз сведения о политической благонадежности³. Возвращались в университеты студенты-евреи, отчисленные ранее как не имеющие православного вероисповедания, а также члены сионистских организаций⁴. Постановлением правительства от 14 июня священнослужителям было разрешено поступать в светские вузы⁵.

В мае Министерство народного просвещения отменило правило о прикреплении лиц, поступающих в вузы, к учебным округам⁶, предоставив полную свободу абитуриентам в выборе учебного заведения.

Важнейшим шагом стала отмена ограничений для поступления в вузы женщинам. Если раньше женщины принимались в университеты лишь на места, оставшиеся после приема мужчин, то отныне абитуриенты обоего пола принимались на равных основаниях⁷.

После многократного обсуждения и жарких споров по вопросу о средних учебных заведениях, дававших право на поступление в университет, 13 июня Министерство народного просвещения выпустило циркуляр, четко очерчивающий круг этих школ. К их числу теперь относились, помимо традиционных мужских гимназий, реальные училища, учительские институты, женские гимназии, 4-классные православные духовные семинарии, корпуса военного и морского ведомства, 7- и 8-классные общественные коммерческие училища. Выпускникам тех учебных заведений, программа которых отличалась от программы мужских гимназий, надлежало сдать дополнительные испытания в объеме их курса, в том числе по древним и новым языкам⁸.

8 июля «Вестник Временного правительства» опубликовал циркуляр Министерства народного просвещения, вводивший новые правила приема в высшие технические учебные заведения. Круг средних учебных заведений, дававших право поступления в технические вузы, также был расширен, и в целом их список получился гораздо объемней списка средних учебных школ, выпускники которых получали право поступать в университеты. В частности, впервые право готовить своих выпускниц для поступления в технические вузы получили женские средние учебные заведения и православные духовные семинарии⁹. Чуть раньше министр торговли и промышленности А.И. Коновалов утвердил такие же правила приема для женщин в высшие технические учебные заведения, состоявшие в ведении Министерства торговли и промышленности¹⁰.

В условиях расширения автономии высшей школы эти правила не были абсолютно обязательны для исполнения. В ряде случаев

Советам вузов давалось право по собственному усмотрению устанавливать правила приема абитуриентов, чем они зачастую успешно пользовались. Так, Совет Московского университета постановил в 1917/18 учебном году принимать в число студентов выпускников реальных училищ без дополнительного экзамена по латинскому языку¹¹.

Отмена ограничений для абитуриентов и студентов породила новую проблему: резкое увеличение числа желающих и имеющих возможность обучаться в вузах. Это неизбежно вело к их перегрузке, что могло привести к снижению качества образования. Небывалое число прошений от абитуриентов и студентов других учебных округов хлынуло в целый ряд столичных вузов¹². Из-за неуправляемого потока заявлений от абитуриентов провинциальных учебных округов Мануйлов даже предлагал ректору Петроградского университета в директивном порядке полностью прекратить прием лиц, желающих поступить на его медицинское отделение в 1917/18 учебном году¹³. В связи с этим впервые была допущена возможность состязательных экзаменов при приеме в технические вузы, которые предполагалось проводить по математике, физике и русскому языку¹⁴.

Так жизнь поставила вопрос об увеличении числа студенческих мест в системе российского высшего образования. Естественно, что для начала необходимо было изыскать возможность сделать это в максимально короткий срок и с минимальными затратами материальных и людских ресурсов. Наиболее простым решением сочли не открытие новых вузов, а расширение уже существующих: организацию новых факультетов и отделений.

Одним из самых спешных вопросов, рассмотренных Комиссией по реформе вузов уже 21 марта, стало преобразование Пермского отделения Петроградского университета, работавшего с 1916 г. в составе медицинского факультета, в самостоятельный университет¹⁵. 29 апреля было принято постановление Временного правительства об открытии 1 июля Пермского университета в составе четырех факультетов: историко-филологического, физико-математического, юридического и медицинского¹⁶. По подсчетам Комиссии по реформе вузов, только на оборудование факультетов, не считая строительных работ, было необходимо около 6 млн руб. Правда, 3 млн с радостью согласилась выделить общественность Перми.

При организации новых факультетов и реорганизации старых вузов неизбежно встала проблема обеспечения их профессорско-преподавательским составом. Министерству народного просвещения приходилось решать этот вопрос в ущерб уровню квалификации преподавателей. В Пермском университете к исправлению

обязанностей ординарного профессора были допущены лица не только не имевшие степени доктора наук, но даже степени магистра. Единственным требованием стало пребывание в должности приват-доцента одного из российских вузов не менее 5 лет, а для звания экстраординарного профессора достаточно было проработать в должности приват-доцента 3 года. Такое «попустительство» было вынужденным и ограничивалось по времени: лишь в течение 5 лет с момента образования Пермского университета¹⁷.

Важнейшим шагом стало открытие 1 июля трех новых факультетов в Саратовском университете: историко-филологического, физико-математического и юридического¹⁸. Вопрос о создании новых факультетов в этом университете встал уже давно. Еще при разработке проекта Саратовского университета, открытого в 1909 г., предполагалось создать его в полном составе факультетов, но из-за опасения, что не удастся обеспечить его преподавательскими кадрами, остановились на создании лишь одного факультета – медицинского¹⁹. При острой нехватке в Нижнем Поволжье специалистов самого разного профиля работа университета в составе лишь одного факультета порождала настоятельную необходимость не откладывать это дело в долгий ящик, и общественность Саратова неоднократно обращалась к императорскому правительству с просьбой открыть новые факультеты²⁰. Однако никакой реакции из С.-Петербурга не последовало.

Решением этого вопроса при Временном правительстве занялась Комиссия по реформе вузов. Она разработала и обосновала возможность открытия новых факультетов в Саратовском университете уже в 1917/18 учебном году.

Самым сложным стал подбор преподавательских кадров. Это было поручено специально созданной комиссии из профессоров Петроградского университета под председательством профессора И.М. Гревса: ей предстояло рассмотреть кандидатуры, самые разные по ученому цензу и научным заслугам. Только на одном историко-филологическом факультете замещению подлежали должности 8 кафедр²¹. Особенно трудно оказалось подобрать историков. Причем если специалистов по отечественной истории подыскивали относительно быстро, то поиски специалистов по всеобщей истории затягивались. Большой удачей для университета стало согласие на переезд в Саратов приват-доцента Петроградского университета В.А. Бутенко, впоследствии крупнейшего исследователя истории стран Запада²². В подборе кадров активно участвовало и Министерство народного просвещения, которое, как и для Пермского университета, временно смягчило требования к кандидатам на профессорские должности²³.

1 июля были открыты два новых факультета – историко-филологический и физико-математический – в Томском университете. И в этом случае Министерство народного просвещения установило те же смягченные требования к претендентам на профессорские должности²⁴.

Под воздействием бурного роста украинского национализма Временное правительство решилось на изменение структуры Киевского и Харьковского университетов: ввело в их состав нескольких украинских кафедр. В Киевском университете были учреждены четыре кафедры: украинского языка, украинской истории, украинской литературы (на историко-филологическом факультете) и истории западно-русского права (на юридическом)²⁵. На историко-филологическом факультете Харьковского университета были открыты кафедры малорусской филологии и малорусской истории²⁶.

Одновременно с расширением старых вузов Временное правительство приступило к организации новых. Это упрощалось тем, что органы городского самоуправления, представители общественности и предпринимательских кругов выражали готовность к внушительным финансовым пожертвованиям на создание местных университетов и технических вузов. Наибольшую активность и последовательность в отстаивании своего права на открытие новых вузов проявляли города с ускоренно развивавшейся промышленностью²⁷. Собираемые суммы превышали миллионы рублей, а под строительство зданий новых вузов отводились лучшие участки земли²⁸. Временному правительству оставалось лишь привести к общему знаменателю настойчивую инициативу городов, соотнеся их возможности с насущными потребностями государства, и задать необходимые направления расширению сети высших учебных заведений. Что оно и сделало, наметив круг городов, в первую очередь претендующих на открытие в них новых вузов: Иркутск, Воронеж, Пермь, Казань, Самара, Ташкент, Тифлис²⁹.

5 мая Временное правительство приняло закон об открытии Политехнического института в Тифлисе, законопроект об учреждении которого «рассматривался» императорским правительством 9 лет – с 1907 по 1916 г.³⁰ Институт открывался в составе четырех факультетов: сельскохозяйственного, химического, гидромеханического и экономического³¹.

Поиск быстрого и дешевого способа распространения высшего образования, прежде всего технического, породил идею открытия «университетов нового типа»: имеющих в своей структуре, помимо четырех традиционных факультетов, еще и технический. Был разработан предварительный план организации подобных университетов в Воронеже, Перми, Казани и Одессе³².

27 июня Комиссия по реформе вузов приняла предложение Московского биржевого комитета об учреждении кафедр промышленного права и рабочего права на юридических факультетах столичных университетов. Все расходы по содержанию этих кафедр в Московском университете Биржевой комитет брал на себя³³.

15 октября в Иркутске впервые был открыт «университет нового типа» – Восточно-Сибирский³⁴. Помимо четырех традиционных факультетов, в его составе были намечены к организации горно-металлургический, сельскохозяйственный, лесной и архитектурно-строительный³⁵. Историко-филологический факультет предполагалось дополнить кафедрой востоковедения, что возлагало на университет подготовку кадров для дипломатической службы на Дальнем Востоке³⁶.

Необходимость создания в Иркутске высшего учебного заведения назрела давно. На протяжении нескольких лет этот вопрос не раз поднимался городской думой и общественными организациями. Поэтому, когда Министерство народного просвещения приняло решение об открытии, местные власти тут же обязались отвести безвозмездно участок земли, сколько окажется нужным, а на время строительства университетского здания предоставить учебные помещения и пожертвовать из городских средств на устройство университета не менее 500 тыс. руб.³⁷ Местные предприниматели разделились на две группы: одни согласились финансировать строительство только университета, другие – только технического вуза³⁸. Так новаторская идея гармонично соединилась и с общественными настроениями, и с очевидной целесообразностью слияния двух финансовых потоков в одном проекте.

Однако, несмотря на повышенное внимание Министерства народного просвещения и чрезвычайную спешность в решении этого вопроса, к октябрю удалось открыть только юридический факультет. Остальные предполагалось открыть в самом ближайшем будущем³⁹.

1 июля постановлением Временного правительства между городами Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону был учрежден еще один университет – Донской⁴⁰ – в составе четырех факультетов: историко-филологического, юридического, медицинского и физико-математического⁴¹. Открыт он был на базе эвакуированного в 1915 г. в Ростов Варшавского университета. После эвакуации положение Варшавского университета было весьма неопределенным: в Министерстве народного просвещения так и не сложилось твердого мнения по поводу географического размещения этого вуза, что, естественно, не могло способствовать организации традиционной академической жизни. При этом юг России чрезвычайно нуждался в собственном университете, и Ростовская городская

дума неоднократно ставила перед императорским правительством вопрос об оставлении у себя Варшавского университета навсегда. Однако вопрос этот так и не был решен из-за бюрократических проволочек, а отчасти из-за финансовых проблем: создание университета было возможно только при строительстве недостающих зданий, на что требовалось около 2 млн руб. Нерешенным оставался и вопрос о земельных участках, необходимых для строительства.

Сразу после Февральской революции, в марте, необходимую площадь для постройки зданий университета обязался дать близлежащий к Ростову город Нахичевань. В связи с этим Ростовская городская дума была освобождена от необходимости выделения своей земли, что для нее было особенно сложным⁴². Расходы же на постройку университетских зданий в сумме 2 млн руб. были возложены на ростовское городское самоуправление, из которых 1 млн рублей обязались возместить городу местные торгово-промышленные и биржевые общества.

Весь личный состав Варшавского университета автоматически перевели в штат Донского университета, причем приват-доценты были утверждены в должностях экстраординарных профессоров⁴³. После того как ситуация стала более определенной, вакантные должности на кафедрах стали быстро замещаться, и за 1917 г. университет пополнился новыми научными силами⁴⁴. Всем студентам и вольнослушателям Варшавского университета было предоставлено право перейти в Донской. Стремясь восполнить дефицит специалистов с высшим образованием в Донской области, при приеме новых студентов в университет преимущество оказывалось коренным жителям Ростова и Нахичевани⁴⁵.

Судьбу Варшавского университета почти в точности повторил Варшавский политехнический институт, который был эвакуирован в Нижний Новгород. 1 октября он был упразднен, а вместо него учрежден Нижегородский политехнический институт в составе тех же четырех факультетов: химического, механического, инженерно-строительного и горного. Весь личный состав Варшавского института как по учебной, так и по административно-хозяйственной части автоматически переводился в штат Нижегородского. Студентам предоставлялось право перейти на соответствующие факультеты⁴⁶.

1 сентября Демидовский юридический лицей был преобразован в Ярославский университет, предназначенный для обеспечения специалистами Ярославской, Костромской, Вологодской и Тверской губерний. Открыт он был в составе одного юридического факультета, осенью 1918 г. к нему предполагалось добавить медицинский, а впоследствии – физико-математический и историко-фило-

логический факультеты⁴⁷. Открытие его также было осуществлено на деньги общественных организаций и предпринимателей⁴⁸.

Министерство народного просвещения разработало, а Временное правительство в сентябре утвердило проект положения о Самарском женском педагогическом институте. Открывался он в составе двух факультетов: историко-филологического и физико-математического. Для практической подготовки слушательниц при институте предполагалось открыть детский сад, начальное училище, высшее начальное училище и женскую гимназию⁴⁹.

Осенью был открыт Казанский медицинский женский институт, учебный курс которого был разработан на основе программ медицинских факультетов университетов. Институту предоставлялось право принимать и лиц мужского пола⁵⁰.

Наконец, были учреждены Горный институт в Екатеринбурге и Молочно-технический в Вологде⁵¹.

Важным шагом на пути предоставления вузам подлинной автономии стало изъятие их из ведения попечителей учебных округов и передача в непосредственное подчинение Министерству народного просвещения. Это значительно расширяло как права, так и ответственность вузов⁵².

В мае Комиссия по реформе вузов рассмотрела записку академика В.И. Вернадского «Об отношении попечителей учебных округов к высшей школе». Авторитетный ученый указывал на то, что, ввиду необходимости построения управления высшей школой «на основах полной академической автономии», необходимо прекратить «всякое отношение к ним попечителей учебных округов»⁵³. Комиссия утвердила записку, и в июне был издан циркуляр Министерства народного просвещения об изъятии вузов из ведения попечителей учебных округов, который 1 июля получил статус закона⁵⁴. Из ведения попечителей были изъяты как государственные вузы, так и общественные и частные⁵⁵, однако это распространялось только на вузы Министерства народного просвещения, остальные же, «ведомственные», продолжали оставаться в прежнем положении. Вузам было предоставлено широкое самоуправление, отныне по всем основным вопросам они непосредственно входили в сношение с министерством.

Однако эта мера носила незавершенный характер: оставляла за своими рамками многие вузы и не определяла в законодательном порядке статусные взаимоотношения между министерством и вузом, тем самым закладывая основу неизбежных в будущем противоречий во взаимоотношениях сторон.

Вопрос об автономии высшей школы вызревал в умах российской профессуры на протяжении десятилетий, в сложных условиях

постоянных трений, а то и конфликтов с министерством, перемежающихся поиском диалога между обеими сторонами. В 1917 г. профессура формулировала свое понимание принципов автономии высшей школы как способ управления, который наилучшим образом соответствовал бы интересам науки и преподавания. По словам нового ректора Московского университета профессора М.А. Мензбира, «если политика не должна расшатывать дело научного развития и научного преподавания снизу, в той же степени она не должна оказывать давление на высшую школу и сверху, и лучшим средством защиты для высшей школы от насильственного проведения в ней тех или других идей является ее автономия»⁵⁶. По сути, автономия высшей школы заботила профессуру прежде всего с точки зрения передачи максимального числа управленческих функций в ее руки.

Стержнем политики предоставления высшей школе подлинной автономии и одновременно важнейшей уступкой профессорам стало грандиозное расширение полномочий Советов вузов.

По уставу 1884 г. круг задач, подлежащих окончательному решению Советами, ограничивался двумя: присуждение ученых степеней и ежегодное определение общего числа медалей, присуждаемых студентам, с распределением их между факультетами⁵⁷. После Февральской революции в руках Советов во многом сосредоточилась учебно-административная власть в вузах. Советам было предоставлено право самим решать как учебные вопросы, прежде требовавшие разрешения министра⁵⁸, так и целиком разрабатывать методику преподавания⁵⁹. В сущности, ответственность за весь учебный процесс отныне легла на плечи Советов вузов. В технических вузах Министерства народного просвещения Советы получили даже право самостоятельно определять число ежегодно принимаемых учащихся, равно как и правила и условия приема⁶⁰. Советам государственных и частных медицинских вузов было предоставлено право освобождать от призыва в армию врачей-преподавателей⁶¹.

Все эти шаги стали важным сдвигом в системе управления высшей школой в сторону ее децентрализации. Они свидетельствовали и о куда большей степени доверия министерских чиновников профессуре, что представляется взаимообусловленным фактором, если принять во внимание, что партия, получившая возможность определять государственную политику в сфере образования в этот короткий период, по праву носила неофициальное название «партии профессоров», и о большой роли, которую сыграла российская профессура в работе министерских комиссий по разработке реформ высшего образования. По сути, время правления Временного

правительства с полной уверенностью можно назвать «золотым веком российской профессуры».

Шагом к демократизации высшей школы и одновременно к наращиванию образовательных возможностей вузов стало увеличение штатов преподавателей. 24 июля Временное правительство восстановило должность штатного доцента, существовавшую по уставу 1863 г., но упраздненную уставом 1884 г.⁶² Профессиональные требования к кандидатам на эту должность были весьма мягкими: она могла быть замещена лицами, как имеющими степень доктора или магистра, так и не имеющими этих степеней. Допускались на эту должность приват-доценты, имевшие опыт преподавательской работы не менее трех лет, а также лица, не имевшие педагогического стажа, но зарекомендовавшие себя научной или научно-технической деятельностью (наличие публикаций, участие в научных проектах). Замещение должностей доцентов производилось в порядке рекомендации или конкурса, порядок же и условия конкурса утверждались Советом вуза по рекомендации факультетского собрания. Кандидатов на должность доцента также подбирал факультет. Поначалу должность доцента была введена только в университетах, но уже в августе – во всех вузах Министерства народного просвещения⁶³.

Проникнутая духом корпоративной солидарности, профессура в некоторых вузах ревниво отнеслась к учреждению преподавательских должностей нового типа, в профессиональных качествах которых она могла, и порой небезосновательно, усомниться⁶⁴. Однако в условиях острого дефицита профессорско-преподавательских кадров в вузах при огромном спросе на высшее образование эта мера была оправданна.

Временное правительство даже в условиях продолжения войны стремилось материально поддержать высшую школу: в 1917 г. Министерство народного просвещения выделило на ее развитие более 2,5 млн руб.⁶⁵ Однако из-за нарастания экономического кризиса финансовое положение вузов к осени оказалось катастрофическим. Не хватало денег на выплату жалованья служащим и преподавателям, не говоря уже о печатании научных трудов и диссертаций. У большинства вузов не было средств на подготовку к грядущему отопительному сезону. Зимой 1916/1917 гг. из-за нехватки топлива не раз срывались занятия, теперь же грядущие холода угрожали сорвать весь учебный год. Министерствами народного просвещения и земледелия даже рассматривался вопрос о возможности вырубке леса для отопления вузовских помещений самими учащими и учащимися⁶⁶. Колоссально выросли долги за электроэнергию. Дефицит бюджета Московского университета составил 1,2 млн руб.⁶⁷

Большинство высших учебных заведений встало на грань финансового краха и оказалось перед угрозой закрытия⁶⁸. Некоторые московские вузы (Коммерческий институт, Высшие женские курсы, Техническое училище) вынуждены были с нового учебного года повысить плату за обучение. Рассматривался этот вопрос и в Московском университете: дошло до того, что родилось намерение весь университет «заложить в кредит»⁶⁹. Не легче была ситуация и в других университетах: многие библиотеки, методические кабинеты, научные лаборатории оказались на грани разорения.

Профессора переехавших университетов (например, Донского) в спешке бросали на прежних местах все университетское имущество. А вновь открытым вузам неоткуда было взять оборудование, книги и учебники для библиотек, не хватало профессоров⁷⁰. Вдобавок они потеряли около половины своих студентов.

Так экономический кризис в большой степени обесценил, а то и сорвал, прогрессивные меры Временного правительства в сфере высшего образования. Не способствовали его реформе и кризис власти, и социальный раскол в обществе, и радикализация настроений.

В итоге из всех направлений демократической реформы высшего образования, начатой Временным правительством, продолжение нашло лишь одно – расширение сети высших учебных заведений, ставшее серьезным вкладом в дело развития высшего образования в России. План географического размещения вузов, разработанный при Временном правительстве, был впоследствии взят на вооружение большевиками и получил свое дальнейшее развитие, в чем они, разумеется, никогда не признавались. Демократизация правил приема в вузы была ими еще более расширена, однако, по сути, извращена в интересах «строительства социализма». А курс на автономизацию высших учебных заведений был свернут, и вскоре вузы потеряли все права, принесенные им Февральской революцией.

Примечания

- 1 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 274. Л. 1–1об.
- 2 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 5; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. С. 163, 164, 171.
- 3 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 204. Л. 2–2об.; Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 5. С. 14; Голос Казани. 1917. 15 марта.
- 4 ГА РФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 54. Л. 13.
- 5 Там же. Д. 28. Л. 48; Ученые записки МГУ. Вып. 51. История. М., 1940. С. 56.
- 6 Вестник Временного правительства. 1917. 24 мая; Голос свободы. 1917. 26 мая.
- 7 ГА РФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 12. Л. 26.
- 8 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 204. Л. 13–13об.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924.

А.Ю. Сизова

- Л. 19–24; 29об–30.
- 9 Вестник Временного правительства. 1917. 8 июля.
  - 10 Вестник Временного правительства. 1917. 13 мая.
  - 11 Раннее утро. 1917. 29 июня.
  - 12 Там же.
  - 13 Вестник Временного правительства. 1917. 18 июня.
  - 14 Вестник Временного правительства. 1917. 14 мая.
  - 15 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 2–26об.
  - 16 Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 7–8. С. 30; № 10. С. 54; РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 274. Л. 26; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 35; Вестник Временного правительства. 1917. 23 июня.
  - 17 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 5.; 27.
  - 18 ГА РФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 28. Л. 116; Вестник Временного правительства. 1917. 18 июня; 23 июля; *Соломонов В.А.* Революционное студенческое движение в Саратове, 1910–1917. Саратов, 1991. С. 49.
  - 19 *Клестова С.Л.* В.А. Бутенко – профессор Саратовского университета (1917–1928) // Российские университеты в XVIII–XX вв. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 199.
  - 20 *Золотарев В.П.* Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931) // Новая и новейшая история. 1996. № 6.
  - 21 *Клестова С.Л.* Указ. соч. С. 199–200.
  - 22 *Золотарев В.П.* Указ. соч.; *Клестова С.Л.* Указ. соч.
  - 23 Вестник Временного правительства. 1917. 23 июля; *Клестова С.Л.* Указ. соч. С. 200.
  - 24 Вестник Временного правительства. 1917. 18 июня; 23 июля; *Зайченко П.А.* Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. Томск, 1960. С. 190.
  - 25 Вестник Временного правительства. 1917. 26 авг.
  - 26 Вестник Временного правительства. 1917. 18 июня.
  - 27 *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 188.
  - 28 Вестник воспитания. 1917. № 4–5. С. 219; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 227–227об.
  - 29 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 207. Л. 18об.
  - 30 *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 62.
  - 31 Вестник Временного правительства. 1917. 11 авг.; *Молчанов И.И.* Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М., 1982. С. 215.
  - 32 Там же. Указ. соч. С. 319.
  - 33 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 166–166об.
  - 34 Вестник Временного правительства. 1917. 21 сент.; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 239.
  - 35 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 207. Л. 16–16об.
  - 36 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 239.
  - 37 Вестник Временного правительства. 1917. 10 сент.; 12 сент.
  - 38 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 207. Л. 18.

- 39 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 243об.; Вестник Временного правительства. 1917. 21 сент.; Новое время. 1917. 10 сент. С. 4.
- 40 ГА РФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 28. Л. 115, 116; Ростовский государственный университет (1915–1985). Ростов, 1985. С. 15; XX лет Ростовскому-на-Дону государственному университету. Ростов-н/Д, 1935. С. 43.
- 41 Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 7–8. С. 30; № 10. С. 54; Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая.
- 42 Ростовский государственный университет (1915–1985). С. 14–15.
- 43 Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая.
- 44 XX лет Ростовскому-на-Дону государственному университету. С. 43.
- 45 Вестник Временного правительства. 1917. 6 мая; 29 авг.
- 46 Вестник Временного правительства. 1917. 14 июля.
- 47 Вестник Временного правительства. 1917. 23 сент.
- 48 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 182.
- 49 Вестник Временного правительства. 1917. 7 июня.
- 50 Вестник Временного правительства. 1917. 14 мая; Раннее утро. 1917. 14 мая.
- 51 ГА РФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 43. Л. 7.
- 52 Вестник воспитания. 1917. № 6–7. С. 87.
- 53 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 210. Л. 1; *Иванов А.Е.* Указ. соч. С. 172.
- 54 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 274. Л. 26об.; *Иванов А.Е.* Указ. соч.
- 55 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 210. Л. 2, 26.
- 56 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 112а. Л. 132–132об.; Вестник воспитания. 1817. № 4–5.
- 57 Общий Устав императорских российских университетов // ПСЗ. 3-е изд. Т. 4. Ст. 2404.
- 58 ГА РФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 51. Л. 20об.
- 59 Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 5. С. 71, 123.
- 60 Вестник Временного правительства. 1917. 3 сент.
- 61 Вестник Временного правительства. 1917. 19 июля.
- 62 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 123об., 129об.–132об.; *Попова Т.Н.* Из истории историографии: П.М. Бицилли // Российские университеты в XVIII–XX вв. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 208.
- 63 Вестник Временного правительства. 1917. 5 авг.
- 64 Раннее утро. 1917. 11 февр.
- 65 РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 204. Л. 31.
- 66 Вестник Временного правительства. 1917. 4 июня.
- 67 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 250. Д. 245. Л. 118; Ученые записки МГУ. Вып. 51. История. С. 57.
- 68 РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 48. Л. 247; ЦИАМ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 176. Л. 14–25.
- 69 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 112а.; Л. 317об.; История Московского государственного университета. Т. 1. М., 1955. С. 557.
- 70 Новое время. 1917. 29 сент.

С.В. Карпенко

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПРАВИТЕЛЬСТВА
ГЕНЕРАЛА А.И. ДЕНИКИНА
ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ
(август 1918 – апрель 1919 г.)

В статье впервые в отечественной историографии анализируется внешнеторговая деятельность правительства генерала А.И. Деникина в конце 1918 – начале 1919 г.: экономические, военные и политические факторы, влиявшие на внешнюю торговлю, конфликт интересов между белыми властями, частными торговыми компаниями и кооперативными организациями. Дается оценка первому опыту военной диктатуры Деникина по регулированию внешней торговли.

Ключевые слова: А.И. Деникин, Белое движение, Особое совещание, внешняя торговля, кооперативы, торговые компании, регулирование торговли.

Внешняя торговля и ее регулирование стали одной из ключевых проблем экономики и политики белых военных диктатур на юге России. Определялось это несколькими обстоятельствами.

Прежде всего, поскольку все промышленные центры находились в руках большевиков, а на занятой территории промышленное производство неуклонно сокращалось и товарный голод нарастал, только за счет импорта можно было удовлетворить потребности армии в военных материалах, а населения – в промышленных товарах. С другой стороны, в условиях быстрого обесценивания рубля закупать все необходимое на мировом рынке можно было только за валюту, которой в распоряжении правительства генерала А.И. Деникина было крайне мало, и единственную возможность получать валютные средства и обращать их на пополнение бюджета давал казенный экспорт с занятой территории юга России тех видов сырья, которые являлись предметами традиционного российского экспорта. Кроме того, ввиду падения курса рубля как для Особого

© Карпенко С.В., 2009

совещания, так и для всех групп предпринимателей, работавших на юге страны, самой желанной и остро необходимой ценностью стала иностранная валюта, которая могла укрепить шаткое финансовое положение армии, а размеры ее поступлений в казну зависели от эффективности внешней торговли. Наконец, в условиях интервенции внешние экономические связи оказались очень тесно переплетены с внешней политикой, взаимоотношениями с западными державами¹.

Будучи убежденным, что внешняя торговля в сложившейся ситуации должна быть направлена исключительно на полное и своевременное снабжение армии всеми необходимыми материалами (дополнительно к военному снабжению союзниками) и наполнение внутреннего рынка необходимыми населению промтоварами, Деникин изначально считал благотворным и необходимым ее государственное регулирование (как и прочих сфер хозяйственной жизни в условиях кризиса и войны) посредством правительственного аппарата. Более того, что касается закупок и обмена на сырье на внешнем рынке товаров военного назначения, то в этой области он был сторонником не только государственного регулирования, но даже государственной монополии на внешнюю торговлю. Во всяком случае, когда с занятием добровольцами в августе 1918 г. Новороссийска оттуда открылись морские торговые пути через контролируемое немцами Черное море, Деникин в инструкции, данной начальникам гарнизонов Ейска и Новороссийска на случай контактов с немцами, указал, что установление торговых сношений – вопрос преждевременный, так как «торговый аппарат еще не налажен»².

Со своей стороны частные пароходные компании после занятия Новороссийска сразу же поспешили возобновить рейсы между ним и грузинскими портами, чтобы компенсировать понесенные за время войны и революции потери активными пассажирскими и грузоперевозками (пароходство по Черному морю замерло еще осенью 1914 г.). Тем самым они обеспечили транспортные возможности для возобновления торговли³.

Проблема, однако, состояла в том, что большинство судов российских компаний было реквизировано немцами, которые распоряжались судоходством на Черном море. В конце августа (середине сентября) в письме Деникину «Верховный руководитель» Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев высказался за то, чтобы войти в соглашение с германским морским командованием по частному вопросу включения коммерческих судов Новороссийского порта в общий план черноморских рейсов, организуемых немцами. Предложение исходило от германского генерала Гофмана и являлось шагом к установлению более тесных связей между

Германией и Добровольческой армией. Адмирал Д.В. Ненюков убедил Алексеева, что так и нужно сделать в интересах развития торговли и облегчения коммерческого судоходства. Потому-то Алексеев и внял этому доводу, поскольку понимал важность скорейшего возобновления внешней торговли. Однако Деникин ответил отрицательно, и вопрос был снят. Позиция командующего основывалась как на нежелании контактировать с немцами (исключение составлял лишь вопрос непосредственного обмена хлеба на боеприпасы), так и стремлении придержать восстановление частной внешней торговли до создания регулирующего ее бюрократического механизма⁴.

В ноябре–декабре 1918 г. союзный флот стран Антанты полностью установил контроль над черноморскими портами России. Так Особое совещание – правительство, состоящее при Деникине, – получило возможность установления государственных внешнеэкономических связей, а предприниматели – возобновления частных экспортно-импортных операций. Для этого было все необходимое и достаточное: богатые сырьевые ресурсы занятой территории, прежде всего зерно, порты и их инфраструктура, прежде всего Новороссийский торговый порт, и суда российских пароходных компаний, которые до мировой войны работали на черноморских и средиземноморских линиях.

Возникло, правда, и серьезное препятствие: французы и англичане захватили большинство судов российских пароходных компаний под тем предлогом, что те были реквизированы и использовались немцами, а потому, дескать, являются их «законными трофеями». И Деникину, начавшему «длительную, нелепую и глубоко обидную» борьбу с морским командованием союзников за корабли Черноморского флота, попутно пришлось добиваться возвращения и коммерческих судов.

Первым делом, дабы обеспечить перевозки войск и предметов снабжения в условиях, когда большая часть коммерческих судов была реквизирована союзниками, командование запретило пароходным компаниям посылать свои суда за пределы Черного моря и обязало их осуществлять перевозки по нарядам армии, по низким казенным («твердым») ценам⁵.

Выбор основных мер, принимаемых в области внешней торговли, диктовали Деникину и Особому совещанию те реальные хозяйственные условия и военно-политическая обстановка, в которых оказалась Добровольческая армия на юге России в конце 1918 г. Они постоянно обсуждали вопросы внешней торговли и принимали решения довольно оперативно⁶. В принципе они стремились к монополизации экспорта ради рационального использования

сырьевых ресурсов занятой территории для снабжения армии. Такой подход, по их представлениям, отвечал интересам общегосударственным, национальным.

Однако правительства Кубани и Дона, а именно в этих казачьих областях выращивались и производились основные виды сырья, которые традиционно вывозились из России, были озабочены удовлетворением в первую очередь потребностей своего населения (а донское правительство – еще и снабжением Донской армии), а посему хотели самостоятельно выйти на внешний рынок. Так казачьи правительства, а с ними донские и кубанские предприниматели, сразу стали конкурентами Добровольческой армии.

Кроме того, российские предприниматели, как уже эмигрировавшие в Европу, так и те, кто нашел прибежище себе и своим капиталам в городах Украины, Новороссии, Крыма и Северного Кавказа, а также местные финансисты и торгово-промышленники с нетерпением ждали изгнания большевиков и отмены введенных теми ограничений свободы торговли. Все, от мелких торговцев до крупных акционерных обществ, стремились направить свои капиталы во внешнюю торговлю: только она приносила максимальные прибыли и иностранную валюту.

Наконец, с не меньшим нетерпением западные фирмы ожидали восстановления торговых связей с богатым югом России: Великобритания, Франция и Италия, пораженные послевоенным кризисом, остро нуждались в продовольствии для населения и сырье, в рынке сбыта продуктов своей промышленности.

Игнорировать частные коммерческие интересы Деникин и Особое совещание не могли, ибо осознавали: экспортно-импортные операции успешно могут осуществляться только частными торговцами, имеющими достаточные оборотные средства, коммерческий аппарат, опыт и связи. У них же самих попросту нет денег, на которые можно было бы начать казенные внешнеторговые операции силами госаппарата.

И перед ними встала крайне сложная задача: так регулировать внешнюю торговлю, чтобы как можно скорее и полнее снабдить армию и насытить внутренний рынок промтоварами, но при этом увязать общегосударственные интересы с частными интересами российских и зарубежных предпринимателей. Регулирование было возложено на созданный при Особом совещании в сентябре–октябре, наряду с другими отделами, Отдел торговли, промышленности и снабжения. Начальником его был назначен В.А. Лебедев, прежде возглавлявший то же ведомство в Войске Донском.

В конце 1918 – начале 1919 г. в Одессу, Севастополь и Новороссийск устремились пароходы с товарами, которые везли англий-

ские и американские фирмы, рассчитывавшие продать их и на вырученные деньги купить сырье. Значительную долю этих товаров составляли предметы роскоши, ненужные массе населения, крестьяне же отказывались продавать хлеб за быстро дешевающие бумажные деньги, а потому и сами не могли купить привезенные товары.

И Отдел торговли, промышленности и снабжения стал брать на себя посреднические функции: скупал промтовары или обменивал их на купленное, а то и реквизированное у крестьян зерно. Однако из-за острой нехватки денег казенное посредничество не приняло нужных масштабов. Начались «административная неразбериха и злоупотребления». Одни торговцы не хотели продавать привезенные товары за падающие рубли. Другие соглашались, но ничего не могли на них купить и разорялись. Третьи пускались в аферы или за взятки успешно обменивали залежалые товары на ценное сырье.

Этот неудачный первый опыт заставил Отдел торговли, промышленности и снабжения отказаться от посредничества и предоставить частным фирмам свободу самим налаживать товарообмен с владельцами запасов сырья. А на себя Отдел взял выдачу разрешений на экспортно-импортные операции и информирование торговцев, где и по каким ценам какие товары можно купить и продать, какие товары разрешены к ввозу и вывозу, а какие нет. Для этого отдел приступил к организации своих торговых агентств (представительств) в российских и зарубежных портах, а также к разработке проектов законов, регулирующих внешнюю торговлю⁷.

Обсуждая и принимая эти законы, Особое совещание исходило из дореволюционной российской практики и учитывало опыт других стран, накопленный за мировую войну. Главная посылка регулирования, традиционно российская, состояла в том, что купец должен в первую очередь обслуживать интересы казны, а заботиться о собственных прибылях – во вторую.

Общим правилом стало получение разрешения Отдела торговли, промышленности и снабжения на вывоз определенного количества конкретного вида сырья при обязательном условии обратного ввоза на территорию Добровольческой армии товаров, необходимых армии и населению. Такая разрешительно-компенсационная система, практиковавшаяся в условиях войны многими правительствами, призвана была поставить частный торговый аппарат на службу Добровольческой армии и принудить его принять участие (капиталами, людьми, опытом и связями) в снабжении армии и восстановлении хозяйственной жизни в тылу, прежде всего – насыщении внутреннего рынка заграничными промтоварами первой необходимости.

Сверх того Особое совещание прибегло к полному запрету вывоза некоторых видов сырья. Запреты эти инициировались заинтересованными группами предпринимателей, проталкивались ими через связи в центральном аппарате и поддерживались Особым совещанием согласно его представлениям об их соответствии интересам казны и армии.

Так, в декабре 1918 г. оно запретило вывоз шерсти, на чем настаивали владельцы суконных фабрик. Аргументы их были солидны и многообещающи: дескать, российская суконная промышленность одного Центрального промышленного района до войны перерабатывала 3,5 млн пуд. шерсти в год, в то время как на юге имеются запасы не более 800 тыс. пуд., а посему ее вывоз приведет к невозможности восстановления суконных фабрик и производства обмундирования, в коем столь остро нуждаются «освободители Отечества от большевицкого ига».

В начале 1919 г. последовал запрет на вывоз продовольственного зерна и некоторых других видов сырья и промтоваров из-за острой потребности в них армии и населения.

Первые же ограничительные и запретительные меры во внешней торговле вызвали недовольство предпринимательских кругов.

Со своекорыстием предпринимателей, устремленным в область экспортно-импортных операций с русским сырьем и иноземными промтоварами, добровольческое командование сталкивалось сразу же, как только армия устанавливала контроль над каким-нибудь морским портом. Поддерживая добровольцев и приветствуя занятие ими новых территорий, предприниматели спешили начать вывоз сырья за границу и ввоз промтоваров. Однако тут же обнаруживалось, что они пекутся исключительно о своей выгоде и их насколько не заботят нужды армии и населения: только и думают, как бы вывезти побольше самых выгодных видов сырья и продовольствия, остро необходимых отечественной промышленности, войскам и горожанам.

Так, в Одессе в декабре 1918 г., после ее занятия французскими войсками и частями Добровольческой армии, «начались недоразумения» между добровольческими властями и предпринимателями. Судовладельцы (к Одессе было приписано 90% всех черноморских торговых судов) были крайне недовольны тем, что их заставляют держать суда только в Черном море и выполнять в интересах армии невыгодные для них рейсы; торговцы – запретами и ограничениями на вывоз за границу зерна и других видов сырья. Главной причиной «недоразумений», по оценке Деникина, стали «личные эгоистические устремления многих торгово-промышленников, пароходоладельцев и стоявшего за ними финансового мира»⁸.

Одесса, которая и в довоенное время была «городом коммерческой и спекулятивной горячки», в конце 1918 – начале 1919 г. оказалась переполнена крупными финансистами, промышленниками и торговцами из Петрограда и Москвы. Почти все они не только ухитрились под носом большевиков перевести свои капиталы из столичных банков в киевские, одесские и зарубежные, но и сумели вывезти большую наличность, золото и серебро, ювелирные изделия. Многие уже успели в Киеве под защитой гетманской власти нажиться на вывозе сырья, спекуляциях промтоварами и поставках в армию. И теперь перебрались в Одессу, ставшую центром «именитого беженства», вместе с киевскими и харьковскими толстосумами⁹.

Обложенная украинскими войсками С.В. Петлюры, Одесса была отрезана от прилегающих к ней сельских районов, откуда традиционно завозилось продовольствие. На все предложения добровольческого командования занять русскими частями эти районы, крайне важные для обороны города и его снабжения продовольствием, французы отвечали запретом, ибо стремились наладить отношения с Украинской директорией. В результате продукты резко подорожали и исчезли с рынка, развилась бешеная спекуляция.

Город жил исключительно морским привозом, и эту тяжелую ситуацию спешили использовать к своей выгоде торгово-промышленники, пароходовладельцы и биржевики. Именно благодаря их действиям цены быстро росли. По концентрации спекулятивных элементов и плутократии, по градусу спекулятивной горячки Одесса сразу же превзошла тыловые центры всех белых фронтов. Чем слабее было положение города, тем больше предприниматели кидались в спекуляции и расточительство, не обращая внимания на безмерную нужду населения и белых войск, ничего не делая для смягчения хозяйственного кризиса.

Вдобавок с появлением союзных войск, штабов и дипломатических представителей Одесса стала центром «политического ажиотажа». Предприниматели и поддерживающие их общественные организации стали активно настраивать французское командование против Деникина и Особого совещания, доказывая их «реакционность» и убеждая, что Одесса не должна подчиняться Деникину: рассчитывали на заинтересованность французов в свободном вывозе сырья и продовольствия во Францию. Судовладельцы же надеялись при помощи интервентов добиться права на выход из Черного моря для выполнения выгодных, оплачиваемых валютой рейсов. И все вместе они немало преуспели, настроив французских военных и дипломатических представителей против Деникина¹⁰.

С чисто экономической точки зрения самым оптимальным и выгодным торговым партнером Добровольческой армии были независимая Грузия и занятая англичанами Батумская область. Во-первых, Грузия остро нуждалась в муке и продовольствии, которые до 1917 г. традиционно завозились с Кубани и в меньшей степени с Дона, и металлоизделиях, которые завозились большей частью с Дона и Украины. Во-вторых, Грузия располагала нефтепродуктами, которые прежде доставлялись по трубопроводу и железнодорожным транспортом из Баку в Батум и оттуда завозились в южные российские губернии, а также добывала собственный уголь в районе Поти. И в нефтепродуктах, и в угле на Белом юге была острая нужда. В-третьих, на территории Грузии были складированы огромные запасы военного имущества бывшего Кавказского фронта, стоимость которого оценивалась в миллиарды рублей и за счет которого Добровольческая армия могла полноценно снабжаться вооружением, боеприпасами, обмундированием, снаряжением, инженерным, медико-санитарным и прочим имуществом. В-четвертых, в регионе было несколько хорошо оборудованных коммерческих портов (Новороссийск, Таганрог, Батум и Поти), которые разделяли малые расстояния. В-пятых, в Грузии и на юге России было множество старых торговых фирм, имевших большой опыт экспортно-импортных операций в этом районе, и пароходных компаний и их судов, много лет совершавших рейсы между портами Черного и Азовского морей.

Но после провала переговоров с Грузией о товарообмене и возвращении Сочинского округа, захваченного грузинами, в сентябре 1918 г. Деникин принял решение закрыть сухопутную границу с Грузией для пропуска товаров – по сути ввел экономическую блокаду Закавказья.

Эта мера, однако, не могла отменить острейшую нужду населения Северного Кавказа и армии в керосине, бензине, смазочных маслах и других нефтепродуктах, которые можно было получить только из Батума. К тому же в Грузии были большие запасы коньяка и вин, спрос на которые на «добровольческой» территории, на Дону и Кубани неуклонно рос как среди чинов армии, так и той части населения, которая вовлекалась в спекулятивную горячку, зарабатывала легкие деньги и все глубже погрязала в «пире во время чумы». Эти и другие товары можно было с большой выгодой импортировать из Закавказья при условии экспорта туда зерна, муки и продуктов питания, в которых остро нуждалось население Грузии и Батумской области.

Поэтому, несмотря на конфликт и ежедневную угрозу вспышки военных действий между добровольческими и грузинскими

частями, многие торговые фирмы стремились использовать морскую путь для товарообмена с целью нажиться на исключительно выгодной конъюнктуре, созданной отчасти и этим конфликтом. Как правило, это были средние фирмы, которые хорошо знали рынок Закавказья, не имели настолько громких и известных имен, чтобы можно было опасаться за коммерческую репутацию, но имели вполне приличные, средние по довоенным меркам, оборотные средства, чтобы можно было рискнуть их частью. Они настойчиво предлагали Особому совещанию и местным добровольческим властям привезти из Батума тысячи и десятки тысяч пудов нефтепродуктов и военное обмундирование в обмен на зерно, муку и продукты питания. Чтобы осуществить такую экспортно-импортную операцию (либо самостоятельно, либо в качестве контрагента государственного учреждения), необходимо было получить в «Доброволии» разрешение на вывоз определенного количества зерна в обмен на ввоз нефтепродуктов или обмундирования, а в Грузии – разрешение на вывоз нефтепродуктов или обмундирования в обмен на ввоз зерна и продуктов питания.

И многие торговцы получали такие разрешения и от грузинских властей, и от добровольческих. Исключения эти, несомненно, хорошо «подмазывались» взятками. А дав взятку, торговцы считали себя «в своем праве», ссылаясь на «изменения конъюнктуры рынка», менять к пользе своего кармана условия разрешений. Так, разрешительно-компенсационная система внешней торговли, едва зародившись стараниями Особого совещания и Отдела торговли, промышленности и снабжения, сразу обнаружила свои негативные черты, усугубленные повышенным риском, ибо каждое осложнение в отношениях между Добровольческой армией и Грузией порождало новые затруднения в получении разрешения и ставило под угрозу срыва уже заключенные сделки¹¹.

В январе 1919 г. Лебедев представил в Особое совещание докладную записку, где развивал вынашиваемую им идею о централизованном регулировании внешней торговли. Будучи сторонником предельно жесткого регулирования в интересах казны, он считал, что «орган, регулирующий русскую внешнюю торговлю, должен быть единым для всей освобожденной от большевиков территории России, ибо нерациональным являлось бы допустить, чтобы отдельные губернии или области в организации настоящего дела исходили из разных принципов и каждая по-своему проводила вмешательство правительственной власти в дело товарообмена с заграницей». И «регулирование как экспорта, так и импорта в Россию товаров из-за границы должно быть сосредоточено, как то неоднократно высказывалось и в заявлениях представителей

держав Согласия, в организации, стоящей выше интересов отдельных групп населения, населяющих ту или иную территорию России... т. е. в Особом Совещании, а именно при Отделе торговли, промышленности и снабжения этого Совещания»¹².

Идея эта разделялась всеми членами Особого совещания, и в феврале 1919 г., когда гражданский аппарат разворачивался в систему ведомств, на базе Отдела торговли, промышленности и снабжения было создано Управление торговли и промышленности. Структурно оно воспроизвело дореволюционное Министерство торговли и промышленности. Оперативное регулирование внешней торговли было возложено на Отдел торговли, занявший в Управлении главное место.

Лебедев совершенно оправданно и не без умысла ссылаясь на поддержку этой идеи странами Антанты: союзные миссии в Екатеринодаре действительно добивались централизации регулирования экспорта и импорта. Но руководствовались они интересами своих стран: по их расчетам, централизованное регулирование облегчило бы скупку сырья на юге России и его вывоз, ввоз и реализацию европейских промтоваров и более того – занятие некогда ведущего места поверженной Германией в экспорте русского сырья. Без всякого стеснения они настаивали на том, чтобы добровольческие власти оказывали содействие вывозу сырья и продовольствия именно их торговыми компаниями и именно в их страны, одновременно создавая в черноморских портах надуманные препятствия для российских торговцев¹³.

Особенно активно против интересов созданных Деникиным объединенных Вооруженных сил на юге России (ВСЮР) действовала Великобритания. Оккупировав Закавказье в конце 1918 г., после поражения Германии и Турции, она вознамерилась не только эксплуатировать местные природные богатства, но и захватить сверхприбыльный в условиях послевоенного кризиса в Европе экспорт сырья с юга России. Не гнушаясь использовать зависимость ВСЮР от британского безвозмездного снабжения, едва начатого, Лондон оказывал давление на Деникина с целью добиться для своих торговых компаний режима наибольшего благоприятствования.

Те уже устремились в Закавказье и на юг России, рассчитывая сбыть скопившиеся запасы промтоваров (включая оставшиеся от войны вооружение и обмундирование, уже бывшее в употреблении), скупить и вывезти побольше сырья. Британские военные и дипломатические представители, которые распоряжались в портах Константинополя и Батума, оказывали им содействие и покровительство, облегчая проникновение в этот богатый сырьевыми ресурсами регион¹⁴.

В начале 1919 г. Деникин отправил в Закавказье своих представителей – установить контакты с британскими оккупационными властями и наладить отношения с правительствами Грузии и Армении. Особенно важно было восстановить торговые связи с Грузией и Батумской областью ввиду крайней необходимости закупок и ввоза угля, добываемого в районе Поты, и нефтепродуктов, доставляемых в Батум из Баку.

Однако в Тифлисе британские власти, активно поддерживая социалистическое правительство Грузии ради расчленения России, уклонились от содействия ВСЮР. Еще более циничной в отношении Белого юга оказалась позиция британской администрации Батума. Под шум заявлений, что передадут Батум Грузии, и опровергающих эти заявления сообщений, что Батумская область останется самостоятельной под протекторатом Великобритании, англичане установили полный контроль над портом и нефтепроводом из Баку и начали вывозить нефть и нефтепродукты, объявив их «трофеями», взятыми «у немцев». А с ними – и военное имущество со складов бывшего Кавказского фронта как «трофеи», взятые «у турок»¹⁵.

Вывоз осуществлялся английскими торговыми компаниями, действовавшими в качестве контрагентов правительства. Оккупационные власти делали все возможное, чтобы обеспечить им наибольшую выгодность операций, и ради этого всячески притесняли российских конкурентов. 22 февраля они ввели специальные разрешения на въезд частных лиц с юга России, причем получить их можно было только в Константинополе, в штабе генерала Дж. Милна, главнокомандующего британской армией на Балканах. Официально установили высокий курс фунта стерлингов и сравняли курс российского рубля с грузинской боной, тем самым вдвое понизив рыночный курс российских рублей разных выпусков, которые широко ходили в Батумской области¹⁶. В апреле распустили Совет по управлению Батумской областью, поскольку тот пытался защитить российские экономические интересы, и на все должности посадили английских офицеров. Причем во главе гражданского управления был поставлен некто Харрис, до войны работавший маклером на Лондонской бирже.

Так Великобритания стремилась занять место как минимум ведущего экспортера российского сырья, а как максимум – монополиста. Менее активно, но в том же направлении действовали Франция и Италия.

Столь явно обнаружившая себя антироссийская направленность внешнеторговой политики союзников заставила Особое совещание и предпринимательские круги, отодвинув на второй план

внутренние противоречия, искать способ совместного противодействия западным компаниям.

К тому же разрешительно-компенсационная система не столько способствовала развитию экспорта и импорта в интересах армии, сколько плодила взяточничество и спекуляцию. Средних размеров торговые фирмы, доставив товары на зафрахтованных пароходах, вынуждены были раздавать взятки за разрешение на вывоз и прибегать к посредническим услугам спекулянтов для реализации товаров и скупки сырья. В противном случае они рисковали разориться.

Наконец, по мере расширения территории, занимаемой Добровольческой армией, на юге появились крупные российские торгово-промышленные общества, возглавляемые известными предпринимателями – Рябушинскими, Второвыми и другими. Предлагая Деникину и Особому совещанию свои капиталы, торговый аппарат и средства транспорта, обещая привлечь к снабжению войск и населения крупные западные компании, они требовали правительственных гарантий и привилегий.

Все эти обстоятельства породили идею создания мощной коммерческой организации, которая объединила бы капиталы крупных фирм и работала бы при поддержке правительства.

В феврале 1919 г. Лебедев составил проект создания Южнорусского общества для внешней торговли. Обосновывая его в записке Особому совещанию, он настаивал на том, что «наиболее выгодной формой торговых отношений с заграницей явилась бы концентрация капиталов в руках коллектива, состоящего из мощных торгово-промышленных групп, с одной стороны, представителей потребительских групп в лице кооперативов – с другой, и, наконец, самого правительства».

По сути, Лебедев предложил прибегнуть к государственно-монополистическому регулированию: создать с долевым участием государства крупное акционерное общество, которое обладало бы монопольным правом на вывоз сырья и ввоз промтоваров на территорию ВСЮР и которое полностью контролировалось бы, а отчасти и управлялось, государством через своих представителей в правлении. Логика вполне понятна: такая структура могла бы в оптимальной степени сочетать интересы отечественного крупного капитала, ВСЮР и населения, а с другой стороны – противостоять натиску западных конкурентов и обращать сырьевые ресурсы занятой территории прежде всего на снабжение армии.

Кооперативы Лебедев приглашал вступить в общество исключительно из желания привлечь их капиталы и закупочно-торговый аппарат для самой тяжелой и наименее выгодной работы – закупки

сырья и продажи импортных промтоваров на внутреннем рынке. Но он отнюдь не собирался допускать их к самому выгодному делу – реализации сырья за границей. Ибо, во-первых, кооперативы являлись серьезными конкурентами крупных фирм, а во-вторых, командование и руководители гражданских ведомств относились к кооперативам с подозрительностью и даже враждебностью: они, дескать, сотрудничают с большевиками, и в них работает много социалистов, которые ничем не лучше, если не хуже, большевиков¹⁷.

В феврале Управление торговли и промышленности созвало совещание представителей кооперативных союзов, на которое были приглашены крупнейшие объединения юга России, включая донские и кубанские, – Центросоюз, Народный банк, Кубсоюз, Докат и Ювос. Их представители были ознакомлены с проектом Южнорусского общества для внешней торговли в расчете на вступление их в общество. Но те сразу сообразили: правительство хочет использовать кооперативный капитал для удовлетворения прежде всего нужд армии, а самой кооперации в этом «почтенном учреждении» отводится роль скромная и вспомогательная. И фактически ответили отказом. Видя такую реакцию, представитель Управления заявил, что кооперация, если не согласится вступить в создаваемое акционерное общество, то, «вероятно», будет вообще лишена возможности выходить на внешний рынок¹⁸.

Между тем Особое совещание приняло предложение Лебедева и 22 марта утвердило устав Южнорусского общества для внешней торговли. Уставный капитал общества составил 100 млн руб., из них пакет акций на 20 млн руб. получало правительство, а остальные акции распределялись между банками, торгово-промышленными компаниями и кооперативами.

Но создать это общество не удалось. Крупные компании, имевшие возможность войти в него, предпочли не столько искать правительственных привилегий и кредитов, сколько добиваться свободы рук, избавляться от государственного контроля. А средние и мелкие фирмы, не имевшие возможности попасть в общество, всеми правдами и неправдами искали свою нишу в экспорте и импорте.

Кооперативы же созвали в марте съезд представителей союзов юга России. Он вынес резолюцию с решительным протестом против попыток Управления торговли и промышленности «игнорировать при разработке и проведении экономических мероприятий голос кооперации, представляющей интересы свыше четырех миллионов объединенных производителей юга России». Решением съезда было создано внешнеторговое объединение кооперативных организаций – Южный совет кооперации по внешней торговле (Юксвет)¹⁹.

Наконец, многие центральные учреждения стремились вести свои собственные внешнеторговые операции, ссылаясь на чрезвычайную необходимость и срочность снабжения войск теми или иными предметами военного назначения, горюче-смазочными материалами и т. д. Это прежде всего – Главное интендантство и Управление продовольствия, заключавшие договора с фирмами на вывоз сырья и ввоз продуктов промышленности.

Развитие казенной внешней торговли, смешанной с частной, стимулировалось не только потребностями ВСЮР, но и предприимчивостью бюрократической верхушки, стремившейся, вступив в партнерские отношения с предпринимателями, попутно использовать свое служебное положение для получения доли прибыли от экспортно-импортных операций в виде взяток и «комиссионных». Эти операции проводились как «поставки на армию» и велись через контрагентов куда более сильными (в смысле влияния на главкома и его ближайших помощников) ведомствами, чем само Управление торговли и промышленности. А потому Отдел торговли, выдавая им разрешения на вывоз, мог только регистрировать эти операции, но никак не контролировать и тем более регулировать.

Таким образом, первые меры правительства Деникина по регулированию внешней торговли повели его к созданию государственно-монополистической структуры ради обмена ограниченных запасов сырья прежде всего на предметы военного снабжения для армии. Однако на этом пути оно столкнулось как со своеобразным предпринимательскими слоями, так и колониаторским отношением к России союзников по Антанте.

Примечания

- 1 *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 317, 357, 368.
- 2 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1924. С. 12, 238.
- 3 Там же. С. 240; *Калинин И.* Русская Вандея. М.; Л., 1926. С. 5.
- 4 *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 133.
- 5 *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. II. Берлин, 1922. С. 279.
- 6 *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 5. Берлин, 1926. С. 281.
- 7 «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка, 1919–1951. Т. 1. М.; Стэнфорд, 2001. С. 138–139.
- 8 *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 17.
- 9 *Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд, 1917–1919. Монреаль, 1981. С. 94; *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 278–279, 296.
- 10 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 278–279, 296.
- 11 ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 44. Л. 1; Д. 45. Л. 17–18, 39, 57.

С.В. Карпенко

- 12 См.: *Кин Д.* Деникинщина. Л., 1927. С. 112.
- 13 ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 94. Л. 30; Д. 95. Л. 1; *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 197–198.
- 14 ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 45. Л. 75; Д. 53. Л. 67.
- 15 *Лукомский А.С.* Указ. соч. С. 140; *Деникин А.И.* Указ. соч. Т. 4. Берлин, 1925. С. 136, 144.
- 16 ГА РФ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 45. Л. 75; *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 144–145.
- 17 «Совершенно лично и доверительно!»... Т. 1. С. 139; *Покровский Г.* Деникинщина: Год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Берлин, 1923. С. 179–180.
- 18 *Покровский Г.* Указ. соч. С. 180–181.
- 19 Там же. С. 179–181, 184.

В.Н. Томилин

МТС И КОЛХОЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ:
ПОРОКИ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОВЕДЕНИЯ
АГРОТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТ
(1946–1950 гг.)

В статье рассматривается колхозное производство одного из важнейших аграрных районов России в первые послевоенные годы. Политика советского государства, направленная на ускоренное восстановление посевных площадей в колхозах, не подкреплялась материальными ресурсами МТС, что обусловило низкий уровень агротехники и урожайности.

Ключевые слова: аграрная политика, планирование, сельское хозяйство, колхозы, МТС, агротехника.

На протяжении почти трех десятилетий материально-технической базой колхозного производства в СССР являлись машинно-тракторные станции. В 1958 г. произошла реорганизация МТС, которая до сих пор вызывает среди ученых острые споры¹. Актуальность изучения истории МТС определяется тем обстоятельством, что в 1990-е годы в России вновь стали создаваться МТС (машинно-технологические станции), которые успешно работают во многих регионах страны.

Истории колхозной деревни посвящена обширная отечественная литература. В центре внимания ученых традиционно находились проблемы производственной деятельности колхозов, укрепления материально-технической базы сельского хозяйства, подготовка специалистов для села². Однако региональный аспект этой проблематики исследован недостаточно. Настоящая статья посвящена деятельности МТС по агротехническому обслуживанию колхозов Центрального Черноземья (Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская области) в первые послевоенные годы.

После Великой Отечественной войны прежде всего требовалось наладить эффективную работу производственной системы

«колхозы–МТС». В Центральном Черноземье во второй половине 1940-х годов, до кампании 1950 г. по укрупнению колхозов, насчитывалось 16 609 колхозов³. В 1946 г. в Центральном Черноземье действовали 508 машинно-тракторных станций, которые обслуживали 15 896 колхозов (96% их количества). В среднем каждая МТС обрабатывала поля 31 колхоза (общая площадь пахотных земель – 22,7 тыс. га)⁴.

Перед началом весенних полевых работ МТС должны были заключать договоры с колхозами на агротехническое обслуживание. Но руководители МТС и колхозов к составлению договоров относились формально, а часто их вообще не заключали. Ведь план тракторных работ спускался сверху, его надо было расписать по колхозам. Главный недостаток системы планирования тракторных работ заключался в том, что исходили из средней обезличенной цифры в целом по области и республике. При планировании тракторных работ для конкретной МТС даже не учитывалось наличие инвентаря⁵. В плане развития сельского хозяйства Воронежской области на 1951 г. Госплан СССР зависил посевную площадь почти на 40 тыс. га⁶. Таким способом Москва подталкивала хозяйственные органы на местах к скорейшему восстановлению посевных площадей.

Плановые задания для МТС, разрабатываемые управлениями сельского хозяйства областей, часто «брались с потолка». Главное заключалось в том, чтобы распределить объем тракторных работ. Планирование тракторных работ МТС предусматривало постоянный рост их объемов, но оно не подкреплялось соответствующим ростом материально-технических ресурсов. Заместитель директора по политчасти Краснояружской МТС Курской области Хахалев в ноябре 1949 г. на пленуме обкома партии говорил о том, что с 1946 г. тракторный парк остался тем же, а план тракторных работ увеличился за это время на 52%⁷.

В некоторых случаях, чтобы снять раздражение руководителей МТС, им обещали новую технику. В итоге составлялся план тракторных работ с учетом предполагаемых поступлений новой техники. «Надо со всей откровенностью сказать, настолько легко подходят к планированию, люди росчерком пера решают судьбу МТС, – с возмущением говорил на конференции Тамбовской областной организации ВКП(б) 2 апреля 1950 г. директор Саюкинской МТС Заруцкий. – Агроном нашей МТС составил производственный план, завизировал его в областном управлении сельского хозяйства, где был запланирован завоз тракторов к весеннему севу – 2 трактора “С-80” и 2 трактора “ДТ-54”. Поскольку производственный план завизирован, в соответствии с ним организуются отряды,

закрепляются тракторы за определенной группой колхозов, инвентарь и т. д. Начинаем заключать договора на общих колхозных собраниях. Едет наш бухгалтер составлять промфинплан, составил все, стал визировать в сельхозуправлении, где проверяют и вычеркивают тракторы “С-80”. Мы, мол, вам не планировали, а агроном, если планировал, то он был пьяный»⁸.

По мере укрепления машинно-тракторной базы происходило постоянное возрастание роли МТС в колхозном производстве. В МТС Воронежской области в 4-й пятилетке выработка тракторов выросла с 4,3 до 8,7 млн га (в 2 раза), Курской – с 3,0 до 7,2 (в 2,4 раза), Орловской – с 1,1 до 3,5 (в 3,2 раза), Тамбовской – с 2,0 до 4,8 (в 2,4 раза)⁹.

Увеличение объемов выработки МТС не являлось следствием развития процессов интенсификации в колхозном производстве. Оно шло параллельно с восстановлением посевных площадей, агротехника оставалась примерно на одном и том же уровне. Темпы восстановления посевных площадей значительно опережали рост энерговооруженности сельского хозяйства. В 1950 г. площадь пашни в колхозах Орловской области была восстановлена на 91% от довоенного уровня, но при этом 15-сильных условных тракторов имелось только 84% от довоенного наличия, плугов – 62,4, комбайнов – 30, сложных молотилок – 67,7, сеялок – 73,7, культиваторов – 55%¹⁰.

Механизация полевых работ в колхозах достигалась за счет растягивания сроков их проведения. В 1949 г. МТС Воронежской области в сроки, предусмотренные договорами с колхозами, выполнили только 90% всех работ. Лишь по трем видам работ из 16 они были выполнены в срок: по раннему весеннему боронованию зяби и пара, предпосевной культивации и севу яровых культур¹¹. Но и здесь были свои «секреты». При заключении договоров с колхозами МТС часто указывали не агротехнические сроки проведения основных полевых работ, а те сроки, в которые можно уложиться с большей долей вероятности.

Пахотные работы тракторные бригады МТС вели по четырем видам: подъем зяби, весновспашка, подъем ранних и черных паров. Степень механизации этих работ в колхозах Центрального Черноземья постоянно возрастала и к началу 1950-х годов вплотную приблизилась к 100%. По мере укрепления машинно-тракторной базы МТС улучшалось качество пахоты, возрастала доля пахоты плугами с предплужниками. Механизаторы понимали важность такого агротехнического приема, но производить его в полном объеме они не могли, ибо все определялось материально-техническим оснащением: МТС не были обеспечены не только предплужниками,

не хватало и плугов. В 1948 г. в МТС Тамбовской области из-за недостатка плугов на пахоте использовались 825 корпусных лущильников¹².

Во второй половине 1940-х годов в колхозах Центрального Черноземья вспашка ранних и черных паров проводилась в основном тракторными бригадами МТС. Пар как поле севооборота является средством повышения плодородия почвы и накопления в ней влаги. Чтобы пары выполнили свое агротехническое предназначение, за ними необходим тщательный уход: своевременная вспашка и последующая обработка. Для Центрально-Черноземной полосы правительство установило срок подъема ранних паров – до 10 июня, а черных паров – до 20 октября. Но эти сроки не соблюдались.

На растягивании срока подъема паров сказывалась не только нехватка тракторов и прицепного инвентаря. Изношенная и некачественно отремонтированная техника не выдерживала интенсивной нагрузки в течение длительного времени, выходила из строя. К лету выработка на один тракторный агрегат падала. Так, на весеннем севе 1948 г. в МТС Воронежской области сменная выработка составляла 2,4–4,1 га, а в период подъема пара она упала до 1,3 га. Техника часто ломалась. За период весеннего сева 1948 г. в МТС Воронежской области простой тракторов составляли 20%, а во время подъема паров они достигали 30%¹³.

В послевоенное время в агротехнике колхозов Центрального Черноземья преимущественно использовались чистые пары. Такое поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего вегетационного периода, следовало содержать в рыхлом и чистом от сорняков состоянии. Для этого требовалась, как минимум, 3-кратная культивация почвы. Все работы по обработке паров выполняли МТС. Но культивация паров не выполнялась в полном объеме и в установленные сроки. В ноябре 1949 г. на пленуме Орловского обкома партии его секретарь Крылов констатировал: «Первая культивация паров проведена только на 60% площади вспаханных паров, вторая – на 12%, а третья вообще не проводилась»¹⁴.

МТС не могли выполнить работы по культивации почвы в силу объективных причин: они не были обеспечены культиваторами. В МТС Тамбовской области к началу весенних полевых работ 1948 г. не хватало 730 культиваторов, чтобы загрузить имеющийся тракторный парк¹⁵. В 1950 г. в МТС Орловской области доставало 3 236 культиваторов (61% от потребности)¹⁶.

Отсутствие должной обработки приводило к тому, что чистые пары превращались в «зеленые», то есть зарастали сорняками. В 1950 г. в колхозах «Новая жизнь», «Авангард» и «Спартак» Пристенского района Курской области пары настолько заросли сорня-

ками, что очистить их обычными лапчатыми культиваторами не представлялось возможным. В такой ситуации МТС проводили перепашку пара и его лущение дисковыми лущильниками с оборачиванием пласта¹⁷.

Одним из наиболее ответственных видов полевых работ является сев зерновых и технических культур. Огромная площадь зерновых в колхозах Центрального Черноземья во второй половине 1940-х годов засеивалась примитивным дедовским способом – вручную («вразброс») под деревянную борону. Деревянные тракторные бороны применялись как универсальные орудия при всех видах предпосевной обработки почвы – бороновании, культивации и заделке семян. Качество работ при этом неизбежно страдало. При применении такой бороны для культивации весновспашки почва набирала массу корневищ, а человеческого усилия, чтобы протрясти ее на ходу, было недостаточно. В результате деревянная борона гребла, сдвигая массу земли. То же самое происходило при заделке ею семян во время сева «вразброс». Семена заделывались на недостаточную глубину, до 1,5 см, при этом до 20% семян оставались на поверхности. Заделка семян боронкой производилась в расчете на исключительно благоприятную погоду: для получения всходов были необходимы длительные дожди и отсутствие ветров¹⁸. Но такой способ заделки семян оставался более предпочтительным, нежели тракторными плугами, когда семена заделывались на недопустимую глубину (до 10 см)¹⁹.

Колхозное производство сильно страдало из-за необеспеченности сеялками. Сев «вразброс» в первые послевоенные годы доминировал. В 1947 г. в колхозах Елецкого района Орловской области «2/3 всех хлебов посеяно «пятирядной сеялкой» – вручную»²⁰. Со временем ситуация менялась, доля сева «вразброс» сокращалась, но продолжала оставаться значительной. В 1949 г. Хитровская МТС Елецкого района обработала 6 184 га паров в обслуживаемых колхозах (100%), но сеялками было посеяно только 2 774 га²¹. Следовательно, больше половины пара засеивалось вручную. В целом в 1949 г. в колхозах Орловской области рядовой сев яровых культур составил 35% и озимых 48%²².

Пополнение МТС тракторами и прицепным инвентарем в конце 1940-х годов позволило поднять уровень механизации основных полевых работ в колхозах и сократить сроки их выполнения. Но уложиться в агротехнические сроки все равно не удавалось. Так, в Корсаковском районе Орловской области в 1949 г. весенний сев продолжался 67 рабочих дней, в 1950 г. – 33. Сев озимых составлял соответственно 63 и 45 рабочих дней²³, хотя по агротехнике сев должен быть произведен в течение 5–7 дней. Но при этом

и в 1950 г. колхозы Орловской области так и не сумели избавиться от «разбросного» сева²⁴. Сев «вразброс» применялся в 1950 г. в колхозах всего Центрального Черноземья²⁵.

Уборка урожая в колхозах в послевоенные годы была механизирована менее всего. В колхозах черноземного Центра России тракторные бригады МТС выполняли чуть более половины общего объема этого вида работ. В 1949 г. в колхозах Орловской области планировалось убрать комбайнами 13% площади зерновых, жатками – 33%, ручную – 54%. Нагрузка на каждый условный 15-футовый комбайн составляла 250 га²⁶. Она в два с лишним раза превышала нормативную (в 1949 г. одним условным 15-футовым комбайном в МТС Тамбовской области было убрано 293 га, Воронежской – 306, Курской – 340)²⁷. Тем не менее Орловский обком ВКП(б) поставил задачу убрать озимые и ранние яровые хлеба в 18–20 рабочих дней²⁸. Для многих МТС это была совершенно непосильная задача. «Мы располагали на 26,5 тыс. га зерновых культур 7-ю самоходными комбайнами и 7-ю комбайнами “Коммунар” первого выпуска, причем из комбайнов “Коммунар” работали 1–2 и то с перерывом... – говорил на Орловской областной партконференции в марте 1951 г. секретарь Корсаковского райкома ВКП(б) Якунин. – Когда кончили уборку в Ново-Деревеньковском и других соседних районах, нам оказали помощь. Но это был ноябрь месяц. Косили овес в ноябре. Это преступление»²⁹.

Самая высокая нагрузка уборочной площади на один зерновой комбайн по Центральному Черноземью была в Воронежской области: выработка на один комбайн МТС определялась в 351 га уборочных площадей зерновых, подсолнечника, многолетних трав и эфиромасличных культур. При этом обком партии требовал обеспечить проведение уборки озимых зерновых культур в 7–8 дней, а ранних яровых – в 10–12³⁰. Это было нереально. МТС могли справиться с таким объемом уборочных работ только за счет растягивания сроков их проведения. В 1950 г. по состоянию на 1 октября в воронежских колхозах еще продолжалась уборка зерновых, а их обмолот производился в течение всей зимы³¹.

Чтобы МТС справились с поставленной задачей, каждый комбайн должен был убирать 15–20 га зерновых культур в день. Теоретически это было возможно. Однако практика показывала обратное. 10 августа 1949 г. в Кантемировской МТС Кантемировского района Воронежской области проводился хронометраж работы четырех комбайновых агрегатов (комбайн и трактор). К этой процедуре готовились заранее. Продолжительность рабочего дня комбайнеров и трактористов колебалась в пределах 13,5–16,5 час. Время, затраченное на производительную работу, составило у первого

агрегата 7 час. 40 мин., у второго – 8 час. 40 мин., у третьего – 8 час. 46 мин., у четвертого – 5 час. 4 мин. Непосредственно в работе по уборке хлебов комбайновые агрегаты находились от 32% (четвертый) до 58% (третий) общего времени. В среднем они были заняты на уборке урожая 48% рабочего времени³².

В эксперименте комбайновый агрегат № 1 (комбайн «Коммунар» и трактор «ХТЗ») показал средний результат. Его рабочий день длился 15 час. 7 мин., он начался в 4 час. 45 мин. и закончился в 19 час. 52 мин. Работа агрегата по уборке зерновых заняла 7 час. 40 мин. Простой же составили 7 час. 27 мин., из них по технической неисправности комбайна – 3 час. 26 мин., по технической неисправности трактора – 7 мин., простой под разгрузкой – 12 мин. На простои по прочим причинам пришлось 3 час. 42 мин., в том числе подготовка агрегата к работе заняла 2 час. 13 мин., заливка воды и горючего – 55 мин., перерыв на завтрак – 34 мин. Всего этим агрегатом за день было убрано 14 га хлебов³³. Таким образом, при создании оптимальных условий выработка комбайна за рабочий день, который у механизаторов длился «от зари до зари», составила 14 га. В обычных же условиях она была намного меньше.

За работу комбайновых агрегатов МТС колхозам начислялась натуроплата, и при этом комбайны могли убрать только часть площадей зерновых. Поэтому во многих районах колхозы отказывались от помощи МТС в период уборочных работ. В 1948 г. в Курской области, в Ново-Чермошнском районе, председатель сельсовета Борзиков дал распоряжение председателю колхоза им. Молотова Бабанину убирать рожь вручную на участках, предназначенных для комбайновой уборки. Свое распоряжение председатель сельсовета мотивировала тем, что при уборке комбайнами потери зерна достигают 50% урожая. В Ново-Уколовской и Флюговской МТС Воронежской области на массивах, запланированных к уборке комбайнами, хлеб также убирали вручную³⁴.

Развитие колхозного производства Центрального Черноземья в годы 4-й пятилетки происходило преимущественно путем восстановления посевных площадей, выведенных из сельскохозяйственного оборота в годы войны. При этом развитие машинно-тракторного парка МТС и материально-технической базы колхозов отставало от темпов роста посевных площадей, что обусловило сохранение агротехники возделывания сельскохозяйственных культур на низком уровне. Урожайность сельскохозяйственных культур не повышалась, а в конце 1940-х годов даже обозначилась тенденция к ее снижению. Так, урожайность зерновых культур в колхозах Воронежской области в 1948 г. достигла 13,2 ц с гектара, в 1949 г. – 11,4, а в 1950 г. понизилась до 10,4 ц³⁵. И это были лучшие показатели

в Центральном Черноземье. Для сравнения: в 1950 г. урожайность зерновых культур в колхозах Тамбовской области составила всего лишь 6,7 ц с гектара³⁶.

Получить высокий урожай, не соблюдая агротехнические требования, было невозможно. МТС Центрального Черноземья не обладали материально-техническими ресурсами для того, чтобы качественно и в срок выполнить основные виды полевых работ в колхозах. Чтобы выполнить все необходимые агротехнические мероприятия на полях колхозов в 1949 г., в МТС Орловской области следовало завезти 2 200 условных тракторов, 2 780 тракторных плугов, 1 500 дисковых культиваторов, 1 700 сеялок, 1 300 комбайнов, 1 300 молотилок, 1 000 луцильников. По отношению к фактическому наличию это составляло по тракторам 65%, по плугам – 100, по дисковым культиваторам – 151, по сеялкам – 177, по комбайнам – 330, по молотилкам – 280, по луцильникам – 128%³⁷. Потребности МТС в пополнении техникой по большинству позиций значительно превосходили ее наличие.

В итоге все полевые работы в колхозах производились с превышением всех мыслимых сроков. В 1949 г. для МТС Орловской области нормативный срок весновспашки определялся в 20 рабочих дней, он и закладывался в основу договоров с колхозами. Но в действительности пахота продолжалась сверх нормативного срока еще 40 дней (до 20 июня). С опозданием было вспахано 132,8 тыс. га (32% всей площади). Предпосевная культивация на тракторах в срок (до 20 дней) проводилась на площади 168,9 тыс. га (68% всей площади), а на остальных землях она велась до 1 июня, с опозданием до 30 дней. Срок весеннего сева яровых культур также определялся в 20 дней (до 10 мая), но за это время тракторные бригады МТС сумели посеять только 80,6 тыс. га (38% от принятых по договорам обязательств), а остальное – с опозданием до 40 дней (до 20 июня)³⁸.

По договорам с колхозами МТС Орловской области брали обязательство поднять к 10 июня 380,1 тыс. га ранних паров, но до 10 июня было поднято тракторами только 179,2 тыс. га пара (47%). Работа по подъему пара продолжалась еще 2 месяца – до 10 августа, когда было вспахано еще 213 тыс. га. Культивация пара была проведена на площади 315,4 тыс. га, из них в срок – 197,1 тыс. (или 62%). А остальная площадь пара обрабатывалась за пределами договорных сроков, в том числе 19% – после 1 сентября³⁹.

МТС Орловской области в 1948 г. почти не проводили культивацию пропашных культур и лущение стерни, исполнив свои обязательства перед колхозами соответственно на 6,3% и 14,1%. Уборочной техники они имели крайне мало. В 1948 г. машинно-

тракторные станции области заключили договора на комбайновую уборку зерновых только с 893 колхозами, а на молотьбу – с 2 591 (соответственно 21% и 62% их численности). При этом в установленные сроки комбайновая уборка была проведена на 59,7 тыс. га из 80,1 тыс. (75%), а молотьба – на 160 тыс. га из 247,8 тыс. (65%)⁴⁰. Эти факты свидетельствуют о полном пренебрежении в колхозном производстве к агротехнике возделываемых культур. Если весновспашка продолжалась 60, предпосевная культивация – 50, весенний сев – 60 дней, а подъем паров производился более трех месяцев, то на высокие урожаи рассчитывать было невозможно.

Таким образом, в первые послевоенные годы МТС производили в колхозах Центрального Черноземья основные агротехнические работы. Слабость материально-технической базы МТС снижала эффективность колхозного производства. Объемы тракторных работ, которые спускались МТС сверху в директивном порядке, всегда были завышены, они не соответствовали их возможностям. Государственные органы стремились ускорить процесс восстановления сельскохозяйственного производства, подстегнуть работников МТС и колхозников. Но законы природы, как и экономические законы, не подвластны даже самым строгим указаниям начальства. Поэтому усилия работников МТС и колхозников, их работа на пределе возможностей, граничащая с подвигом, не приносили ожидаемого результата.

Примечания

- 1 См.: *Вербичкая О.М.* Российское крестьянство: От Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992; *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: Аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995; *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001; и др.
- 2 См.: *Вылцан М.А.* Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933–1937). М., 1959; *Он же.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя, 1945–1958. М., 1976; *Лосев А.В.* Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства (1945–1964 гг.). Воронеж, 1965; История социалистической экономики СССР. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма, 1946 – начало 1960-х гг. М., 1980; Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия). М., 2001; *Милохин Д.В., Сметанин А.Ф.* Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1945–1958. М., 2005; и др.
- 3 *Лосев А.В.* Указ. соч. С. 51.
- 4 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 14. Д. 47. Л. 101об., 107; Д. 48. Л. 60об., 65; Д. 150. Л. 131, 135об.; Д. 255. Л. 115об., 120.

В.Н. Томилин

- 5 Там же. Оп. 1. Д. 4596. Л. 60–61.
- 6 Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 2798. Л. 123.
- 7 Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 972. Л. 109.
- 8 Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 1045. Оп. 1. Д. 7710. Л. 38.
- 9 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Д. 5. Л. 29; Д. 311. Л. 2об.; Д. 314. Л. 1об.; Д. 347. Л. 1об.; Д. 373. Л. 138.
- 10 Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-52. Оп. 5. Д. 170. Л. 3–4.
- 11 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Д. 201. Л. 9об.
- 12 Там же. Д. 95. Л. 58.
- 13 Там же. Д. 86. Л. 74.
- 14 ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 9. Л. 85.
- 15 ГАТО. Ф. Р-3539. Оп. 1. Д. 3040. Л. 12.
- 16 ГАОО. Ф. П-52. Оп. 7. Д. 177. Л. 15–21.
- 17 Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-1315. Оп. 4. Д. 11. Л. 221.
- 18 ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 7621. Л. 159.
- 19 Там же. Л. 157.
- 20 Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-1229. Оп. 1. Д. 90. Л. 17.
- 21 ГАОО. Ф. П-52. Оп. 5. Д. 2. Л. 69.
- 22 Там же. Оп. 4. Д. 9. Л. 87.
- 23 Там же.
- 24 ГАЛО. Ф. Р-1229. Оп. 1. Д. 133. Л. 5.
- 25 ГАБО. Ф. Р-1315. Оп. 4. Д. 11. Л. 22.
- 26 ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 5. Л. 102.
- 27 РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Д. 201. Л. 13об., 227об.; Д. 211. Л. 15об.
- 28 ГАОО. Ф. П-52. Оп. 4. Д. 5. Л. 102.
- 29 Там же. Оп. 6. Д. 1. Л. 72.
- 30 Там же. Д. 16. Л. 11.
- 31 Там же. Оп. 26. Д. 6. Л. 59.
- 32 ГАВО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 2376. Л. 75–85.
- 33 Там же. Л. 75.
- 34 ГАВО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 4575. Л. 65–66.
- 35 ГАОПИКО. Ф. 3. Оп. 26. Д. 6. Л. 59.
- 36 ГАТО. Ф. Р-3443. Оп. 1. Д. 1880. Л. 26–27.
- 37 ГАОО. Ф. П-52. Оп. 3. Д. 1035. Л. 126–127.
- 38 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1802. Л. 5.
- 39 Там же. Л. 7.
- 40 Там же. Л. 8–9.

С.В. Богданов

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СССР В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В статье рассматриваются противоречия социально-экономического и политико-правового характера, которые обусловили рост экономической преступности в СССР во второй половине 1980-х годов. Высказывается предположение о негативных последствиях для советской планово-централизованной модели фактической легализации теневой экономики в виде кооперативов и индивидуально-трудовой деятельности.

Ключевые слова: перестройка, спекуляция, хищения государственной собственности, растраты, взяточничество, антиалкогольная кампания, экономическая преступность.

Развитие ситуации с экономической преступностью в современной России вновь и вновь вынуждает исследователей искать истоки этого явления в прошлом нашей страны.

Перестройка, начатая М.С. Горбачевым, оказала революционное воздействие на все сферы жизни советского общества. Но наряду с позитивными преобразованиями она объективно способствовала дальнейшей криминализации советской экономической системы и общественных отношений.

У криминализации экономики в первой половине 1980-х годов были исторические предпосылки.

С середины 1960-х годов правоохранительные органы СССР все чаще стали фиксировать постоянное увеличение корыстных преступлений в экономической сфере. В 1970-е годы «теневая» экономика продолжала развиваться и вширь, и вглубь. Оценивая масштабы неформального сектора экономики в СССР, известный западный специалист по этой проблеме Г. Гроссман высказал предположение, что доля «теневой» экономики в конце 1970-х годов составляла по отношению к валовому внутреннему продукту 7–8%¹.

© Богданов С.В., 2009

«Теневая» экономика ежечасно воспроизводила коррупцию, эти явления взаимно питали друг друга. Коррумпированная часть советского чиновничества и дельцы «теневой» экономики обеспечивали ту социально-экономическую среду, в которой происходило воспроизводство экономической преступности несмотря ни на какие репрессивные меры властей.

Кончина Л.И. Брежнева нарушила сложившийся за многие годы стабильного существования партийной номенклатуры баланс сил и интересов в высшем эшелоне власти. Первые же заявления нового Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова о необходимости «переходить от слов к делу» и «наведения порядка» всколыхнули советское общество. Однако в арсенале нового руководства не было действительно эффективных мер, способных остановить отчетливо обозначившиеся кризисные тенденции, за исключением репрессивных.

Это проявилось в развернувшейся с конца 1983 г. борьбе с туеядством и хозяйственной преступностью. Согласно сведениям бывшего начальника аналитического управления КГБ СССР Н.С. Леонова, в начале 1980-х годов Министерство внутренних дел СССР впервые зафиксировало появление в стране массового бродяжничества. В 1983 г. были выявлены 390 тыс. взрослых, «не занятых общественно полезным трудом». Это явление выступало ярким диссонансом официальной установке на всеобщую обязанность трудиться, и те, кто не следовал государственной политике всеобщей занятости, подлежал принудительному «трудоисправлению». В том же году были осуждены таким образом 73 тыс. человек. Остальным задержанным посчастливилось «отвертеться» от уголовного наказания, сославшись на то, что они живут временно на содержании родителей, на доходы от приусадебного хозяйства, на личные сбережения и т. д.²

Сам Андропов был убежденным сторонником «чистоты» социалистической идеи, вселился хорошо спланированных и осуществленных административных мер. Это и предопределило особенности инициированной им борьбы с хищениями государственной собственности, взяточничеством, спекуляцией и другими видами преступлений в сфере экономики.

Длительное время возглавляя КГБ СССР, Андропов был прекрасно осведомлен о реальном положении вещей в правящей номенклатуре и в стране в целом. Агентурные сводки сотрудников госбезопасности не оставляли сомнения в том, что коррупция как среди низового партийного, государственного аппарата, так и самых верхних эшелонов власти достигла невиданных масштабов. Следующим логическим шагом, как правило, являлась капита-

ция предполагаемых будущих взяток и, следовательно, продажа прибыльных должностей. Яркий пример – продажа высших партийных и государственных постов в 1970-е годы в Азербайджане: до 250 тыс. руб. за пост министра торговли³.

Снова после хрущевского наступления на взяточников и расхитителей 1961–1962 гг. кривая смертных приговоров поползла вверх. Статистика приговоренных к смертной казни в СССР свидетельствовала об ужесточении репрессий в отношении крупных расхитителей государственной собственности, валютчиков, взяточников, «теневиков». Именно на 1983 г. выпала «рекордная» цифра приговоренных к высшей мере наказания – 488 человек. Однако уже в следующем году началось постепенное снижение этого показателя: до 448 человек. В 1985 г. – до 407 человек⁴. В целом в годы перестройки произошло масштабное снижение количества вынесенных смертных приговоров, прежде всего за счет вывода из состава «расстрельных» статей Уголовного кодекса составов по экономическим преступлениям.

Приход к власти М.С. Горбачева в 1985 г. ознаменовался громкими заявлениями о неизменности линии партии и советского государства в борьбе с нарушениями социалистической законности. Его популярности среди широких слоев населения способствовало провозглашение того, что вне зоны критики отныне не будет находиться ни один из руководителей, а правосудие будет для всех беспристрастным и справедливым.

Действительно, в 1985–1988 гг. начались громкие судебные процессы и политические кампании против нарушителей социалистической законности. Так, в Узбекистане после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС были сняты со своих должностей 10 из 13 первых секретарей обкомов. Из состава партийных комитетов было выведено около 300 человек, отозвано более 200 депутатов Советов. За хищения и взяточничество к уголовной ответственности были привлечены председатель Совета министров республики, секретари республиканского ЦК партии, заместитель председателя Президиума Верховного совета, пять первых секретарей обкомов КПСС, некоторые министры. Всего в Узбекистане по статьям уголовного законодательства за взятки и хищения было осуждено более 4,5 тыс. должностных лиц⁵.

Газеты и журналы начали публиковать статьи, сообщения о громких судебных процессах по делам крупных взяточников и коррупционеров. Так, в газете «Труд» 31 декабря 1988 г. сообщалось о приговоре бывшим ответственным сотрудникам МВД СССР. «Около четырех месяцев военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала уголовное дело в отношении девяти бывших

ответственных сотрудников Министерства внутренних дел, которые обвиняются во взяточничестве в особо крупных размерах, а бывший первый заместитель министра внутренних дел СССР Ю.М. Чурбанов также и в использовании служебного положения в корыстных целях... Суд весьма скрупулезно, с глубиной проанализировал все обстоятельства дела. И вот оглашается приговор... По совокупности совершенных преступлений с учетом тяжести содеянного и данных о личности осужденных суд приговорил: Чурбанова – к 12 годам лишения свободы, Норбутаева – к 10 годам, Норова и Бегельмана – к 9 годам лишения свободы, Джамалова, Махамаджанова и Сабирова – к 8 годам лишения свободы. Всех – к отбыванию наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима, всех – с конфискацией имущества и взысканием с них в доход государства незаконно полученных в качестве взяток денежных сумм»⁶.

Правовая статистика, рассекреченная во второй половине 1980-х годов, языком цифр свидетельствовала, что Горбачев решительно продолжил курс Андропова на искоренение преступлений в экономике. Только в 1985 г. за хищения государственного и общественного имущества было осуждено 192 тыс. человек, за спекуляцию – 20,5 тыс., за обман покупателей и заказчиков – 13,6 тыс., за самогонварение с целью сбыта – 2 тыс.⁷ Но это была скорее инерция андроповского «похода» против коррупционеров и расхитителей, нежели четкая линия Горбачева.

Последующие события показали, что союзное руководство начало прогрессирующе утрачивать контроль не только за союзными республиками, но и за процессами, происходящими в РСФСР. Наглядно это проявилось в масштабной криминализации страны. Одновременно начался быстрый рост корыстной преступности. Ежегодно росло число хищений государственного и общественного имущества. Исключение составил лишь 1987 г., когда произошло незначительное снижение количества зарегистрированных корыстных преступлений в отношении социалистической собственности (на 8,1%). В целом к 1990 г. число этого вида преступлений в сравнении с началом перестройки увеличилось до 231 158 фактов (в 2,4 раза). Уже в середине 1980-х годов следственными бригадами Генеральной прокуратуры СССР при расследовании хищений в особо крупных размерах, других хозяйственных и должностных преступлений были выявлены организованные группы расхитителей, представлявшие собой качественно новое социальное явление – организованную преступность как вполне самостоятельную управленческую систему⁸.

Своеобразная ситуация сложилась с таким видом преступлений, как растраты государственного и общественного имущества.

Официальная статистика как в целом по СССР, так и по отдельным республикам отмечала снижение зарегистрированных фактов хищений данным способом: с 97 638 преступлений в 1986 г. до 76 443 к концу 1990 г. Повсеместно, по всем республикам СССР наблюдалось неуклонное снижение официально зарегистрированных фактов хищений государственного или общественного имущества, совершенных путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением.

Однако многочисленные «сигналы с мест», которые потоком шли в секретариат Генерального секретаря ЦК КПСС, указывали на масштабную легализацию «теневого» сектора экономики в результате разрешения частнопредпринимательской и кооперативной деятельности. Именно в этот период на базе государственной собственности стали создаваться частные производственные структуры, то есть началась ранняя приватизация. Собственно хищение государственной или общественной собственности – не что иное, как тайное завладение имуществом. А переход части государственной собственности в пользование кооперативов стал совершенно узаконенным способом «увода» собственности из рук государства в частные.

Пока официальная статистика рисовала довольно радужную картину (дескать, советский чиновник стал меньше расхищать государственного имущества, стал патриотичнее и честнее, начал «перестраиваться» и работать «по-ленински»), обострялся дефицит продовольственных и промышленных товаров, росли социальная апатия и недовольство, которые стали охватывать самые различные слои населения: от простого труженика, получавшего стремительно обесценивающиеся рубли, до высшего чиновничества, лишавшегося своих номенклатурных привилегий. Государственная и партийная бюрократия устремила свои усилия на поиск путей и способов приспособления к стремительно коммерциализирующейся советской действительности.

Особенно широкие перспективы имела работа в ВЛКСМ, дававшая возможность проявить такие предпринимательские задатки, как деловитость, инициатива, готовность к риску. Прежде именно из активистов комсомола вырастали функционеры КПСС, номенклатурные работники. Позднее эти люди успешно внедрились в коммерческие структуры первых лет перестройки. Путем учредительства акционерных компаний они установили к 1992 г. контроль над более чем 600 промышленными предприятиями и 12 коммерческими банками⁹.

Яркими чертами горбачевской перестройки стали дефицит и спекуляция.

24 января 1986 г. министр торговли СССР Г.И. Ващенко представил в Совет министров СССР докладную записку «О выполнении плана развития торговли за одиннадцатую пятилетку». Из его сообщения вырисовывалась следующая картина: «Продажа продуктов животноводства... в большинстве регионов страны в истекшем году по-прежнему осуществлялась с использованием различных форм рациирования. Не удовлетворялся спрос населения и на многие виды непродовольственных товаров... Обеспеченность розничной и оптовой торговли запасами товаров на 01.01.86 по сравнению с этой же датой прошлого года сократилась на 3 дня торговли... Ниже нормативов запасы почти всех основных продовольственных товаров, одежды, трикотажных, чулочно-носочных изделий и всех видов обуви»¹⁰.

Дефицит в свою очередь, как и в предшествующие годы, провоцировал развитие спекуляции. К концу 1980-х годов, как показывали исследования, в Москве обувь и одежду у спекулянтов покупали до 63% опрошенных¹¹.

Развернувшаяся с мая 1985 г. антиалкогольная кампания разбалансировала потребительский рынок страны. Был дан новый мощный толчок возникновению товарного дефицита и дополнительный стимул для развития спекуляции. В декабре 1987 г. новый министр торговли К.З. Терех направил в Совет министров СССР «Информацию о состоянии торговли отдельными товарами». Министр обращал внимание на то, что в 1986 г. продажа одеколона в Москве выросла в 1,5 раза, что во всех областях РСФСР установлена норма отпуска спиртосодержащих товаров и зубной пасты, реализация клея выросла более чем на 30%, жидкости для очистки стекол – на 15%¹².

Антиалкогольная кампания дала дополнительный стимул для роста нелегальной экономики и усиления организованных преступных групп. Несмотря на то что правоохранные органы страны рапортовали о больших успехах в борьбе с самогонарением (в 1986 г. было выявлено 175 965 правонарушений, в то время как в 1984 г. – 29 733), это была всего лишь видимая часть огромной социально-экономической проблемы под названием «нелегальное производство спиртных суррогатов»¹³.

В 1990 г. органами внутренних дел было зарегистрировано 51 726 случаев спекуляции – на 14,6% больше, чем в 1989 г. С. 1961 г. их число возросло на 178,9%, а с 1986 г. – на 26,1%. Причем латентность этих преступлений была чрезвычайно высокой¹⁴.

По социальному происхождению задержанные органами внутренних дел в 1986 г. за спекуляцию распределились следующим образом: рабочие – 48,4%, служащие – 12,9%, колхозники – 3,3%,

учащиеся школ, профтехучилищ, средних специальных и высших учебных заведений – 2,6%¹⁵. В занятие спекуляцией все активнее вовлекались молодые люди. Для части молодежи спекуляция стала более привлекательным, а главное – более доходным занятием, нежели работа на государство. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС констатировалось: «Возросла прослойка, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами. Их циничная позиция приобрела все более воинствующие формы, отравляла сознание окружающих, породила волну потребительства»¹⁶.

Как сообщил на II Съезде народных депутатов СССР министр внутренних дел В.В. Бакатин, за 1980–1987 гг. число руководителей, участвовавших в экономических преступлениях, увеличилось почти в 3 раза, счетно-бухгалтерских работников – в 2 раза, членов КПСС, изблеченных во взяточничестве, – на 75%, комсомольцев, задержанных за спекуляцию, – в 4 раза¹⁷.

Явился ли всплеск спекуляции при Горбачеве закономерным следствием его реформаторских начинаний, или это было случайным явлением? Возрождение кооперативного движения и разрешение индивидуально-трудовой деятельности замышлялись партийной элитой как приводные механизмы, которые способны насытить рынок потребительскими товарами, необходимыми услугами. Дополнительный приток товаров должен был решительно сократить дефицит, стабилизировать ситуацию с потребительским спросом. Эти мысли пронизывали многочисленные статьи по проблемам кооперации, появившиеся в те годы¹⁸. Однако эти пожелания так и остались в планах. Ситуация развивалась в диаметрально противоположном направлении: развитие кооперации привело к обострению серьезных противоречий в самом народном хозяйстве, расшатыванию сложившихся систем ценообразования, безналичного оборота денег, централизованного материально-технического снабжения.

Многие кооператоры использовали свободные цены, посредничество, особенности формирования, расходования и учета государственных фондов для получения максимально высоких незарегистрированных доходов посредством различных хозяйственных махинаций, в том числе «перекачиванием» денег из безналичного в наличный оборот¹⁹. Так государство постепенно утрачивало контроль за движением денежных масс.

В годы перестройки на общей волне гласности с многих тем был снят запрет. Одной из таких ранее табуированных тем стало взяточничество, с которым Советская власть так и не смогла покончить за годы своего существования. Так, согласно данным

социологического исследования, проведенного в 1988 г., наиболее распространенным источником получения нетрудовых доходов в Туркменской ССР являлась взятка (на это указали 75,4% опрошенных), затем следовал «калым» (63,6%), обман покупателей и заказчиков (61,6%), получение переплаты за дефицитные товары и услуги (60,4%), хищения социалистической собственности (51,5%), реализация наркотиков (48,2%)²⁰.

Согласно официальной статистике, в 1990 г. в СССР было зарегистрировано 4 664 факта взяточничества, что на 8,7% больше, чем в 1989 г. С 1966 г., когда был восстановлен учет взяточничества, этот показатель к началу 1980-х годов возрос на 99,4%, а с 1986 по 1990 г. сократился на 59,1%²¹. Однако от официальной регистрации в силу различных причин оказывалось скрыто около 73% различных форм хищений, от 92 до 95% фактов обмана покупателей, 98% фактов взяточничества²². Авторитетный специалист по проблемам организованной преступности А.И. Гуров в своей нашумевшей книге, увидевшей свет на исходе перестройки, приводил следующие цифры: «В 1988 году в среднем по стране совершались: каждые 32 мин. – убийство, 14 мин. – тяжкое телесное повреждение, 30 мин. – изнасилование, 41 мин. – разбой, 12 мин. – спекуляция, 6 мин. – хищение государственного и общественного имущества путем злоупотребления служебным положением. На кражу государственного имущества пришлось 3 мин., а на кражу личного – 57 секунд. Счет, как видим, пошел уже на секунды»²³.

Итак, мощное наступление на экономическую преступность в СССР, предпринятое в 1983–1984 гг. Андроповым, сменилось попытками Горбачева частично либерализовать государственную экономическую систему, допустить элементы частного предпринимательства в форме кооперативов и индивидуально-трудовой деятельности. В законах, принятых в 1986 г., акцент делался на усилении уголовной или административной ответственности за хищение государственной и общественной собственности, взяточничество, спекуляцию, самовольное использование в корыстных целях принадлежащих государству транспортных средств и т. д. Однако год от года, по мере углубления коррупционного разложения партийно-советской бюрократии, власти демонстрировали свою неспособность противостоять как общеуголовной, так и экономической преступности.

В итоге возрождение кооперативного движения привело к легализации «теневой» экономики в стране. Постепенное снятие запретов на частнопредпринимательскую деятельность обернулось тем, что государство утрачивало контроль над экономикой. После нача-

ла антиалкогольной кампании на фоне стремительного сокращения легального производства алкогольных напитков в 1985–1987 гг. в стране происходило нечто, напоминающее бутлегерство 1920-х годов в США: недостаток государственного алкоголя был компенсирован самогонованием, подпольное цеховое производство кустарного алкоголя получило мощный импульс.

К началу 1990-х годов члены организованных преступных групп получили огромные доходы за счет стихийно-неконтролируемого перераспределения государственной собственности. Держатели крупного «теневое» капитала форсировали процесс изменения форм собственности, оказывали влияние на формирование партийных аппаратов и законодательных органов в республиках, президентских структур. В целом криминальным капиталам нужно было прикрытие теперь уже официальных структур, благо многие из них уже сами искали возможности интеграции в высокодоходные сферы бизнеса.

Примечания

- 1 Grossman G. The “Second economy” of the USSR // Problems of Communism. 1977. Sept.-Oct. P. 25–40.
- 2 Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1999. С. 214.
- 3 Земцов И. Партия или мафия: разворованная республика. Paris, 1976. С. 35.
- 4 Михлин А.С. Смертная казнь: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 60.
- 5 Известия. 1989. 21 мая.
- 6 Труд. 1988. 31 дек.
- 7 Народное хозяйство СССР в 1990 году. М., 1991. С. 279.
- 8 Волобуев А. Криминология теряет проблему организованной преступности: Выгода обоюдна // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М., 1997. С. 107.
- 9 Цветков С.А., Шкруднев Ф.Д., Юзуфович Г.К. Психология бизнеса. СПб., 1992. С. 29–32.
- 10 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 147. Д. 958. Л. 85.
- 11 Теневая экономика. М., 1991. С. 18.
- 12 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 148. Д. 950. Л. 7, 8.
- 13 См.: Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М., 2005. С. 509.
- 14 Преступность и правонарушения в СССР: Статистический сборник. М., 1991. С. 78.
- 15 Там же. С. 81.
- 16 Материалы Пленума ЦК КПСС, 27–28 января 1987 г. М., 1987. С. 12.
- 17 Известия. 1989. 23 дек.

С.В. Богданов

- 18 См.: *Никифоров Л., Кузнецова Т.* Судьба кооперации в современной России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 86–96; *Глушецкий А.* Кооперативная политика: итоги, противоречия, направления оптимизации // Экономические науки. 1990. № 4. С. 52–68; Тенденции развития кооперации и преграда на ее пути // Экономические науки. 1990. № 11. С. 34–40.
- 19 *Пешко Д.А., Дадалко В.А.* Механизм формирования коррупционных структур. Минск, 1994. С. 46–47.
- 20 *Ильясов Ф.З., Мухамметбердиев О.Б.* Общественное мнение о нетрудовых доходах // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 52–57.
- 21 Преступность и правонарушения в СССР. С. 83.
- 22 *Бышевский Ю., Конев А.* Латентная преступность и правосознание. Омск, 1986. С. 11.
- 23 *Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 4.

СООБЩЕНИЯ

М.А. Андреев

ЛЕВЫЕ ЭСЕРЫ В НАРКОМПРОСЕ РСФСР (1917–1918 гг.)

В статье рассматривается участие представителей партии левых социалистов-революционеров на начальном этапе формирования Народного комиссариата по просвещению РСФСР, а точнее – в захвате Министерства народного просвещения, в организации первых отделов ведомства и подборе его кадрового состава. В результате проведенного исследования было установлено, что целый ряд левых эсеров занимал важные посты в Наркомпросе в этот период и занимались как раз социалистическим строительством, а не вредительской деятельностью, как это представлено в советской историографии.

Ключевые слова: левые социалисты-революционеры, Наркомпрос, большевики, культурное строительство, народное образование.

Начало строительства Советского государства и сопутствующие ему межпартийные отношения – одни из наиболее важных и интересных сюжетов отечественной историографии. В советский период вышло немало работ о небольшевистских партиях, в том числе и Партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР)¹. Однако влияние коммунистической идеологии исключало объективное изучение их истории. В качестве методологической базы историки использовали высказывания и оценки В.И. Ленина², возведенные в ранг догматических истин. В качестве объекта выступала не история этих партий как таковых, а история борьбы большевиков с ними, история, как сформулировал К.В. Гусев, «эволюции и банкротства мелкобуржуазного социализма»³.

В результате о деятельности ПЛСР по формированию советского госаппарата многие десятилетия практически ничего не было известно. В монографиях появлялись те или иные фамилии пред-

ставителей ПЛСР, получивших высокие посты, но их позитивную деятельность авторы предпочитали замалчивать, в большинстве случаев указывая лишь на их стремление проводить собственную, не отвечающую целям большевиков политику⁴. И только в постсоветское время историки получили возможность беспристрастно исследовать вклад ПЛСР в создание нового госаппарата, происшедшее лишь благодаря совместной работе большевиков и левых эсеров в первые месяцы после Октябрьского переворота⁵.

Точкой отсчета сотрудничества большевиков и левых эсеров в строительстве советского госаппарата принято считать постановление ВЦИК «Об изменении состава Совета Народных Комиссаров» от 17 ноября 1918 г., согласно которому во все коллегии при СНК левые эсеры могли вводить своих представителей⁶. Не стал исключением и Наркомпрос РСФСР, весь штат которого составляли лишь нарком просвещения А.В. Луначарский и несколько его коллег по партийной и просветительской работе⁷. На работу наркомата негативно повлиял отказ от сотрудничества с новыми властями большинства деятелей искусств Петрограда⁸ и, что даже более важно, чиновников Министерства народного просвещения. А в свете вышедшего 15 ноября 1917 г. постановления СНК о переезде народных комиссариатов в здания министерств⁹ перспектива у наркома просвещения и его коллег была просто удручающая: нужно было любой ценой захватить здание Министерства народного просвещения и организовать работу его аппарата, не зная даже, с чем им предстоит столкнуться.

В этой ситуации ключевую роль сыграл левый эсер В.В. Бакрылов. Как вспоминает Луначарский, рекомендацию для работы в Наркомпросе ему дал большевик Д.И. Лещенко, друг Луначарского¹⁰. Однако сам Бакрылов в анкете указал, что рекомендовал его непосредственно Луначарский¹¹. Только благодаря его стараниям и настойчивости был разрешен конфликт с чиновниками министерства, отказавшимися даже общаться с большевиками. И только после этого руководство Наркомпроса во главе с Луначарским смогло, не применяя вооруженную силу, «захватить» здание Министерства народного просвещения и привлечь к сотрудничеству большую часть низших служащих и небольшую группу руководителей среднего звена¹². При этом вся заслуга «захвата» в советской историографии была приписана Луначарскому¹³, а о Бакрылове сохранилось лишь короткое упоминание в воспоминаниях того же наркома¹⁴.

В середине ноября Бакрылов был назначен правительственным комиссаром по организационному отделу¹⁵. Он непосредственно участвовал в формировании канцелярии, редакционно-издатель-

ского, финансового и организационного отделов¹⁶. Кроме того, в ноябре–декабре 1917 г. он занимался решением большинства кадровых вопросов ведомства и еще несколькими важными поручениями Государственной комиссии по просвещению РСФСР¹⁷. Но в начале 1918 г. все сведения о нем и его работе внезапно обрываются: последний раз он участвовал в заседании Госкомиссии по просвещению 29 декабря¹⁸.

Благодаря давлению со стороны ПЛСР в состав Наркомпроса, причем сразу на высокие посты, были введены еще несколько левых эсеров. Так, 9 декабря заместителем наркома был утвержден Г.Д. Закс¹⁹, а вслед за этим в состав наркомата вошли сразу четыре левых эсера – А.П. Барышников, А.П. Кудрявцев, Д.Ю. Элькина и Терентьев²⁰. Почти все они получили должности не ниже заместителя заведующего отделом, что позволило им участвовать в заседаниях Госкомиссии по просвещению с правом решающего голоса: Кудрявцев был назначен правительственным комиссаром по библиотечному отделу, Элькина – первоначально заместителем заведующего внешкольным отделом, а с апреля 1918 г. – временно заведующим инструкторским отделом, Барышников – заместителем заведующего отделом низшей школы²¹. Позже еще один представитель ПЛСР, С.В. Азанчевская, была назначена на должность заместителя заведующего финансовым отделом, а в марте ее утвердили сразу на двух должностях – заведующего организационным отделом и заведующего пенсионной кассой учителей²².

12 декабря главой Народного комиссариата имуществ Российской республики, в компетенцию которого входила смежная с Наркомпросом функция – заведование театрами, музеями, историческими дворцами, парками и т. п., – был назначен левый эсер В.А. Карелин²³. Уже 16 декабря он вместе с Луначарским подписал постановление, в котором определялось совместное управление всеми смежными учреждениями²⁴, что в дальнейшем и предопределило судьбу это небольшого по штату, но очень разностороннего по своей компетенции ведомства: Наркомпрос в конце лета 1918 г. просто поглотил его, сформировав в рамках своего разросшегося аппарата еще один отдел – имуществ Республики²⁵.

В период формирования Наркомпроса представители ПЛСР занимались по преимуществу административной работой. Им чаще поручалась организация ключевых отделов, подбор новых сотрудников и помещений, что стало особенно актуальным в марте 1918 г., когда Наркомпрос переехал в Москву²⁶. При этом часть опытных сотрудников осталась в Петрограде²⁷, тем самым еще больше осложнив процесс формирования ведомственного аппарата в Москве, но и выявив блестящие организационные способности

сотрудников Наркомпроса из числа левых эсеров (например, Элькиной и Азанчевской)²⁸.

Образовательный уровень представителей ПЛСР, входивших в руководящий состав Наркомпроса, не уступал большевикам. Так, Элькина, Закс и Полянский имели высшее образование, Бакрылов – среднее²⁹. При сопоставлении с общими данными по руководящему составу Наркомпроса за период с начала его деятельности вплоть до осени 1918 г., приведенными в таблице М.Б. Кейрим-Маркус, обнаруживается схожая картина: из 37 человек, ответивших на вопрос об образовании, 22 имели высшее, 4 – незаконченное высшее, 10 – среднее³⁰. Что же касается практического опыта работы в органах государственной власти, то и у большевиков, и у левых эсеров он был минимален³¹.

В отношениях между представителями двух партий в рамках Наркомпроса с самого начала совместной деятельности проявилось их неравное положение. Левые эсеры были лишь допущены большевиками к управлению ведомством, но они не могли определять основные направления деятельности и ближайшие задачи Наркомпроса. Большевики постоянно оказывали давление на своих коллег, старались продвигать свои решения общим числом голосов на заседаниях Госкомиссии по просвещению, обвиняя левых эсеров в затягивании решения вопросов. Это служило поводом для неоднократной (17 и 31 марта 1918 г.) постановки левыми эсерами вопроса о предоставлении им права решающего голоса на заседаниях Госкомиссии по просвещению, обсуждение которого все же привело к предоставлению им этого права³². Раздавались и обвинения в «шпионаже» в пользу собственной партии и «пособничестве саботажникам». Так, предоставление заместителю наркома просвещения Заксу права присутствовать во время приемов наркомом различных делегаций и гостей было воспринято некоторыми сотрудниками Наркомпроса именно как открытый шпионаж в пользу ПЛСР³³.

На деле же, перевалив на плечи левых эсеров чисто административную работу, большевики-сотрудники Наркомпроса смогли сконцентрироваться на решении более важной, с их точки зрения, задачи – проведении комплексной реформы народного образования. Так, Декретная комиссия Наркомпроса, отвечавшая за разработку законопроектов в области народного просвещения, была разделена на три секции: а) административную и текущих дел; б) по подготовке реформ; в) по финансовым вопросам. Левые эсеры участвовали лишь в заседаниях первой и третьей, а секцию подготовки реформ большевики сохранили полностью в своих руках³⁴.

В результате этого планомерного давления со стороны большевиков, ограничения инициативы, а также в знак протеста против ратификации на IV Чрезвычайном всероссийском съезде Советов мирного договора с Германией наиболее значимые представители ПЛСР в Наркомпросе и Наркомате имуществ ушли со своих постов. Так, Карелин вышел из состава правительства вслед за ратификацией, а Закс ушел со своего поста заместителя наркома просвещения в апреле, перейдя на работу в ВЧК³⁵. Но остались в наркомате и вплоть до начала лета продолжали работать левые эсеры Барышников, Элькина, Азанчевская и Кудрявцев, постоянно участвуя в заседаниях Госкомиссии по просвещению³⁶. В связи с отъездом Кудрявцева в Петроград и длительным отпуском по болезни Барышникова 3 июня на ее заседании было принято решение делегировать на их места в Госкомиссии по просвещению бывшего председателя Херсонского совета И.И. Гливенко, вошедшего также в коллегия отдела единой школы, Н.А. Полянского, занявшего пост заместителя заведующего того же отдела, и Д.А. Магеровского³⁷. Таким образом, хотя и ненадолго, но было восстановлено представительство ПЛСР в Госкомиссии по просвещению.

Спустя месяц убийство графа В. Мирбаха радикально изменило политическую обстановку, обострило взаимоотношения некогда союзнических партий³⁸. Большевики, обвинив ПЛСР в предательстве интересов народа и попытке развязать войну³⁹, начали открытую борьбу с ними, приступили к вытеснению левых эсеров из госаппарата. Многие из левых эсеров, желавших сохранить свою должность, стали выходить из ПЛСР, пополняя многочисленные ряды беспартийных сотрудников. Так поступили два сотрудника кинематографического отдела – заведующий технической частью В.В. Петров и заведующий отделом съемки и фотобюро Н.П. Тихонов: прежде они состояли в ПЛСР, но в своих анкетах уже относили себя к категории беспартийных⁴⁰. Другие шли еще дальше: спешили вступить в партию большевиков⁴¹.

Так завершилась история участия представителей ПЛСР в формировании Наркомпроса РСФСР.

Примечания

¹ Астрахан Х.М. Большевики и их противники в 1917 г. Л., 1973; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашения к контрреволюции: Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров. М., 1968; Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России: 1917–1920 гг. М., 1967; и др.

- 2 Если еще в начале 1918 г. В.И. Ленин говорил о прочности союза с левыми эсерами, то уже в марте–апреле стал обвинять ПЛСР в мелкобуржуазных колебаниях, а после «мятежа» уже открыто – в пособничестве буржуазии и контрреволюции, «безголовости и бесхарактерности» ее руководства, а также настаивать на «беспощадной расправе с предателями» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 264; Т. 36. С. 244, 518–519, 526; Т. 37. С. 36).
- 3 *Гусев К.В.* Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 5.
- 4 *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства, 1917–1918 гг. М., 1987. С. 178–179; *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты, октябрь 1917 г. – январь 1918 г. Л., 1967. С. 59–61, 261–262, 269–270.
- 5 См., напр.: *Морозов Б.М.* Формирование органов центрального управления Советской России в 1917–1918 гг.: на примере Народного комиссариата путей сообщения. М., 1995.
- 6 Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 102–103.
- 7 *Ирошников М.П.* Указ. соч. С. 227.
- 8 *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине, 1917–1932 гг. М., 1998. С. 27.
- 9 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- 10 *Луначарский А.В.* Как мы заняли Министерство народного просвещения // Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 181.
- 11 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 36. Д. 193. Л. 126.
- 12 *Луначарский А.В.* Указ. соч. С. 182–183.
- 13 *Ирошников М.П.* Указ. соч. С. 227; *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное руководство культурой: Строительство Наркомпроса, ноябрь 1917 г. – середина 1918 г. М., 1980. С. 22–23; *Кернацкая Т.М.* Из истории образования Наркомпроса РСФСР в октябре 1917 г. – августе 1918 г. // Труды МГИАИ. Т. 19. М., 1965. С. 101–102; и др.
- 14 *Луначарский А.В.* Указ. соч. С. 181–182.
- 15 РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2728. Л. 4.
- 16 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 10. Л. 3, Зоб., 4, 11.
- 17 Там же. Л. 6, 7, 9об., 11, 19.
- 18 Там же. Л. 35.
- 19 ГА РФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.
- 20 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 10. Л. 36.
- 21 Там же. Оп. 65. Д. 24. Л. 2; Оп. 1. Д. 35. Л. 31.
- 22 Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 40, 157.
- 23 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 215.
- 24 Из истории строительства советской культуры, 1917–1918 гг.: Документы и воспоминания. М., 1964. С. 53–54.
- 25 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 114. Л. 3.
- 26 Декреты Советской власти. Т. 1. С. 578.

Левые эсеры в Наркомпросе РСФСР (1917–1918 гг.)

- 27 Литературное наследство. Т. 80. М., 1971. С. 59–60.
- 28 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 10. Л. 42–52.
- 29 Там же. Оп. 36. Д. 193. Л. 124; Оп. 54. Д. 432. Л. 3; Оп. 65. Д. 24. Л. 1; *Красовицкая Т.Ю.* Российское образование между реформаторством и революционаризмом, февраль 1917–1920 гг. М., 2002. С. 107–108.
- 30 *Кейрим-Маркус М.Б.* Указ. соч. С. 180–181.
- 31 Там же. С. 171–174.
- 32 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 10. Л. 52; Оп. 1. Д. 35. Л. 14.
- 33 Там же. Оп. 2. Д. 10. Л. 34; *Полянский В.* Как начал работать Наркомат просвещения // Пролетарская революция. 1926. № 1–2. С. 51.
- 34 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 10. Л. 38.
- 35 Из истории строительства советской культуры, 1917–1918 гг. С. 54; Левые эсеры и ВЧК: Сборник документов. Казань, 1996. С. 58.
- 36 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 35. Л. 2, 14, 30, 34, 41, 47, 87, 93, 99, 110, 117, 128, 140, 143, 152, 158, 164, 169, 175, 180, 187.
- 37 Там же. Л. 187об.; Оп. 36. Д. 16. Л. 17.
- 38 Левые эсеры и ВЧК. С. 9–28.
- 39 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 518–519.
- 40 ГА РФ. Ф. Р-3524. Оп. 1. Д. 30. Л. 100, 134.
- 41 *Кейрим-Маркус М.Б.* Указ. соч. С. 185.

А.Л. Кубасов

ИЗ ИСТОРИИ ТЮРЕМ И ЛАГЕРЕЙ ГПУ (1922–1923 гг.)

Статья посвящена местам содержания заключенных, подведомственным Государственному политическому управлению, после окончания Гражданской войны в России. На основе архивных материалов восстановлены ранее не известные страницы из истории Северных концентрационных лагерей, использовавшихся для изоляции политических заключенных.

Ключевые слова: советские спецслужбы, концентрационные лагеря, политические заключенные.

В 1922–1923 гг. после перехода от политики военного коммунизма к нэпу одной из тенденций изменения криминогенной обстановки в Советской России стал рост числа правонарушений, совершаемых в крупных городах. В связи с этим в январе 1923 г. Главное управление местами заключения РСФСР представило Коллегии НКВД доклад о сильном переполнении тюрем в Москве. В нем ставился вопрос об открытии новых мест содержания подследственных и заключенных для размещения в них от 2 до 3 тыс. человек.

На основании доклада был подготовлен проект постановления Коллегии НКВД. Документ напрямую затрагивал интересы Главного политического управления – правопреемника Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Предлагалось передать Главному управлению местами заключения Бутырскую тюрьму, находившуюся в распоряжении ГПУ. Обосновывалось это тем, что согласно пункту «б» статьи 1 «Временного положения о Главном управлении местами заключения РСФСР» именно на него возлагалось руководство всеми тюрьмами и лагерями

принудительных работ. И делался вывод: у ГПУ нет достаточных оснований и потребности иметь в Москве собственную крупную тюрьму. Приводился и такой довод: в здании ГПУ на Лубянке имеется внутренняя тюрьма, куда могут помещаться арестованные в порядке дознания и предварительного следствия¹.

Руководство ГПУ категорически не согласилось с выводами и предложениями проекта. В отзыве на него, срочно подготовленном по поручению заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта начальником юридического отдела В.Д. Фельдманом, указывалось, что проект совершенно неприемлем.

Для обоснования своей точки зрения ГПУ выдвинуло несколько аргументов. Первый: кроме внутренней тюрьмы на Лубянке и Бутырской тюрьмы ведомство не имеет в Москве других мест, где можно содержать арестованных. Второй: во внутренней тюрьме на Лубянке, рассчитанной на 150–200 человек, содержатся осужденные правые эсеры и подследственные по делам об особо важных государственных преступлениях, поэтому размещение в ней других категорий арестованных приведет к перегрузке тюрьмы и «погубит большую часть оперативной работы ГПУ»². Третий: Бутырская тюрьма управляется непосредственно ГПУ, в ней действуют особые инструкции, определяющие порядок содержания арестованных под стражей, администрация состоит из кадровых чекистов, которые привлекались к ответственности за совершившиеся ими нарушения во внесудебном порядке (например, приговор к расстрелу условно за передачу писем заключенным). Четвертый: в 1922 г. в тюрьме был произведен ремонт по специальному плану в интересах оперативной работы. Пятый: из всех мест заключения Москвы только Бутырская тюрьма принимает лиц, арестованных ГПУ, без предоставления копии постановления о предъявлении им обвинения. Шестой: передача Бутырской тюрьмы в ведение Главного управления местами заключения не разрешит кризис с тюремными помещениями, а только облегчит его на 1–2 месяца.

Исходя из этого, было предложено Бутырскую тюрьму оставить в ведении ГПУ. Срочно определить на территории России 5–6 пунктов, которые можно использовать как места заключения, и направлять туда из Москвы всех осужденных на один год и больше. «Разгрузить» места заключения в Москве и рационально распорядиться ими: «Чисто уголовный элемент (воры, громилы и т. д.) могут быть высланы в лагеря ГПУ Архангельской губ., то есть произойдет разгрузка. За этот счет освободившиеся места заключения распределить и перегруппировать, тем более что в Москве есть возможность ликвидируемые лагеря принудработ (Ивановский, Андроньевский и др.) обратить в тюрьмы для краткосрочных до 1 г.»³.

Ввести представителя ГПУ в руководство Главного управления местами заключения для согласования вопросов содержания под стражей. Наконец, тюрьмами и лагерями управлять по инструкциям, согласованным с ГПУ, а их администрацию проверить и профильтровать.

Одним из результатов обсуждения этой острой проблемы стало более активное использование для содержания заключенных лагерей принудительных работ, расположенных на Севере России.

В отчете за апрель 1922 г., направленном в ГПУ начальником управления Северных лагерей принудительных работ, сообщалось, что в них содержится 1 088 заключенных. В том числе в пересыльном распределительном пункте – 776, в Холмогорском лагере – 189, в Пертоминском лагере – 123. Из них были осуждены за контрреволюционные преступления – 464 (42,6%), спекуляцию и саботаж – 10 (0,9%), преступления по должности – 63 (5,79%), уголовные преступления – 480 (44,1%), преступления против личности – 14 (1,28%), дезертирство и побеги – 21 (1,93%), бандитизм – 32 (2,94%). Среди них было офицеров и военных чинов белой армии – 142 (13,05%), осужденных членов РКП(б) – 81 (7,4%), членов «противосоветских» партий – 28 (2,57%), из них анархистов – 19 (1,74%), эсеров – 9 (0,82%)⁴.

В Архангельске заключенные трудились в порту, на складах, на сплаве и погрузке дров. В Пертоминском лагере занимались ловом рыбы, плели сети. В Холмогорском лагере работали в мастерских: корзиночной, колесной, кожевенной. Готовился пуск алебастро-гипсового завода.

В докладе подчеркивалось, что для обеспечения производств рабочей силой необходимо увеличить число направляемых в лагерь осужденных.

Охранял Северные лагеря 19-й батальон войск ГПУ⁵.

Условия содержания политических заключенных описаны в рапорте, представленном 1 февраля 1923 г. заместителю начальника Секретно-оперативного управления ГПУ Г.Г. Ягоде начальником управления Северных лагерей Студиловым. Докладывая о ситуации в Пертоминском лагере, где были сосредоточены члены «противосоветских» партий, он сообщал: «Для политзаключенных в данное время выделен отдельный корпус, общей вместительностью до 200 чел. Им отведено для 50 чел. вполне достаточное количество камер. В каждой есть ламповый свет, устроены топчаны, всегда нормальная температура воздуха, устроена отдельная кухня, имеется библиотека, ничего от них не отобрано, предоставляются прогулки во дворе, обнесенном забором, по 5–7 час. в сутки, продовольствие выдается по выработанной норме Центра, разрешается

через коменданта приобретать за наличный расчет продукты в городе. Еще не было случая отказа их родственникам в свидании, медицинская помощь есть, камеры не запираются, так что имеется полное общение между всеми политзаключенными. Корреспонденция (письма), как входящая, так и исходящая, после предварительного просмотра губотделом ГПУ, передается. Считаю недочетом, что не выписываются газеты»⁶.

В рапорте говорилось о проявлении политзаключенными недовольства своим положением: «В данное время происходят скандалы, без предъявления каких бы то ни было требований в сторону улучшения или смягчения их быта, просто не хотят быть в Пертоминском, условия которого лишают их возможности установить связь с Архангельском, а также и дальше»⁷.

По мнению Студилова, скандалы политзаключенных не имели под собой какой-либо почвы: «Эти условия, считаю, что уж слишком мягкие в некоторых частях, как-то: открытие днем и ночью камер, а также продолжительные прогулки и т. д. В этой части, считаю, не вредным будет ограничить и вообще ввести надлежащий режим, отвечающий нашей карательной политике»⁸.

21 марта 1923 г. заместитель начальника Архангельского губернского отдела ГПУ Масленников и заместитель начальника управления Северных лагерей Ногтев информировали секретный отдел ГПУ: «В Пертомлагере 11 анархистов голодают с 15-го, эсеры и меньшевики к голодовке относятся отрицательно, ведут себя спокойно. В бараке находятся общим. Анархисты отделиться отказались»⁹.

Между тем в 1922–1923 гг. в русских эмигрантских изданиях стали появляться сообщения о ситуации в лагерях, образованных советскими властями в Архангельской губернии. В опубликованном в 1922 г. в Берлине центральным бюро партии эсеров сборнике «Че-ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий» говорилось, что с мая по ноябрь 1921 г. через расположенный в бывшем женском монастыре Холмогорский концентрационный лагерь прошло 3 000 заключенных. Из них в результате голода, недоедания и болезней, прежде всего дизентерии и тифа, умерло 442 человека¹⁰. В вышедшей в 1923 г. книге С.П. Мельгунова «Красный террор в России» говорилось о Пертоминском концентрационном лагере, куда с конца 1922 г. свозились большие партии заключенных из Москвы и других городов России. Условия жизни в нем рисовались в самых мрачных красках: «Лагерь устроен в старом полуразвалившемся здании бывшего монастыря, без печей, без нар, без пресной воды, которую выдают в очень ограниченном количестве, без достаточного питания, без всякой медицинской помощи»¹¹.

К 1923 г. большевистскому руководству стало ясно, что ставка на скорую победу мировой революции провалилась и необходимо налаживать отношения с европейскими странами, в которых большим влиянием пользуются социалистические партии. А публикации о концентрационных лагерях подрывали образ Советской России как первого рабоче-крестьянского государства. Поэтому было принято решение сосредоточить высланных на Север заключенных в более отдаленном месте – в лагере на Соловецких островах.

4 сентября 1923 г. в докладе, направленном Г.Г. Ягоде заместителем начальника спецотдела ГПУ А. Гусевым, сообщалось, что в конце июля концентрационные лагеря из Пертоминска и Холмогор переведены на Соловецкие острова. В качестве места для размещения осужденных за контрреволюционные преступления и политических заключенных этот район был выбран не случайно: на протяжении значительной части года, особенно в зимний период, он был практически полностью оторван от внешнего мира. Любая попытка бегства из лагеря грозила большими опасностями.

К началу осени на Соловках содержалось 3 000 заключенных, из них уголовных – 2 550, политических (эсеров, меньшевиков, анархистов) – 250 человек, бывших сотрудников ВЧК и ГПУ – 200. Политические проживали в Савватиевском скиту и на о. Большая Муксалма изолированно от других заключенных. По утверждению начальника управления Северных лагерей Ногтева, на данные которого ссылался Гусев, помещений для политзаключенных было вполне достаточно, у всех имелись отдельные койки, велась установка печей. В Савватиевском скиту для прогулок был отведен участок земли, где были лес и озеро, охранявшийся и окруженный проволочными заграждениями.

А для расселенных в Соловецком кремле уголовных были отведены камеры в корпусах крепости. Места там было мало, спали на нарах. 300 человек планировалось расселить в здании Успенского собора по окончании его ремонта.

Порядок содержания заключенных администрация лагеря установила согласно Положению о местах заключения ВЧК от 1919 г.

Политзаключенные получали продовольствие по нормам, установленным отделом снабжения ГПУ. Уголовным часть продуктов, включая крупы, овощи и лук, заменялась картофелем.

Состояние лагеря в санитарном отношении оценивалось как удовлетворительное. Наиболее часто встречались заболевания цингой, причем случаев выявления ее у политзаключенных не было. Больным по предписанию врача выдавались диетические пайки.

Уголовные трудились в мастерских, на сельскохозяйственных фермах, использовались на ремонте зданий и постройке узкоколейной железной дороги. Предполагалось командирование 150 заключенных для работы на станцию Кемь сроком на 3 месяца в виде возмещения Наркомату путей сообщения за предоставленные лагерю рельсы, крестовины, стрелки, два паровоза и 15 вагонов. В докладе утверждалось, что заключенные, находившиеся на работах, получали усиленный паек. Политзаключенные выполняли в лагере только мелкие работы по ремонту помещений.

В соответствии с распоряжением юридического отдела ГПУ от 25 апреля 1923 г. пропуска для свиданий выдавались Архангельским губотделом ГПУ, а в дальнейшем – Кемским пересыльным пунктом, сроком до 5 суток в зависимости от поведения заключенного. Проводить свидания разрешалось только в присутствии помощника коменданта или надзирателя.

Телеграфная связь с лагерем отсутствовала. Принимались меры для ее налаживания. Предполагалось, что в течение зимы письма на острова будет доставлять специальный возчик. Всю информацию о посылках для заключенных Кемский пересыльный пункт должен был сообщать на Соловки. Содержавшиеся в них продукты пускались в расход. После этого соответствующее количество продуктов надлежало выдать заключенному со склада непосредственно по месту отбытия наказания.

Жалобы политзаключенных администрация объясняла желанием вырваться на материк для установления связи со своими единомышленниками.

В докладе выражалась обеспокоенность организацией снабжения Соловецкого лагеря. Продовольственных запасов, имевшихся на складе, должно было хватить лишь на пять-шесть месяцев. Поэтому был поставлен вопрос о том, чтобы половина средств на содержание лагеря выделялась из государственного бюджета¹².

Одной из причин возникших затруднений был отпуск управлением Северных лагерей по распоряжению отдела снабжения ГПУ большого количества продуктов и обмундирования на содержание военной флотилии, а также на обеспечение возглавлявшейся М.С. Кедровым, назначенным уполномоченным Наркомата путей сообщения на Крайнем Севере, экспедиции на Печору, где пленные белые офицеры и ссыльные отбывали принудительные работы на транспорте¹³.

Ознакомившись с докладом, Г.Г. Ягода направил его Ф.Э. Дзержинскому.

Осенью 1923 г. начальник юридического отдела ГПУ В.Д. Фельдман представил в коллегии ГПУ доклад по результатам

обследования Северных лагерей в связи с заявлением политических заключенных об издевательствах и избиениях.

В докладе сообщалось, что в подчинении управления Северных лагерей находились: 1-е отделение, или собственно Соловецкий концентрационный лагерь, размещавшийся в кремле; 2-е отделение, расположенное в Савватиевском скиту; 3-е отделение на Муксалме; Архангельский пересыльный пункт, подлежащий ликвидации; и Кемский пересыльный пункт. Всего в Северных лагерях на момент проверки содержалось 3 049 человек. В том числе: в кремле (уголовных и осужденных за контрреволюционные преступления) – 2 213, Архангельском пересыльном пункте – 457, Кемском пересыльном пункте – 173, Савватиевском скиту (политических) – 153 (5% от общего количества заключенных), на Муксалме (политических) – 53 (1,74%).

В кремле заключенные, помещенные в монашеские кельи, из-за отсутствия коек спали на полу. В Савватиевском скиту и на Муксалме не во всех комнатах имелись печи, отсутствовала вентиляция. Для освещения выдавались керосиновые лампы, которых не хватало. Обмундированием и обувью содержащиеся в лагере не снабжались за исключением пожарных, канцеляристов и тех, кто служил в надзоре и работал в мастерских. Заключенные пользовались правом посещать баню, но при этом мыло им не выдавалось и после бани им приходилось надевать свои грязные лохмотья.

Особенность лагеря состояла в том, что его хозяйственная деятельность не могла быть построена на самообкупаемости. На Соловках имелись портняжная, сапожная, столярная, слесарная и судоремонтная мастерские, кузница, гончарный завод. Заключенные занимались рыбной ловлей, обслуживали скотный двор, конюшни, хлебопекарню, склад, огороды. Но ввиду скудости природных условий и отсутствия каких-либо промышленных производств все работы и промыслы могли быть для лагеря только подспорьем.

Первоначально политические заключенные к каким-либо работам не привлекались: для этих целей использовались осужденные за совершение контрреволюционных и уголовных преступлений. Рабочий день заключенных был ненормированным: они работали от восхода до заката по 10–12–14 часов, практиковались ночные работы.

Полагавшийся заключенным паек был недостаточен. Необходимые в северном климате овощи не выделялись. Хлеб выпекался сырой, с песком. При выдаче продовольствия происходило обвешивание. Уголовные воровали продукты друг у друга. Диетический паек, назначавшийся врачом, урезался администрацией.

Осенью 1923 г. на Соловецких островах полностью отсутствовал запас дров. Количества хранившейся на складе муки, большей частью прогорклой и затхлой, было недостаточно. А потому в докладе делался вывод, что зимой 1923/24 гг. Соловецкий лагерь ожидают голод и холод.

Из Савватиевского и Муксалмского скитов лица, нуждавшиеся в амбулаторном лечении, направлялись в расположенный в кремле лазарет, который был заполнен. При норме в 100 человек в нем находилось 94, в том числе больных цингой – 43, туберкулезом легких – 14. Больных из числа политических привозили в лечебное учреждение и отвозили обратно по ночам. При поступлении и выписке их обыскивали. Рядом с ними выставлялся конвой. Уголовных помещали в лазарет только в тех случаях, когда они уже не могли держаться на ногах. В силу этого на самом деле заболевших было намного больше. Паек в лазарете выдавался в сухом виде, пациенты вынуждены были сами готовить пищу. Обслуживавший медицинский персонал состоял из заключенных. Необходимые врачи-специалисты отсутствовали.

Цензура направлявшихся на Соловки почтовых отправок осуществлялась в Архангельске. Письма из Москвы доходили до адресатов за несколько месяцев, телеграммы – почти за два месяца. Газет не получали не только заключенные, но и администрация.

Политическим разрешалось одно свидание в год. Приезжавшие для встреч помещались под надзором надзирателя в ските, расположенном на Секирной горе в 10 верстах от кремля, в 2 верстах от Савватиевской пустыни и в 20 верстах от Муксалмы. С них бралась плата за помещение, доставку посылок и писем. Свидания мужу и жене, отбывающим наказание в одном лагере, не позволялись.

Охранял лагерь взвод 95-го особого дивизиона войск ГПУ. Кроме него – команда надзора, состоявшая из бывших чекистов, высланных на Соловки за различные служебные проступки. Всего в ней числились 92 человека. Они стояли на постах, охраняли заключенных на внешних работах. Команде надзора было доверено оружие – винтовки, револьверы, пулеметы.

В результате проверки факты, указанные в заявлении политзаключенных, подтвердились. Команда надзора, желая выслужиться перед администрацией, допускала истязания. Узников избивали палками, шомполами, ставили летом без одежды «на комарика», сажали в темный карцер, каменные мешки, на лед, лишали пищи и т. д. Комиссия установила случаи расстрелов под видом побегов. Все это делалось с ведома и при участии начальника управления Северных лагерей Ногтева и его заместителя Зорина. Администрацией лагеря было сфабриковано провокационное дело о якобы

готовившемся заключенными восстании с целью убийства администрации и побега. У оставшихся на острове и работавших при лагере монахов отбирались под видом конфискации церковного имущества часы, сапоги, ложки, деньги. По этим фактам было начато следствие.

В докладе делался вывод, что система произвола, издевательств и ущемления прав заключенных была вызвана полной изолированностью лагеря, отсутствием «правильного руководства» и «определенных инструкций».

В качестве неотложных мер для улучшения положения в докладе предлагалось прежде всего подобрать и назначить нового начальника управления Северных лагерей. Учредить в Соловках должность уполномоченного, подчиненного непосредственно руководству ГПУ. Установить за лагерями прокурорский надзор. Взять за правило регулярные ревизии лагерей представителями ГПУ не реже двух раз в год. Применить к заключенным Соловецкого лагеря амнистию от 17 августа 1923 г., пересмотреть все дела высланных в административном порядке за хищения на транспорте и уголовное прошлое. Отказаться впредь от высылки на Соловки за уголовные преступления, оставив ее применение лишь за совершение контрреволюционных преступлений и принадлежность к «противосоветским» партиям. Увеличить запасы продовольствия, повысить заключенным нормы питания. Наконец, выделить средства на заготовку дров и приобретение обмундирования¹⁴.

19 сентября 1923 г. начальник юридического отдела Фельдман на основании мандата ГПУ направил в управление Северных лагерей распоряжения, вступающие в силу немедленно.

Прежде всего, довести до отбывающих наказание на Соловках, что никаких переводов в другие места не будет.

Улучшить медицинское обслуживание (одного вольнонаемного врача должно было подобрать управление Северных лагерей, зубного техника обещало прислать ГПУ). До 1 ноября 1923 г. обеспечить скиты, где проживают политзаключенные, противомаларийными, противочинготными, противотуберкулезными лекарствами и средствами против кишечно-желудочных заболеваний.

Привозить пациентов в лазарет и увозить их из него, как правило, до захода солнца. Караул к больным политзаключенным не составлять. При доставке в лечебное заведение выдавать им специальную больничную одежду и белье, а носильные вещи, в которых они прибыли, направлять на дезинфекцию. Отменить личные обыски при поступлении в лазарет и выписке, проводить их только по прибытии заключенного непосредственно к месту постоянного проживания.

Для находящихся на лечении в лазарете организовать кухню с обслуживающим персоналом для подготовки горячей пищи. Больничный паек установить в размере пайка здорового политзаключенного. Диетический паек выдавать по рецептам врачей без урезания и замены мяса молоком и т. д.

Выдавать заключенным верхнюю одежду и теплое нижнее белье по спискам, заверенным старостами скитов. Питание политзаключенных разнообразить: овощи (картофель, капусту, лук) выдавать по норме без замены другими продуктами. Выдачу мыла увеличить на 1/2 фунта.

До 15 октября 1923 г. оборудовать в лагере электрическое освещение. А до этого выделить в необходимом количестве лампы и керосин.

Согласно распоряжению, разрешение на посещение политзаключенных отныне выдавалось в Москве, в центральном аппарате ГПУ. Продолжительность свиданий ограничивалась одной неделей. Приезжавших родственников надлежало тщательно обыскивать как накануне, так и после проведения встреч. Доставку корреспонденции и посылок на Соловки и обратно полагалось вести через Кемский пересыльный пункт. Цензура, приемка и выдача корреспонденции возлагались на управление Северных лагерей.

Наконец, заключенных, в том числе политических, срок наказания которых истекал до 1 июня 1924 г., следовало до 1 ноября 1923 г. перевести в Кемский пересыльный пункт¹⁵.

Так в 1922–1923 гг. началось использование Северных лагерей в качестве места содержания политических заключенных.

Примечания

- 1 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Т. 5. Л. 4.
- 2 Там же. Л. 5.
- 3 Там же. Л. 5об.
- 4 ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1211. Л. 35.
- 5 Там же. Л. 18.
- 6 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108. Л. 12.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же. Л. 10.
- 10 Че-ка: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Издание Центрального Бюро Партии социалистов-революционеров. Берлин, 1922. С. 242–245.

А.Л. Кубасов

- 11 *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М., 1990. С. 171.
- 12 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 154. Т. 5. Л. 33–34.
- 13 Там же. Д. 108. Л. 8.
- 14 Там же. Л. 37–45.
- 15 Там же. Л. 63–65.

А.В. Урядова

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

В статье рассматривается отношение русской эмиграции к Генуэзской конференции, ее реакция на приглашение советской делегации, изучение русским зарубежьем противоборствующих тенденций в советском правительстве по вопросам внешней политики накануне и во время конференции. Цель работы – изучить позиционирование эмиграцией себя и советской стороны в ходе Генуэзской конференции. Подобный подход к советской внешнеполитической деятельности, а также к истории эмиграции ранее не применялся.

Ключевые слова: Генуэзская конференция, русская эмиграция, РСФСР, внешняя политика.

В современной отечественной историографии история эмиграции и история РСФСР зачастую рассматриваются изолированно друг от друга. В действительности русское зарубежье внимательно следило за всем, что происходило в России. В том числе живо интересовалось советской внешней политикой: неудачи в этой области, обострение международной ситуации могли привести к падению большевистского режима, а успехи и достижение соглашений РСФСР со странами проживания эмиграции – к изменению ее статуса и положения там, а возможно, и к репатриации. В этом плане наиболее показательной является реакция эмиграции на международные конференции с участием РСФСР.

Эмигранты рассматривали правительство большевиков как незаконное. Они считали, что Советская власть будет использовать международные конференции исключительно для своего признания, а обсуждение на них «русского вопроса» даст ей для этого повод¹.

© Урядова А.В., 2009

Анализируя ситуацию накануне Генуэзской конференции, эмигранты подмечали наличие трех течений в советском правительстве по вопросам внешней политики. Так, бывший депутат Государственной думы Н.В. Савич писал: «Одно возглавляется юридически Лениным, фактически вдохновляется Красиным. Оно требует соглашения во что бы то ни стало, ценой каких угодно уступок, лишь бы добиться признания советской власти... Ленин в общем поддерживает это течение, хотя для вида делает оговорки... Второе течение – Троцкий и военные, его окружающие. Наконец, третья группа – Дзержинский и Чека. Последние против поездки в Геную, против всяких уступок, против концессий иностранцам и “нового курса”. Это течение непримиримое и агрессивное... Троцкий, опираясь на Красную армию, бравируя и хвастая ее преданностью ему, старается примирить другие два течения. По духу он близок к Дзержинскому, но считает нужным участвовать в Генуе для демонстрации и пропаганды»². В наличии этих течений Савич видел остроту трений внутри правящей верхушки большевиков. Отмечал он противоречия в советской делегации и непосредственно на конференции: «Красин – за возможные и невозможные уступки лишь бы добиться признания, Литвинов – непримирим, Чичерин – виляет и еще не самоопределился»³.

Некоторые эмигранты полагали даже, что в целом происходило «полевение» верхов компартии, а поэтому ленинская политика соглашения с Западом, неприемлемая для оппозиции, явилась одной из причин его ухода от власти⁴.

Автор «Доклада об экономическом положении России к моменту начала Генуэзской конференции» отмечал две противоположные точки зрения в советских верхах на международную политику в связи с серьезным экономическим кризисом в России: «С одной стороны, Лежава и Красин придерживались взгляда, что необходимо будет войти в компромисс с иностранными капиталистами. С другой стороны, Дзержинский стоял за коммунистические принципы и защищал усиленную пропаганду внутри против капиталистических государств. Это разделение мнений скоро привело к серьезному расколу, и лидеры вынуждены были примкнуть к той или другой стороне. Ленин, Чичерин и Литвинов примкнули к Красину, Троцкий – к Дзержинскому. Отношения между этими группами стали теперь очень враждебными...»⁵ Воинственно настроенные слои эмиграции даже считали, что этот конфликт создал благоприятный момент для интервенции и восстания внутри России.

Все эти оценки во многом сходны, и они более или менее точно отражают суть разногласий в ВКП(б) и Советском правительстве.

Анализируя цели и задачи большевиков накануне конференции, эмиграция пришла к нескольким основным выводам. Во-первых, победа большевиков в Каннах к началу Генуэзской конференции их уже не устраивала. Так, Савич отмечал, что в Генуе они «увертываются от прямого признания каннских условий, ведут бесконечные споры о деталях, ссылаются на медленные сношения с Москвой»⁶. Во-вторых, представители РСФСР будут добиваться признания и кредитов и в этом вопросе ни перед чем не остановятся, будут давать любые, даже невыполнимые обещания, которым нельзя верить. В-третьих, несмотря на то, что получение финансовой помощи голодающим было одной из задач большевиков, от представителя Гуверовской организации из России в середине марта 1921 г. поступила такая информация, что в России на первом месте Генуя, на втором – голод⁷ (то есть сначала задачи политические, а уж затем гуманитарные). Савич резюмировал: «Сущность всего происходящего в Генуе... добиться признания меморандума большевиками и большевиков державами»⁸.

Русский поэт-сатирик Л.Г. Мунштейн так писал о целях советской делегации на конференции и о цене вопроса:

Из этой встречи: дипломат,
Любимец дам, «синьор Чичерин»
Стяжать признание намерен,
А за «признание и кредит»
Он ничего не пощадит...⁹

Генуэзской конференции эмигрантская печать уделила больше внимания, чем предыдущим конференциям, понимая ее важность для судеб России и эмиграции. Точки зрения разных групп эмигрантов по поводу влияния на переговорный процесс в Генуе расходились. Противники приглашения Советского правительства на конференцию предлагали послать на нее представителей эмиграции. Газета «Последние новости» и ее главный редактор П.Н. Милоков возражали против этого, исходя из того, что эмиграция не должна иметь никакого касательства к решениям, могущим связать Россию в духе заключенных большевиками договоров.

Пристальное внимание подготовке и проведению конференции уделял берлинский «Руль». В газете выражалась надежда на то, что отрицательная позиция Франции и США в отношении участия советских представителей возобладает над английской¹⁰, однако, как известно, этого не произошло. «Руль» был вынужден констатировать, что общая позиция конференции была такова, что победа большевиков в борьбе за власть представлялась оче-

видной уже давно¹¹. Газету удивляло и раздражало приглашение большевиков и общее отношение к ним на конференции¹², поражали их поведение и даже одежда¹³. «Голос России», представлявший эсеров, выражал мысль большинства эмигрантов о том, что большевики не могут представлять русский народ, поскольку отстаивают не его, а свои интересы. С одной стороны, газета писала о том, что большевики согласятся на что угодно, лишь бы получить международное признание¹⁴, с другой – подчеркивала, что буржуазия Европы слепа в отношении большевизма, не понимает его истинной природы¹⁵, а отсюда и приглашение представителей РСФСР на конференцию.

Как считал советский исследователь П.А. Подболотов, меньшевистское руководство заняло двойственную позицию в вопросе о международном признании Советской России. Принимая декларации в поддержку требований о снятии империалистической блокады, меньшевистские лидеры на деле стремились воспрепятствовать установлению деловых отношений РСФСР с капиталистическим миром, подтверждением чему он считал «клеветническую кампанию» во время подготовки Генуэзской конференции. Имеется в виду письмо, написанное накануне конференции П.Б. Аксельродом лидеру II Интернационала Вандервельде, с протестом против арестов меньшевиков в Советской России¹⁶. Сами меньшевики писали, что их партия вела кампанию за признание Советской России¹⁷. В действительности же партия разделилась в вопросе признания. Так, перед конференцией ЦК РСДРП совместно с ЦК Бунда (социал-демократического) издал воззвание к социалистическим партиям и рабочим организациям, предлагая им добиваться, чтобы конференция была использована для признания России. При этом «важно, однако, не только признание, но и условия его... Признание должно сопровождаться не превращением России в колонию Западно-Европейского капитала, а энергичной, действительной финансовой помощью... Интересы русской революции и международного пролетариата одни и те же, и во имя этих общих интересов, во имя истекающего кровью народа... во имя умирающих женщин и детей, мы призываем вас: придите на помощь России»¹⁸. Ю.О. Мартов же считал это воззвание слишком левым. Он писал в Бюро ЦК в Москву, что этот документ, не содержащий ни слова критики Советской власти, является «слабым и несвоевременным».

По мере охлаждения партии к идее единого фронта, ее кампания за признание становилась сдержанней. Аксельрод шел дальше и считал, что признание советского правительства возможно при выполнении им определенных условий и требований¹⁹.

К самой конференции меньшевики относились критически. Они видели в ней, с одной стороны, попытку западных колонизаторов проникнуть в Россию, а с другой – стремление большевиков получить кредиты не на хозяйственные нужды, а на укрепление Советской власти.

Активную позицию занял в отношении конференции Торгово-промышленный союз. В марте 1922 г. он распространил декларацию, в которой сформулировал свою позицию относительно сотрудничества западных стран с Советской Россией. Союз принял меры для создания единого агитационного центра для влияния на общественное мнение Западной Европы. Его делегация была послана на конференцию. Несмотря на свое неофициальное положение, она, несомненно, оказывала определенное влияние на французскую и бельгийскую делегации, предоставляя им информацию и справки о положении в России. Члены делегации союза предпринимали все меры, чтобы доказать несбыточность надежд на использование русских рынков. Отчасти это им удалось, в особенности по отношению к французским и бельгийским делегатам, с которыми у них установилось полное единодушие по вопросу о русских долгах.

Русский национальный комитет обращался с меморандумами к странам – участницам Генуэзской конференции²⁰, в которых говорилось, что, признавая власть большевиков, нельзя помочь России. В них отмечалось, что цель большевиков на конференции – не экономическое возрождение России, а укрепление своего собственного финансового положения, а также приращение своего «политического капитала»: если их и не признают, конференция все равно явится великолепной трибуной²¹. РНК полагал, что приглашение большевиков в Геную – это ложный шаг, и он не только не будет способствовать экономической стабилизации в Европе и в России, а, напротив, отсрочит ее. Главную проблему комитет видел в том, что РСФСР не может дать гарантий, а без них международный капитал все равно не будет работать в России²².

В протесте бывших членов Правительствующего сената и в обращении их к сенаторам и правительствам Европы и Америки с призывом против приглашения представителей Советской власти на Генуэзскую конференцию говорилось, что сам факт их приглашения признает их равными среди равных и «как бы санкционирует их преступную деятельность». Они предупреждали, что если некоторые государства и признают большевистскую власть, то это признание не будет иметь юридической силы для русского народа, никогда не избравшего большевиков своим правительством²³.

Меморандумы, письма, петиции в адрес конференции писали самые разнообразные эмигрантские организации. Учредительное собрание, возглавляемое эсерами и кадетами, приняло резолюцию о том, чтобы на Генуэзскую конференцию не были допущены представители Советской России²⁴. Русская сельскохозяйственная ассоциация крестьян, казаков, агрономов, сельхозкооператоров, проживавших в Чехословакии, также составила меморандум, в котором указывалось, что современное правительство не признано и никогда не будет признано русским народом как законное, поэтому его представительство в Генуе никоим образом не может рассцениваться как участие России в данной конференции, и русский народ не несет ответственности за те решения, которые будут приняты на ней²⁵. Некоторые организации, кроме меморандумов, отправляли в адрес Генуэзской конференции обстоятельные доклады и записки о положении в России (например, Комитет русских банков), пытаясь убедить иностранные державы в невозможности сотрудничества с Советами.

Генуэзская конференция взволновала не только русских политиков и промышленников, но и армейские круги, о чем свидетельствуют информационные сообщения и сводки, поступающие в штаб главнокомандующего русской армией генерала П.Н. Врангеля²⁶. Не осталась в стороне и Русская православная церковь. От имени Всезаграничного собора РПЦ было издано «Послание к Генуэзской конференции»²⁷. По сути, это был призыв к государствам – участникам Генуэзской конференции прекратить все отношения с Советской Россией и просьба о помощи русской эмиграции в свержении большевизма и восстановлении монархии.

В.А. Маклаков высказывал свое мнение относительно Генуи не только в личных письмах, но и в публичных выступлениях, предупреждая и пытаясь воздействовать на западное общественное мнение, прежде всего французское. Он и С.Н. Третьяков накануне конференции сделали доклады в Société d'étude перед комиссией французских сенаторов²⁸.

В. Белов, один из первых советских историков эмиграции, что называется, по «горячим следам», писал о различном отношении эмигрантов к участию в конференции советской делегации: одно – состоятельной и влиятельной эмиграции (негодование, насмешки, досада, уверенность, что все равно ничего не выйдет), другое – широких слоев эмиграции, у которых, как он считал, было больше «здорового смысла, политического чутья и справедливости в оценке вопроса об исходе переговоров». И в этом он видел не столько отход от антибольшевистской позиции, сколько рациональность и политическую трезвость. Он так писал о второй

группе: «К Генуе же она отнеслась, как больной относится к горькому лекарству, о необходимости которое принять он знал уже давно и только старался об этой неприятности не думать и по возможности ее оттянуть»²⁹. Эта оценка достаточно точно отражает реакцию эмиграции на конференцию и еще больше, на наш взгляд, подходит для оценки рапалльских соглашений, которые многими эмигрантами воспринимались не только как неизбежность, но и как необходимость.

Другой советский исследователь, П.А. Подболотов, уже в 1970-е годы выделял три лагеря, на которые формально разбилась русская эмиграция накануне конференции по поводу признания: «Монархисты, кадеты и парижская группировка эсеров открыто выступали против признания, правые эсеры во главе с Черновым заняли внешне “нейтральную” позицию, меньшевики объявили себя сторонниками признания. Фактически же вся политическая эмиграция вела борьбу за срыв дипломатической миссии советской делегации на Генуэзской конференции»³⁰.

Как считал экономист-эмигрант С.О. Загорский, к тому времени «русский вопрос» был не только и не столько вопросом о большевиках, сколько вопросом о России. В этом он видел проблему установления единого европейского фронта, поскольку речь шла не о борьбе с Советами, а о своекорыстных интересах отдельных стран: «Россия стала козлом отпущения в той политической борьбе, которая происходит в международных отношениях после войны»³¹. Поэтому и Генуэзская, и более поздняя Гагская конференции, по его глубокому убеждению, могли быть поняты лишь в связи с международной обстановкой.

Оценивая роль различных стран в конференции, большинство эмигрантов выделяло прежде всего Англию. Они считали, что английская делегация больше всех была готова к уступкам³². Д. Ллойд Джордж приехал в Геную, чтобы примирить два непримиримых полюса³³, и именно он невидимо всем дирижировал³⁴. П.Н. Милуков полагал, однако, что по ходу конференции последний «охладел к экономическому восстановлению России и перестал проявлять уступчивость», поэтому большинство вопросов и были перенесены на Гагскую конференцию. Он связывал это с тем, что советское правительство до начала переговоров заключило с Великобританией соглашение относительно нефти, поэтому вмешались США, не желавшие монополии Англии в этом вопросе и потребовавшие политики «открытых дверей»³⁵.

Корреспондент «Руля» во Франции считал ее правительство очень непоследовательным в «русском вопросе». Он писал: «Может казаться, что решительное нежелание идти на какой-либо

компромисс с большевиками сменяется здесь столь же решительной готовностью с ними примириться. В действительности, однако, основные тенденции политики Франции в русском вопросе все те же, хотя мы и должны быть готовы к разного рода сюрпризам, которые в общем едва ли изменят отношение Франции к России»³⁶. В целом же «Руль» расценивал позицию Франции как достаточно разумную и взвешенную. Как и в США, он видел во Франции возможный заслон пробольшевистским решениям конференции.

С этим соглашались и другие эмигрантские публицисты, отмечая, что Франция была непоколебима в своем мнении, что советское правительство не способно выполнить выдвигаемые условия³⁷. Им было понятно, что цель бельгийцев и французов состояла в обеспечении своих материальных интересов, оставшихся в России, а итальянцев – в превращении юга России «в такие же итальянские колонии, какие были на юге России в средние века у их великих генуэзских предков»³⁸. У всех были свои интересы, вокруг которых и шла борьба.

Среди основных вопросов эмигрантские общественные деятели выделяли три, связанных непосредственно с самой конференцией: 1) борьба вокруг вопроса о существующих политических группах среди европейских государств; 2) нефтяной вопрос; 3) антибольшевистский конец конференции³⁹.

Несмотря на негативное в целом отношение к участию советской делегации в конференции и попыткам западных стран пойти на сближение с РСФСР, все же большинство деятелей эмиграции оценивало Геную как безусловный политический успех советских представителей, особенно в начале конференции⁴⁰. В одном из писем Б.А. Бахметьеву Маклаков писал, что Генуя стала поворотным пунктом в европейских отношениях, и крушение, которое постигло большевиков в Генуе, лишь видимое – напротив, ситуация в отношении их изменилась коренным образом («психологический Рубикон, который отделял Европу от большевизма, перейден») ⁴¹. Это, по его мнению, может повлиять и на деятельность эмиграции, поскольку Европа больше не поддержит антисоветские группировки. Он так подвел итог деятельности русского зарубежья: «Надежда на то, что будущая Россия вырастет из антибольшевистских группировок, из кадра эмиграции, окончательно всеми покинута. Были два года, которые были нам даны, чтобы овладеть Европой, и они были нами потеряны»⁴².

Если с политической точки зрения конференция считалась эмигрантами победой и дипломатическим успехом большевиков, то с позиций экономических, да и практических в широком смысле этого слова, многие подчеркивали отсутствие результатов.

Одни вопросы оказались совершенно неразрешимы, другие (например, о разоружении) были перенесены на Гагскую конференцию. Точку зрения практической безрезультатности конференции отстаивал на своих страницах «Руль»: во-первых, все заключенные Советской Россией договора – формальны, являлись лишь проектами будущих соглашений, и газета опасалась продолжения переговорных процессов в Гааге; во-вторых, задача восстановления хозяйственной жизни Европы была подменена другой – «принятием советского строя в международное общение». «Руль» связывал это с тем, что отношение иностранных государств с Советской властью строилось на двух заведомо ошибочных предпосылках: 1) на том, что с Советами вообще возможно соглашение, 2) что советский строй поддается внешним влияниям и изменениям. Практическую значимость газета видела лишь в Рапалло. В целом же, по мнению редакции, конференция послужила росту советского престижа, чем нанесла ущерб русской эмиграции⁴³.

Оценивая требования сторон, Милуков считал, что они уже сами по себе заключали причину неудач конференции: требовали от России публичного признания долгов и обязательств, восполнения ущерба, восстановления системы производства и в то же время декларировали принцип невмешательства в экономическую жизнь других стран. Среди других причин неудач конференции он называл также отсутствие единства внутри как западных, так и советской делегаций, изменение стратегии советской делегации после поступления из Москвы инструкции, предписывающей ей быть непримиримой и отстаивать свои позиции⁴⁴. С последним согласился Л.М. Неманов, указывая, что 1 мая большевики внезапно «переменили фронт». Это был день, когда была получена инструкция от В.И. Ленина, предписывающая в том числе прекратить уступки. Именно тогда, как отмечает журналист, стало ясно, что из конференции ничего не выйдет⁴⁵.

Член РНК Ю. Семенов, оценивая конференцию, считал, что ее завершение с полным правом можно назвать антибольшевистским: был достигнут не мир, как того желали Советы, а лишь перемирие⁴⁶. П. Гарви полагал, что Генуэзская конференция кончилась ничем, «но в последнюю минуту Красной дипломатии удалось использовать критическое положение Германии и заключить договор в Рапалло», что и явилось единственным, с его точки зрения, реальным результатом конференции⁴⁷.

Газета «За свободу» в качестве одного из последствий срыва Генуэзской конференции называла рост большевистской агитации⁴⁸. По точному замечанию В. Даватца, после Генуи каждое новое признание Советской России стало совершаться буднично, перестало

А.В. Урядова

вызывать надежды⁴⁹ и, добавим от себя, резкое неприятие у эмиграции. Но для того времени пересмотр старых отношений казался чем-то новым.

Таким образом, эмигрантские политики и публицисты довольно объективно оценивали результаты Генуэзской конференции, отмечая ее «плюсы» и «минусы» и вполне осознавая, что для большевистского режима она стала еще одним шагом к признанию.

Примечания

- 1 ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
- 2 Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (РЗ). Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 68об.–69.
- 3 Там же. Л. 83об.
- 4 ГА РФ. Ф. 7518. Оп. 1. Д. 4. Л. 24об., 27об.
- 5 ГА РФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.
- 6 РЗ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 83.
- 7 Там же. Л. 68об.
- 8 Там же. Л. 89об.
- 9 *Мунштейн Л.Г.* (Лоло) *Genova la Superbe* // Мунштейн Л.Г. (Лоло) *Пыль* Москвы: Лирика и сатира. Париж, 1931. С. 69–70.
- 10 Речь Ллойд-Джорджа // *Руль*. 1922. 30 марта.
- 11 Победители // *Руль*. 1922. 14 апр.
- 12 Волшебство // Там же.
- 13 О прикосновенности частной корреспонденции // *Руль*. 1922. 7 апр.
- 14 Накануне Генуи // *Голос России*. 1922. 9 апр.
- 15 Печать и жизнь. Два фронта // *Голос России*. 1922. 6 апр.
- 16 *Подболотов П.А.* Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975. С. 97.
- 17 *Волин С.* Большевик в первые годы НЭПа // *Меньшевики после Октябрьской революции: Сборник статей и воспоминаний*. Newton, 1990. С.143.
- 18 *Социалистический вестник*. 1922. № 5 (27).
- 19 Там же. С.143–144.
- 20 ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 23. Л. 38–43; Ф. 6096. Оп. 2. Д. 1. Л. 7–10.
- 21 ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.
- 22 ГА РФ. Ф. 6790. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
- 23 ГА РФ. Ф. 6055. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
- 24 *Попов Н.Н.* Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924. С. 62.
- 25 ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.
- 26 ГА РФ. Ф. 7518. Оп. 1. Д. 4. Л. 142–147.
- 27 Деяния Русского Всеагличного Церковного Собора. Сремски Карловцы, 1922. С. 151–156.
- 28 Накануне. 1922. 26 марта.

- 29 *Белов В.* Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье: Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М.; Пг., 1923. С. 132.
- 30 *Подболотов П.А.* Указ. соч. С. 97–98.
- 31 *Загорский С.О.* Русский вопрос в Генуе и Гааге. Б.м., б.г. С. 264–265.
- 32 Там же. С. 284.
- 33 *Неманов Л.М.* За кулисами Генуи // Руль. 1922. 21 мая.
- 34 *Даватц В.* Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 162.
- 35 *Милуков П.Н.* Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 303.
- 36 *И.А.* Колебания в русском вопросе (письмо из Парижа) // Руль. 1922. 24 марта.
- 37 *Загорский С.О.* Указ. соч. С. 284.
- 38 *Неманов Л.М.* Указ. соч.
- 39 ГА РФ. Ф. 6096. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
- 40 *Загорский С.О.* Указ. соч. С. 284.
- 41 «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков. Переписка, 1919–1951. Т. 2. М., 2001. Т. 2. С. 313.
- 42 Там же. С. 314.
- 43 Продолжение следует // Руль. 1922. 19 мая; *Nic salta* // Руль. 1922. 30 мая; Наперекор здравому смыслу // Руль. 1922. 21 июня.
- 44 *Милуков П.Н.* Указ. соч. С. 299–302.
- 45 *Неманов Л.М.* Указ. соч.
- 46 ГА РФ. Ф. 6096. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
- 47 *Гарви П.* Закат большевизма. Рига, 1928. С. 14.
- 48 За свободу. 1922. 17 марта.
- 49 *Даватц В.* Указ. соч. С. 161.

НОВАЯ РОССИЯ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

В.Н. Круглов

ПРОЕКТЫ ИЗМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ 1990–2000 гг.

Статья посвящена проектам изменения административно-территориального устройства России, выдвигавшимся в 1990-е и начале 2000-х годов. Они рассматриваются как прямой предшественник практических мер по изменению отношений Центра и регионов в начале XXI в., в том числе процесса укрупнения субъектов РФ. Цель работы – выявление проектов и анализ их содержания, обозначение временных пиков и спадов в появлении проектов, системы аргументации их авторов, основных групп проектов. Новизна: систематизация и анализ проектов с точки зрения их последующего влияния на практические меры федеральной власти России в президентство В.В. Путина.

Ключевые слова: Федерация, укрупнение, регион, проект, автономия, территория.

Период становления российской государственности отличался тем, что динамичное развитие политической и экономической сфер общественной жизни сочеталось с практической неизменностью доставшегося в наследство от советского периода административно-территориального деления (АТД), что вызывало растущее отставание регионального управления от потребностей реформирования страны.

Пути корректировки АТД привлекли большое внимание общественных и политических кругов, вызвали многочисленные дискуссии в СМИ и научных работах. Почти каждый год приносил новые идеи, некоторые из них послужили предвестниками практических мер по изменению отношений Центра и регионов в начале XXI в., в том числе процесса укрупнения субъектов РФ.

В начале 1993 г. лидер Российского движения демократических реформ (РДДР) Г.Х. Попов предложил «решить все национальные проблемы» с помощью национально-культурной автономии. На территории страны следовало создать, по его мысли, 15–20 федеральных земель с одинаковым статусом. Какая-либо национальная основа в новой региональной нарезке отвергалась, несогласным предлагалось выйти из состава России¹.

Вскоре Попов изменил позицию. Принятая в январе 1994 г. «Платформа РДДР» предполагала создание федерации земель из 10–15 территориальных единиц при сохранении системы национально-административных образований. Последних устанавливалось несколько типов: «входящие в состав краев и областей; пользующиеся правами краев и областей; входящие в состав российских земель; пользующиеся правами российских земель; имеющие особые договоры с Россией»². Следствием проекта должна была стать фактическая конфедерализация страны.

Другой вариант был предложен О.Г. Румянцевым, секретарем Конституционной комиссии, разрабатывавшей проект нового Основного закона в 1992–1993 гг. Он выдвинул проект «государственно-территориальной организации российского общества», согласно которому образовывалось «свыше двух десятков земель» с примерно равным экономическим потенциалом и статусом³. Однако это предложение было отвергнуто.

Тогда же идею укрупнения административно-территориальных единиц пропагандировал лидер Либерально-демократической партии России (ЛДПР) В.В. Жириновский. Ведя осенью 1993 г. предвыборную кампанию в Государственную думу первого созыва, он предлагал радикально изменить устройство страны, разделив ее территорию на 30–40 равных по статусу губерний («проект губернизации России»). Территорией РФ Жириновский не ограничивался, предлагая создать, например, Финляндскую губернию⁴.

В течение 1993 г. были опубликованы статьи сотрудников Совета по размещению производственных сил и экономическому сотрудничеству (СОПС) при Минэкономике РФ и РАН В.В. Кистанова в журнале «Экономист»⁵ и А.А. Адамеску в «Российском экономическом журнале»⁶. Они предлагали положить в основу нового деления экономическое районирование, обеспечивающее успешное проведение реформ. Отвергая национально-территориальный принцип, который, как они считали, «исчерпал свои конструктивные возможности», они планировали создать вместо 11 традиционно существующих 18 новых экономических районов-областей с равным статусом.

Состав федерации (89 субъектов) был закреплён принятой в декабре 1993 г. Конституцией, однако вскоре появились сомнения в его оптимальности. На необходимость реформы указывал глава Совета Федерации В.Ф. Шумейко: «По своему социально-экономическому потенциалу значительная часть регионов России не может претендовать на статус субъекта РФ... Необходимо отдавать себе отчет в том, что из современных 89 субъектов РФ некоторые в будущем могут оказаться неспособными выйти на уровень “полнокровного” субъекта и... сольются с другими»⁷.

Свой вариант Конституции страны – «Русский проект» – представила в 1997 г. Лига защиты национального достоинства А.Н. Севастьянова⁸. Провозглашалось унитарное государство, но допускалось существование в его составе автономий, в которых титульный этнос имел «устойчивое большинство». Таких территорий проектировалось восемь. Предлагалось объединить в составе России Северную и Южную Осетию, а Чечня из состава «Русского государства» исключалась. В целом имелось в виду создание 67 одно-статусных областей. Границы их изменялись не слишком существенно: упразднялись небольшие по территории субъекты, крупные же автономии переводились в ранг областей. Наконец, была выдвинута идея совещательного органа глав территорий при президенте («Совет губернаторов, глав автономий и заместителей») – аналог созданного позднее Государственного совета.

Мэр Москвы Ю.М. Лужков высказал в феврале 1997 г. идею создания из субъектов РФ «10–12 крупных территориальных образований»⁹ ввиду необходимости совершенствования управления («управлять такими “правительствами 100 регионов” невозможно»). Эта аргументация позднее стала, наряду с социально-экономической, основной для сторонников этой меры.

Примерно в то же время прозвучало первое предложение о слиянии нескольких соседних единиц АТД. Губернатор Кемеровской области А.Г. Тулеев предложил объединить Кемеровскую, Новосибирскую, Томскую области, Алтайский край и Республику Алтай. По его мнению, макрорегион собрал бы воедино потенциалы отдельных субъектов: научный, академический, промышленный, сельскохозяйственный и туристический. Но после заявления главы Томской области В.М. Кресса, что столицей такого региона должен стать Томск, вопрос заглох¹⁰.

В апреле 1997 г. в Государственной думе состоялись слушания на тему «Национальный вопрос в Российской Федерации: поиски, иллюзии, возможности». Сторонники «укрупнительной» идеи были на них представлены депутатами от ЛДПР Д.П. Кузнецовым и А.В. Митрофановым, а также лидером Конгресса русских общин

Д.О. Рогозиным. Кузнецов и Митрофанов настаивали на упразднении «национальных псевдообразований» и уравнивании субъектов Федерации в правах. Рогозин озвучил свою мысль о возможном изменении статуса субъектов Федерации, в результате чего останется 10–12 экономически самостоятельных регионов (таких, как Большая Волга, Черноземье, Урал)¹¹.

Собственную концепцию представил в 1997 г. ученый С.Л. Логиновский¹². В качестве основной единицы АТД он видел регион. Учитывая сложившуюся сеть экономических районов, он выделил в западной части России шесть регионов (Северо-Запад, Северо-Восток, Московский, Центр, Юг, Поволжье), а в Восточной – три региона (Урал, Сибирь, Дальний Восток), а также две северные территории (Урало-Сибирская и Дальневосточная). Регионы должны делиться на 20–30 более мелких единиц. В результате структура выходила слишком сложной: экономические зоны – регионы – области – округа – районы – городские микрорайоны, поселки и крупные села.

В конце 1990-х годов идея реформы АТД получила широкое распространение, в первую очередь из-за усиления политической нестабильности.

В 1998 г. были опубликованы статьи З.М. Зотовой и М.С. Саликова по этой проблеме. По мнению Зотовой, «в России разумно создать примерно 10–12 территориальных образований без ущерба для тех прав и функций, которые выгоднее возложить на существующие субъекты Федерации»¹³. Саликов выступил с поддержкой идеи «губернизации»: федерация организуется по территориальному признаку, ее составят 10–40 губерний. В качестве особого федерального округа по образцу США выделяется столица. Губернии делятся на уезды, некоторые могут получить «особый статус национальных»¹⁴.

И.А. Умнова призвала к преобразованию всех единиц АТД в республики. По ее мнению, этот шаг увеличит ответственность субъектов РФ за реализацию полученных ими более широких прав и в конечном итоге приведет к естественному сокращению их количества¹⁵.

В докладе группы авторов был представлен окончательный проект СОПС. В рамках 18 экономических районов создавались 28 территориальных единиц – губерний, которые в свою очередь разделялись на 76 краев и областей. Приводилась группировка прежних субъектов РФ по губерниям с указанием их названий и центров. Главные последствия «губернизации» виделись в достижении финансовой самостоятельности, сглаживании неравенства потенциала территорий, передаче ряда управленческих функций от Центра к регионам.

Однако сразу обратила на себя внимание слишком громоздкая структура управления, включавшая макро-, мезо-, микроуровни и шесть звеньев (экономический район, губерния, край, область, город, муниципалитет). Нарекания вызвало распределение существующих субъектов РФ по губерниям. Сомнения возникли и в связи с передачей тех или иных субъектов в различные экономические районы. Кистанов писал, что «проект докладывался на научных форумах, был опубликован, получил одобрение Администрации Президента и направлен в Комиссию при Президенте Российской Федерации по разработке Программы государственного строительства»¹⁶. Но он так и не был реализован.

Обновленный вариант своего проекта в феврале 1999 г. представил В.В. Жириновский. Страну предлагалось разделить на семь губерний (Северная, Московская, Южная, Поволжская, Уральская, Сибирская, Дальневосточная), состоящих из воеводств, разделенных на волости. «Каждая губерния решает все вопросы, относящиеся к своей административной и хозяйственной деятельности самостоятельно. Центру передается лишь семь функций, имеющих стратегическое значение»¹⁷.

По сравнению с первым проектом ЛДПР резко сократилось количество губерний, акцент сделан на местном самоуправлении (территории получали широкие полномочия). Жириновский отказался от планов включения в состав России зарубежных территорий. Вообще его предложения значительно убавили в эксцентричности. Отмечалось, что губернии в проекте 1999 г. своими границами во многом напоминают края, созданные еще в 1920-е годы в ходе экономического районирования РСФСР, тем не менее необоснованно разделяют некоторые давно сложившиеся экономические районы¹⁸. Но проект явно оказался востребован: центры губерний, намеченные проектом Жириновского, совпали с центрами созданных в мае 2000 г. федеральных округов.

Осенью 1999 г. в журнале «Известия Русского географического общества» была напечатана статья ученого Ю.П. Михайлова. Отвергая федеративную форму и национально-территориальный принцип АД, он настаивал на том, что «обязательным условием... должна стать унификация всех без исключения прав субъектов Федерации при одновременном сокращении их числа примерно вдвое»¹⁹. Предлагалось ликвидировать некоторые небольшие области и национальные округа.

Тогда же Адамеску и Кистанов выступили с проектом, предлагавшим на основе 11 экономических районов России создать 8 административно-территориальных образований. По их мнению, новой конфигурации «свойственно большее выравнивание эконо-

мических характеристик макрорегионов... Уравновешиваются управленческие нагрузки Центра и макрорегиона... Максимальный удельный вес населения национальных формирований (заметный фактор нестабильности) составляет всего 35%»²⁰. Новые территориальные структуры предлагалось назвать федеральными округами. Считается, что эта идея, наряду с предложениями Жириновского, легла в основу решений мая 2000 г.

В 1999 г. появилось и новое предложение о локальном изменении АТД России. Организация «Конгресс бурятского народа» требовала объединения этноса путем присоединения к Республике Бурятия бурятских автономных округов: Агинского (в составе Читинской области) и Усть-Ордынского (в составе Иркутской области)²¹.

Последнее существенное предложение об изменении АТД снова поступило от Тулеева: в марте 2000 г. он выступил с поддержкой укрупнения регионов для улучшения управляемости страны. По его плану следовало объединить субъекты Федерации в более крупные, не затрагивая при этом национальные республики, Москву и С.-Петербург. В результате оставалось 30–35 регионов, глав которых назначал бы Центр (для республик сохранялась процедура выборов). «Свою» область, в частности, Тулеев предлагал объединить с Алтайским краем и Томской областью. Тулеева поддержали еще несколько губернаторов²². В целом идея развития не получила, однако назначение губернаторов из Центра было в конечном итоге введено в сентябре 2004 г.

В том же 2000 г. были осуществлены первые шаги по реформированию структуры АТД страны: созданы федеральные округа. Идея родилась в 1995 г. В Аналитическом управлении при Президенте РФ был разработан план создания 23 федеральных округов, по которым распределялись 89 субъектов РФ²³. На проект сильно повлиял американский опыт АТД, обнаружился отрыв от российских реалий (так, центры ФО предлагалось поместить в небольшие города). Из-за этого проект был отвергнут. В 1997 г. новый глава президентской администрации А.Б. Чубайс предложил реформу института полномочных представителей президента в субъектах РФ, значение которых резко упало после выборов местных руководителей в 1996–1997 гг. Основной целью реформы явилось выведение федеральных структур в регионах, прежде всего силовых и финансовых органов, из-под опеки глав субъектов и передача контроля над ними представителям президента в создаваемых федеральных округах²⁴.

Количество округов в предлагавшихся вариантах было разным. Проект Чубайса предлагал создание 24 федеральных округов, советники президента Л.В. Смирнягин, Г.А. Сатаров и Э.А. Паин

имели в виду 34. Однако Б.Н. Ельцин на создание округов не пошел, хотя в 1997 г. издал указ, разрешавший представителям президента выполнять свои функции на территории нескольких субъектов РФ. Только в мае 2000 г. указом нового президента В.В. Путина субъекты РФ были распределены по семи федеральным округам, которые возглавили полномочные представители главы государства²⁵.

Параллельно велась разработка нормативной базы процесса укрупнения. В сентябре 1997 г. на рассмотрение Государственной думы был внесен Федеральный конституционный закон «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта РФ». Его подготовкой занимались депутаты Думы при помощи членов Совета Федерации, представителей госструктур и экспертного сообщества. 1 декабря 1999 г. законопроект был принят в первом чтении.

Итак, в «укрупнительных» предложениях 1990-х годов можно выделить две волны: 1993–1994 и 1997–1999 гг. Они пришлись на периоды, когда российское общество переживало серьезные катаклизмы. Но если в начале 1990-х годов авторы инициатив допускали возможность предоставления территориям максимально широких полномочий (вплоть до конфедерализации страны), то к концу 1990-х годов возобладала линия на укрепление центральной власти, оптимизацию управления регионами, одним из путей которой виделось сокращение количества субъектов Федерации. Тогда же появились и первые планы местных укрупнений. Изменилась и система аргументации: на смену политической риторике пришли доводы экономического характера. Активность теперь наблюдалась не только в Центре, но и в регионах, хотя родившиеся там проекты носили местный характер и ограничивались несколькими соседними субъектами Федерации.

Предложения об изменении АД страны можно разделить на две основные группы: высказанные государственными и политическими деятелями и выдвинутые представителями научного сообщества. Основная разница между ними в том, что выступления политиков, как правило, ограничивались высказываниями в пользу реформы и указанием примерного числа будущих субъектов Федерации. Проекты же ученых и экспертов проработаны более детально и основательно.

Проекты по смыслу делятся на унитаристские и федералистские. Первые требовали полной ликвидации национальных образований и уравнивания территорий в правах, усиления роли Центра в региональной политике. Зачастую такие идеи высказывались деятелями «национал-патриотического лагеря». Вторые предла-

гали исходить из закрепленных сначала Федеративным договором 1992 г., а затем Конституцией РФ основ российской государственности. Следовало лишь исправить явные их недостатки, найти наиболее оптимальные модели взаимодействия Центра и регионов. Между двумя группами порой наблюдалось определенное взаимопроникновение во второстепенных моментах при сохранении отличий в исходных установках.

Необходимость преобразования АД обосновывалась несколькими причинами: оптимизация управления страной в обстановке политических и общественных преобразований, потребности осуществляемой экономической реформы, регулирование проходившего в непростых условиях процесса федерализации. В 1990–2000 гг. проблемы АД не вышли в плоскость практических действий. Однако разработки 1990-х годов заложили фундамент для преобразований в годы президентства В.В. Путина.

Примечания

- 1 *Лоткин И.В.* Основы региональной политики Российской Федерации. Омск, 2004. С. 51.
- 2 Политический доклад Председателя РДДР Второму съезду РДДР 29 января 1994 г. // Попов Г.Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 439.
- 3 *Румянцев О.Г.* Основы конституционного строя России. М., 1994. С. 136.
- 4 *Жириновский В.В.* Что мы предлагаем. Предвыборная программа ЛДПР // Юридическая газета. 1993. № 40, 41.
- 5 *Кистанов В.В.* Государственно-территориальное устройство России – на экономическую основу // Экономист. 1993. № 8. С. 57–62.
- 6 *Адамеску А.А.* К совершенствованию территориально-организационной структуры России // Российский экономический журнал. 1993. № 10. С. 60–71.
- 7 *Шумейко В.Ф.* Российские реформы и федерализм: Социально-экономические функции. М., 1995. С. 22.
- 8 Русский проект. Конституция России: новый вариант. М., 1998.
- 9 *Кретишин А.* Реформа Федерации: пункт отправления – Сибирь // Новая Сибирь. 1997. 10 марта.
- 10 *Виноградов Д.* Сибирякам не терпится объединиться: Инициативу Амана Тулеева подхватили главы двух алтайских регионов // Независимая газета. 2005. 22 апр.
- 11 Национальный вопрос в Российской Федерации: поиски, иллюзии, возможности. Материалы парламентских слушаний 22 апреля 1997 г. М., 1998. С. 22, 23, 29, 37; *Рогозин Д.О.* Россия между миром и войной. М., 1999.
- 12 *Логиновский С.Л.* К новому территориальному устройству России? // Полис. 1997. № 5. С. 141–145.

В.Н. Круглов

- 13 *Зотова З.М.* Оптимизация взаимоотношений между Центром и регионами // Полис. 1998. № 3.
- 14 *Саликов М.С.* О преимуществах и возможностях создания территориальной федерации // Полис. 1998. № 3.
- 15 *Умнова И.А.* Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. С. 97.
- 16 *Кистанов В.В.* Федеральные округа России: важный шаг в укреплении государства. М., 2000. С. 16.
- 17 *Жириновский В.В.* Новое устройство России. М., 1999. С. 37–47.
- 18 *Усягин А.В., Шишков М.К.* Территориальное управление в России: теория, история, современность, проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. [Б. м., 2002–2009]. URL: <http://terrus.ru/mono/r7/7.1.1.shtml>.
- 19 *Михайлов Ю.П.* Административно-территориальная система России и проблемы устойчивого развития // Известия РГО. 1999. Т. 131. Вып. 1. С. 4–9.
- 20 *Адамеску А.А., Кистанов В.В.* Нужна новая форма территориального управления // Обозреватель-Observer. 1999. № 9.
- 21 *Камышев В.* «Перекройка» или «укрупнение»? Об одном опыте региональной этногеополитики // Яблоко России. 1999. № 16. 29 мая.
- 22 *Хлебников А.* Сколько надо губернаторов? // Аргументы и факты. 2000. 1 марта.
- 23 *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю.* Пространство российского федерализма // Полис. 2000. № 5. С. 104.
- 24 *Чванов А.Г.* Вопрос укрупнения субъектов Российской Федерации // Вопросы гуманитарных наук. 2004. № 3. С. 77–85.
- 25 О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе: Указ Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 г. // Российская газета. 2000. 13 мая.

А.Н. Такова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
2005–2008 гг.

В статье рассматривается политическое развитие Кабардино-Балкарии в 2005–2008 гг. Выделяются проблемы, имеющие наибольшее влияние на политическую жизнь республики – нерешенность земельного вопроса, активизация национальных движений, террористическая активность, слабое развитие институтов гражданского общества.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, оппозиция, гражданское общество, митинг, инвестиции, административная реформа.

Политические преобразования в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) за последние три года (2005–2008 гг.) связаны со сменой политической власти. А.Б. Каноков пришел на смену управлявшему республикой около пятнадцати лет В.М. Кокову. Смена власти осенью 2005 г. была ожидаемым и предсказуемым событием ввиду серьезной продолжительной болезни В. Кокова. Однако она явилась катализатором мощных процессов в общественно-политической, экономической, религиозной и национальной сферах.

Пятнадцатилетнее пребывание на посту главы республики В. Кокова, несмотря на имевшую место депрессивную стабильность, привело к формированию авторитарной политической системы, о чем свидетельствовали безальтернативные выборы, назначаемость глав местных администраций¹, отсутствие политической оппозиции, марионеточность гражданского общества, этноклановый характер экономических отношений.

Смена власти в КБР стала ярким событием, ознаменовавшим новый этап в ее историческом развитии. Подобная значимость этого события объясняется стечением ряда обстоятельств. Во-первых,

она окончательно завершила ликвидацию последних отголосков советского времени: президент В. Коков был выходцем из советской номенклатуры, как и многие представители его «команды», а новый президент КБР А. Каноков – крупный бизнесмен, не связанный с действовавшей на тот момент политической элитой. Во-вторых, новый президент не был избран в ходе голосования, в отличие от В. Кокова, избравшегося на этот пост три срока подряд: в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» его кандидатура была внесена на рассмотрение в законодательный орган республики президентом РФ В.В. Путиным. 27 сентября 2005 г. Парламент КБР на своем внеочередном заседании утвердил в должности президента республики А. Канокова. За его кандидатуру единогласно проголосовали все 105 присутствовавших на заседании депутатов². В-третьих, начало деятельности нового президента по времени практически совпало (случайно или неслучайно) с трагическими событиями в Нальчике 13–14 октября 2005 г.: нападением боевиков на здания правоохранительных органов.

Фактическое назначение нового президента Центром, по исследованию социологов, не вызвало протеста или какого-либо ярко выраженного недовольства в обществе. Так, социологические опросы, проведенные чешским информационно-аналитическим агентством «Medium-orient information agency» в 2005–2006 гг., выявили, что 40% опрошенных жителей КБР положительно оценили новую систему назначения глав субъектов РФ, отметив, что это стабилизирует ситуацию в республике, 35% посчитали, что это не повлечет существенных изменений, и лишь 8% заявили, что эта система однозначно усугубит ситуацию в республике, 17% опрошенных затруднились с ответом³. Подобный результат во многом объясняется довольно низким на тот момент уровнем популярности местных органов власти и в то же время высоким рейтингом В.В. Путина, а также различными перегибами в проведении выборов, практиковавшимися в республике на протяжении всего постсоветского периода.

Кабардино-Балкарская Республика к приходу А. Канокова имела целый комплекс взаимосвязанных политических проблем: закрытость власти и превращение высшего чиновничества в замкнутую, самовоспроизводящуюся касту, отсутствие оппозиции, недееспособность институтов гражданского общества, наличие несоответствий между республиканскими и федеральными законами, замороженность ряда этнополитических проблем, не говоря уже о кризисном положении в экономике, массовой безработице, низком

уровне жизни, наличии террористической активности. Все эти проблемы требовали незамедлительного комплексного решения.

От нового президента общественность ожидала кардинальных изменений, в том числе в высших эшелонах власти, смены состава высшего чиновничества, привлечения управленцев из Москвы или других регионов. Однако быстрых изменений в этой сфере не произошло. За первые полгода деятельности А. Канокова состав правительства КБР обновился наполовину⁴, но во многом пополнился людьми из близкого окружения нового президента, а иногда и родственниками. Недоброжелатели указывали на тенденцию к воссозданию клановости, которая была характерна для «коковского» пятнадцатилетия. Кроме того, освобожденные от занимаемых должностей лица часто оставались в составе политической элиты, хотя и на второстепенных должностях. Новый президент не отрицал привлечения в состав нового руководства республики родственников, но при этом указывал на приоритет профессиональных качеств над родственными узами. Оправданность данного метода подбора кадров можно принять при его положительном воздействии на общее состояние дел в республике. В этом смысле показательными могут быть некоторые официальные данные об итогах деятельности новой управленческой команды за первые три года ее пребывания у власти.

Так, с 2005 по 2008 г. бюджет республики вырос с 8 до 19 млрд руб., дотационность снизилась с 72% до 56%, объем ВРП увеличился с 36 до 54 млрд руб.⁵, объем инвестиций – с 6 до 16 млрд, расходы на развитие малого бизнеса – с 10,7 млн до 149,5 млн. Кроме того, были ликвидированы огромные многолетние задолженности по газу и электроэнергии, приняты долгосрочные стратегические программы по развитию промышленности, сельского хозяйства, строительства.

Но за то же самое время, ввиду имевшей место по всей России тенденции, значительно возросли цены на продовольствие, увеличились коммунальные тарифы. Нерешенной осталась проблема безработицы, по причине которой из республики идет отток коренного населения. Не решен земельный вопрос, в результате чего основу сельского хозяйства республики составляют личные подсобные хозяйства и кратковременная аренда, которые не позволяют перевести отрасль на путь интенсивного развития. То есть при определенных успехах на макроэкономическом уровне большинство жителей республики пока не ощутили каких-либо значительных улучшений на личном уровне.

Кроме того, в политической сфере оказался довольно живуч монополизм чиновников на власть, в то время как институты

гражданского общества – Общественно-консультативный совет, Правозащитный центр, Молодежная палата и другие – в целом не имеют действенных механизмов влияния на политическую практику, тогда как самым главным критерием, характеризующим уровень развития гражданского общества, является степень его возможности влиять на формирование органов власти и контролировать их⁶. Пока же республиканские институты гражданского общества не соответствуют этому определению, хотя это можно объяснить малым временным промежутком, в течение которого они могли создаваться и функционировать в республике относительно свободно и независимо от власти, а также отсутствием в исторической практике КБР позитивного примера деятельности институтов гражданского общества. Лидер одной из самых весомых структур гражданского общества КБР – Общественно-консультативного совета при президенте – профессор Х.Г. Тхагапсоев в начале 2006 г. отмечал, что, несмотря на заметные положительные подвижки, в политической сфере республики наблюдаются и тревожные симптомы: как и при прежней власти, создается множество комиссий, в которых представлен фактически один и тот же круг чиновников, но при этом отсутствуют представители гражданских структур и экспертного сообщества. Комиссии берут в руки ключевые вопросы социально-политической жизни – развитие самоуправления, государственно-политического строительства, социальной политики, – которые не должны решаться без участия и контроля гражданского общества. Создается впечатление, что республика вновь идет к политическому монополизму узкого круга чиновников под псевдодемократическим прикрытием различных комиссий⁷. Однако подобного рода высказывания, да еще в газете «Кабардино-Балкарская правда», официальном печатном органе правительства республики, все же свидетельствуют о наличии положительных тенденций, в частности – относительной свободы слова и подобия конструктивной оппозиции. Такого рода высказывания были немыслимы всего лишь годом раньше.

По результатам социологического опроса, проведенного в июне 2006 г. экспертной группой Общественно-консультативного совета, на вопрос, каких изменений вы ожидали от деятельности нового президента КБР, 36,5% респондентов назвали срочные и кардинальные перемены к лучшему, 34,6% – постепенное улучшение ситуации, 15,3% – сохранение прежней ситуации, 7,3% затруднились с ответом⁸. То есть психологически население ждало быстрых перемен к лучшему, которые, увы, оказались нереальными в силу наличия кризисных явлений. Сам президент А. Каноков неоднократно утверждал, что по самым благоприятным прогнозам ощутимые

изменения к лучшему проявятся лишь через 5 лет упорной, целенаправленной работы, по неблагоприятным – не ранее чем через 15 лет, по наиболее реалистичным – в течение 10 лет. Нереальность в существующих условиях совершить «экономическое чудо» послужила козырем для разного рода сил, критикующих политику новой власти.

Однако социологические исследования, проведенные чешским информационно-аналитическим агентством «Medium-orient information agency» в июле 2006 г., выявили, что 48% респондентов положительно оценивают деятельность нового президента, 16% – скорее положительно, 11% – скорее отрицательно, лишь 5% однозначно отрицательно, и 20% затруднились ответить⁹. Таким образом, население республики, несмотря на наличие целого комплекса проблем, дает новому президенту определенный кредит доверия, что позволяет сделать вывод о правильности курса и оправданности методов управленческой команды А. Канокова.

При А. Канокове в очередной раз был проведен пересмотр Конституции республики. В июне 2006 г. изменения претерпели 7 статей, положения глав I, II, X Конституции КБР. В итоге была принята новая редакция Основного закона. Из него была исключена ст. 6, в которой содержалось последнее упоминание о «гражданстве КБР». Было ликвидировано Конституционное собрание КБР – специальный орган, вносивший изменения в Основной закон. Его функции были переданы специальной комиссии при Парламенте республики. В этот же период в Конституции было закреплено появление института уполномоченного по правам человека в КБР, а также официальное преобразование Аппарата президента в Администрацию президента КБР¹⁰. Эти преобразования имели целью приведение политико-правовой системы республики в соответствие с федеральной, обновление системы «сдержек и противовесов» для эффективного функционирования всех ветвей власти.

Были проведены и преобразования в области административного устройства и местного самоуправления. Однако они привели к обновлению (или «перезагрузке») ряда этнических конфликтов, которые с середины 1990-х годов считались замороженными. Их обострение вызвали территориально-административные преобразования в республике в целом, особенно в районах компактного проживания балкарцев, к которым относился и особо значимый район Приэльбрусья¹¹. Суть данной проблемы состояла в приведении административно-территориального устройства республики в соответствие с Федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Этот закон был призван создать новую систему местного

самоуправления, состоящую из районных, городских, сельских муниципальных и городских округов¹². Приведение местных законов в соответствие с Федеральным законом № 131 сводилось к принятию законов № 12-РЗ «Об административно-территориальном устройстве КБР» и № 13-РЗ «О статусе и границах муниципальных образований в КБР». Оба закона были приняты Парламентом республики 27 февраля 2005 г. В соответствии с ними большая часть курортной зоны Приэльбрусья изымалась из ведения местных администраций и переходила в ведение республиканских властей. Кроме того, некоторые прилегающие к столице республики Нальчику села – Хасанья, Белая Речка, Кенже, Адиюх – лишались местного самоуправления и присоединялись к Нальчику.

Административно-территориальные преобразования, предусмотренные этими законами, не были согласованы с населением этих административных единиц, хотя в самом республиканском законе № 12-РЗ (ст. 6. ч. 4) недвусмысленно указано, что для любых административных преобразований требуется «обязательный учет интересов населения соответствующих территорий республики»¹³. В законе № 13-РЗ (ст. 14. ч. 2) есть указание «упразднить муниципальные образования села Адиюх, Белая Речка, Кенже, Хасанья (села Белая Речка и Хасанья населены преимущественно балкарцами – этническим меньшинством в республике. – А. Т.) и органы их местного самоуправления по истечении трех месяцев со дня вступления в силу настоящего закона в соответствии с действующим законодательством»¹⁴, в то время как мнения жителей этих сел по вопросу этого административно-территориального преобразования никто не учитывал. Это обстоятельство способствовало «перезагрузке» внутриреспубликанских национально-политических конфликтов.

По мнению некоторых ученых, затронутая данными законами проблема земли на макроуровне стремительно политизировалась и превращалась в проблему «исконных территорий»¹⁵. Например, в газете «Балкария» в ноябре 2006 г. говорилось, что принятие законов № 12-РЗ и № 13-РЗ от 27 февраля 2005 г. отняло у большинства балкарских сел свыше 80% их земельных угодий, что «лишило население возможности заниматься традиционными формами хозяйства»¹⁶. Естественно, подобные высказывания (неважно, соответствующие или не соответствующие действительности) приводили к политизации в сущности экономической проблемы.

Принятие этих законов привело к вспышке митинговой активности, при этом вновь всплыли широко использовавшиеся в начале и середине 1990-х годов методы политической борьбы: оперирование фактами «исторической обиды», попытки легитимировать некие «коллективные права этноса». Вновь появились проекты

территориального передела республики, восстановления ранее существовавших национальных районов¹⁷ и т. п. Социологические исследования (за 2006 г.) свидетельствовали о том, что почти 70% респондентов-балкарцев отрицательно относились к закону о муниципальных образованиях (38% – отрицательно, 30% – скорее отрицательно), 60% указали, что, по их мнению, республиканские руководители не учитывают интересы балкарского народа¹⁸.

Спорность положений законов № 12-РЗ и № 13-РЗ привела к жалобам, направленным в Конституционный суд РФ, по решению которого межселенные территории в КБР должны быть в скором времени упразднены. Проблема же определения границ между муниципальными образованиями на сегодняшний момент передана на рассмотрение в городские, сельские и поселковые администрации. На основе их решений будут внесены изменения в соответствующие республиканские законы. Таким образом, именно законы о межселенных территориях и муниципальных образованиях несут взрывоопасный потенциал и нуждаются в выверенном и очень аккуратном претворении в жизнь.

Административно-территориальные преобразования обострили взаимоотношения между официальной властью и лидерами балкарского национального движения, представленными прежде всего Советом старейшин балкарского народа (ССБН). Корень противоречий находится в большей степени в проблеме межселенных территорий, но он трансформируется в межнациональные противоречия, переходящие иногда на межличностный уровень. Некоторое потепление политического режима и целенаправленное стремление власти создать или активизировать в республике институты гражданского общества используются лидерами ССБН для целенаправленной деструктивной деятельности. Однако если в идеале с подобными проявлениями деструктивной общественной активности должно бороться само гражданское общество, то ввиду отсутствия в республике четких механизмов и позитивной практики решения подобных вопросов с ними борется сама власть, часто используя административный ресурс. Это проявляется в регламентации мест для проведения митингов (такое постановление главы администрации Нальчика от 29 октября 2007 г. было признано незаконным Нальчикским городским судом)¹⁹, попытках закрыть ССБН через суд как экстремистскую организацию. Это решение также было отменено Верховным судом РФ²⁰ по жалобе лидеров этой общественно-политической организации.

На своих митингах лидеры ССБН, позиционирующие себя в качестве выразителей интересов этноса, требуют отмены законов № 12-РЗ и № 13-РЗ от 27 февраля 2005 г. и строгого соблюдения

принципа национальной ротации для высших должностных лиц республики и руководителей силовых структур. При невыполнении властями этих требований они планируют вернуться к решениям второго этапа I съезда балкарского народа²¹ от 17 ноября 1991 г. о восстановлении республики Балкария и о национальном суверенитете балкарского народа, а также к итогам референдума балкарского народа (29 декабря 1991 г.), на котором был поставлен вопрос «Поддерживаете ли вы провозглашение национального суверенитета балкарского народа и Республики Балкария как субъекта РСФСР?» В ходе референдума, признанного, правда, незаконным, 94,8% (от 84,9% голосовавших) положительно ответили на этот вопрос. Это формально означало, что балкарский народ в 1991 г. высказался за выделение Балкарии из состава КБССР. Эти намерения ССБН могут значительно осложнить политическую ситуацию в республике, вернув к жизни самые негативные моменты взаимоотношений между государственной властью и национально-политическими движениями.

Подобные амбициозные заявления лидеров балкарского национального движения способствуют расшатыванию и без того довольно непрочного межнационального спокойствия, которое на сегодняшний день пока выражается в перманентно повторяющихся межнациональных столкновениях в молодежной среде. В итоге это отрицательно влияет на имидж республики, отпугивает потенциальных инвесторов, затягивает процесс экономической реанимации и, в конечном счете, ведет к воссозданию авторитарных механизмов взаимоотношений между властью и обществом.

Растет и влияние исламского фактора на состояние дел в республике. Он давно стал политической силой, перешагнув ту тонкую грань, отделяющую религию от государства. Отсутствие конструктивного диалога и конфликтная модель взаимоотношений между властью, силовиками, Духовным управлением мусульман (ДУМ) КБР и религиозной оппозицией, имевшая место в период пребывания на посту президента В. Кокова, стали одними из главных причин трагических событий в Нальчике 13–14 октября 2005 г. А. Канокоев вскоре после своего прихода к власти признал, что в отношении ислама в предыдущие годы были допущены ошибки, чем подтвердил частичную вину властей за трагедию октября 2005 г.²²

После этих событий и по сей день, несмотря на призывы к диалогу со стороны государства, ДУМ и ученых, в республике сохраняется напряженная обстановка, проявляющаяся в перманентно повторяющихся нападениях на представителей силовых структур. Это прежде всего относится к Эльбрусскому району республики, и можно предположить, что питательной базой экстре-

местского движения в этом районе, помимо прочего, является нерешенный вопрос о межселенных территориях и статусе района Приэльбрусья.

Однако по этому вопросу наметились и позитивные тенденции. Показательным примером в этой связи может служить создание родственниками убитых и находящихся под следствием боевиков, причастных к нападению 13–14 октября 2005 г. на здания силовых структур республики, общественной организации «Матери за правосудие и демократию». Создание этой общественной организации, по заявлениям ее членов, было вызвано отсутствием в Кабардино-Балкарии развитых структур гражданского общества, что и явилось одной из причин событий 13 октября. Целью данной организации является предотвращение подобного рода событий²³. Этот пример свидетельствует о тенденции к потеплению ситуации и наличии довольно значительного слоя общества, нацеленного на диалог.

Призыв к диалогу реализуется в проведении конференций, круглых столов, брифингов. Правовые основы республиканской политики в области религии изложены в принятой в конце 2007 г. долгосрочной стратегической программе конфессиональной политики «О взаимодействии с религиозными организациями в КБР и их государственной поддержке на 2007–2010 гг.» Главными задачами программы называются разработка и внедрение методов и механизмов мониторинга, диагностики и прогнозирования этноконфессиональной ситуации в КБР, оценка рисков и последствий деструктивных процессов в обществе, противодействие религиозному экстремизму²⁴. Но на сегодняшний день позитивные подвиги в этом вопросе омрачаются убийствами сотрудников правоохранительных органов, что отпугивает от района Приэльбрусья туристов и потенциальных инвесторов. Можно сделать вывод, что проблема радикального ислама в республике не получила адекватной оценки, так же как не была разработана и действенная программа борьбы с ним.

Итак, сегодня республике требуется долгосрочная, целенаправленная и последовательная политика комплексной модернизации. Речь идет о создании условий, необходимых для того, чтобы основные общественные процессы получили центростремительную и модернистскую направленность²⁵. При этом наиболее последовательно необходимо бороться, задействовав потенциал гражданского общества, с любыми центробежными силами, так как именно они не позволяют в полной мере осуществить комплексную программу республиканских преобразований. Конституционные преобразования и реформа административного устройства и системы местного самоуправления должны способствовать построению

стабильных политико-правовых отношений в республике. Однако для осуществления этих необходимых преобразований требуется учет местной специфики и коррекция в соответствии с ней способов их осуществления.

Примечания

- 1 Пути мира на Северном Кавказе. М., 1999. С. 184.
- 2 Советская молодежь. 2005. 5 окт.
- 3 *Текушев И.* Северный Кавказ: взгляд изнутри (Северный Кавказ в зеркале общественного мнения 2004–2006 гг.). Прага, 2007. С. 32.
- 4 Северный Кавказ. 2006. № 20.
- 5 *Канокоев А.* Я смотрю в будущее с оптимизмом // Кабардино-Балкарская правда. 2008. 3 окт.
- 6 *Хатажуков В.* О состоянии гражданского общества в Кабардино-Балкарии // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 6 дек.
- 7 *Тхагапсоев Х.* Перепутье не должно затянуться // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 12 янв.
- 8 Кабардино-Балкарская правда. 2006. 22 июня.
- 9 *Текушев И.* Указ. соч. С. 38.
- 10 *Урумов А.* Конституционная реформа в Кабардино-Балкарской республике // Парламентаризм в КБР: становление, проблемы, перспективы. Нальчик, 2008. С. 156.
- 11 *Маркедонов С.* Российская политика на Северном Кавказе: системный кризис и пути его преодоления // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 2. С. 40–41.
- 12 Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. Нальчик, 2005. С. 3.
- 13 Парламент КБР: Сборник законов (февраль 2005 г.). Нальчик, 2005. С. 6.
- 14 Там же. С. 109.
- 15 *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик, 2007. С. 232.
- 16 Балкария. 2006. № 5.
- 17 *Корзенников В.* Специфика региональных процессов государственного строительства на Северном Кавказе в 90-е гг. XX в. // Право и политика. 2007. № 7. С. 57.
- 18 Северный Кавказ. 2007. 4 янв.
- 19 Газета юга. 2008. 17 янв.
- 20 Газета юга. 2008. 20 марта.
- 21 Газета юга. 2008. 16 окт.
- 22 *Малашенко А.В.* Ислам для России. М., 2007. С. 36.
- 23 Газета юга. 2008. 18 сент.
- 24 Кабардино-Балкарская правда. 2007. 28 дек.
- 25 *Боров А.Х.* Указ. соч. С. 247.

А.Д. Осмаев

ГРОЗНЫЙ В 1999 – 2008 гг.: ВОЙНА И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН

В статье рассматривается повседневная жизнь жителей Грозного в период с 1999 по 2008 г. Работ по этой проблеме практически нет, так как исследователи изучают в основном политические, социальные, военные аспекты событий в Чеченской Республике. Целью является анализ бытовых условий и жизненных проблем, а также обыденного сознания и повседневного поведения жителей Грозного. Установлено, что тяжелое материальное положение, неустанная борьба за элементарное выживание в условиях роста преступности, военных действий, частая смена властей серьезно изменили повседневную жизнь горожан.

Ключевые слова: Грозный, повседневность, население, занятость, восстановление, досуг, война.

Политические события в Чеченской Республике конца XX – начала XXI в., в отличие от проблем повседневной жизни населения, стали предметом изучения как российских, так и зарубежных исследователей. Военные действия, начавшиеся в сентябре 1999 г. и названные контртеррористической операцией, послевоенное восстановление со всеми его проблемами не могли не отразиться на жителях Грозного независимо от их национальности.

Целью данной статьи является анализ бытовых условий и жизненных проблем, а также обыденного сознания и повседневного поведения жителей Грозного, который наиболее пострадал в ходе военных действий, выявление общего и особенного, неизменного и нового, ежедневно рождаемого буднями с учетом идеологического и культурного контекста времени. Хронологические рамки – от начала контртеррористической операции в 1999 г. до 2008 г., когда город зажил более-менее полнокровной жизнью.

Основанный в 1818 г. на месте нескольких чеченских селений на предгорной равнине на берегу реки Сунжа как крепость, Грозный (чеченское название Сольжа-Г1ала (Сёлжа-гала) – город на Сунже) получил статус города в 1870 г.

До 1991 г. в Грозном официально проживало 401,3 тыс. человек (примерно 30% населения республики), причем чеченцев было 30,5%, ингушей – 5,4%, а русских вместе с украинцами и белорусами – 55,8%¹. По мнению известного ученого В.А. Тишкова, в довоенный период произошло разделение экономики Чечено-Ингушетии на два сектора: «русский» (нефтедобывающая промышленность, машиностроение, система жизнеобеспечения населения и инфраструктура) и «национальный» (мелкотоварное сельское хозяйство, отхожие промыслы)². М.М. Ибрагимов обоснованно считает, что к «национальному» сектору экономики надо добавить и строительный комплекс, который в основном формировался из представителей чеченцев и ингушей³. Абсолютное большинство русскоязычного населения не знало ни чеченского, ни ингушского языка и не стремилось к этому, в то время как практически все чеченцы и ингуши в той или иной степени владели и владеют русским языком, тем более что и обучение в школах велось и ведется на русском языке, а чеченский и ингушский языки и литература преподавались как предметы. В 1989 г. чеченский язык в качестве второго родного назвали 935 человек из 293 711 граждан русской национальности, проживавших в республике (0,3%)⁴.

Отток из республики нечеченского населения начался еще в 1979 г. Он усилился после активизации национальных движений, с возникновением экономических проблем – еще до провозглашения независимости. А с конца 1991 г. принял массовый характер. Уезжали в сопредельные и другие регионы России не только русские, но и чеченцы. Власть, правоохранительные органы были недееспособны, резко выросло количество преступлений, но говорить об организованном «выдавливании» русского населения, на наш взгляд, неправомерно. Люди уезжали, потеряв работу, лишившись эффективной защиты закона, чувствуя, что вакуум власти ни к чему хорошему не приведет. Кстати, этот процесс, по мнению А.И. Авторханова, А.Б. Дзадзиева, был характерен для всех северокавказских республик⁵. А в Чечне, где обстановку резко обострили военные действия, он привел к тому, что республика и ее столица стали практически мононациональными.

К 1994 г. в центре Грозного были расположены президентский дворец (бывшее здание Чечено-Ингушского обкома КПСС), Совет министров, Национальный архив (бывший Грозненский горком КПСС), великолепные корпуса Грозненского нефтяного института

имени академика М.Д. Миллионщикова, Чеченского государственного университета, Чеченского государственного педагогического института, кинотеатры «Родина» (впоследствии – республиканский кукольный театр), имени Челюскинцев и «Космос», театраль-но-концертный зал, где шли спектакли русского театра имени М.Ю. Лермонтова и чеченского – имени Х. Нурадилова. Рядом с этим залом, буквально через забор, располагалась воинская часть. В сквере имени А.П. Чехова находилась богатейшая Национальная библиотека (ранее также носившая имя Чехова), недалеко от нее – плавательный бассейн «Садко», а в нескольких сотнях метров от него – парк культуры и отдыха имени С.М. Кирова, любимое место отдыха грозненцев и жителей республики. Здесь можно было покататься на лодке, побродить по зооуголку, посидеть в летнем кафе; занятия по физкультуре у студентов ЧИГУ и ГНИ весной также проходили здесь. Центральной площадью Грозного, как и практически всех городов СССР, была площадь имени Ленина, ставшая после 1991 г. площадью Свободы. Центральная улица также носила его имя, при Д.М. Дудаеве она была переименована в проспект А.Г. Авторханова, а ныне носит имя Ахмет-Хаджи КадYROва. К площади Свободы примыкало бывшее здание обкома КПСС, переданное сначала Грозненскому ГК КПСС, а позже ставшее одним из корпусов университета, и 5-е жилстроительство. Здесь же были великолепный Дворец пионеров (ныне – администрация Грозного), гастроном «Аракеловский», сквер им. А. Полежаева и Республиканская детская библиотека. Рядом со зданием Совмина были расположены гостиницы «Кавказ» и «Чайка». В 2008 г. здесь введены в строй мечеть «Сердце Чечни», муфтият и исламский университет. Улица Ленина от южной окраины города, где находилась крупнейшая республиканская больница, так пока и не восстановленная, через известную площадь «Минутка» доходила до центра, минуя православную церковь Михаила Архангела, единственный в городе 16-этажный жилой дом, разрушенный полностью в период боев 1994–1995 гг., известный гастроном, получивший в народе название «Чеченский» (напротив него были магазины «Спутник», «Алмаз», жилой комплекс), и переходила через автомобильный мост в проспект Победы (ныне В.В. Путина), пересекалась проспектом шейха Мансура (ранее – С. Орджоникидзе, ныне Х.А. Исаева), на котором находились по соседству здания МВД и ДГБ, на пути к ним – ЧГПИ и кинотеатр «Юбилейный». Проспект шейха Мансура на востоке заканчивался привокзальной площадью – Грозный был крупным железнодорожным узлом, – а на западе переходил в улицу Первомайскую. Та – в улицу Б.З. Хмельницкого, по которой можно было, оставляя слева

крупный микрорайон «Ипподромный», а справа – дома частного сектора, за 7–10 минут доехать до аэропорта.

Маршрут этот и сегодня остался неизменным. Правда, на месте кинотеатра имени Челюскинцев находится мемориал жертвам депортации 1944 г., нет корпусов нефтяного института, а микрорайон «Ипподромный» преобразился в один из самых красивых и престижных районов города. Так называемыми спальными районами были и остаются микрорайоны Грозного (всего шесть) к востоку от центра, застроенные 5-, 9- и 12-этажными домами.

Основные производственные мощности были сосредоточены в Заводском районе: заводы имени В.В. Ленина, Н. Анисимова, А.Д. Шерипова, 50-летия СССР и другие. Территориально к Заводскому району относится и знаменитый Центральный рынок города (или «Зеленый базар», как он назывался раньше), где можно было купить все необходимое для жизни: от продуктов, одежды до различных инструментов. Недалеко от него на берегу реки Сунжа было современное здание цирка, где часто выступали известные цирковые труппы, проходили различные спортивные соревнования. Он был разрушен в ходе боев 1994–1996 гг.

После этих боев центр города и район площади «Минутка» были разрушены почти до основания, из 6,5 млн кв. м жилья было повреждено и подлежало восстановлению 3,9 млн кв. м (60%), из 58 школ были разрушены 37⁶. В 1996–1999 гг. (в период президентства З.А. Яндарбиева и А.А. Масхадова) в Грозном не было построено ни одного нового здания, более-менее были восстановлены частные домовладения силами самих хозяев, которым оказывалась мизерная помощь, и первые этажи многоэтажных зданий, где открывались кафе, магазины, офисы.

В Октябрьском районе (город разделен на 4 района) преобладает частное жилье, большинство его жителей были чеченцами и ингушами, здесь же была автостанция «Южная», к которой примыкал знаменитый «Колхозный рынок», где торговали преимущественно сельхозпродукцией. Автостанция «Новая», откуда уезжают и куда приезжают междугородные автобусы и «Газели», также относится к Октябрьскому району. Ленинский район был средоточием учебных заведений и органов власти, а Старопромысловский район, тянувшийся узкой полосой от Дома печати на запад около 20 км, был вотчиной нефтяников. Здесь также преобладали частные застройки, впрочем, самая длинная улица Заветы Ильича (ныне Старопромысловское шоссе) по обе стороны была застроена в основном 5-этажными домами.

Несмотря на переименования улиц, смену властей в республике и городе, названия районов на сегодняшний день остаются неиз-

менными. В черте Грозного находятся поселки имени Мичурина, Калинина, Бутенко, Иванова, Катаяма, Кирова, Черноречье, Новые Алды, Андреевская долина, Ташкала, Турбина, городок Маяковского. Некоторые кварталы пронумерованы как участки (12-й, 20-й, 30-й), что было связано с нефтедобычей. В памяти горожан до сих пор сохранились неофициальные названия некоторых районов города: Бароновка, Башировка, Индюшка, Собачевка, Сахалин, Шанхай и другие. Грозненцы, любящие острое слово и ценящие юмор, назвали неофициально одну из улиц Октябрьского района Грозного Воздушной и имени В.В. Герашенко (председателя правления Центрального банка России в 1992–1994 гг.), так как здесь воздвигли свои хоромы в первой половине 1990-х годов новоявленные богатеи из числа местных жителей. Все они были разрушены в ходе военных действий 1994–1996 гг.

До 1990-х годов в названиях улиц Грозного, его площадей, учреждений не было ничего, за редким исключением, национального. В городе было единственное кафе с названием на чеченском языке – «Дашо сай» («Золотой олень»). После 1991 г. и августа 1996 г. началась волна переименований в Грозном и по всей республике. Так, проспект В.И. Ленина стал проспектом А. Авторханова, площадь Орджоникидзе – имама Шамиля, улица Коммунистическая – М.Д. Шерипова⁷ и т. д.

Ныне в восстанавливаемом Грозном преобладают «экзотические» названия кафе, ресторанов, магазинов: «Плаза», «Самурай», «Ее глаза», «Paradise», «Pizza-house», «Таганка», «Рублевка», «Dogizi», «Сладкоежка», «Невада», «Элегант», «Ламберти». Изредка встречаются и чеченские названия. Новый рынок в центре города назван по-чеченски «Беркат» («Изобилие»), а разрушенный звался «Сабита» (женское имя. – О. А.) и т. д. До конца 2004 г. в Грозном и республике строились в основном автозаправки, техстанции, кафе. Сейчас преобладают автомойки, так как затрат на них немного, а автомобилей в Грозном с каждым днем становится все больше. За рулем все чаще можно увидеть девушек и молодых женщин, и это ни у кого не вызывает удивления. Женщинам Чеченской Республики за короткий период пришлось пережить две войны, разруху, жизнь в палаточных лагерях, ежесекундное беспокойство за своих братьев, отцов, мужей, сыновей... Но все эти тяготы не сломили их. В первые годы после окончания крупномасштабных боев, во время всеобщей безработицы именно женщины добывали необходимые для проживания средства: торговали на рынках, пекли хлеб, ездили через десятки постов, чтобы спасти оставшееся имущество, сделать какой-то ремонт, потому что для мужчин выход из дома мог закончиться смертью.

В Грозном немного женщин занимают ключевые посты, но мало кто сомневается в их значимой роли в семье, нынешнем чеченском обществе, несмотря на его патриархальность. В учебных заведениях, на работе девушкам и женщинам необходимо быть в платке и придерживаться «дресс-кода», соответствующего национальным традициям и религиозным предписаниям, но это отнюдь не означает, что они не могут сделать карьеру или с ними не считаются как со специалистами. В знак признания их заслуг указом президента Р.А. Кадырова третье воскресенье сентября объявлено Днем чеченской женщины.

Единственным памятником, а в Грозном их было немного, в котором были увековечены представители чеченцев и ингушей, был памятник на площади Дружбы народов: плечом к плечу стояли чеченец А. Шерипов, белорус Н.Ф. Гикало, ингуш Г. Ахриев – борцы за установление Советской власти в Чечено-Ингушетии. Он стал первым из восстановленных в начале 2000-х годов памятников в Грозном. В августе 2005 г. в центре Грозного был установлен памятник А.А. Кадырову работы З.К. Церетели. Посещение памятника и возложение к нему цветов стало обязательным протокольным мероприятием при проведении государственных праздников и для делегаций, приезжающих в республику.

Расселение чеченцев в Грозном в значительной мере отражало географию всей республики. Так, в южной части города жили преимущественно выходцы из Шатойского, Шалинского, Гудермесского, Веденского, Ножай-Юртовского районов и близлежащих села Пригородное, поселков Гикало, Чечен-аул, Старые и Новые Атаги: оттуда можно быстро доехать до родного села. На западе селились выходцы из сел Урус-Мартановского, Ачхой-Мартановского, Сунженского районов. В северной части города – выходцы из притеречных районов. Эта традиция, естественно, «нарушалась» теми, кто получал квартиры по распределению на предприятиях, учреждениях.

В Грозном не было (и нет) мусульманского кладбища, чеченцы хоронили умерших и чаще всего проводили похоронный ритуал в родном селе, где практически у всех живут близкие или дальние родственники. В период военных действий погибших или умерших грозненцев в основном хоронили на кладбище с. Пригородное. Похоронный обряд – один из самых консервативных, но и в него война внесла свои коррективы. Могилы везде до военных действий 1994–1996 гг. рыли вручную, в зависимости от грунта, 3 или 5–11 человек, а с началом военных действий, когда приходилось хоронить каждый день по несколько человек, а рабочих рук не хватало, начали использовать экскаватор. Теперь это стало обыденным

явлением. Во время наиболее интенсивных военных действий погибших в Грозном хоронили во дворах, а потом перезахоранивали на кладбищах родных сел.

С 1944 по 1987 гг. в республике, не говоря уже о Грозном, не было ни одной действующей мечети. С конца 1980-х годов население уже не встречало препятствий в отправлении религиозных обрядов, начато было массовое строительство мечетей или приспособление зданий под них. Так, первой грозненской городской мечетью стал бывший «Дом колхозника» на Центральном рынке. На 30-м участке под мечеть приспособили железнодорожный вагон. Сегодня в центре Грозного построена мечеть «Сердце Чечни» на 10 тыс. человек. В каждом районе, микрорайонах, большинстве кварталов построены или восстановлены мечети; значительное число их прихожан составляет молодежь. На территории ГГНИ, ЧГУ построены небольшие мечети, а в учебных корпусах вузов и колледжей есть комнаты для молитв (для мужчин и женщин), как и практически на всех предприятиях, в больших офисах.

Новым страшным испытанием для грозненцев стали военные действия 1999–2000 гг. Город начали бомбить в сентябре 1999 г. Жители начали выезжать из него в села и соседние республики, не дожидаясь подхода войск: помнили горький опыт 1994–1996 гг. В октябре по Центральному рынку и всему центру был нанесен удар тактическими ракетами, приведший к многочисленным жертвам. Ракетный обстрел города продолжался в октябре–ноябре 1999 г., были разрушены еще сохранившиеся коммуникации. Горожанам, спасавшимся от бомб и ракет в убежищах, приходилось пить дождевую воду, большие трудности были с приготовлением пищи. Масштабы разрушений были таковы, что представитель президента РФ в ЧР Н.П. Кошман заявил, что легче построить новую столицу Чечни, чем восстановить Грозный. Несмотря на заверения военных, что в Грозном остались только боевики, Р. Аушев сообщил, что по его данным в городе находятся около 50 тыс. мирных жителей. В декабре оставшимся горожанам военные предъявили ультиматум: до 11 декабря покинуть Грозный или после этой даты все оставшиеся в городе будут уничтожены как террористы⁸. Международные правозащитные организации, премьер-министр Великобритании, президент США Б. Клинтон выразили тревогу по поводу этого ультиматума, после чего 11 декабря было объявлено о предоставлении безопасных коридоров для выхода из города. Но безопасными они были только на словах. Бои за город, начавшиеся 25 декабря 1999 г., продолжались и в первые месяцы 2000 г. Российские военные воевали с боевиками, по выражению генерал-полковника В. Манилова, «на длинной дистанции»: разрушали

город артиллерией и авиацией квартал за кварталом. Занятые районы Грозного «зачищались» подразделениями внутренних войск и милиции. Эти «зачистки» в поселках Алды и Катаяма превратились в карательные акции, в ходе которых были убиты десятки мирных горожан.

6 февраля 2000 г. было объявлено об установлении контроля федеральных сил над Грозным, который представлял собой груды развалин. К концу месяца в городе было уже 50 блокпостов. Сокращение их числа шло с большим трудом и заняло несколько лет, на сегодняшний день они остались на въезде в город с востока и юга. Блокпосты чаще всего становились объектами для нападения боевиков, часто сами начинали, особенно ночью, бесцельную стрельбу, которая перерастала в канонаду. Горожане привыкли к этому шуму как к неизбежному злу. По периметру города также были выставлены блокпосты, проезд через них как в город, так и из города был сопряжен с большими трудностями, дотошные проверки документов отнимали много времени.

Вот как описывала «Новая газета» ситуацию с блокпостами: «Блокпост на Старопромысловском шоссе, у поворота на 8-ю Линию (название улицы). Новехонькие бетонные блоки, которых еще недавно там не было, сплошь в боевой раскраске следующего содержания: “ЗАПЛАТИ НАЛОГИ! И ЕЗЖАЙ СПОКОЙНО!” и помельче: “Пункт приема валюты”. В каждой шутке есть доля правды. Каждый блокпост в Грозном делает свой маленький бизнес. Стоит расстаться с военными провожатыми и сесть в обычный автобус (в Грозном нет общественного транспорта – все это частные и нерегулярные рейсы), и ты узнаешь, что происходит с обычным человеком, рискнувшим выйти на любую грозненскую улицу с блокпостом. Нет денег – ты получишь свою порцию унижений сполна»⁹.

Кроме того, Грозный часто блокировался введением режима «стоп-колеса», что резко поднимало плату за въезд. Наиболее одиозными в этом отношении были блокпосты на въезде со стороны Шатоя и на Петропавловском шоссе. Горожане шутили, что блокпосты закрывают на день рождения кого-либо из личного состава для того, чтобы собрать больше денег. Долгое время через блокпост на «Минутке» нельзя было проехать пассажирам в машине: надо было выйти из нее, пройти пешком через проход, огороженный колючей проволокой. Никто, особенно молодые люди, не был застрахован от задержания, после чего они часто пропадали.

В поселке Мичурина на юго-востоке Грозного не осталось ни одного целого дома, район площади «Минутка» был превращен в свалку строительного мусора. Более-менее сохранились здания

в Старопромысловском районе, 1–6 микрорайонах, в Ипподромном. Мэром города был назначен С.А. Махчаев, который в сентябре 2000 г. в одном из интервью сообщил, что он – «мэр развалин», «города, который никому не нужен, кроме тех, кто в нем находится»¹⁰. Генерал В.Г. Казанцев заявил, что в Грозный пускать его жителей не будут из-за мин и опасности проникновения в город боевиков. В самом городе часты были случаи грабежей, подрыва и поджога домов, оставшихся после обстрелов¹¹. Так, были разрушены дома по улицам Украинская, Шевченко и другим в Октябрьском районе.

В.В. Путин, прилетевший в Чечню на Су-27 20 марта, поставил задачу восстановления Грозного, и в апреле военные разрешили въезд в город со стороны поселка Черноречье тем, кто имел грозненскую прописку. Очередь автомобилей растянулась на несколько километров. Надолго символом города стали оконные рамы, обтянутые полиэтиленовой пленкой вместо стекол, из которой торчала труба «буржуйки» или «чеченской печи» – родственницы «буржуйки», на которой только и можно было готовить еду. Заготовка дров в городе была большой проблемой: для этого приходилось ездить по всему городу, разбирая развалины и рискуя подорваться на mine. Использовалась собственная разбитая мебель, сломанные рамы окон, двери и т. д.

Воду тоже приходилось добывать с трудом, часто ее нужно было везти или нести несколько километров, а затем тащить по лестницам на свой этаж. Когда же по городу стали ездить водовозные машины, жители запасали воду в ванне, ведрах, а для подъема на верхние этажи использовали электронасосы с подсоединенными шлангами. Питьевую воду привозила гуманитарная организация ЮНИСЕФ. Ее работники на каждой улице, где жило более 50 человек, ставили специальные резиновые емкости, которые регулярно наполняли водой и чистили каждый месяц.

После возобновления подачи газа наиболее предприимчивые и обеспеченные горожане придумали ноу-хау: отсоединяли свою квартирную отопительную систему от общей, а на балконе ставили котел, который можно было топить газом, а когда его перекрывали, то и дровами. Газ также использовали для освещения и отопления жилищ, офисов. В комнате становилось достаточно тепло, но не хватало кислорода, так как газ горел открыто, что приводило к головной боли и усталости.

Электричество, как и в селах, и в других городах, добывали при помощи генераторов, которые покупали в складчину или платили владельцу крупного генератора за пользование. Народные умельцы чаще всего переводили генератор на газ, так как за него не надо было платить.

Средоточием жизни в Грозном стал Центральный рынок, где можно было купить продукты и промтовары, кассеты с песнями, эпизодами военных действий. Поход на Центральный рынок часто мог закончиться и для военного, и для мирного жителя смертельным исходом. На рынке практически еженедельно военные и милиция проводили облавы, задерживали молодых людей, грабили торговцев, но с еще большей периодичностью здесь убивали военных и сотрудников чеченской милиции. Несмотря на это, он функционировал, разрастаясь и захватывая близлежащие улицы и кварталы. В начале 2000-х годов городские власти все время пытались его реорганизовать, а в 2008 г. проблема была решена радикально: он был разрушен, а торговцы переехали на новый рынок «Беркат», занявший часть территории завода «Красный молот».

Разбором развалин Грозного была занята значительная часть городского и сельского населения Чечни. Целые бригады разбирали кирпич, который пользовался спросом. Под покровительством различных чинов под снос шли здания, которые вполне можно было восстановить.

Правительство Чеченской Республики долгое время располагалось в Гудермесе, что было связано как с проблемами безопасности, так и с тем, что негде было его разместить. Даже в мае 2004 г. В.В. Путин, пролетая над городом на вертолете, заметил, что это «ужасно»¹².

В 2000–2003 гг. ездить по улицам Грозного было небезопасно. Военная техника часто – и, по убеждению жителей, неслучайно – наезжала на гражданский автотранспорт. В 2000 г. молодой человек, имеющий на запястье часы «Casio», мог нажать себе большие неприятности: их использовали боевики для подрыва фугасов. Часто на блокпостах даже проверяли, переведены ли часы на «летнее время»: дело в том, что при Масхадове в Чечне часы не переводили, и это служило «доказательством» принадлежности к боевикам. А между тем часы не переводили и люди очень далекие от войны: соблюдали время мусульманской молитвы. Жизнь в городе фактически замирала задолго до наступления сумерек, Центральный рынок начинал сворачиваться уже после обеда.

В конце 1999 – начале 2000 г., особенно при Кошмане, серьезно обсуждался вопрос о переносе столицы республики: восстановление Грозного посчитали невозможным¹³. Но уже в апреле в полуразрушенных зданиях – без окон, дверей, отопления и света – начали работать, благодаря настойчивости их ректоров (Б.А. Хазбулатова, И.А. Керимова, А.Д. Хамзаева), вузы республики, что вселило надежду в грозненцев. Большинство студентов жили

в селах и были вынуждены добираться в город через несколько блокпостов, ежедневно рискуя жизнью и здоровьем. Так, студенты из села Старые Атаги в 20 км от Грозного должны были проехать через 5 блокпостов, чтобы добраться до университета и пединститута, корпуса которых находились рядом. Университет расположился в полуразрушенном здании школы-интерната № 2, пединститут – в здании бывшего детского сада, нефтяной институт – в здании бывшего нефтяного техникума. Родители и сами студенты договаривались с водителями частных автобусов, чтобы студентов возили на занятия и с занятий. Такой способ оказался жизнеспособным, и по сегодняшний день большинство студентов так и ездят на занятия. Вызван он был еще и тем, что общежития вузов, техникумов, училищ были разрушены. Но даже будь они целы в 2000–2003 гг., никто не рискнул бы организовать проживание молодых людей в общежитиях. Так, в декабре 2000 г. погибли 5 студентов Чеченского госпединститута, учащийся средней школы № 8, были ранены жители близлежащих домов в результате неспровоцированного минометного обстрела одним из российских подразделений.

9 мая 2000 г. в Грозном праздновали День Победы, а 22 мая в полуразрушенном в ходе боевых действий православном храме прошло богослужение. После же назначения 12 июня 2000 г. А.А. Кадырова главой администрации им было твердо заявлено, что столицей Чеченской Республики останется Грозный. Но все же правительство республики долгое время работало в Гудермесе.

В октябре 2000 г. главой администрации города был назначен Б.С.-А. Гантамиров, который заявил, что зима для горожан будет трудной, но он сделает все, чтобы навести порядок и для него «нет разницы между бандитами-масхадовцами и другими бандитами».

Становление мирной жизни в Грозном шло с большим трудом.

1 мая 2001 г. в Заводском районе были незаконно задержаны 34 человека, на заводе «Синтар» военные заставили женщин-работниц 3 часа лежать лицом в грязи, издевались над ними. В мае военные оцепили ЧГУ (в начале месяца на территории университета боевики убили двух военнослужащих) и задержали шесть студентов, после чего студенты и преподаватели с ректором блокировали въезд в Дом правительства. Подразделение внутренних войск, проводившее зачистку в микрорайоне «Олимпийский» и на Бароновке, устроило погром в одном из корпусов ЧГПИ и на финансово-экономическом факультете ЧГУ, в результате чего занятия в вузах отменили. На бульваре Дудаева были убиты мать, дочь и муж матери, чеченский милиционер, а выехавшая на место преступления следственная группа была подорвана и восемь человек ранены.

18 апреля 2002 г. в Грозном в результате подрыва были убиты 18 сотрудников чеченского ОМОНа. 10 октября было взорвано здание Заводского РОВД – много сотрудников МВД было убито и ранено. 27 декабря в начале третьего часа дня на территории комплекса правительственных зданий произошел теракт: были взорваны автомобили «КАМАЗ» и «УАЗ», начиненные взрывчаткой, 72 человека погибли, более 100 ранены.

Несмотря на теракты, перестрелки, боестолкновения и «зачистки», грозненцы восстанавливали свой город и боролись за его жизнь.

Первый светофор в Грозном после военных действий 1999–2000 гг. был установлен в начале 2004 г. рядом с разрушенным Домом печати. На короткое время он стал достопримечательностью города: многие специально ехали или шли, чтобы воочию увидеть это свидетельство налаживания долгожданной мирной жизни.

В конце 2004 г. начался интенсивный процесс восстановления Грозного благодаря усилиям тогда еще вице-премьера Р.А. Кадырова, назначенного на эту должность после гибели его отца А.А. Кадырова 9 мая в результате теракта. В октябре одна из центральных газет республики спрашивала: «В ходе наведения конституционного порядка на территории Грозного разрушено 4 782 дома муниципального сектора, а восстановлено и введено в эксплуатацию за последние три с половиной года 35 домов. Сколько веков придется восстанавливать только Грозный при таких темпах?»¹⁴ В 2005–2006 гг. на этот вопрос был дан ответ делом: город превратился в одну большую стройплощадку. 2006 г. был объявлен премьер-министром Годом столицы Чеченской Республики. Всего лишь за 20 дней был отреставрирован и практически заново отстроен проспект Победы. Новый облик обрели улицы Маяковского, Жуковского, Первомайская, Хмельницкого. Только со Старопромысловского шоссе вывозили за сутки до 70 самосвалов строительного мусора. На восстанавливаемых объектах работа не прекращалась и в ночное время. Была завершена полномасштабная реконструкция центральной артерии Грозного – проспекта Ахмет-Хаджи Кадырова, который стал своеобразной визитной карточкой возрожденной чеченской столицы. Был восстановлен и начал работать аэропорт «Грозный».

Украсил город Дом печати, высотное здание которого было основательно разрушено еще в 1995 г. С завершением работ здесь вновь расселились редакции республиканских, районных печатных изданий, издательство и книжные магазины. Восстанавливались и строились не только объекты социального и муниципального назначения, но и хозяйственные. Республика стала выпускать собственную продукцию. По сравнению с 2005 г. рост внутреннего

товаропроизводства в 2006 г. составил 128%. Этому способствовали восстановленный завод «Трансмаш», совершенно новые предприятия «Электропулт» и «Технопром», производящий металлополимерные трубы.

Были восстановлены Дворец молодежи и весь 4-й микрорайон. Введены в строй основные транспортные магистрали, восстанавливаются Дом быта, универмаги по проспектам Ахмет-Хаджи Кадырова и Победы. Сданы муниципальные жилые дома по улицам Дьякова, Тухачевского, Косиора, Кирова, Белова, Узуева, Розы Люксембург, Трудовой, проспектам Победы и Ахмет-Хаджи Кадырова. Начали давать продукцию предприятия строительной индустрии республики. Благодаря Региональному общественному фонду имени А.А. Кадырова восстановлены Грозненский завод ЖБК-1, Грозненский завод ЖБИ, производственная база «Чеченстрой» и другие предприятия.

В восстанавливаемом Грозном крыши домов кроют металлическим шифером разных цветов, стены домов обивают сайдингом, убирают старые окна и вставляют пластиковые стеклопакеты – дома и районы города преобразуются.

По мере восстановления города обострилась проблема автомобильных пробок: машин с каждым месяцем становилось все больше. Несмотря на восстановление и строительство дорог, автотранспорт часто стоит в пробках, особенно если по каким-то причинам перекрывается центр, что происходило и происходит часто. Если в начале 2000-х годов горожанам приходилось ездить на разбитых «Газелях» и «Рафиках», старых автобусах, то на смену им теперь пришли новые микроавтобусы «Форд», почти полностью обновлен таксопарк столицы, маршрутные автобусы практически вытеснены из города. В отличие от прошлых лет редкостью на улицах стала и военная техника.

Продукты горожане теперь в основном покупают на рынке «Беркат», на небольших рынках, которые есть в каждом районе города, а также в многочисленных больших и малых магазинах. Рядом с рынком больше всего уличных продавцов валюты. Наибольшей популярностью по-прежнему пользуется доллар, и продают его чуть дешевле, чем в филиале Россельхозбанка. Несмотря на то что валюту обменивают на улице, случаев продажи фальшивых купюр практически нет: себе дороже.

Важное место в чеченской кухне занимает мясо. В конце зимы на рынке появляется знаменитая черемша, и над рынком стоит ее острый запах. Значительное количество грозненцев ездит для покупки продуктов и промтоваров в дагестанский город Хасавюрт.

Одной из самых злободневных проблем горожан остается отстаивание права собственности на свои квартиры, поскольку за последние годы документы сгорели или утеряны, что дает основание различным мошенникам, подделав документы, занимать квартиры или оспаривать их. Газета «Вести республики» писала в конце 2006 г.: «Жилищная ситуация в ЧР настолько критична, что представляет реальную угрозу ее национальной безопасности. Квартирный вопрос затмил все иные насущные проблемы граждан. Суды завалены делами данной направленности»¹⁵.

Повседневным явлением в жизни города стали субботники, республиканские и городские власти объявляют то «месячник», то «трехмесячник» по наведению порядка, и учащиеся школ, вузов, техникумов, трудовые коллективы по субботам занимаются уборкой закрепленных за ними территорий.

С проведением досуга у грозненцев до сих пор есть немалые проблемы: работают только два кинотеатра, два киноконцертных зала, ставит спектакли Чеченский драматический театр имени Х. Нурадилова, но для молодежи этого явно недостаточно. Большая работа проводится Комитетом по делам молодежи при правительстве Чеченской Республики. Но в основном это массовые мероприятия, а спортзалов и площадок явно не хватает.

Грозненцы теперь могут смотреть передачи телекомпаний ОРТ, РТР, НТВ, СТС, «Спорт», ТВЦ, кроме них работают республиканские телеканалы ЧГТРК «Вайнах» и ГТРК «Грозный». Большой популярностью пользуется Грозненское радио. Широкое распространение получили спутниковые антенны, горожане все чаще пользуются Интернетом. А мобильные телефоны сегодня – это непременный атрибут и старого и малого, хотя свободно пользоваться ими в Чеченской Республике разрешили только с августа 2004 г. Sim-карты тогда покупали с боем, занимая очереди еще ночью, а абонентская плата была чуть ли не самой высокой в России.

Тяжелое материальное положение населения, его неустанная борьба за элементарное выживание в условиях роста преступности, военных действий, частая смена властей оказали серьезное влияние на повседневную жизнь грозненцев, но они не опустили рук, не ожесточились, а делают все возможное, чтобы Грозный стал краше и лучше прежнего.

- 1 *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М., 2003. С. 116.
- 2 Там же. С. 122.
- 3 *Ибрагимов М.М.* Об особенностях чеченского кризиса в 1990-е годы // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19–20 апреля 2005 г. М., 2006. С. 369.
- 4 *Овхадов М.Р.* Образовательные и языковые проблемы национальной политики советского периода в Чеченской Республике // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. С. 355.
- 5 *Авторханов А.И.* Восстановление и развитие агропромышленного производства Чеченской Республики. М., 2007. С. 58; *Дзадзиев А.Б.* Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 129–146.
- 6 О ходе восстановления экономики и социальной сферы Чечни // Грозненский рабочий. 1996. 5–11 апреля.
- 7 Сборник указов и распоряжений президента Чеченской Республики с 28 мая 1993 года по 30 апреля 1994 года. Грозный, 1994. С. 138–142.
- 8 Независимая газета. 1999. 7 дек.
- 9 Новая газета. 2000. 14 дек.
- 10 Новая газета. 2000. 11 сент.
- 11 Коммерсантъ. 2000. 19 янв.
- 12 Известия. 2004. 15 мая.
- 13 Независимая газета. 1999. 19 нояб.
- 14 Вести республики. 2004. 5 окт.
- 15 Вести республики. 2006. 11 нояб.

В.В. Машко

ИЗ ИСТОРИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ: БЮДЖЕТ И БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

В статье рассматривается бюджетная политика Союзного государства Беларуси и России. Основное внимание уделяется исполнению союзного бюджета, проблеме бюджетной дисциплины, анализируется специфика подготовки и утверждения союзных программ. Существующие проблемы в бюджетно-финансовой сфере Союзного государства во многом являются отражением тех проблем и той реальной ситуации, которая сложилась сегодня в российско-белорусской интеграции в целом. В отечественной историографии проблеме исполнения бюджета Союзного государства уделяется крайне мало внимания. Большинство существующих работ – это публицистические работы, носящие пропагандистский характер.

Ключевые слова: Белоруссия, бюджет, бюджетная политика, Союзное государство Беларуси и России, интеграция.

Настоящее и недолгое прошлое Союзного государства Беларуси и России все больше привлекают внимание политологов, экономистов и историков. Это естественно и вполне объяснимо. Но по странному стечению обстоятельств одна проблема остается за пределами их внимания: союзный бюджет и бюджетная политика. Между тем значение союзного бюджета трудно переоценить: его наличие придает де-факто виртуальному Союзному государству реальные очертания. Благодаря бюджету, в частности, финансируются совместные программы, направленные на увеличение конкурентоспособности продукции, выпускаемой белорусскими и российскими предприятиями.

Не секрет, однако, что приоритетным направлением бюджетной политики последних лет является безопасность и военно-техническое сотрудничество двух стран. Едва ли удастся найти в мире

более «милитаризированный» бюджет, чем российско-белорусский. Хотя официально в 2008 г. на военно-техническое взаимодействие, правоохранительную деятельность и обеспечение безопасности Союзного государства было выделено 13,1%, на деле более половины бюджетных средств (свыше 2,5 млрд российских руб.) было потрачено на программы, так или иначе связанные с обороной и безопасностью. И в этом нет ничего удивительного, ведь именно в военном сотрудничестве России и Белоруссии удалось продвинуться дальше всего: создана и функционирует региональная группировка войск двух стран (в 2008 г. на ее обеспечение из союзного бюджета было направлено 398 млн российских руб.), успешно реализуется программа совершенствования объектов военной инфраструктуры, предназначенных для совместного использования, которая включает в себя более 40 объектов на территории двух стран, белорусские военнослужащие проходят обучение в учебных заведениях и учреждениях Министерства обороны России и т. д.¹

Залогом плодотворной кооперации в военной сфере является наличие на территории Белоруссии двух важных российских военных объектов: входящей в единую систему предупреждения о ракетном нападении радиолокационной станции «Волга» и зонального пункта связи ВМФ «Вилейка». Станция «Волга» способна обнаруживать ракеты в радиусе 5 тыс. км, с ее помощью ведется мониторинг за районами патрулирования подлодок НАТО в Северной Атлантике и Норвежском море. Станция «Вилейка» осуществляет двухстороннюю кодированную связь командного пункта ВМФ России с подводными лодками в мировом океане. В случае военных действий она может быть использована для выдачи целеуказания российским подводным лодкам для атаки².

У Белоруссии и России в военном сотрудничестве сложились по-настоящему союзнические отношения. Стратегические интересы двух стран в области безопасности существуют объективно, а потому слабо зависят от трудностей в других сферах союзных отношений. Более того, военный союз России и Белоруссии является тем объединительным стержнем, который определяет продвижение на других направлениях интеграции и не позволяет говорить о российско-белорусском союзе как о «пиар-проекте». Таким образом, значительные «военные» траты в союзном бюджете вполне соответствуют реально сложившемуся уровню и характеру интеграции двух стран.

Большинство союзных чиновников и официальные СМИ не акцентируют внимание на военной составляющей бюджета, делая упор на экономическое и социальное значение программ Союзного

государства. В результате остается в тени то обстоятельство, что значительная часть уже реализованных, а также ныне выполняемых программ является проектами двойного назначения: они важны не только для народного хозяйства, но и для безопасности России и Белоруссии. К таковым относятся программы «Разработка и использование перспективных космических средств и технологий в интересах экономического и научно-технического развития Союзного государства», «Защита общих информационных ресурсов Республики Беларусь и Российской Федерации», «Оборудование для производства специальных химических волокон», программа по созданию суперкомпьютеров и др. Даже новая технология получения супертермостойких материалов может быть использована для изготовления перевязочных материалов, защитной одежды и т. д.

А вот результаты социальных и экономических программ выглядят скромно. Так, по программе «Союзный телевизор», принятой еще в конце 1998 г., планировалось возродить отечественную телевизионную отрасль, в частности возобновить кинескопное производство в России на воронежском заводе «ВЭЛТ-Кинескоп». На практике деньги ушли на поддержку зарубежных производителей телевизионных комплектующих. В настоящее время у России по-прежнему нет кинескопного производства, вся элементная база находится за пределами страны, из-за этого отечественные предприятия физически не могут сделать телевизор, который был бы дешевле импортных аналогов. В современной России предприятия, выпускающие телевизоры, превратились в «отверточные» производства. А дух патриотизма выветрился настолько, что даже известная отечественная компания ОАО «Рубин» подчеркивает тот факт, что продукция «Rubin» собирается из импортных комплектующих.

В итоге амбициозной цели – возродить в конце 1990 – начале 2000-х годов отрасль и приблизить выпуск телевизоров к объемам советского времени – достичь не удалось. Хотя в целом программа «Союзный телевизор» благотворно сказалась на производстве телевизионной техники, особенно в Белоруссии.

Важнейшей характеристикой любого бюджета является его объем. Союзный бюджет на 2009 г. утвержден в размере 4 872 млн руб. (около 112 млн евро)³, что равно примерно стоимости одного крупного торгового комплекса в Москве или Петербурге. Ни в какое сравнение он не идет с бюджетом Европейского союза, доходная часть которого в 2009 г. запланирована в объеме 133,8 млрд евро⁴. Однако по сравнению с финансовым обеспечением других интеграционных объединений на постсоветском

пространстве союзный бюджет – настоящий исполин: он в 12 раз превышает «бюджет» СНГ, в 18 раз – Организации Договора о коллективной безопасности и в 20 раз – ЕврАзЭС.

По утверждению союзных чиновников, за десять лет, начиная с 2000 г., союзный бюджет вырос более чем в два раза⁵. К таким высказываниям следует относиться с немалой долей скепсиса. В российских рублях это действительно так, но в долларовом эквиваленте, что крайне важно для импортозависимых экономик России и Белоруссии, он увеличился лишь в 1,7 раза, а в евровом и того меньше – в 1,3 раза. Кроме того, бюджет как не играл раньше, так и теперь не играет определяющей макроэкономической роли в хозяйственной жизни двух стран.

С другой стороны, было бы не совсем правильно оценивать размер бюджета чисто арифметически. Прежде всего, исходить нужно из потребностей интегрированных российско-белорусских предприятий, сложившихся экономических и политических связей. О том, что союзный бюджет слишком мал, косвенно свидетельствует тот суммарный объем бюджетных заявок, который поступает в Постоянный комитет Союзного государства: он значительно превышает возможности самого бюджета.

Важным аргументом в пользу увеличения бюджета является и научно-техническая значимость реализуемых союзных программ. В бюджетной политике приоритет отдан наукоемким программам, развитию высоких технологий, то есть тем сферам, которые определяют экономическую и политическую мощь государства, сферам, в которых России нужно восстанавливать свои позиции. В настоящее время союзные программы направлены не только на поддержание старой, времен СССР, кооперации, но и на создание новых связей в высокотехнологичных производствах. Так, над программой «Современные технологии и оборудование для производства новых полимерных и композиционных материалов, химических волокон и нитей на 2008–2011 годы», направленной на решение фундаментальных научно-исследовательских задач, работают более 40 научно-исследовательских и промышленных предприятий двух стран.

Серьезным препятствием для увеличения размера союзного бюджета, как ни странно, служит сам принцип его формирования, а именно неравномерность долевых взносов: одну треть вносит Белоруссия, две трети – Россия. При таком механизме и таких пропорциях в силу неравномерности развития экономик двух стран любое значительное увеличение бюджета будет чувствительнее для Белоруссии, чем для России. В настоящее время союзным органам власти периодически приходится останавливать рас-

смотрение перспективных, но дорогостоящих программ из-за того, что у белорусской стороны на их реализацию попросту нет денег.

Кроме того, вопреки Союзному договору до сих пор не идут поступления в бюджет от использования союзного имущества. Парадоксальность ситуации состоит в том, что союзная собственность как таковая есть, а органа, управляющего союзной собственностью, – нет. Да и необходимая нормативно-правовая база не создана. В результате доход от использования союзного имущества поступает не Союзному государству, а отдельным предприятиям и организациям. Расхожий пример – линия по производству химического волокна на Светлогорском химкомбинате. На союзные деньги «Формаш» создал серию станков для производства химволокна, ее поставили на Светлогорский комбинат, где ныне она успешно работает, при этом не принося никакого дохода Союзному государству. Таких примеров, хорошо известных, немало.

Увеличению союзного бюджета не способствует и тот имидж, который сложился в отношении управленческих структур Союзного государства. С экономической точки зрения эффективность союзных чиновников как менеджеров оказалась не очень высокой. Кроме того, при утверждении союзных программ зачастую происходит лоббирование интересов национальных предприятий в ущерб общим интересам.

В начале 2000-х годов серьезные трудности возникали в ходе утверждения союзного бюджета. Его принятие зависело не только от экономических и технических аспектов, но во многом определялось политическими соображениями каждой из сторон. Процесс принятия бюджета был затяжным, а порой и просто мучительным: бюджет утверждался лишь в апреле, когда четверть финансируемого года была уже позади. Хуже всего дела обстояли в 2004 г., когда принятие бюджета целенаправленно тормозилось Высшим государственным советом: он был утвержден только 6 августа, а исполняться начал в октябре. В настоящее время бюджет принимается без опозданий и финансируется Россией и Белоруссией в полном объеме.

Особого внимания заслуживает самая болезненная тема – расходование бюджетных средств. Характеризуя в 2008 г. использование союзных финансов, глава Счетной палаты РФ С.В. Степашин заявил, что до последнего времени было их «серьезное нецелевое расходование, мягко говоря, подворовывали»⁶.

Действительно, в начале 2000-х годов использование средств союзного бюджета не по назначению было делом обыденным. Так, в ходе проверки финансирования союзных программ за период 2000 – первое полугодие 2001 г. Счетная палата РФ выявила:

из 130 млн руб., выделенных на развитие дизельного автомобилестроения, не по целевому назначению был израсходован 71 млн, то есть более половины⁷.

Необоснованно использовал бюджетные деньги и Постоянный комитет – орган, призванный осуществлять «первичный» контроль над использованием бюджетных средств. В частности, искусственно завышались расходы на содержание самого Постоянного комитета. В 2001 г. при командировках за границу государственного секретаря Постоянного комитета П.П. Бородина и его заместителей выплачивалась надбавка к суточным, на транспортные расходы, выдавались безотчетные суммы, размер которых не был утвержден органами Союзного государства. Всего эти расходы составили 703,6 тыс. руб., включая безотчетные суммы – 557,1 тыс. руб.⁸

По результатам проверки Счетной палаты РФ было выявлено, что в 2004 г. Постоянный комитет, заключая договоры с компаниями и предприятиями на поставку различных видов продукции и товаров, на оказание услуг, не всегда, как того требует закон, проводил конкурсы и запросы котировочных цен⁹.

Нарушения в расходовании бюджетных средств на содержание Постоянного комитета и секретариата Парламентского собрания были выявлены и по результатам проверки исполнения союзного бюджета 2006 г. Они касались порядка оплаты труда, заключения договоров, предоставления служебных квартир, автотранспорта и других расходов. Одно, впрочем, «утешает»: штат сотрудников Постоянного комитета не так уж и велик. Более того, в 2005 г. его состав был сокращен со 120 до 108 человек, уменьшилось и количество департаментов¹⁰. Правда, предусмотренные бюджетом расходы на содержание Постоянного комитета за последние 7 лет, напротив, увеличились в 2,5 раза – с 75 060 тыс. руб. в 2002 г. до 193 238,5 тыс. руб. в 2009 г.¹¹

Один из многих известных случаев «серьезного нецелевого расходования, мягко говоря, подворовывания» выявила проверка Союзной телерадиовещательной организации. Счетной палате РФ так не удалось выяснить, куда «уплыли», вернее – по чьим карманам «распылились», 21,2 млн руб., выделенных компании из союзного бюджета в 2004 г.¹²

Печально, но факт: финансовую дисциплину нарушают именно те, кто в силу своих полномочий должны и воплощать в жизнь, и пропагандировать идею союза двух стран, создавать Союзному государству Беларуси и России положительный имидж. В итоге нецелевое использование средств бюджета негативно сказывается на авторитете Союзного государства, предоставляет противникам интеграции дополнительные аргументы для критики союза двух

братских славянских стран. Удивляет и отсутствие громких дел по фактам столь масштабных злоупотреблений и разворовывания бюджетных денег. Впрочем, это – тема отдельного исследования.

За последние годы необоснованное и нецелевое использование средств бюджета в целом снизилось. Если в 2002 г. оно составляло 142,6 млн руб. (6% доходной части бюджета), то в 2007 г. – «только» 1,1 млн руб. (менее 1% доходной части бюджета)¹³.

В этой ситуации шагом в правильном направлении можно считать привлечение представителей контрольных органов непосредственно на стадии подготовки бюджета Союзного государства. Впервые предварительному контролю подвергся союзный бюджет 2008 г.

Однако, несмотря на снижение нецелевого расходования средств, порядок исполнения бюджета и в настоящее время оставляет желать лучшего. Парадоксальным выглядит то обстоятельство, что при сравнительно небольшом размере союзного бюджета его значительная часть не используется, около 20% средств возвращается назад¹⁴. Причинами тому служат недостаточная активность заказчиков-координаторов программ, систематическое неисполнение бюджетных статей, задержки, вызванные проведением конкурсов для исполнителей программ и мероприятий.

Серьезным препятствием является отсутствие в рамках Союзного государства функционирующей вертикали исполнительной власти: сохраняется путаница в полномочиях и функциях различных ведомств, занимающихся бюджетным процессом, не хватает оперативности в работе Совета министров Союзного государства и Высшего государственного совета, а у Постоянного комитета не хватает рычагов воздействия на заказчиков программ. Спорные вопросы решаются не в союзном суде, который пока еще не создан, а бюрократическим путем межведомственных согласований. Вследствие этого конфликты хозяйствующих субъектов, которые находятся по разные стороны российско-белорусской границы, становятся трудно преодолимыми, их решение растягивается на годы. Периодически возникают разногласия между союзными органами власти и национальными министерствами и ведомствами. Иллюстрацией тому могут служить регулярно возникающие «трения» в работе Постоянного комитета с Министерством финансов РФ. Причем для России более, чем для Белоруссии, характерна ситуация, когда министерства и ведомства живут своими интересами, а союзные органы – своими.

Оставляет желать лучшего и порядок согласования союзных программ. Многие из них оформляются по два-три года. Принимая во внимание стремительные темпы развития современной науки

и техники, это чересчур длительный срок: за это время устаревают данные, положенные в основу программ, появляются новые направления в науке, а затраты и сроки реализации увеличиваются.

Органы власти Союзного государства не уделяют должного внимания эффективности вложения бюджетных средств, рентабельности и окупаемости финансируемых проектов, а реализация отдельных союзных программ по-прежнему сопровождается значительной долей накладных расходов и неоправданным числом посредников, бескорыстность которых под вопросом.

Порядок разработки и реализации программ Союзного государства требует доработки. Механизм подготовки, согласования и утверждения проектов программ, принятый 11 октября 2000 г., страдает излишней громоздкостью, чрезмерно формализован и усложнен, а сами проекты проходят многочисленные этапы согласования как при принятии решения Советом министров Союзного государства о разработке программы, так и при ее утверждении. Порядок утверждения программы выглядит следующим образом: разработанный проект союзной программы государственные заказчики направляют на рассмотрение и согласование заинтересованным министерствам и ведомствам Республики Беларусь и Российской Федерации, а затем в правительства обоих государств. Правительства Республики Беларусь и Российской Федерации рассматривают проект союзной программы и дают разрешение государственным заказчикам на внесение ее в Совет министров Союзного государства. Государственный заказчик-координатор вносит согласованный с заинтересованными министерствами и ведомствами и одобренный правительствами Республики Беларусь и Российской Федерации проект союзной программы на рассмотрение и утверждение в Совет министров Союзного государства. То есть, по сути, необходимо дважды получать одобрение правительств России и Белоруссии.

Понимая всю сложность проблемы, Совет министров Союзного государства в 2007 г. сформировал рабочую группу по совершенствованию механизма разработки и реализации программ. Остается ждать результатов ее деятельности.

Существующие проблемы в бюджетно-финансовой сфере Союзного государства во многом являются отражением тех проблем и той реальной ситуации, которая сложилась сегодня в российско-белорусской интеграции в целом. У чиновников Союзного государства имеется достаточно точное представление о проблемах, мешающих развитию союза двух стран, регулярному анализу подвергается и бюджетная политика. Остается надеяться, что тот положительный и отрицательный опыт, накопленный органами

власти Союзного государства за 10 лет, все же позволит усовершенствовать процессы формирования бюджета, разработки и реализации программ. От этого, не исключено, во многом и будет зависеть его судьба в следующем десятилетии.

Примечания

- 1 Двойная оборона // Союз. Беларусь–Россия. 2008. 15 мая.
- 2 Хазбиев А. Военные базы: цена вопроса // Эксперт. 2007. № 3 (544).
- 3 Декрет Высшего государственного совета Союзного государства от 3 февраля 2009 г. № 1 «О бюджете Союзного государства на 2009 год» // Союз. Беларусь–Россия. 2009. 12 февр.
- 4 General budget of the European Union for the financial year 2009. Brussels, 2009. P. 5.
- 5 Ноябрьские тезисы: Павел Бородин сформулировал суть новой стратегии союзного строительства // Союз. Беларусь–Россия. 2008. 27 нояб.
- 6 А. Лукашенко отмечает хорошее взаимодействие контрольных органов Беларуси и России [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Интерфакс-Запад». [Б. м., 1994–2009]. URL: <http://www.interfax.by/news/belarus/36381>.
- 7 Гриб Н. Левый союз // БелГазета. 2001. 26 дек.
- 8 См.: Сообщение управления информации и общественных связей Счетной палаты России «О проверке расходов на содержание Постоянного комитета Союзного государства России и Белоруссии» [Электронный ресурс] // Информационный сервер МИД России. [Б. м., 1997–2009]. URL: <http://www.mid.ru/ns-rsng.nsf/0e82a568fbb5b2c043256a65002f56c2/432569d80022146643256d330029fe49?OpenDocument>.
- 9 Заключение Счетной палаты Российской Федерации и Комитета государственного контроля Республики Беларусь по отчету Совета министров Союзного государства об исполнении бюджета Союзного государства за 2004 год // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2006. № 9 (105).
- 10 Шухно С. Постоянный комитет // Союзное государство. 2007. № 13.
- 11 Декрет Высшего государственного совета Союзного государства от 3 февраля 2009 г. № 1 «О бюджете Союзного государства на 2009 год».
- 12 Счетная палата России намерена повторно обратиться в генпрокуратуру по поводу возбуждения уголовного дела в отношении бывшего руководства ТРО Союзного государства Беларуси и России [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Интерфакс-Запад». [Б. м., 1994–2009]. URL: <http://www.interfax.by/node/1018636>.
- 13 Степашин С. Без хозяина ничего не получится // Союзное государство. 2008. № 24.
- 14 Там же.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.М. Пашков

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ РУССКОГО СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И КУЛЬТУРЫ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX в.

Статья посвящена анализу взаимовлияния исторического краеведения Русского Севера и российской историографии и культуры. Автор выделяет три периода этого взаимовлияния. С момента зарождения в конце XVIII и до середины XIX в. северорусское краеведение развивалось под влиянием российской историографии. Во второй половине XIX в. можно уже говорить о полезном для обеих сторон взаимовлиянии. В начале XX в. научный уровень работ многих краеведов достиг профессионального уровня. Известные историки и писатели использовали сведения из работ северорусских краеведов в своих трудах.

Ключевые слова: Европейский север России, историческое краеведение, российская историография, российская культура.

Современный этап в развитии исторического краеведения в нашей стране начался в 1987 г., когда в Полтаве состоялась I Всесоюзная конференция по историческому краеведению. С тех пор, несмотря на множество трудностей и препятствий, историко-краеведческое движение повсеместно усилилось и окрепло, стало серьезным фактором как общественной и культурной жизни многих регионов, так и развития общероссийской и региональной исторической науки.

Для понимания того, какое место занимает историческое краеведение сейчас и какое место оно по праву должно и может занимать в интеллектуальной и культурной жизни современной России, представляет большой интерес изучение взаимовлияния исторического краеведения, с одной стороны, и исторической науки и культуры – с другой, в первый период их сосуществования, то есть с конца XVIII в. и до 1917 г.

Данная статья является попыткой осмысления этой проблемы на материале Европейского севера России. Если вспомнить классическое определение первой половины XX в., что краеведение – это «совокупность знаний об отдельных местностях страны, всестороннее изучение отдельных частей страны, преимущественно силами местного населения», то можно сделать вывод: краеведом обычно становится местный житель, не обязательно имеющий профессиональную подготовку.

На Европейском севере России историческое краеведение возникло во второй половине XVIII в. как реализация господствовавших тогда идей Просвещения. Наиболее известным северорусским краеведом этого периода был В.В. Крестинин¹. По месту жительства, уровню образования, социальному статусу и проблематике работ он, несомненно, был краеведом, но в то же время важнейшие его труды печатались в академической типографии в С.-Петербурге и в академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения», а сам он был избран сначала членом-корреспондентом, а затем почетным членом С.-Петербургской Академии наук. Известный источниковед С.Н. Валк называл В.В. Крестинина «основоположником дипломатики частных актов». В обобщающих трудах по истории исторической науки в России В.В. Крестинин назван видным историком второй половины XVIII в.² Можно сказать, что В.В. Крестинин был и архангелогородским краеведом, и российским историком. В условиях XVIII в. это стало возможным по одной причине: и историческое краеведение, и историческая наука находились на самом раннем этапе своего развития, когда по уровню профессиональной подготовки историк-профессионал и краевед-самоучка друг от друга почти не отличались.

Новый этап во взаимоотношениях исторической науки и исторического краеведения наступил после выхода в свет в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, в которых содержалось огромное количество неизвестных фактов по истории Русского Севера. Последний, двенадцатый, том был издан в 1829 г.³ Это произведение (по словам А.С. Пушкина, «подвиг честного человека»), написанное талантливым писателем, излагало историю настолько увлекательно, что в короткий срок приобрело огромную популярность и только в 1818–1853 гг. было переиздано шесть раз⁴. Кроме того, был создан подробный указатель к «Истории государства Российского» – «Ключ» П.М. Строева⁵, состоявший из именного, географического и предметного указателей и позволявший быстро выявлять в сочинении Н.М. Карамзина сведения о любой территории. Можно сказать, что все разви-

тие краеведения в 1818–1861 гг. шло под мощным влиянием «Истории государства Российского»⁶, в которой несколько поколений краеведов черпали фактический материал и воспринимали карамзинскую концепцию истории России.

Кроме того, среди северных краеведов высоко ценились сочинения И.И. Голикова «Жизнь и деяния Петра Великого»⁷ и «Дополнение к деяниям Петра Великого»⁸ (по выражению В.Г. Белинского, «бескорыстный и простодушный труд Голикова»), поскольку они являлись хорошей сводкой фактов о деятельности Петра I. По этой же причине внимание северных краеведов было приковано и к написанной с позиций теории официальной народности (по выражению А.И. Герцена, «по мотивам Николая Павловича») работе Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого»⁹, в которой были широко использованы архивные материалы. При создании этого труда Н.Г. Устрялов был не чужд и краеведческого подхода. Известно, что летом 1851 г., в разгар работы «над историей Петра Великого», он посетил Олонецкую губернию и осмотрел Марциальные воды, «знаменитые при Петре Великом», и сохранившуюся с петровских времен церковь «во имя Петра и Павла». По «описи 1736 года, сохранившейся в заводском архиве», Н.Г. Устрялов узнал, что в петровское время здесь находились дворцы Петра I, царицы Прасковьи и «летний дворец», от которых остались только развалины¹⁰.

И, наконец, в середине XIX в. стала печататься многотомная «История России» С.М. Соловьева¹¹, являющаяся, по сути, гигантской сводкой разнообразного, в основном архивного, материала и написанная с позиций государственной школы.

Успешному развитию историко-краеведческих исследований немало способствовали издания Археографической комиссии: «Акты Археографической экспедиции»¹², «Акты исторические»¹³, «Дополнения к актам историческим»¹⁴, «Полное собрание русских летописей»¹⁵ и др.

О внимании местных краеведов к трудам известных историков и к публикациям Археографической комиссии говорит то, что учитель петрозаводской гимназии К.М. Петров подготовил указатель всех упоминаний об Олонецком крае в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, 18-ти томах «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, «Деяниях Петра Великого» И.И. Голикова и «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова¹⁶, а также «Указатель к историческим актам Олонецкой губернии», где перечислены все документы об Олонецком крае, напечатанные в «Актах исторических» (т. 1–5) и «Дополнениях к актам историческим» (т. 1–8)¹⁷.

Таким образом, первая половина XIX в. была временем, когда историческая наука в России развивалась быстро и успешно. Успехи в источниковедении, археографии, разработке концепции истории России были настолько зримы и впечатляющи, что развитие краеведения в тот период было связано с освоением тех знаний, которые вырабатывала историческая наука. Краеведение в 1801–1861 гг. развивалось в русле исторической науки, в зависимости от нее и следом за ней.

Но постепенно характер взаимоотношений исторической науки и краеведения стал меняться. В первой половине XIX в. формировалась провинциальная интеллигенция, которая сменяла «воспламененных любовью к отечеству» «посадских людей» второй половины XVIII в. в качестве ведущей силы в проведении краеведческих исследований. В начале XIX в. возникли провинциальные мужские гимназии (1804 г. – в Вологде, 1808 г. – в Петрозаводске, 1811 г. – в Архангельске), а во второй половине XIX в. – женские гимназии (1862 г. – в Вологде, 1870 г. – в Петрозаводске, 1872 г. – в Архангельске). Многие преподаватели гимназий, учительских семинарий, реальных училищ, министерских и земских школ становились краеведами.

Другим центром краеведческих исследований становились духовные семинарии, существовавшие в Архангельске (с 1723 г.), Вологде (с 1730 г.) и Петрозаводске (с 1829 г.). Преподаватели, а особенно выпускники семинарий, многие из которых становились сельскими приходскими священниками, развили целое направление краеведения, которое можно назвать православно-церковным краеведением.

Фактическим центром научного изучения губерний России стали губернские статистические комитеты, образованные в 1835 г. по «Положению» об их создании от 20 декабря 1834 г. В первые 25 лет своего существования эти комитеты действовали довольно слабо. Ситуация изменилась в конце 1850-х годов, когда в связи с подготовкой реформ Александра II центральные и местные власти стали остро нуждаться в объективной и достоверной статистической информации о положении дел на местах. 26 декабря 1860 г. было утверждено новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах», в соответствии с которым секретарем комитета мог стать только чиновник с высшим образованием, а сама эта должность стала «штатной»: секретарь стал получать жалованье. Одним из направлений научной деятельности губернских статистических комитетов стало изучение местной истории¹⁸.

В середине XIX в. серьезно улучшились публикаторские возможности краеведов. С 1838 г. во всех трех северных губерниях

(Архангельской, Вологодской и Олонецкой) стали выходить местные газеты – «Губернские ведомости», – в неофициальной части которых краеведческие материалы (заметки, очерки, статьи, документы) заняли заметное место. Во второй половине XIX в. во всех северных губерниях стали выходить церковные журналы: «Архангельские епархиальные ведомости» (1888–1918 гг.), «Вологодские епархиальные ведомости» (1864–1917 гг.) и «Олонецкие епархиальные ведомости» (1898–1918 гг.). «Епархиальные ведомости» стали основными изданиями, в которых публиковались материалы по православно-церковному краеведению.

Третьим видом изданий, предоставлявшим свои страницы местным исследователям, были «Памятные книжки» губерний. В 1850–1916 гг. вышел 41 выпуск «Памятной книжки Архангельской губернии», в 1853–1916 гг. – 29 выпусков «Памятной книжки Вологодской губернии» и в 1856–1869, 1902–1916 гг. – 24 выпуска «Памятной книжки Олонецкой губернии».

Наконец, северные краеведы имели возможность печататься в столичной исторической периодике. Именно в это время начали выходить исторические научно-популярные журналы: «Русский архив» (1863–1917 гг.), «Русская старина» (1870–1918 гг.), «Древняя и новая Россия» (1875–1881 гг.), «Исторический вестник» (1880–1917 гг.) и другие.

Во второй половине XIX в. сложилась система подготовки краеведов в С.-Петербургском археологическом институте, созданном в 1877 г. и готовившем «специалистов по русской старине». Там преподавался широкий круг исторических дисциплин, а занятия вели ведущие историки и филологи того времени: С.М. Серединин, А.А. Спицын (историческая география), А.И. Соболевский, И.А. Шляпкин (палеография), С.Ф. Платонов (источниковедение), Н.П. Лихачев (дипломатика и сфрагистика), А.К. Марков (нумизматика), В.К. Лукомский (геральдика) и другие. Занятия происходили вечерами, слушателями были чиновники, офицеры, студенты, учащиеся духовных учебных заведений и все желающие. До ноября 1917 г. институт окончили 1 524 человека. Многие из выпускников стали известными краеведами. Деятельность С.-Петербургского археологического института способствовала превращению краеведения из дилетантского увлечения в профессиональную деятельность.

Уже во второй трети XIX в. краеведение стало заметным направлением развития провинциальной культуры, начало оказывать влияние на российскую культуру и историческую науку.

В 1861 г. выходец из семьи сельского священника молодой выпускник С.-Петербургской духовной академии Е.В. Барсов стал

преподавателем Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске. За годы работы в Петрозаводске он стал известным историком, этнографом, фольклористом и археографом¹⁹. В 1870 г. Е.В. Барсов уехал в Москву, где стал хранителем рукописного собрания Румянцевского музея. В 1872 г. в журнале «Русская беседа» он поместил публикацию «Петр Великий в народных преданиях Северного края» (1872. № 5; отд. издание: М., 1872). Всего Е.В. Барсов опубликовал 9 преданий, бытовавших в Олонецкой губернии. Часть из них уже была известна из краеведческой литературы, другие были записаны со слов крестьян Е.В. Барсовым и его учеником П.А. Минорским.

В начале 1873 г., узнав о том, что Л.Н. Толстой готовится писать роман об эпохе Петра I, Е.В. Барсов преподнес ему в дар свое издание «Преданий». Л.Н. Толстой ответил ему 1 марта 1873 г.: «Предания о Петре прелестны. И как вы верно говорите, что народ указал на основные черты его характера, который вы так выпукло выставляете. Самое подробное изучение, тончайший душевный анализ и непосредственное чутье певца приводят к одному и тому же»²⁰.

Под впечатлением подготовленной Е.В. Барсовым публикации народных преданий о Петре I на Севере известный поэт А.Н. Майков написал в 1874 г. стихотворение «Сказание о Петре Великом в преданиях Северного края»²¹. В примечании к этому стихотворению А.Н. Майков отметил: «Рассказ этот представлен здесь почти без изменений, как он записан Е.В. Барсовым в Онежском крае и напечатан между многих других в “Беседе” под общим названием “Петр Великий в преданиях Северного края”. Он записан собирателем со слов рассказчика прозой, но и в этой прозе сами собой сквозят стихи. Я пытался только восстановить их, почти нигде ничего не прибавляя от себя. Петр, повелевающий стихиями, – это такой колоссальный образ великого государя, а описание бури и потопление свейских лодок – такая живая, сжатая и верная природе картина, что было бы жаль, если бы эти красоты народного творчества прошли незаметно и в истории нашей поэзии».

Во второй половине XIX в. уровень исторической науки вырос от фактографии к методологии, от накопления фактов к разработке концепции. Так, в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского изложения фактов почти нет. Все свое внимание этот ведущий историк второй половины XIX – начала XX в. сосредоточил на разработке своей концепции русской истории, привлекая только те факты, которые помогали доказать ему то или иное свое положение. Зачастую В.О. Ключевский оперировал не фактами, а образами, созданными на основе фактов. Достаточно вспомнить его выражение из 4-го тома: «Петр отлился односторонне, но рельефно, вышел

тяжелым и вместе вечно подвижным, холодным, но ежеминутно готовым к шумным взрывам – точь-в-точь как чугунная пушка его петрозаводской отливки»²². Из всех работ В.О. Ключевского для северного краеведения особое значение имеет его статья «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае»²³.

Таким образом, во второй половине XIX в. российская историческая наука отказалась от создания обобщающих работ, основанных на огромном массиве фактов, и перешла к созданию компактных работ концептуального характера, в которых местные краеведы могли найти для себя мало интересной информации. Тогда же вышло множество работ по частным вопросам, но это были, главным образом, работы проблемные, в большинстве своем не ставившие во главу угла освещение региональной истории.

В свою очередь, краеведение тогда же, опираясь на рост численности и повышение образовательного уровня провинциальной интеллигенции, на активизацию краеведческой деятельности губернских статистических комитетов и улучшение публикаторских возможностей, стало обретать черты региональной историографии, самостоятельно разрабатывающей историю своих территорий.

Можно сказать, что пути развития исторической науки и исторического краеведения во второй половине XIX в. временно разошлись.

Новый взлет исторического краеведения произошел под влиянием демократизации и либерализации общественной жизни в России после революции 1905–1907 гг. Это проявилось в создании на Севере нескольких научных обществ. В декабре 1908 г. возникло Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС), в апреле 1909 г. – Вологодское общество изучения Северного края (ВОИСК) и в апреле 1913 г. – Общество изучения Олонецкой губернии (ОИОГ)²⁴. Каждое из этих обществ имело свой печатный орган – «Известия».

«Известия» АОИРС выходили в 1909–1919 гг. (в 1909 г. – 15 выпусков, в 1910–1913 гг. – по 24 выпуска в год, в 1914 г. – 20 выпусков, в 1915–1917 гг. – по 12 выпусков). Но уже в 1917 г. в выпуске «Известий» АОИРС начались перебои и вышло всего 8 книжек (№ 3–4, 7–8, 9–10 и 11–12 были сдвоенными). В 1918 и 1919 гг. вышло по 5 книжек, так как часть номеров была даже строенной²⁵. Таким образом, АОИРС и его «Известия» существовали до тех пор, пока в Архангельске держалась власть антибольшевиков.

«Известия» ВОИСК вышли только четыре раза ежегодными выпусками в 1914–1917 гг.

«Известия» ОИОГ выходили в 1913–1917 гг. ежегодно по два тома (по четыре номера в каждом томе, по 8 номеров в год).

В деятельность северных краеведческих обществ были втянуты сотни людей, а в их «Известиях» было напечатано множество статей, заметок и прочих материалов по самым разным вопросам жизни Русского Севера, в том числе и по истории. Многие ведущие деятели северных краеведческих обществ находились в переписке с известными русскими историками, взаимодействовали с ними²⁶.

Одним из наиболее активных краеведов Олонецкой губернии в тот период был Василий Петрович Мегорский (1871–1940). Он родился в семье священника в селе Вырозеро Петрозаводского уезда, в 1894 г. окончил Олонецкую духовную семинарию, в 1898 г. – историческое отделение историко-филологического факультета Варшавского университета. Уже в студенческие годы он начал собирать материалы для диссертации по теме «Из истории Олонецкого края в первую четверть XVIII века». В январе 1899 г. он стал банковским служащим в С.-Петербурге, а в 1900–1917 гг. служил чиновником в Государственном контроле. В свободное время он продолжал сбор материалов по истории Олонецкого края, делая основной упор на поиски документов в библиотеках С.-Петербурга. Сразу по приезде в столицу В.П. Мегорский начал сотрудничать в газете «Олонецкие губернские ведомости». В 1902–1903 гг. им была опубликована в ней, а также отдельным изданием работа «Осударева дорога (библиографические справки)» о походе Петра I от Белого моря до Онежского озера в августе 1702 г.²⁷ Затем она была переработана в перепечатана в «Военном сборнике»²⁸.

В 1903 г. В.П. Мегорский поступил в С.-Петербургский археологический институт и в 1905 г. успешно окончил его. Среди многих известных ученых там преподавал С.Ф. Платонов. Он читал курс источниковедения «Обзор источников русской истории летописного типа»²⁹. В его «Лекциях по русской истории» есть интересное замечание: «В 1702 г. Петр из Архангельска без дорог, через леса и болота прошел до Ладожского озера и протащил с собой две яхты (следы рубленных им просек видны до сих пор)»³⁰. Естественно предположить, что замечание о существовавших до конца XIX в. следах просек появилось в результате знакомства С.Ф. Платонова с самим В.П. Мегорским или с его работой «Осударева дорога».

Сразу после выхода в свет «Осударева дорога» была замечена и другими исследователями. Летом 1906 г. Петрозаводск посетил «для собирания этнографического материала» М.М. Пришвин. По итогам этой поездки в 1907 г. в столичном издании А. Девриена вышла его книга «В краю непуганых птиц»³¹, принеся начинающему писателю большую известность. Эта книга имеет характер

историко-краеведческих очерков, в одном из которых подробно пересказана «Осударева дорога» В.П. Мегорского³².

Так результаты изысканий северных краеведов попадали и в обобщающие труды по истории России, и в популярные художественные произведения. К началу XX в. на Русском Севере историческое краеведение шло, по сути, по пути превращения в особое направление исторической науки – «историческое регионоведение», имевшее все признаки исторической науки.

Примечания

- 1 См.: *Куратов А.А.* Крестинин Василий Васильевич // Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского севера. Архангельск, 2001. С. 206–207.
- 2 См., напр.: *Кафенгауз Б.Б., Тихомиров М.Н.* Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 219–220.
- 3 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. 1-е изд. Т. 1–12. СПб., 1818–1829.
- 4 *Эйдельман Н.Я.* Последний летописец. М., 1983. С. 148.
- 5 *Строев П.М.* Ключ, или Алфавитный указатель к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. СПб., 1844.
- 6 См. подробнее: *Шмидт С.О.* «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 4. М., 1988. С. 28–43.
- 7 *Голиков И.И.* Жизнь и деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 1–12. М., 1788–1789; 2-е изд. Т. 1–15. М., 1837–1843.
- 8 *Голиков И.И.* Дополнение к деяниям Петра Великого. Т. 1–18. М., 1790–1797.
- 9 *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. 1–4, 6. СПб., 1858–1864.
- 10 *Устрялов Н.Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. С. 661–662.
- 11 «История России» С.М. Соловьева неоднократно переиздавалась отдельными томами и целиком. Первое издание 1-го тома вышло в 1851 г., первое издание последнего, 29-го, тома – в 1879 г. (*Цымбаев Н.И.* Сергей Соловьев. М., 1990. С. 243–245).
- 12 Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией. Т. 1–4. СПб., 1836.
- 13 Акты исторические. Т. 1–5. СПб., 1841–1842.
- 14 Дополнения к актам историческим. Т. 1–12. СПб., 1846–1872.
- 15 Полное собрание русских летописей. Т. 1–23. СПб., 1846–1911.
- 16 *Петров К.М.* Указатель к историческим актам Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1869. № 27–30 (отдельный оттиск: Петрозаводск, 1869).

А.М. Пашков

- 17 *Петров К.М.* Указатель к историческим актам Олонецкой губернии, напечатанным в изданиях Археографической комиссии // Олонецкие губернские ведомости. 1868. № 5 (отдельный оттиск: Петрозаводск, 1868).
- 18 См. подробнее: *Комарова И.И.* Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987. С. 85–96; *Бердинских В.А.* Русская провинциальная историография второй половины XIX в. М.; Киров, 1995.
- 19 *Цветаев Д.В.* Записка об ученых трудах Е.В. Барсова. М., 1887; Барсов Елпидифор Васильевич // Знакомые: Альбом М.И. Семевского. СПб., 1888. С. 235; *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 2. СПб., 1891. С. 163–174; Барсов Елпидифор Васильевич // Императорское Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования. Т. 2. М., 1915. С. 21–24; Барсов Елпидифор Васильевич // Исторический вестник. 1917. № 7–8. С. 287–288; и др.
- 20 *Толстой Л.Н.* Собр. соч. Т. 18. Письма. М., 1984. С. 737.
- 21 *Майков А.Н.* Соч. Т. 1. М., 1984. С. 459–461.
- 22 *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 26.
- 23 *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1989. С. 5–30 (первая публикация: Московские университетские известия. 1867–1868. № 7. С. 541–574).
- 24 Лучшей работой о деятельности краеведческих обществ Русского Севера в начале XX в. является исследование М.А. Орешинной «Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона» (М., 2003).
- 25 *Изюмов А.Ф.* Рец.: Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917–1918–1919 г. (Журнал жизни Северного края) // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 477–483.
- 26 См.: *Орешина М.А.* Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX – начала XX в. М., 2006.
- 27 *Мегорский В.П.* Осударева дорога (библиографические справки) // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 119, 132, 134, 136, 142; 1903. № 9, 13, 15, 17–19, 21–23, 29 (отдельное издание: Петрозаводск, 1903).
- 28 *Мегорский В.П.* Осударева дорога // Военный сборник. 1903. № 8. С. 221–242.
- 29 *Платонов С.Ф.* Обзор источников русской истории летописного типа. СПб., 1905.
- 30 *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 499 (1-е изд.: СПб., 1899).
- 31 *Пришвин М.М.* В краю непуганых птиц: Очерки Выговского края. СПб., 1907.
- 32 См.: *Пришвин М.М.* В краю непуганых птиц // Пришвин М.М. За волшебным колобком. Петрозаводск, 1987. С. 116–119.

Г.Н. Ланской

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ
XIX–XX вв. В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ 2008 г.

В статье проанализированы монографии по социальной истории России XIX–XX вв., опубликованные в 2008 г. Для анализа были выбраны исследования Л.В. Кошман о жизни российского города в XIX в., Б.М. Фирсова об особенностях интеллектуальной жизни в СССР послевоенного периода и С.А. Павлюченкова об истории большевистской партии в период 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: Россия, историческая наука, социальная история.

Внедрение разнообразных научных подходов в отечественную историографическую практику открыло новые перспективы для изучения социальной истории России. Прежде всего такая интеллектуальная тенденция связана с распространением цивилизационного подхода. Его характерным свойством является рассмотрение истории различных народов как комплексного явления, включающего в себя все сферы общественной жизни. Материальные и духовные аспекты человеческой жизни предстают при этом в сознании историографа в виде целостного единства, так как формируют знание о ее главном цивилизационном свойстве – всегда самобытной культуре.

Конечно, отказ от апологетического применения господствовавшего длительное время в отечественной историографии формационного подхода не исключил очевидного любому профессиональному исследователю методологического различия между осмыслением антропологической и социальной истории. Антропологическая история не имеет универсальных, четко оформленных хронологических разграничений, потому что жизнь каждого человека подчиняется самобытным законам развития и в ней,

в частности, очень велико значение случайных факторов. Социальная история, напротив, подчинена действию объективных законов, связывающих причину и следствие любого состоявшегося в прошлом события.

В рамках социально-исторических исследований, раскрывающих связь типических (общих) и самобытных (особенных) тенденций жизни конкретных народов, цивилизационный подход выдвигает на первый план «технологический» фактор, обозначающий в практическом и духовном отношении деятельность различных социальных групп. Опыт историографического осмысления значимости этого фактора был накоплен благодаря разработанной в 1960-х гг. теории общественной модернизации. Разделив исторически необходимый путь развития любых народов на доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный этапы, эта созданная американскими и английскими учеными фундаментальная теория обеспечила существенный прогресс в исследовательской работе многих специалистов.

С одной стороны, благодаря совокупному рассмотрению технологий хозяйственной, политической, духовной жизни различных социумов она придала историографическим изысканиям всегда плодотворную междисциплинарность. С другой стороны, внедрение данной теории сделало более эффективным изучение исторического периода XIX–XX вв., когда опыт развития стран европейского, азиатского и американского регионов стал подвергаться существенной диверсификации. В особенности данная модернизационная тенденция коснулась формирования причин и следствий такого важнейшего явления новой и новейшей истории любых стран, как индустриализация.

Настоящий историографический обзор посвящен анализу тех работ российских авторов, в которых применение цивилизационного подхода и в его рамках теории модернизации к изучению российской истории XIX – начала XXI в. дало наиболее успешный результат. Конечно, помимо анализируемых работ Л.В. Кошман¹, Б.М. Фирсова² и С.А. Павлюченкова³ в 2008 г. увидели свет и другие исследования, менее удачные. В них использование цивилизационного подхода применительно к изучению истории России обозначенного периода оказывалось не вполне успешным либо в силу чрезмерного схематизма создававшихся историографических очерков⁴, либо вследствие внутренней концептуальной неоднородности полученного исследовательского результата.

Подобной эклектичностью, не очень полезной для дидактической литературы, отличается, по нашему мнению, заслуживающий самостоятельного анализа учебник по истории России новейшего

времени, написанный коллективом профессоров исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова⁵.

В нем в силу трудно определимых причин оказались несогласованными характерные для современной отечественной историографии в целом логические противоречия между признанием успешности и незавершенности капиталистической модернизации России в начале XX в., исторической прогрессивности и одновременно социальной драматичности Октябрьской революции 1917 г., общественной деструктивности и идеологической плодотворности диссидентского движения в СССР. Таким образом, в результате творческих усилий авторитетных ученых и педагогов для массовой читательской аудитории в начале 2008 г. открылся чрезвычайно ценный в эмпирическом отношении и трудно воспринимаемый в качестве обобщающего повествования историографический источник.

Концентрация нашего обзора на удачных изданиях объясняется прежде всего их практической значимостью для творчества профессиональных историков, которые могут обратиться к аналогичным или к каким-либо другим явлениям российской истории XIX – начала XXI в. К тому же критика уже созданных и увидевших свет научных работ не является, в нашем представлении, удачным жанром историографического творчества за исключением тех случаев, когда содержание распространяемой печатной продукции оказывается вне общепринятых рамок профессиональной этики, то есть служит примером плагиата или сообщением заведомо недостоверных сведений.

Исследование Л.В. Кошман стало, на наш взгляд, одним из наиболее целостных и примечательных для отечественной историографии повседневной жизни российского города XIX в. Сконцентрировав свое внимание на этом переходном с точки зрения модернизационных процессов столетии в развитии России, автор в соответствии с принятым ею на вооружение цивилизационным подходом не делает свой очерк замкнутым в хронологическом отношении. Она методологически обоснованно проводит нить истории городской жизни в предшествующий период конца XVII–XVIII в., когда распространился тип «рассеянного» мануфактурного производства и сформировалось «отходничество», ассоциируемое многими авторами с начинавшимся кризисом феодально-крепостнической системы.

Чрезвычайно важным выглядит и тот факт, что детерминирующим логическим пунктом исследования Л.В. Кошман становится период 1930-х годов. Его решающее этапное значение для развития российского города, укрепления его культурно-индустриальной

идентичности автор очерчивает следующим образом: «Урбанизация не только формирует специфический городской образ жизни, меняет профессиональную структуру населения, но и повышает его социальную мобильность. Степень развития этих тенденций в России в конце XIX – начале XX в. была еще недостаточной, чтобы говорить о серьезных успехах урбанизационного процесса... Лишь в XX в., примерно с 30-х годов, урбанизация в России становится реальным фактом общественно-экономической жизни»⁶.

Данный вывод о хронологических рамках городской жизни получает в этом исследовании глубокое обоснование с помощью удачно систематизированных факторов социально-экономического развития России в XIX в. К их числу автором отнесены постепенное создание фабричных сел, которые уже с течением времени трансформировались в города современного типа; разраставшаяся вширь и затем вглубь структура железнодорожного сообщения; несколько отстававшая от образования транспортной сети модернизация системы почтово-телеграфных связей и складывание, как правило, нежизнеспособных без городской инфраструктуры учреждений профессионального образования. О целенаправленном и масштабном внимании Л.В. Кошман к анализу именно этих урбанизационных факторов свидетельствует то, что рассмотрению каждого из них посвящены специальные разделы монографии.

При том что автор посвятила значительную часть своего исследования раскрытию экономических явлений, ограничение предметного поля ее работы только достижением данной цели вряд ли оказалось бы новаторским по отношению к уже сложившейся отечественной историографической традиции. Поэтому использование цивилизационного подхода направлено в исследовании Л.В. Кошман не только в историко-хозяйственную, но и в отчетливо заметную социокультурную плоскость.

В известную по ранее созданным историографическим источникам структурную схему из слоев крестьянства, купечества, буржуазии и пролетариата автор интегрирует особую социальную группу – мещанство. Она видит ее культурную специфику, с одной стороны, в компактности существования и, с другой стороны, в способности занимать на социальной лестнице промежуточное положение, вбирать в себя для обеспечения собственной устойчивости архаические черты повседневного крестьянского уклада и купеческую предприимчивость в материальной сфере.

Л.В. Кошман подробно, на примере значительной совокупности фактов пишет о том, как ориентированное на консервативные социально-политические установки государство сдерживало получение мещанами устойчивого нормативно-юридического

статуса и тем самым тормозило, по ее мнению, модернизацию страны. Она приходит к выводу о том, что только угроза развития и распространения первой русской революции на все сегменты российской жизни заставила правящую элиту обратиться к административному решению проблем мещанства. Попутно отмечая запоздалость предпринятых государством действий, автор раскрывает их содержание следующим образом: «Только в начале XX столетия, не без влияния революционных событий 1905 г., в правовом положении мещанства произошли некоторые изменения. Именной указ 5 октября 1906 г. отменил все ограничения в отношении государственной службы российским подданным независимо от их происхождения, в том числе и сословного... Закон 1906 г. зафиксировал и другое, не менее важное изменение в правовом положении мещанства. Впервые отменялась обязательная приписка мещан к определенному городу»⁷.

Подписанный императором Николаем II указ, не уступавший по своей значимости направленной в свое время Екатериной II жалованной грамоте городам, нуждался в длительной административно-бюрократической реализации. Поэтому в исследовании Л.В. Кошман последовательно раскрывается мысль о том, что современные исследователи не имеют достаточных фактических оснований для того, чтобы говорить о завершенности не только экономических, но и социальных изменений в индустриальной культуре России XIX – начала XX в.

К схожим наблюдениям о противоречивости культурной эволюции российского общества приходит в своем исследовании Б.М. Фирсов. Несмотря на то что предметом его исследования стало духовное развитие советской интеллигенции в период 1940–1960-х годов, то есть внешне принципиально иная исследовательская область, методологический рисунок его монографии сопоставим с тем, который применен в работе Л.В. Кошман.

Он характеризуется, во-первых, широким хронологическим дискурсом, который в своей начальной фазе уходит в период начала 1930-х годов и протянут по инициативе автора в современную эпоху развития интеллектуальной жизни. Во-вторых, границами созданного рисунка являются различные аспекты жизни советских граждан, воздействовавшие на формирование у них доктрины «разномыслия», содержание которой избрано Б.М. Фирсовым в качестве объекта изучения.

Опираясь на известную в социологии концепцию «ролевого конфликта» между публичным и частным существованием личности, исследователь стремится доказать наличие у большинства людей, живших в СССР, внутренне противоречивых черт миро-

восприятия. Данное свойство было присуще, по его убеждению, представителям всех социальных слоев независимо от той исторической эпохи и тех материальных условий, в которых им приходилось жить.

В связи с этим Б.М. Фирсов вступает в полемику со многими авторами, которые рассматривали в качестве одного из опорных источников формирования в советском государстве антидемократических политических режимов отсутствие механизма гражданского общества, то есть инертность наибольших по численности социальных групп в сфере отстаивания своих прав перед бюрократическим аппаратом власти. Так, признавая в качестве фундаментальных оснований культа личности И.В. Сталина страх населения перед возможными репрессиями и энтузиазм по отношению к перспективам построения общества социальной справедливости, он выступает против обозначения в виде аналогичного по уровню прочности основания общественной пассивности в политической и идеологической сферах. Обосновывая свою точку зрения, исследователь пишет: «В советской действительности имели место не фактическая лояльность и не фактическое исполнение той или иной функции в организации любого типа, а их “разыгрывание”, демонстративное внешнее исполнение. Демонстрация, повторюсь, была взаимной: она шла и “сверху”, и “снизу”; она была в высшей степени согласованной, и на этом согласии покоилось все социальное целое советской системы... Двоемыслие стало всеобщим, но существовало оно в различных формах»⁸.

Конечно, представленная Б.М. Фирсовым гипотеза не выглядит достаточно прочной применительно к изучению ментальности многих значительных слоев населения, которых представители административной элиты обобщенно называли «народными массами». С исследовательской точки зрения невозможно реконструировать черты сознания каждого гражданина СССР 1940-х или 1960-х годов с целью определения степени их политизированности. Более того, можно прийти к очевидному выводу о том, что эти черты были сконцентрированы на повседневно-бытовой деятельности, от которой политико-правовая сфера общественных отношений находилась на значительном расстоянии. Поэтому автор монографии при отстаивании своей концепции «двоемыслия» советских людей оговаривается, что многие из них все же воспринимали окружающую их действительность как историческую данность и не ставили перед собой задачу преобразовать ее.

Поскольку любая инициативная мыслительная деятельность человека обычно нацелена на совершенствование окружающего мира, и в частности условий собственной жизни, Б.М. Фирсов при

использовании обозначенной оговорки невольно сталкивается с логическим противоречием в своей гипотезе. В действительности концентрация сознания большинства советских граждан на решении своих материальных проблем, по сути, являлась признаком их общественной пассивности в принятом демократическо-правовом понимании этого термина. Поэтому для поддержания прочности своей концепции исследователь прибегает к характеристике своего личного опыта жизни в рамках советской системы.

Помимо придания научному по жанру труду эмоционально-мемуарного оттенка этот историографический прием приносит определенный эффект, поскольку сам автор занимал в первой половине 1960-х годов достаточно авторитетную должность в идеологическом аппарате, будучи директором Ленинградской студии телевидения. Приводя в приложении к своей книге материалы выпущенной в эфир 4 января 1966 г. передачи «Литературный вторник» о небрежном отношении работников управленческого аппарата к традициям русского литературного языка и ее обсуждения в Гостелерадио СССР, он рассказывает о своем увольнении с этой должности и, следовательно, о собственной духовной оппозиционности существовавшему в стране режиму.

Кроме характеристики личного жизненного опыта, Б.М. Фирсов приводит в качестве примеров двоемыслия убеждения некоторых известных представителей советской творческой интеллигенции, среди которых заметна фигура Д.С. Лихачева. Акцентируя внимание на социальной значимости интеллектуальной свободы этой категории граждан, автор пишет о драматических последствиях их недостаточного количества в современной российской действительности. Им последовательно проводится мысль о том, что именно образованная в гуманитарном отношении творческая интеллигенция способна пробудить созидательные сдвиги в сознании остальных групп общества и активизировать генетически заложенную в мировоззрении любой сформировавшейся личности склонность к «двоемыслию».

Отсутствие такого стимулирующего воздействия, обусловленного сосредоточенностью представителей интеллектуальной элиты на междоусобных контактах, исследователь ассоциирует со второй половиной 1980-х годов, а его последствия он закономерно обнаруживает в мышлении современных российских граждан. Подводя итоги своего культурно-дискурсивного повествования, автор монографии пишет: «Распад привычной картины мира на экранах советской ментальности повлек за собой массовую дезориентацию, утрату идентификации на всех уровнях – индивидуальном, групповом, на уровне общества в целом. Одновременно начался

синхронный с утратой идентификации поиск новых образцов и моделей с целью восстановления целостной картины мира, пусть изменившейся, совсем не той, что раньше, но равным образом понятной и упорядоченной. Но именно эту целостную, непротиворечивую картину мира, адекватную изменившимся социальным обстоятельствам и условиям развития страны, российский человек не может построить, как не может современное российское общество создать на основе консенсуса каркасы общенациональных ценностей, не только согласованных с ценностями и нормами мировой цивилизации, но и примиренных с социально-культурными доминантами (архетипами) досоветского и советского периодов»⁹.

Контекст интеллектуального восприятия духовной жизни людей, оценивавших события советского прошлого и участвовавших в формировании идеологической среды этих событий, стал значимым объектом изучения и в монографии С.А. Павлюченкова. В данном исследовании он занимает такое же существенное место, как и обозначенный в заглавии процесс становления большевистской коммунистической партии в качестве социального института и части государственного механизма.

При знакомстве с текстом этой монографии у читателя может сложиться вполне обоснованное впечатление о том, что автор стремится не только проследить на основании большого массива фактов и источников коллизии внутренней саморегуляции партийного аппарата в ходе разделяемого на внутренние хронологические этапы периода 1920–1930-х годов, но и обозначить свое методологическое отношение к задачам развития современной историографии российской истории. Более того, именно в рамках достижения этой второй цели он достигает наиболее оригинальных, в определенной мере новаторских, результатов.

Предложенное С.А. Павлюченковым толкование формально основного объекта исследования базируется на двух тезисах.

В первом он солидаризируется с той оценкой сформировавшегося исторического феномена большевистской партии, которая была дана в соответствии с имевшимися у него административными намерениями И.В. Сталиным. Современный исследователь объясняет свой концептуальный выбор следующим образом: «Сталин называл компартию “орденом меченосцев” и оказался наиболее точен... Именно образ средневекового воинственного монашеского ордена с его строгой иерархичностью и вместе с тем – открытостью рядов, с его догматической идеологией и – тайными ересями, процветавшими в стенах рыцарских замков, с требованиями суровой дисциплины, ригоризмом его членов и – злоупо-

треблениями мирскими радостями – все это весьма напоминало то, чем являлась партия большевиков в 1920–30-е годы»¹⁰.

Этот тезис, заявленный в самом начале книги и раскрываемый на ее последующих четырехстах страницах, соседствует и тесно переплетается с другим, определяющим хронологические рубежи существования большевистской партии в системе советского государства. Эти рубежи, по сути дела, соответствуют тем, которые были характерны для истории католических орденов. Первый из них относился к событиям X съезда, когда волевым решением ее руководителей был взят курс на утверждение этой политической организации в качестве социального института, а второй оказался связанным с достижением внутривнутрипартийного единомыслия после выявления «уклонистов» во второй половине 1920-х годов. Третий хронологический рубеж начался после Великой Отечественной войны, и его основной характеристикой было морально-идеологическое разложение партийного аппарата.

Приведенная периодизация не несет в себе, несмотря на масштабное обоснование в тексте исследования, существенных теоретических новаций. Явления идеологической, мобилизационной по своим стимулирующим факторам консолидации партийного аппарата и его номенклатурного перерождения в том числе по причине дискутируемой общественной пассивности уже были многократно обозначены в историографии второй половины 1980-х годов и постсоветского периода. Более того, общеизвестно их прогнозирование многими известными людьми 1920-х годов, от Л.Д. Троцкого до В.В. Маяковского.

Поэтому более примечательными выглядят те наблюдения автора, которые относятся к анализу сущности и социально-психологических функций советской коммунистической идеологии. Обосновывая актуальность своих методологических размышлений, С.А. Павлюченков пишет о необходимости оценить исторические события, протекавшие в развитии российской цивилизации после Октябрьской революции и Гражданской войны, не в русле мемуарных эмоциональных оценок, а в несколько абстрагированном, объективно-научном ключе. Такой подход, по его мнению, уже во многом оправдал себя при анализе досоветского прошлого, позволив оценить позитивные и негативные последствия многих реформ и революций, определить продуктивность имевшихся альтернатив сложившемуся ходу истории.

Целенаправленно абстрагированное отношение к развитию советского государства и общества даст, по мнению исследователя, возможность пересмотреть некоторые стереотипные оценки и историографические мифы. К их числу он, в частности, относит

распространенное среди многих ученых убеждение в том, что Россия может успешно заимствовать исторический опыт западно-европейских стран с его экономическим индустриализмом и идеологическим либерализмом. Отметим, что скептический взгляд самого С.А. Павлюченкова на возможность вестернизации России и, следовательно, на ее историческое положение в системе других государств мира выглядит достаточно нетривиальным для отечественной историографической традиции, хотя его черты уже можно было проследить на страницах сборника избранных трудов А.Н. Сахарова¹¹.

Оригинальными следует признать и суждения о перспективах партийно-государственного строительства и интеллектуальной жизни российского общества. С.А. Павлюченков полагает, что в современной России мог бы оказаться полезным опыт начальной деятельности большевистской партии по консолидации черт массового сознания и мобилизации созидательной деятельности граждан страны. В этом смысле примечательным выглядит следующее высказанное им наблюдение: «В области либерализма и тому подобных политических диковинок Россия всегда была вторична и здесь ее образцы не столь интересны для теории и практики. Но в опыте КПСС Россия имеет оригинальный цивилизационный феномен, предложенный ею человеческой истории, и который сохраняет универсальное мировое значение... Партия – это организация, созданная большевиками, равной которой по масштабам власти и совершенству своего устройства никогда еще не было и нет. По сравнению с ней современное государственное и политическое устройство выглядит явным регрессом, карикатурой»¹². Скептически воспринимает автор монографии и объяснительные возможности тех типов идеологического мировоззрения, которые пытается выработать современная теоретико-гуманитарная мысль вместо прочно утвердившегося в предшествующей историографической традиции позитивистского учения.

Таким образом, все проанализированные нами в настоящем обзоре труды отличаются чертами новаторства и оригинальности. Они не замкнуты в рамках конкретных событий и периодов истории, а формируют представление об общекультурном – политическом, экономическом и духовном одновременно – развитии России на протяжении всего периода от начала XIX до начала XXI в. В этом смысле, несмотря на отмеченную нами в ряде случаев логическую непрочность и экстравагантность, изданные в 2008 г. монографии Л.В. Кошман, Б.М. Фирсова и С.А. Павлюченкова могут рассматриваться как удачные и достойные пристального внимания читателей примеры изучения социальной истории в широком ее понимании.

- 1 *Кошман Л.В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008.
- 2 *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы: История, теория и практика. СПб., 2008.
- 3 *Павлюченков С.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции, 1917–1929 гг. М., 2008.
- 4 См., напр.: *Устинов В.И.* Гибель Романовых: прусский след. М., 2008.
- 5 История России XX – начала XXI века. М., 2007.
- 6 *Кошман Л.В.* Указ. соч. С. 177.
- 7 Там же. С. 207–208.
- 8 *Фирсов Б.М.* Указ. соч. С. 67–68.
- 9 Там же. С. 459.
- 10 *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 19.
- 11 *Сахаров А.Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004.
- 12 *Павлюченков С.А.* Указ. соч. С. 17.

П.П. Марченя

ИЗУЧЕНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ 1917 г.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статья посвящена проблеме изучения масс и массового сознания как одной из актуальнейших задач исторической науки. Ряд связанных с поставленной проблемой теоретических и практических вопросов анализируется на примере исследования места и роли массового сознания в российских революциях Февраля и Октября 1917 г. Предложены принципиально значимые положения авторского прочтения данной темы, опирающегося на значительный комплекс источников и литературы. Массовое сознание рассматривается как доминантный фактор политической истории России в 1917 г., вне осмысления которого невозможно постичь логику русской революции.

Ключевые слова: массовое сознание, массы, русская революция, смута, Февраль 1917, Октябрь 1917, политические партии.

Сложно подобрать словосочетание, способное по концептуальной значимости и частоте употребления в современных социальных науках конкурировать с понятием «массовое сознание». Еще сложнее выбрать тему, столь же актуальную при изучении «переходных периодов» («смутных времен», «революционных эпох», «перестроек», «распадов и возрождений») отечественной истории. Проблема их осмысления вряд ли утратит остроту в обозримом будущем нашей страны, переживающей пресловутые «переходы» с уже не удивляющим постоянством. Любой «исторический выбор пути» становится действительно историческим, когда он признается массами, получает поддержку в массовом сознании. И напротив, те политические силы, которые пытаются претворять в историю идеи и ценности, не адаптируя их к реалиям массового сознания, сами лишают себя исторического будущего.

© Марченя П.П., 2009

Поэтому в период серьезных качественных трансформаций в обществе в центре внимания всегда находится массовое сознание – и как арена борьбы идеологий за массы, и как критерий реальной жизнеспособности и эффективности исторических альтернатив.

Однако в течение долгого времени историки избегали категории «массовое сознание», воспринимавшейся ими «не своей», а скорее психологической, философской, культурологической или социологической. Лишь сравнительно недавно вопросы, связанные с изучением массового сознания, стали осознаваться отечественными историками в качестве «собственной» специальной исследовательской проблемы. Характерным показателем можно считать рост числа соответствующих диссертационных исследований именно по отечественной истории. Так, только по специальности 07.00.02 в постсоветской исторической науке непосредственно теме посвящен ряд докторских¹ и кандидатских². И это только те диссертации, где предмет недвусмысленно обозначен в заглавии (чаще в названиях исследований *массового сознания* это словосочетание отсутствует³).

Трудности, с которыми сталкиваются авторы подобных исследований, в значительной мере обусловлены теоретической сложностью интерпретации самих концептов «массы» и «массовое сознание» как в отечественной, так и в зарубежной науке. Как сформулировал в 1987 г. Б.А. Грушин, «...жесткая связь с различными концепциями “массового общества” – этими типичнейшими образчиками современных *science fictions*... – отразилась на судьбе изучения массового сознания самым пагубным образом. С одной стороны, она воздвигла перед буржуазными исследователями всех направлений непреодолимые препятствия для строго объективного анализа рассматриваемого явления, раскрытия его действительной природы, подлинных механизмов возникновения и функционирования, фактических свойств и роли в жизни общества. С другой – вокруг проблемы массового сознания оказалось нагромождено великое множество всякого “теоретического” и идеологического вздора, разного рода обывательской чепухи, оформленной в виде научных рассуждений»⁴.

В последней четверти XX в. происходил пересмотр теорий, объяснявших социальные отношения в контексте возрастания роли масс, но оценивавших этот процесс как преимущественно патологический. В современной науке доминирует тенденция рассмотрения масс как одной из естественных общностей, отличающейся специфичностью функциональных характеристик⁵. Под «массами» понимаются неструктурированные общности людей, принципиально отличные от групп, так или иначе организованных

и структурированных. Массы выступают как временные, функциональные общности, разнородные по составу, но объединенные значимостью переживаний входящих в них людей. Ситуативно возникающая общность переживаний в массе более важна, чем параметры приобщения к «классическим» группам. Массы меняют поведение входящих в нее людей, стирая индивидуальные различия и трансформируя, нивелируя всю индивидуальную психику. Утрачивая личную (личностную) ответственность за свои действия, соглашаясь стать частью целого («сливаясь с толпой», «растворяясь в массе»), взамен индивид обретает ощущение всемогущества и безответственности. Механизмами психологического влияния массы на индивида являются заражение (циркулярная реакция, эмоциональное «кружение»), подражание и внушение (суггестия). Подмечено, что «суггестия более властна над группой людей, чем над одиночкой, а также если исходит от человека, как-то олицетворяющего группу, общество и т. п., или от непосредственных словесных воздействий группы людей (возгласы толпы, хор и т. п.)»⁶. На фоне «заражения» массы суггестивное влияние на нее оказывают («движут массой», «ведут толпу») лидеры, на роль которых выдвигаются, как правило, лишь люди особого психологического склада – «вожаки».

Вожаки и массы не играют заметной роли в стабильном социуме. Они выходят на первый план, когда рушатся групповые связи и межгрупповые границы, когда общество деструктурируется, дестратифицируется, «перемешивается», переживая период своеобразного «социотрясения». Такое происходит при всевозможных социальных катаклизмах (войны, революции, перевороты, системные кризисы, поспешные крупномасштабные реформы и прочие «великие перемены»). «Массы» есть категория кризисного общества и «смутного» времени. Для анализа стабильного общества адекватны более привычные понятия социального знания (группы, страты, классы, слои). Вот почему Ленин, например, активно использовал понятие «массы» для анализа революционного периода, но применял иные категории, рассматривая стабильное (дореволюционная монархия) или стабилизирующееся (после утверждения большевиков у власти) общество. В «нормальном» обществе в сознании образующих его людей существуют относительно четкие психологические границы, возникающие в связи с принадлежностью людей к устойчивым социальным группам. Каждый знает свою «территорию», сознает «социальную межу» и редко нарушает исторически сложившиеся в социуме демаркационные линии. Однако стоит случиться масштабному потрясению («социальному взрыву»), как эти границы рушатся. Тогда люди сбиваются в спонтанно

возникающие множества, а их психика и поведение приобретают массовый – дезорганизованный, стихийный – характер.

Таким образом, *массы* суть носители особого *сознания*. Именно в наличии специфического, коллективного, самопорождающегося, неорганизованного и плохо структурированного – *массового* – сознания и заключается главное отличие масс от классически выделяемых социальных групп. Массовое сознание признают обыденной разновидностью (ситуативно активизирующейся ипостасью) общественного сознания, наиболее реальной и конкретной формой его практического существования, психически объединяющей представителей разных групп общими переживаниями. Такие переживания возникают при особых обстоятельствах и значимы настолько, что приобретают надгрупповой характер. Следовательно, массовое сознание определяется как совпадение (совмещение или пересечение) наиболее значимых компонентов сознания большого числа разнообразных «классических» групп общества, однако вовсе не сводится к ним. Это – новое качество, возникающее из совпадения (и, как правило, обострения, социальной гипертрофии) отдельных фрагментов психологии деструктурированных групп.

Массовое сознание отличает: 1) общесоциальная, а не только групповая типичность всех образующих его компонентов; 2) их общесоциальное признание, санкционированность той или иной массовой общностью. Поэтому массовое сознание представляет надиндивидуальное и надгрупповое по содержанию, однако индивидуальное по форме функционирования сознание. Хотя оно формально и реализуется в массе индивидуальных сознаний, но по смыслу не совпадает с каждым из них в отдельности. Причем для его зарождения и функционирования не обязательно наличие совместной деятельности членов общности, что традиционно принято считать непременным условием появления классических вариантов группового сознания.

Действенным проявлением массового сознания является *массовое поведение*, однако не всякое, а в основном стихийное – неорганизованное, но одинаковое и относительно необычное внегрупповое поведение значительных общностей, ситуативное и временное, связанное с исключительными обстоятельствами. Хрестоматийными примерами стихийного массового поведения являются агрессия или паника в периоды войн и бунтов. Массовое поведение зависит от того, какой из двух уровней (эмоционально-действенный или рациональный) возобладает в массовом сознании. В зависимости от этого оно будет более или менее стихийным или поддающимся управлению. Поведение масс зависит и от эффективности (объема и качества) внешнего воздействия, оказываемого

на массовое сознание. В принципе до определенных моментов сознание масс (и, соответственно, массовое поведение) податливо решительному внешнему воздействию. Развитие массового сознания зависит от масштаба охвата людей общими психическими состояниями, определяемыми социально-политическими и социокультурными причинами. Созревая первоначально в рамках традиционно выделяемых групп, отдельные компоненты массового сознания распространяются подобно эпидемии, «заражая» представителей иных групп и слоев общества, тем самым увеличивая массу, причем иногда в геометрической прогрессии, лавинообразно.

Основные свойства и характеристики массового сознания описаны давно и детально. Оно конкретно, эмоционально, заразительно, мозаично, подвижно и изменчиво, неоднородно и аморфно. Д.В. Ольшанский назвал массовое сознание своего рода внеструктурным «архипелагом» в социально-групповой структуре общественного сознания, имея в виду, что образование это не устойчивое, а как бы «плавающее» в составе более широкого целого. Сегодня этот архипелаг может включать одни острова, но уже завтра – совсем другие⁷. В качестве ведущих макроформ массового сознания выделяют общественное мнение и массовые настроения (не сводимые к традиционно фигурировавшему в советском общественном сознании «общественному настроению»⁸), которые сплачивают массу и опредмечиваются в массовых действиях (вначале иницилируя, а затем и регулируя социально-политическое поведение).

Итак, термин «массовое сознание» (так же как и «массы») используется в современной литературе, в зависимости от контекста, в различных значениях. Обобщая, выделим важнейшие его трактовки: 1) антипод элитарного сознания; 2) антипод специализированного сознания; 3) форма дотеоретического миропонимания, основанная на сходном жизненном опыте людей, включенных в однотипные структуры практической деятельности и занимающих одинаковое место в социальной иерархии; 4) шаблонное, деперсонализированное сознание рядовых граждан развитого индустриального общества, формирующееся под массивным воздействием СМИ и стереотипов массовой культуры; 5) своеобразное «подсознание» общества, аккумулирующее обширный пласт неявных мировоззренческих моделей и сценариев поведения различного происхождения и направленности; 6) сознание, ситуативно (стихийно) производное от общественного сознания (наиболее реальная и конкретная форма его практического существования), психически объединяющее представителей различных классических групп в неклассическую общность, особый субъект социального действия – массу.

Несмотря на полисемантическую и междисциплинарность понятия «массовое сознание», изучение реалий, лежащих в его действительной основе (в том числе и сугубо в исторической форме), является одной из наиболее востребованных задач современной науки.

В целом, характеризуя историографию темы, нельзя не отметить, что в отличие от западных социальных наук наше «доперестроечное» официальное общественное сознание вообще недолюбливало термины «массы» и «массовое сознание». Даже в дореволюционную эпоху оно остерегалось реальных масс и, соответственно, не приветствовало научных размышлений о них. Хотя в период революционных событий начала XX в. и особенно на время их кульминации в 1917 г. «масса» как лексическая единица становится одной из самых популярных в публицистике и политике России. Значительное место принадлежало этому слову и его различным производным в терминологии вождя и основателя советского государства и его соратников. Но, приведя теоретиков и практиков классового подхода к власти, массы вскоре перестали для них существовать – как на практике, так и в теории. Господство *класса* и *классового сознания* привело к фактической «отмене» *масс* и *массового сознания*. Сформировавшаяся на базе классовой идеологии советская общественная наука стала избегать употребления этих понятий. До упомянутого труда Грушина в отечественной литературе нельзя было найти внятных дефиниций «масс» и «массового сознания». По признанию Грушина, «в российской науке на протяжении десятилетий исследования массового сознания сдерживались из-за полной несовместимости этой проблематики с господствующими в обществе идеологическими установками»⁹.

В связи с «перестроечными» изменениями в социалистическом социуме и пересмотром достижений западного общественного сознания времен холодной войны отечественное социально-научное сообщество оказалось перед необходимостью пересмотра отношения к массовому сознанию и как объекту политических манипуляций и научных исследований, и как субъекту исторических преобразований и их общественной оценки. Неудивительно, что быстрее всех откликнулись на новый социальный заказ философы¹⁰. Но уже вскоре, в бесплодных спорах о прошлом и будущем разваливавшейся советской империи, теоретики вынуждены были признать: «Да, сталинизм – это структура, структура бытия какого-то *массового сознания*. Какого же именно? Это вопрос вопросов. Это проблема сугубо современная, актуальнее которой нет, но *решить которую можно только в исторической форме*»¹¹ (Здесь и далее курсив наш. – П. М.).

Злободневность темы на рубеже XX–XXI вв. обусловила появление комплекса отечественной научной литературы, посвященной массовому сознанию: монографических исследований¹², коллективных трудов и сборников¹³, специальных учебных пособий¹⁴, обзоров¹⁵ и т. д. Если публицисты, социологи и политологи использовали концепты масс и массового сознания как универсальный инструмент для анализа и корректировки новых социально-политических реалий постсоветского общества¹⁶, то историки обращали внимание на эту проблему в различных научно-исторических контекстах (этнополитическом¹⁷, социокультурном¹⁸, историографическом¹⁹, методологическом²⁰, конкретно-историческом²¹, наглядно-иллюстративном²², источниковедческом²³, правосознательном²⁴ и т. д.).

Массовое сознание в первую очередь отражает исторические реалии кризисов общества. Известно, что российская история богата на подобные события – возможно, как никакая другая. Но даже на отечественном – перенасыщенном социальными катаклизмами – фоне в качестве особо важного для исторического изучения выделяется период двух революций 1917 г. Массы и массовое сознание этого времени отразили резонанс грандиозных «социопотрясений», когда воедино слились модернизация традиционного общества, кризис Православия, мировая война, гибель монархии, экономическая разруха, тотальная ценностная дезориентация в результате потери «почвы». Восемь месяцев от Февраля к Октябрю сконцентрировали эпохальные исторические пласты: обвал самодержавной системы, попытка установления ранее невиданной в России демократии, крах этой попытки, выразившийся в анархии и охлократии, попытке путча «справа» и установлении диктатуры «слева».

В этот уникальный период массовое сознание оказалось подлинной доминантой глобальных политических событий в России и повлияло на судьбы всего мира. По мнению некоторых свидетелей и исследователей революции, в результате триумфа массового сознания «не Ленин и Троцкий пришли к власти, а сама *масса*, душа которой всегда полнилась анархическими инстинктами»²⁵, ибо действительной силой истории были отнюдь не классы, а массы – и «захват этими “массами” в октябре 1917 года власти и знаменует собою подлинную Революцию»²⁶.

Поэтому в центре внимания настоящей статьи находится не «массовое сознание» вообще, но его значение, роль и место в истории революционной эпохи февраля–октября 1917 г. как специальный предмет конкретно-исторического познания русской революции.

На закате СССР уже наблюдался некоторый всплеск исторического интереса к участию масс в революции, вылившийся в появление редких монографий²⁷ и множества статей²⁸. Провозглашение «демократизации» и «гласности» сделало возможным опубликование отдельных работ западных историков в советской печати²⁹. После анонимного огульного отрицания «псевдонаучных исследований» зарубежных историков вышла серия работ по критическому осмыслению «буржуазной историографии Октября», давших возможность отечественным историкам хотя бы так ознакомиться с соответствующими концепциями и составить собственное мнение по их поводу³⁰. В 1988 г. Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» под руководством П.В. Волобуева провел «круглый стол» историков Октября, где приняли участие Г.Э. Иоффе, Ю.И. Кораблев, В.И. Старцев и другие маститые советские историки. В докладе В.П. Булдакова было подчеркнуто не потерявшее актуальности положение о том, что «развитие революционного сознания масс... заслуживает первостепенного изучения. *Таким образом, без изучения массового сознания революционного народа нельзя ни восстановить глубинную суть событий Октября, ни преодолеть связанный с осмыслением их последствий современный кризис исторического сознания*». В принятой «Комплексной программе» в качестве принципиально значимых направлений исследований были сформулированы, в частности, следующие: *«Революционное сознание и социальная психология народных масс. Социальное творчество масс и роль их собственного политического опыта. Соотношение сознательности и стихийности в движении масс»*³¹.

На сегодняшний день Булдаков заслуженно считается самым крупным специалистом по изучению массового сознания в революции, по психологии (или «психопатологии») «красной смуты»³². По его мнению, недостаточность внимания историков революции к массовому сознанию ее участников привела к тому, что «революционный процесс “обезлюдел” – в смысле не только отсутствия в нем человеческих особей определенного возраста и пола, но и обжитой ими культурной среды». Указывает он и на типичные трудности: «Представляется, что при анализе массового сознания в условиях кризиса Российской империи историк оказывается лишен права выбора: описание патерналистской системы вообще немислимо без анализа “движений души” (вплоть до истерик и психозов) ее подданных. Но как связать свидетельства “маленького человека” с психоментальными изменениями в жизни народов и глобальными их последствиями? Трудно надеяться, с другой стороны, что читатель предпочтет знакомой “истории без людей”

(но с “королями”) заземленную, пусть достоверную, историю “себе подобных”. К тому же впечатляющий “голос революции” в лице всевозможных декретов и резолюций, на который привыкли реагировать историки, как всегда, заглушает невнятный, но мощный “глас народа”, складывающийся из надежд и наветов, подобострастия и бунтарства. Историки в большинстве своем не научились различать многомерности уже известной источниковой базы, не говоря о введении в оборот гигантских пластов документов не политического происхождения, на которые долгое время вообще не обращалось внимания»³³.

Исследованиям масс в революции 1917 г. способствовало проведение ряда представительных научных конференций, издание результатов которых, в свою очередь, стимулировало дальнейший интерес к теме³⁴. Многие публикации современных зарубежных и российских историков о «массах» имеют прямое отношение к поставленной в настоящей статье задаче³⁵. И все же в отечественной историографии истории 1917 г. работ, которые *специально* и *непосредственно* посвящены *массовому сознанию*³⁶, пока не так много, как заслуживает этого сама тема. Хотя в данном случае дело существенно осложняется неоднозначностью терминологии: зачастую вместо понятия «сознание» в том же самом значении используются иные понятия³⁷. По вопросу о степени изученности темы в программной статье В.И. Миллера «Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны» утверждалось: «Тема, обозначенная в названии статьи, насколько я знаю, до сего времени не становилась предметом специального исследования³⁸. На протяжении десятилетий, если речь шла о периоде революции и гражданской войны, обычно писали о важнейших событиях этого времени, об их экономических и политических предпосылках и причинах, о влиянии этих событий на жизнь общества, на его экономику, на характер и способы функционирования государственных и партийных учреждений. Вместе с тем обычно обходилась тот факт, что между объективно существовавшими классовыми и групповыми интересами и действиями соответствующих классов и групп лежал (и поныне лежит) “промежуточный компонент” – сознание этих общностей, достаточно сложное по своему составу»³⁹.

Так или иначе, феномен массового сознания в 1917 г. нельзя отнести к числу исчерпавших себя тем. Более того, эту проблему можно считать ключевой для научного осмысления русской революции. Выделим некоторые принципиально значимые положения современного исторического прочтения данной темы⁴⁰.

Масса в условиях безвластия официальных структур в 1917 г. ситуативно все чаще стала выполнять функции фактического

органа власти, прибегая к традиционно свойственным ей методам массового насилия, что привело к стремительному росту погромного движения. История продемонстрировала, как опасно бывает игнорирование «коллективного бессознательного» со стороны «рациональной политики». Как подметил Дж. Рид, «в отношениях между слабым правительством и бунтарски настроенным народом наступает момент, когда каждый акт власти доводит массы до отчаяния, а каждый отказ со стороны власти действовать вызывает презрение по ее адресу»⁴¹. «Элиты» недооценили «массы», и это стало их роковой ошибкой. В сознании масс, разочарованных беспомощностью «демократии» в решении всех важнейших вопросов, развращенных бесправием, утвердившимся по всей стране на фоне «риторического половодья» властей и партийных функционеров, стали безоговорочно доминировать экстремистские настроения. И настроениям этим соответствовали радикальные лозунги большевиков, призывавших к решению всех жгучих вопросов немедленно и насильственно, что находило живейший отклик в психологии уличной толпы. В отличие от аморфных и болтливых соперников, ленинцы не боялись насилия и всячески стремились придать ему *массовый* характер. Сам Ленин откровенно признавал: «Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие *массы* и обеспечивали бы это участие»⁴².

Погромы, охватившие в результате всю «демократическую» Россию и превратившиеся в один «всероссийский погром», самым причудливым образом перемешали прежние социальные группы в «массы». В аналитических обзорах МВД Временного правительства отмечалось, что сами массы начинают уставать от безвластия. Обозначается явная тенденция к сливанию в одну распаленную массу и крестьян, и солдат, и рабочих – *массовое* сознание для этих важнейших групп населения на практике оказалось более значимо, чем «*классовое*»⁴³.

Ни кадеты, ни эсеры, ни меньшевики не сумели согласовать политическое поведение с вырвавшейся на улицы стихией масс. Откладывая меры по решению неотложных проблем, занимавших важнейшее место в сознании большинства, они отдали инициативу большевикам, которые стремились еще более «раскачать» носителей бунтарских настроений. Ленинцы превратили сферу массового сознания в полигон для решающей схватки за власть, а массы – в орудие, способное взломать внешне легитимные структуры. Как пояснял сам Ленин, «победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил... умелом исполь-

зовании... всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе *массового* союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и научном, современном, социализме вообще»⁴⁴. Как отмечают современные историки, «большевизм явился не просто национальной стилизацией марксизма, он был в подлинном смысле слова русским, национальным марксизмом – *не в области интеллектуальной доктрины, но в содержании своего обращенного к автохтонным массам призыва*»⁴⁵.

Анализ динамики массового сознания от Февраля к Октябрю доказывает, что недостаточное внимание к массам со стороны элит спровоцировало органическую реакцию отторжения, в ходе которой консолидирующим началом стал массовый негативизм. Историческая преемственность насильственно, но закономерно была восстановлена традиционализмом, мобилизовавшим массы посредством псевдомодернизированных, но по сути архетипических символов. Не имея опоры в массовом сознании, российская «демократия» осталась партийно-правительственным мифом, идеологической химерой, правовой фикцией – и была сметена стихией масс, инструментализированной большевизмом.

Многие негативные факты жизни российского общества в конце XX – начале XXI в. свидетельствуют, что урок истории начала XX в. Россией в полной мере не усвоен. В этом контексте можно констатировать, что изучение роли масс и массового сознания в революции 1917 г. остается исключительно значимой проблемой российской исторической науки.

Примечания

- ¹ *Козлов Н.Д.* Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996; *Баранова Н.Б.* Власть и воздействие на массовое сознание в тридцатые годы XX века. М., 1997; *Лобачева Г.В.* Монархическая идея в массовом сознании россиян, 1881–1917 годы. Саратов, 1999; *Трифанков Ю.Т.* Формирование массового сознания рабочих Центрального промышленного района России, вторая половина XIX – начало XX в. М., 1999; *Чертищев А.В.* Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны. М., 2007.
- ² *Чертищев А.В.* Деятельность социалистических партий по формированию и развитию массового политического сознания в действующей армии России в годы первой мировой войны. М., 1996; *Бердиев З.П.* Формирование массового сознания советского народа в предвоенные годы, 1936 – июнь 1941 г. Кара-

чаевск, 2000; *Володина Н.А.* Идеологема коллективизма и ее внедрение в массовое сознание в 1930-е гг. Пенза, 2002; *Ломовцев А.И.* Средства массовой информации и их воздействие на массовое сознание в годы Великой Отечественной войны. Пенза, 2002; *Лончинская Л.Я.* Массовое сознание населения уральских областей в годы Великой Отечественной войны: Исторический аспект. Челябинск, 2002; *Мусорина О.А.* Язык как способ воздействия властей на массовое сознание в 1920–30-е гг. Пенза, 2004; *Червякова А.А.* Власовское движение и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны. Ростов-н/Д, 2004; *Могило О.Г.* Деятельность властей по воздействию на массовое сознание в послевоенные годы: 1945–1953. Пенза, 2005; *Никитина М.Э.* Идеологемы врага и героя и их внедрение в массовое сознание в годы Великой Отечественной войны. Пенза, 2005; *Пахомов С.А.* Социокультурный портрет предпринимателя периода нэпа и его отражение в пропаганде и массовом сознании. М., 2005; *Шеглов Ю.Н.* Власть и формирование массового сознания на региональном уровне в середине 1960-х – начале 1980-х гг. Пенза, 2005; *Алешина Е.Ю.* Язык в системе воздействия властей на массовое сознание во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. Пенза, 2006; *Шагинян В.В.* Политическая идеология партии большевиков в массовом сознании населения Европейской части России в 1921–1929 гг. М., 2006; *Шагушина А.В.* Массовое сознание российского провинциального пролетариата на рубеже XIX–XX вв. Владимир, 2006.

- ³ Напр., докторские: *Магомедов Р.Р.* Идеи мировой революции во внутренней политике советского руководства и в общественном сознании россиян, 1917–1925 гг. Оренбург, 2000; *Лившин А.Я.* Общественные настроения в Советской России, 1917–1929 гг. М., 2004; *Комаров Д.Е.* Великая Отечественная война: боевые действия, власть, народные массы. М., 2007; кандидатские: *Гурьев А.И.* Система идеологического воздействия на массы в первые годы НЭПА. СПб., 1993; *Ямщиков С.В.* Армейские массы в 1917 г. Тверь, 1995; *Гречухин П.Б.* Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934–1941 гг. Саратов, 1997; *Кузнецов Б.В.* События смутного времени в массовых представлениях современников: «Видения» и «Знаменья», их значение в этот период. М., 1997; *Стушняя И.В.* Трансформация общественного сознания в России в феврале–октябре 1917. Ростов-н/Д, 1998; *Журавлева М.Д.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой мировой войны: Общественное сознание и социальное поведение. Саранск, 2001; *Никифоров А.Л.* Феномен вождя в официальной пропаганде и обыденном сознании в 1945–1956 годах. СПб., 2002; *Казанцев А.А.* Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны. Пенза, 2005; *Стругов Г.А.* Государственно-правовое и идеологическое воздействие государственной системы на сознание народа в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005; *Оборский Е.Ю.* Эволюция общественного сознания на Кубани и Ставрополье в 1917 году. Ставрополь, 2006; *Потапова А.В.* Эволюция общественного сознания крестьян Центрального Черноземья в повседневных условиях новой

- экономической политики. Курск, 2006; *Бойкова Т.Ю.* Общественное сознание ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток. СПб., 2007.
- 4 *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 12.
  - 5 Здесь и далее при анализе понятия «массовое сознание» используется: *Ольшанский Д.* Политическая психология. СПб., 2002; *Он же.* Психология масс. СПб., 2001; *Он же.* Политико-психологический словарь. М., 2002.
  - 6 *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971. С. 12.
  - 7 *Ольшанский Д.В.* Психология масс. С. 29.
  - 8 См.: *Ольшанский Д.В.* Массовые настроения переходного времени // Вопросы философии. 1992. № 4. Ср.: *Парыгин Б.Д.* Социальное настроение как объект исторической науки // История и психология. М., 1971.
  - 9 См.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 604.
  - 10 См., напр.: *Хачатурян А.Б.* Философский анализ массового сознания – условие духовного обеспечения перестройки // Вопросы философии. 1987. № 9. (Отдельные работы были и ранее: *Гуревич П.С.* Буржуазная идеология и массовое сознание. М., 1980; *Соотла Г.А.* Основные тенденции развития массового (стихийного) сознания пролетариата при капитализме. М., 1982; *Диллигенский Г.Г.* Марксизм и проблемы массового сознания // Вопросы философии. 1983. № 11; *Догалаков А.Г.* Массовое сознание: понятие, структура, функции // Актуальные проблемы философской и правовой науки. Алма-Ата, 1984; *Уледов А.К.* Общественная психология и идеология. М., 1985.)
  - 11 *Соловьев Э.Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинт-эссенция. М., 1990. С. 163.
  - 12 См.: *Сергиенко П.А.* Массовое политическое сознание: Проблемы формирования и развития. Киев, 1991; *Спивак Д.Л.* Измененные состояния массового сознания. СПб., 1996; *Туманов С.В.* Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение. М., 2000; *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. М., 2001.
  - 13 См.: Социальный идеал и массовое сознание: историко-культурное исследование. М., 1992; Структура общества и массовое сознание. М., 1994; Политико-психологические проблемы исследования массового сознания. М., 2002; Массовая коммуникация и массовое сознание. М., 2002; Массовое сознание и массовая культура в России: история и современность. М., 2004.
  - 14 См., напр.: *Крокшинская О.К.* Гражданское общество и массовое сознание: несколько социологических фактов. СПб., 2000; Психология массового сознания. М., 2005.
  - 15 См., напр.: История социалистических идей и стереотипы массового сознания. М., 1990.
  - 16 См., напр.: *Киселев К.В.* Элиты и массы в политическом процессе // Социокультурные проблемы политической власти в России. Екатеринбург, 1993;

- Бойков В.Э., Ожиганов Э.Н. Россия перед парламентскими выборами: ценности массового сознания и политическая дифференциация избирателей // Социология власти. 1999. № 2/3.
- 17 См., напр.: Буховец О.Г. Союз РБ–РФ: Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией. М., 2003.
- 18 Орлов И.Б. Образ нэпмана в массовом сознании 20-х гг. // Новый исторический вестник. 2002. № 6.
- 19 См., напр.: Блуменау С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Брянск, 1995; Буховец О.Г. Проблемы массового сознания в революции 1905/07 гг. и парадоксы историографии // Методологические проблемы исторической науки. Минск, 1993.
- 20 См., напр.: Трифанков Ю.Т. Массовое сознание рабочих от зарождения до 1917 г. в курсе истории России. Брянск, 2000.
- 21 См., напр.: Поляков Ю. Почему мы победили?: О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11.
- 22 См., напр.: Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2.
- 23 См., напр.: Знаменский О.Н. Дневниковые записи современников о массовом движении и социально-психологической атмосфере в дни Февральской революции в Петрограде // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны. Л., 1987; Поршинева О.С., Поршинев С.В. К характеристике менталитета народных масс России: Революция 1917 г. в фокусе массового сознания // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века. Чебоксары, 1999.
- 24 См., напр.: Марченя П.П. Держава и право в русском сознании // Философия хозяйства. 2006. № 1.
- 25 Цит. по: Германия и русская революция, 1917–1924. М., 2004. С. 87.
- 26 Лукьянов С.С. Революция и власть // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 279.
- 27 См., напр.: Борьба за массы в трех революциях в России. М., 1981; Беляева Г.Ф. Народные массы и личность как объективная сила и субъекты исторического процесса. М., 1985.
- 28 Бугаев Е.И. Ленин, партия, массы // Коммунист Украины. 1984. № 4; Метельков П.Ф. В.И. Ленин и борьба партии за массы в период подготовки социалистической революции // Ученые записки кафедр общественных наук вузов Ленинграда. Вып. 25. Л., 1986; Соколов Р.Н. Рабочий класс, его революционный авангард и массы // Вопросы истории КПСС. 1984. № 11; Баркова Р.С. Партия и массы: диалектика взаимоотношений // Вопросы истории КПСС. 1987. № 3; Бабаева Н.П. Борьба за массы в трех российских революциях // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9; Шитилов Л.А. Октябрь: борьба большевиков за массы и демократизацию страны // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8.
- 29 См., напр.: Рабинович А. Большевики и массы в Октябрьской революции // Вопросы истории. 1988. № 5.

- 30 Булдаков В.П., Скворцова А.Ю. Пролетарские массы и Октябрьская революция: (Анализ современной западной историографии) // История СССР. 1987. № 5; Канищева Н.И. Большевики и массы в Октябре. Трансформация версий западногерманской буржуазной историографии // Вопросы истории КПСС. 1987. № 9; Кувшинов В.А., Луговская Е.П. Большевистская партия и массы в Октябре: критический анализ буржуазной историографии // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11; Скворцова А.Ю. Пролетарские массы и партия большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции // Современная буржуазная историография советского общества. М., 1988.
- 31 См.: Россия 1917 год: выбор исторического пути. М., 1989. С. 124, 276.
- 32 См.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- 33 Булдаков В.П. Октябрь и XX век: теории и источники // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 19, 20.
- 34 См., напр.: Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994; Революция и человек: Социально-психологический аспект. М., 1996.
- 35 См., напр.: Файджес О. Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 гг. // Анатомия революции...; Цейтлин Р.С., Кургаева Ж.Ю. Социальный подход к проблеме политико-партийной дифференциации масс в 1917 г. // Революция и человек...; Шелохаев В.В. Либералы и массы в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1996. № 7; Шагинян В.В. Идеология большевизма и массовое сознание // Культурная жизнь юга России. 2006. № 4.
- 36 См.: Абросимова Т.А. Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. // Анатомия революции...; Миллер В.И. Массовое сознание революционной эпохи и психология гражданской войны // Осторожно, история! М., 1997; Леонов С.В. «Разруха в головах»: К характеристике российского массового сознания в революционную эпоху // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003.
- 37 См., напр.: Менталитет и политическое развитие России. М., 1996; Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны. Екатеринбург, 2000. Об опасности тавтологии в связи с этим давно предупреждали некоторые западные авторы (см.: Fitzpatrick S. New Perspectives on the Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War. Bloomington (Ind.), 1989. P. 11–12). На это же обращал внимание В.П. Булдаков (Красная смута. С. 323, 333).
- 38 Это не совсем так. См., напр.: Емельянова И.А. Революционное правосознание и правотворчество народных масс в период от Февраля к Октябрю 1917 года. Казань, 1967; Тепляшина Е.И. Большевики и формирование революционного сознания масс в канун Октября // Исторический опыт формирования нового политического мышления и современность. М., 1989.

- 39 *Миллер В.И.* Указ. соч. С. 136.
- 40 *Марченя П.П.* Массы и партии в 1917 году: Массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2 (18).
- 41 *Рид Дж.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1987. С. 81.
- 42 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 386.
- 43 ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 401. Л. 47, 52, 151–153.
- 44 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 55.
- 45 *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 51.

В.А. Поляков

ГОЛОД ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг. В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается историография голода первой половины 1920-х годов в России с эпицентром в Поволжье. Анализируются ключевые работы советских историков, заложивших и развивших традицию освещения и интерпретации этого трагического события, затем еще дважды повторившегося в истории советского государства.

Ключевые слова: историография, методология, деревня, крестьяне, засуха, продовольственный налог, голод.

Проблема голода в российской истории XX в. ввиду мероприятий, инициируемых в последнее время президентом Украины, приобрела особую актуальность не только в научном сообществе, но стала широко обсуждаемой в средствах массовой информации. «Попытка Ющенко представить голод 1932–1933 гг. как “голодомор” украинцев со стороны “москалей”»¹ требует строгой научности и объективности в оценке этой народной трагедии. Ведь в истории СССР массовый голод был трижды, но до сих не названы виновные, нет и памятников многомиллионным жертвам. Ибо советская историография трехкратную трагедию голода замалчивала. Вариантов было два. Первый реализовался запретом на информацию о голоде в первой половине 1930-х и второй половине 1940-х годов, что сохранялось вплоть до начала 1990-х². Вторым вариантом относился к первому голодному мору, начавшемуся вслед за большевистским переворотом и продолжавшему до середины 1920-х годов. В этом случае факт голода не скрывался, зато фальшью стала интерпретация всего, что его обусловило, сопровождало и стало его последствиями.

© Поляков В.А., 2009

Уже во время голода широким народным массам в немалых тиражах стали навязываться взгляды партии большевиков. Ее «видные деятели» и положили начало советской историографической традиции рядом небольших, пропагандистского толка брошюр, содержащих речи, выступления, доклады и беседы. Они были далеки от науки и сводили причины голода к деятельности царского и Временного правительств, к «проискам международного империализма», к отсутствию дождей и иным домыслам ради сокрытия своей вины.

Одним из первых с таким «починном», но с повторами из речи Л.Д. Троцкого³, выступил Е. Ярославский, который на им самим поставленный вопрос «Почему у нас в России голод?» дал следующий ответ: «Веками в России правили цари, их слуги, бояре, помещики, а потом народились капиталисты, банкиры, фабриканты и заводчики. Царь со всем своим штатом, со всеми приближенными был ставленником этих господ, творил их волю. Сам “помазанник божий” был в то же самое время и всероссийским кабатчиком, который полмиллиарда пудов хлеба сжигал в винокуренных заводах только для того, чтобы дурманить народ, лишить его воли, принизить его ум, не дать ему возможности развиваться, и выколачивал у него добро его за водку, за спирт. Капиталист, маклак, торговец хлебом, помещик скупал миллионы пудов хлеба и отправлял их за границу, отправлял их не голодным, не раздавал тем, кто нуждается, а отправлял, чтобы нажить капитал, чтобы пировать...»⁴

Из двух брошюр В. Антонова-Овсеенко первая обращает на себя внимание уже потому, что автор приводит хотя бы отдельные данные о численности голодающих и смертности населения в отдельных местностях Поволжья⁵.

А вот вторая, содержащая его выступление перед представителями голодающих губерний в июле 1922 г., однотипна с брошюрой Е. Ярославского. Причиной голода в ней называется «мировой капитал – взрастивший для нас жестокую беду», который якобы «подорвал наши силы, изнурил наше хозяйство. Своего верного союзника – голод вызвал он против нас». Но тут же, в противоречие с этими заявлениями, в подзаголовке «Помощь буржуазной заграницы» он признает: «Конечно, нам много помогли и заграничные буржуазные организации... К первому июня одних советских столовых было открыто в голодных губерниях свыше 7 000, а столовых заграничных организаций до 9 500»⁶.

Историк-марксист М.Н. Покровский в статье «Советская глава нашей истории» заострил внимание на «социальных причинах»: «Мы по старой привычке все больше считаемся со стихийными, природными силами, и, конечно, считаться с ними нужно,

но забывать социальные причины отнюдь не следует. Засуха, конечно, засухой, но без помощи Колчака, Деникина и Врангеля до каннибализма засухе все же довести дело не удалось бы»⁷. Так главными виновниками голода были «назначены» ненавистные большевикам белые генералы. Хотя тому, кто имел желание вдуматься в «социальные причины», должно было стать очевидным: главной-то как раз был военный коммунизм.

«Краткий курс истории ВКП(б)» правду о том страшном бедствии скрыл за двумя фразами, сводящими его главную причину к «неурожаю» как природному катаклизму, с которым партия большевиков якобы успешно справилась по решению своего XI съезда⁸.

В 1963 г., во время хрущевской «оттепели», В.П. Данилов, опираясь на материалы переписи 1926 г., число погибших в период первого голода 1921–1922 гг. уточнил в сторону увеличения до 5 200 тыс.⁹ Пятью годами позже он же, будучи руководителем группы по истории советского крестьянства Института истории АН СССР, эти данные повторил вновь¹⁰. Но это уточнение осталось всего лишь единичным исключением в советской историографии, которая продолжала следовать «Краткому курсу истории ВКП(б)».

В 1975 г. увидела свет 120-страничная книжка Ю.А. Полякова «1921-й: победа над голодом»¹¹. Несмотря на небольшой объем, по своему названию и структуре она была заявкой на всестороннее исследование общенародной трагедии в условиях, когда, как заявил автор в своей более ранней книге о переходе к нэпу, «Коммунистическая партия отбросила прочь вериги культа личности, препятствовавшие развитию исторической науки»¹².

Однако с первой главы Ю.А. Поляков, возложив ответственность за трагедию на «мировой империализм», ни на йоту не отошел от старой большевистской трактовки. А во второй главе уже самим названием «Засуха, неурожай, голод» выстроил причинно-следственную цепочку, где исходным и основным звеном стал природный катаклизм. Но, навязывая этот довод читателям путем ссылок на устрашающие майские метеосводки из газеты «Правда», автор проигнорировал ленинский прогноз, что «урожай в этом году, по-видимому, во многих местах будет сносный»¹³, сделанный им на X конференции РКП(б) 27 мая 1921 г. Еще убедительнее слов вождя звучит июльское интервью заместителя наркома земледелия И.А. Теодоровича, заявившего сотруднику РОСТА: «Значительно лучше обстоит дело с яровыми благодаря последним выпавшим дождям. Состояние картофеля во всей республике хорошее»¹⁴. Хотя, конечно, куда более важны данные метеорологических наблюдений, свидетельствовавшие, что средние показатели температуры весны

и лета 1921 г. были ниже 1920-го, который уступил 1921-му и по количеству выпавших осадков¹⁵. Выпадение дождей подтверждалось и сообщениями с мест в партийно-советские инстанции¹⁶.

Уделив значительное место подсчетам численности голодавшего населения и образной фразой сказав о десятках и сотнях тысяч человек, «вычеркнутых голодом и эпидемиями из списков живых», общее количество погибших Ю.А. Поляков свел к значительно усеченной цифре – «около 1 миллиона крестьян». Общий же вывод, если его сравнивать с книгой о переходе к нэпу, изменений не претерпел: «Вопрос о причинах неурожая и голода в 1921–1922 годах был раскрыт в выступлениях В.И. Ленина, в партийных и государственных документах»¹⁷.

Особого внимания заслуживают главы «Серп и молот побеждают голод» и «Десять сытых кормят одного голодного». В них – пафосное описание заботливости партии большевиков о голодающих народных массах. И лозунг, вынесенный в заглавие шестой главы, действительно партией выдвигался. Только произошло это впервые не 4 ноября 1921 г., как утверждает Ю.А. Поляков, а еще зимой 1921 г. Такое «перемещение во времени», видимо, понадобилось автору для того, чтобы с мнимой засухой увязать голод, который в действительности стал охватывать страну задолго до лета 1921 г.

Еще в середине февраля ЦК РКП(б) направил партийным организациям всех уровней циркуляр за подписями секретаря ЦК В.М. Молотова и заместителя заведующего Агитационно-пропагандистским отделом Я. Яковлева. В нем говорилось: «Голод на Волге усиливается. Голодает до 13 млн человек, десятая часть всего населения Республики. До настоящего времени помощь еще мала или случайна, в ней еще преобладают формы частной благотворительности, продуктовая помощь значительно уступает денежной». Далее, в прямой связи с подготовкой к «великой посевной» и грядущим переходом от продразверстки к натуральному налогу, заявлялось: «В настоящий момент в связи с окончанием в марте подготовительных работ к сельскохозяйственной кампании – ЦК выдвигает задачу борьбы с голодом как боевую массовую политическую и деловую кампанию. В ней должны принять участие все без исключения члены партии, причем ответственность за ход кампании возлагается целиком на Облбюро, Губкомы и Укомы». Вслед за этим разъяснялось, что «помощь голодающим только тогда даст необходимые результаты, когда она превратится в постоянную, систематическую революционную деловую работу». И предлагались следующие мероприятия: «Основной лозунг, данный партией: “Десять обеспеченных кормят одного голодного”, должен быть осуществлен во что бы то ни стало. Перед партией

стоит задача добиться того, чтобы рабочий отчислял добровольно 3 фунта в месяц; чтобы каждые 30 рабочих и служащих усыновили одного ребенка; каждый крестьянин должен дать голодному не меньше 3 фунтов хлеба в месяц; каждые 10 дворов должны принять на свое содержание 1 ребенка». Завершался циркуляр по партийному стандартно – объявлением даты начала кампании с 15 марта через «фундаментальную проверку помощи» и началом «двухнедельника», выявляющего «все недостатки»¹⁸.

Ю.А. Поляков, акцентируя внимание на деятельности с «18 июля 1921 г. Центральной комиссии помощи голодающим (ЦК Помгол)» во главе с М.И. Калининым, не углубляется в историю «Комиссии ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая в Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской и Царицынской губерниях», которая опять же под руководством М.И. Калинина существовала с 17 февраля по 23 июня 1921 г. Между тем неудача ее деятельности показательна: она стала результатом чисто декларативной формы помощи в виде заявления об уменьшении размеров продовольственной разверстки для централизованного фонда Наркомата продовольствия в тех районах, какие получали статус голодающих, что реально не вело к улучшению положения населения, уже ничего не имевшего.

В главе «Собрать продналог!» зримо проявляется противоречие авторских построений. С одной стороны, «засуха, неурожай, голод» (казалось бы, и брать у крестьян нечего). С другой же – утверждение: «Однако в целом сбор налога прошел значительно успешней, чем сбор разверстки в предыдущие годы, подтвердил правильность ленинской линии перехода к нэпу, политики Советской власти». Объяснение такой противоречивости лежит на поверхности: это действительно была именно «ленинская линия». В этом Ю.А. Поляков прав, однако он, как и другие советские историки, стоявшие на «прочном фундаменте» марксистско-ленинской методологии, не раскрывает суть ленинской задумки. Она была доведена до делегатов X съезда РКП(б) 8 марта 1921 г. через обещание «дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог», но с оговоркой: «Разумеется, мы знаем, что в обстановке, которая окружает нас, – это вещь очень трудно осуществимая. Площадь посева, урожайность, средства производства, все это сократилось, излишки стали, несомненно, меньше, и в очень многих случаях их вовсе нет. С этими условиями надо считаться, как с фактом...» И тут же вождь большевиков сформулировал парадоксальную и крайне жесткую идею: «Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавиться от полного голода фабрики и города. В обще-

государственном масштабе – это вещь вполне понятная, но чтобы ее понял распыленный, обнищавший крестьянин-хозяин, – на это мы не рассчитываем. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, – без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно»¹⁹.

Ленинское заявление, что «крестьянин должен несколько поголодать», и его контекст очень важны как в принципе, так и для рассмотрения проблемы голода 1921 г. По сути, крестьянство ради пролетариата опять приносилось в жертву голоду. Причем В.И. Ленин знал, что сделать это можно будет только по принуждению, ведь всякому ясно, что человек здравомыслящий на муки голода, тем более не только собственные, а и людей близких, не пойдет. То есть он предвидел продолжение войны с крестьянством и перед однопартийцами не скрывал.

На деле переход к продналогу обернулся для крестьян изъятиями еще большего количества продуктов и ростом числа голодающего сельского населения. Это было обусловлено тем, что продовольственная политика советского государства и с переходом на продналог сохранила свою прежнюю сущность, проявившуюся в следующих главных чертах: при декларировании меньших размеров продналога относительно разверстки за точку отсчета брали не изъятия предыдущего года, а планы последующего, при этом фактически намеревались собрать в еще больших размерах; увеличилось количество видов сырья и продуктов натурального обложения; не выполнялись объявлявшиеся обязательства о временном обнародовании точных ставок налога, что было и при разверстке; сохранялся прежний продовольственный аппарат и практика использования уполномоченных из центра, военночекистских и милицейских формирований при сборе продналога; не поколебленным остался принцип принуждения, реализуемый через систему наказания от многосуточного пребывания под административным арестом до многолетнего заключения в тюрьму с конфискацией имущества; сохранилось широкое использование и таких форм принуждения, законом не предусмотренных, как демонстрация военной силы, довольствие красноармейцев за счет крестьян, не внесших или плохо сдающих налог, военные постои, взятие заложников, закрытие рынков и т. д.; продналог собирался и в районах, объявляемых пострадавшими от голода, путем преобразования его в местный налог.

В главе «Друзья и враги за рубежом» Ю.А. Поляков представил помощь, полученную голодавшими благодаря усилиям той части российского общества, которая не приняла большевистский режим и коммунистическую идеологию, следуя истинно большевистской

традиции борьбы со «шпионами» и «врагами народа». Не цитируя его уничижительные строки о Всероссийском комитете помощи голодающим (ВКПГ) во главе с С.Н. Прокоповичем, Е.Д. Кусковой, Н.М. Кишкиным и вымыслы об АРА как о шпионской организации, вспомним совсем иную оценку председателя ВЦИК РСФСР М.И. Калинина. В речи 29 октября 1922 г. на торжественном соединенном заседании ЦК Последгол ВЦИК с другими организациями, он признал: «...Зарубежный капиталистический мир принес довольно солидную помощь, которая измеряется 3 десятками миллионов пудов в год. Я не сомневаюсь, товарищи, что помощь, которая принесена нам Западом, работа, которая произведена западно-европейскими и американскими представителями, пожалуй, лучшее, что сделано капиталистическим миром в последние годы»²⁰.

Марксистско-ленинская методология исключала для Ю.А. Полякова возможность позитивной оценки роли Русской православной церкви в организации помощи голодавшему населению. Именно это объясняет отсутствие в книжке упоминаний о деятельности Всероссийского церковного комитета помощи голодающим (ВЦКПГ).

Десятилетие спустя в таком же ключе Е.М. Хенкин написал «Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921–1922)»²¹.

В первой главе «Разруха сельского хозяйства. Причины и характер голода» автор повторил старые большевистские догмы: «Основной причиной голода явилась отсталость сельского хозяйства России». Но в большей мере измышления сконцентрировались в третьей главе «Голод и классовая борьба». Основное содержание § 2 «Голод и белая эмиграция» было сведено автором к тому, что «белая эмиграция прилагала большие усилия, чтобы под видом помощи проникнуть на территорию России для антисоветской деятельности». Пойдя на кощунственную выдумку, что «в распоряжении контрреволюции оставался еще один козырь – церковь, наиболее массовая антисоветская легальная организация, – который был немедленно пущен в ход в суровых условиях голода», автор перешел к § 3 «Голод и церковь». В нем он облек свои измышления в лживый вывод, что «русская церковь никакого существенного вклада в борьбу с голодом не внесла».

Естественно, что в рамках такой концепции автор не нашел места для секретных ленинских распоряжений, включая его письмо В.М. Молотову от 19 марта 1922 г. о проведении «изъятия церковных ценностей», без коих, по ленинскому разумению, «никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строитель-

ство в частности», якобы были «совершенно немислимы»²². Зато вполне осмысленно Е.М. Хенкин, замалчивая одни факты, своеобразно препарировал другие. Например, приводя близкие к реальным сведения об оценке изъятого церковного имущества на 6 с лишним млн золотых рублей, тут же дал далекую от правды информацию об использовании этих денег якобы на нужды голодающих. На самом деле они ушли в первую очередь на самую кампанию по изъятию церковных ценностей и сопутствующие мероприятия²³.

Основная мысль заключения была сведена к тому, что в борьбе с голодом «поставленная В.И. Лениным задача успешно выполнялась».

Вывод predetermined. Он в том или ином виде присутствовал в советские годы у всех авторов. Но бесконечно сокрытие исторической правды продолжаться не могло. В конце 1980-х годов стали появляться признаки торжества действительно научных принципов и подходов к изучению советского прошлого, которые нашли отражение и в исследованиях голода. Но это уже иная историографическая традиция.

Примечания

- ¹ *Костиков В.* Много ли человеку правды надо? // Аргументы и факты. 2008. № 48. С. 6; *Шевченко М.* Голодомор: кто спекулирует на истории? «Судите сами». Телеканал «Россия». 27 ноября. Четверг. 23.50 // АиФ НП. 2008. № 47. С. 10.
- ² *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26; *Волков И.М.* Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19; *Зима В.Ф.* Голод в России 1946–1947 годов // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35–52.
- ³ *Троцкий Л.Д.* На борьбу с голодом! (Речь, произнесенная 9 июня 1918 г. на народном собрании в Сокольниках). М.; Пг., 1918.
- ⁴ *Ярославский Е.* Почему у нас в России голод и как с ним бороться? (Простая беседа с крестьянином). Самара, 1921. С. 5.
- ⁵ *Антонов-Овсеенко В.* Спешите на помощь умирающим от голода! М., 1922. С. 3–4.
- ⁶ *Антонов-Овсеенко В.* Закрепим нашу победу! Слово к рабочим и крестьянам председателя конференции голодающих губерний. М., 1922. С. 3, 6–7, 9.
- ⁷ *Покровский М.* Советская глава нашей истории // Коммунист. 1988. № 16. С. 89.
- ⁸ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1955. С. 237, 248.

В.А. Поляков

- 9 *Данилов В.П.* Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.) // Исторические записки. № 74. М., 1963. С. 67.
- 10 *Данилов В.П.* Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 246.
- 11 *Поляков Ю.А.* 1921-й: победа над голодом. М., 1975.
- 12 *Поляков Ю.А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 25.
- 13 *Ленин В.И.* Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге. 27 мая 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 322.
- 14 Известия. 1921. 9 июля.
- 15 Месячные и годовые выводы метеорологических наблюдений в Нижегородской губернии за 1919–1921 гг. // Статистический ежегодник Нижегородской губернии, 1922 и 1923 гг. Нижний Новгород, 1924. С. 4–7.
- 16 Центр документации новейшей истории Ульяновской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. Л. 46об.
- 17 *Поляков Ю.А.* Переход к нэпу и советское крестьянство. С. 289; *Он же.* 1921-й: победа над голодом. С. 20.
- 18 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 43. Л. 14.
- 19 *Ленин В.И.* Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б). 8 марта 1921 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 28–29.
- 20 *Калинин М.И.* Речь на торжественном соединенном заседании ЦК Последгол ВЦИК 29 октября, в доме Союзов совместно с Моссоветом, ВЦСПС, МГСПС и другими организациями // После голода. М., 1922. Декабрь. № 1. С. 24.
- 21 *Хенкин Е.М.* Очерки истории борьбы советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск, 1988.
- 22 *Ленин В.И.* Письмо В.М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б). 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–195.
- 23 Отчет по церковным ценностям с начала кампании по 1-ое августа 1923 года // Итоги Последгол (с 15/X–1922 г. – 1/VIII–1923 г.). М., 1923. С. 163.

А.А. Киличенков

ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР: ТЕОРИИ ВРЕМЕН ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуются вопросы формирования теоретической и методологической основ зарубежной историографии советского Военно-морского флота периода холодной войны, сложившейся на Западе как самостоятельное направление исследований. Автор выявляет базовые теории и наиболее распространенные методологические подходы, в рамках которых зарубежные исследователи изучали новый феномен холодной войны – появление советского военно-морского флота в мировом океане.

Ключевые слова: Военно-морской флот СССР, холодная война, историография, теория, методология.

Интерес зарубежного научного сообщества к советской военно-морской деятельности возник практически с началом Холодной войны и оставался тесно связанным с общим ее ходом. Быстрый рост советского Военно-морского флота и активизация его действий в океане в период после Второй мировой войны весьма обостренно был воспринят на Западе, и прежде всего в Англии и США. Это новое явление международной политики оценивалось западными исследователями как «один из самых драматических факторов послевоенного развития»¹.

Появление советского военного флота в океане было воспринято политической элитой Запада как новая угроза национальной безопасности и прямой вызов традиционному военно-морскому господству. В этих условиях начинается быстрое формирование особого интереса историографии Англии и США к различным аспектам советской военно-морской деятельности, результатом чего стала публикация сотен работ – от магистерских диссертаций до солидных монографий и обобщающих исторических трудов.

Сформировалась новая профессиональная корпорация исследователей, специализировавшихся на изучении советского Военно-морского флота.

Развитие теоретико-методологической базы зарубежных исследований советских военно-морских сил и их деятельности в период холодной войны характеризовалось наличием двух качественно отличавшихся периодов, где промежуточной рубежной датой выступает начало 1970-х годов. При этом работы первого из них (1945 – начало 1970-х годов) характеризовались выраженной теоретической «гомогенностью», в то время как теоретическая база исследований второго периода (начало 1970 – начало 1990-х годов) отличалась явной неоднородностью и активными поисками новых подходов.

Теоретическим основанием изучения советской военно-морской деятельности в первый период послужила совокупность идей геополитической школы в интерпретации британского географа и политика Хэлфорда Маккиндера и американского историка адмирала Альфреда Мэхена. Большое распространение в качестве теоретической основы исследований получила и более поздняя версия тех же идей в изложении известного представителя американской «геостратегической» школы Николаса Спайкмэна².

Суть этих теоретических взглядов можно свести к нескольким положениям.

Согласно воззрениям Хэлфорда Маккиндера, мир представлял собой географическое и политическое целое, развитие которого в новое время определялось противостоянием держав сухопутных («мировой остров» – Евразия и Африка) и морских (Западное полушарие и Британские острова). Центральная зона «мирового острова», его сердцевина (Hartland), – это территории Центральной России, Сибири и Средней Азии, практически недоступные для проникновения с моря, где происходит формирование «континентальной силы». Традиционным воплощением Hartland'a в западной геополитике считалась Россия, противоборство с которой морских держав традиционно происходило за «внутренний полумесяц» – регионы «острова», открытые для вторжения с моря и влияния морских держав.

Идеи Хэлфорда Маккиндера в зарубежной историографии оказались тесно сопряжены с теорией «морской силы» Альфреда Мэхена, обоснованной в его главной работе «Влияние морской силы на историю (1660–1783)». Американский адмирал и историк также видел суть главного конфликта своего времени в противоборстве морских и сухопутных держав, исход которого определяло наличие подлинной «морской силы», единственно способной

обеспечить геополитическое господство и успешное развитие цивилизации. Наиболее приемлемой концепцией успешного противоборства морских держав с сухопутными ему представлялась «доктрина анаконды» – стратегической морской блокады, способной удушить «континентальную силу» Hartland'a. В работах А. Мэхена впервые были четко сформулированы необходимые составляющие морской силы, к которым относились шесть элементов: географическое положение страны, физические условия (климат и наличие природных ресурсов), протяженность (размеры) территории, численность населения, национальный характер, характер правительства и национальных институтов.

Профессор Йельского университета Николас Спайкмэн расширил число элементов морской силы за счет характера географических границ, уровня экономического и технического развития, состояния финансов, этнической однородности, уровня социальной интеграции. Развивая идеи Хэлфорда Маккиндера о противостоянии континентальных и морских держав, Николас Спайкмэн также утверждал, что их противоборство сосредоточено вокруг прибрежной зоны (Rimland) в Европе и Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке. Задачи американской стратегии в его представлении должны были сводиться к «сдерживанию» давления Hartland'a в этой зоне путем создания военных баз и заключения военных союзов³.

Теории «морской силы» и исторического противостояния морских и сухопутных держав составили основную «несущую конструкцию» зарубежных исследований советской военно-морской деятельности. Базисным и одновременно интегрирующим понятием этой конструкции являлась дефиниция «морская мощь», трактовка которой восходит к учению Альфреда Мэхена. Именно Мэхен, напоминал аналитик военно-морской разведки США доктор экономики Морис Хеллнер (Maurice H. Hellner), «обосновал, что “морская мощь” означает не только один ВМФ. Это означает сумму факторов, дающих возможность нации использовать море в достижении своих целей. Оно включает военный и торговый флот, морские порты и базы, морскую торговлю, интересы правительства и народа в море»⁴. Известный американский военно-морской аналитик Норман Полмар отмечал, что «Советы понимают морскую силу в лучших Мэхеновских традициях, развивая кроме военного флота и другие ее составляющие – торговый, рыболовный, океанографический флот, судостроение, создают резерв опытных и подготовленных моряков и образованных руководителей. Советская концепция “морской силы” включает интенсивное и скоординированное использование природных, научных,

промышленных, транспортных и военных ресурсов в поддержку государственной политики...»⁵

Методологической «проекцией» указанных теорий, их практической реализацией стало формирование основных базисных подходов зарубежной историографии к изучению советской военно-морской деятельности. В их числе – факторный, «реактивный» («реактивная модель» развития советского флота), политический, экстраполяционный, институциональный, междисциплинарный, культурологический.

Наиболее распространенным среди них стал факторный подход, в рамках которого зарубежные исследователи выявляли базовую совокупность составляющих, определявших развитие советского флота, а сама морская мощь СССР рассматривалась как их функция. Роль ключевого традиционно отводилась собственно геополитическому фактору как совокупности географических и политических условий. Не будет преувеличением сказать, что для абсолютного большинства зарубежных исследователей истории российского и советского Военно-морского флота геополитические постулаты стали «альфой и омегой» видения своего объекта и предмета исследования. Более того, им придавалось поистине универсалистское свойство. «Чтобы понять мир, в котором мы живем, – подчеркивал составитель сборника «Применение морской силы» офицер флота США Ф. Рауз (F.C. Rouse), – необходимо постичь значение геополитических факторов, определяющих политику государств, и в первую очередь, – их внешнюю политику»⁶.

Однако трактовка зарубежными исследователями роли геополитического фактора, определявшего динамику и характер развития морской мощи России и СССР, приобрела со временем неоднозначный и противоречивый характер. В начальный период развития зарубежной историографии отмечалось, что геополитика толкала и Россию, и СССР к созданию флота. Профессор Роберт Кернер (Kerner Robert J.), автор классической работы «Стремление к морю: Курс русской истории. Роль рек, портов, острогов, монастырей и пушнины» (1946 г.), считая Россию и СССР Hartland'ом мечтаний геополитиков, территорией, где «появится “супердержава”, чтобы править миром», назвал историческое движение России к морю через систему рек «почти что национальным пристрастием. Выход к открытому морю означал для русских национальную независимость»⁷.

Мэйрин Митчелл (Mairin Mitchell), автор первой монографии по истории морского флота России, уделяя должное внимание геополитическому положению страны, приходила к однозначному выводу: «Географическая ситуация и характер территории...

с неизбежностью не только заставляют Россию искать выход ко всем океанам, но и также неизбежно делают значительной ее морскую мощь»⁸. Тот факт, что «география с неизбежностью заставляет Советы строить большой военный флот», признавал и глава исторического отдела военно-морского министерства США адмирал Эрнест Эллер (Ernest M. Eller)⁹.

Но впоследствии трактовка влияния геополитического фактора на развитие советской морской мощи оказалась совсем иной. Опираясь на те же постулаты Альфреда Мэхена и подчеркивая континентальный характер России и СССР, зарубежные исследователи приходили к выводу об отсутствии необходимых предпосылок развития полноценной морской силы.

Наиболее полно этот взгляд изложил отставной адмирал ВМС ФРГ, известный исследователь военно-морской истории Эдвард Вегенер (Edward Wegener): «Мэхэн, перечисляя элементы морской мощи... имел в виду великие морские державы истории – Финикию, Венецию, Голландию и Англию, привязанные к морю самим своим существованием, их процветанием и мощью. Народы и правительства знали из своего долгого опыта, что ставилось на карту в ходе морских войн, которые они вели. Поражение на море означало упадок, потерю силы или даже вымирание... Всего этого не доставало Советам в их повороте к морю. Наделенная возможностью автаркического существования, Россия могла существовать без моря и без морской силы. В войне с морской державой СССР придется защищать свою территорию... Само существование России не будет зависеть от ее исхода»¹⁰.

Чаще всего среди факторов, препятствовавших превращению России и СССР в великую морскую державу, назывались факторы географические. Этому вопросу была посвящена специальная работа доктора Клайда Смита (Clyde A. Smith), где автор выделяет пять географических факторов, ограничивавших создание полноценной морской силы России и СССР: «обширность территории, географически вынужденная разделенность военно-морского флота между четырьмя изолированными театрами (Балтийское и Черное моря, Тихий и Северный Ледовитый океаны), расположение большей части территории страны в северной части континента (холодный климат, затрудняющий судостроение, замерзающие морские порты), невозможность прямого и беспрепятственного выхода в открытый океан (необходимость прохода через проливные зоны), удаленность мест базирования флота от основных морских торговых путей»¹¹.

Специфика влияния географии России на развитие ее флота виделась особенно яркой в сравнении с США. «В отличие

от России – огромной континентальной державы, почти полностью обеспеченной собственными природными ресурсами, – подчеркивал в своем исследовании офицер флота США Пол Райан (Paul Ryan), – географическое положение Америки подталкивало ее нацию к обретению морского типа мышления... США в своем существовании в качестве индустриальной державы фактически зависят от мировых морских коммуникаций. Без идущего морем потока жизненно важных ресурсов американская экономика и национальная безопасность оказались бы в состоянии коллапса»¹².

Географические «ограничения» оставили свой глубокий отпечаток на развитии российского и советского флота. Отставной офицер британского флота, знаток России и разведчик Энтони Кортни (Anthony T. Courtney) следствием этого считал несбалансированность состава советского ВМФ и вынужденную «тесную взаимосвязь с сухопутными силами – армией и авиацией». По его мнению, данное обстоятельство «не могло способствовать развитию морских традиций в западном представлении». Как результат, «действия российского флота в ходе войн разделялись на две принципиальные разновидности... Первая – применение тяжелых кораблей в качестве плавучих батарей... продолжающих сухопутную оборону в море, и как своего рода морскую кавалерию, способную атаковать неприятельский морской фланг. Вторая форма, тесно связанная с первой, – особое использование легких сил флота... без поддержки тяжелых кораблей в полувоенной роли в прибрежных водах. В другой привычке русского флота – отступать под защиту береговых крепостей и отставаться там при появлении превосходящих сил противника – берут начало восхитительные боевые традиции русской “морской пехоты” – отправленных на берег экипажей кораблей... Традиции долго живут в русском флоте, как и в других флотах, и влияние прошлого явственно прослеживается в некоторых аспектах создания современного советского флота»¹³.

Доктор Клайд Смит относил к следствиям географических и климатических ограничений для России, ее флота «преобладание сухопутной ментальности, прямо влиявшей на принятие военнополитических решений... доминирование армии [в оборонной политике], расходование основных средств на ее развитие, нехватку финансирования для флота»¹⁴. В завершении своей работы американский исследователь пришел к весьма образному выводу: «Русский Медведь научился плавать, но тем не менее он остался пленником своей собственной физической географии»¹⁵.

Формирование данного взгляда на роль геополитического фактора произошло под прямым влиянием нараставших в 1950–1960-е годы известий о резком увеличении военно-морского

строительства в СССР и появлении советского флота в океане. Объяснение этой активности, оценка ее дальнейших перспектив заставили исследователей обратиться к истории российского флота. Но ее динамика, сочетавшая резкие и кратковременные приступы активности с продолжительными периодами почти полного ее отсутствия, давала основания для вывода о специфической природе российской и советской морской мощи, кардинально отличной от мощи классических морских держав. Этот взгляд на развитие советского флота находил отражение в течение всего периода холодной войны. «Поскольку Россия никогда не являлась естественной морской державой, – полагал сотрудник Центра военноморского анализа ВМФ США Пол Ольховски (Paul Olkhovsky), – российский флот на протяжении своей истории был обречен на радикальные колебания, изменявшие его статус и размеры – от одного из самых мощных в мире до почти полного небытия. Время от времени ставилась под сомнение сама его необходимость для России»¹⁶.

Однако корректность и познавательные потенции данного подхода со временем стали вызывать все больше сомнений у ряда зарубежных исследователей. Главной причиной тому стал быстрый и масштабный рост советской военно-морской деятельности в конце 1960 – начале 1970-х годов. И если прежде, в конце 1940 – начале 1950-х годов, беспокойство аналитиков Запада вызывали подводные силы советского флота, то теперь настоящую и вполне обоснованную тревогу порождало появление группировок надводных кораблей советского ВМФ в различных районах Мирового океана, и прежде всего в зоне арабо-израильского конфликта. Кроме того, в этот же период Военно-морской флот превратился в полноценный компонент стратегических ракетно-ядерных сил СССР, что в корне изменило его значение в международной политике. Не меньшую тревогу Запада вызвал и резкий рост других элементов советской морской силы – коммерческого, рыболовного и океанографического флотов. Чрезвычайно показательной в этом отношении является позиция все того же Эдварда Вегенера. Отказывая России и СССР в статусе классической морской державы, западногерманский адмирал тем не менее не мог не поделить сомнениями: «Мы стоим перед загадкой. Советский Союз уже начал масштабные океанографические исследования, уже построил океанский рыболовный флот, уже подготовил огромное количество специалистов в таких сферах, как военно-морская архитектура, военно-морская инженерия и т. п. В самом СССР и в развивающихся странах построены новые порты... все эти события, произошедшие после смерти Сталина, можно трактовать как осознанный,

систематический поворот от подлинно континентального подхода к океанскому»¹⁷.

Прежняя схема объяснений развития морской силы СССР не давала адекватного ответа на комплекс вопросов, связанных с новым масштабом советской морской угрозы, что привело к локальному (не системному) кризису геополитического подхода. Специалист по международным отношениям доктор Алвин Коттрелл (Alvin J. Cottrell) поставил под сомнение корректность причисления СССР к континентальным державам: «Это утверждение, будучи верным, может перестать соответствовать действительности, если Советскому Союзу удастся превзойти нас в развитии морской мощи»¹⁸.

Эпистемологический кризис геополитической модели описал сотрудник Русского исследовательского центра Гарвардского университета Роберт Батхорст (Robert B. Bathurst): «Для большинства зарубежных аналитиков советский ВМФ представляет собой загадку. Цели, ради которых строился этот флот, остаются неясными. Если Советы стремятся ко всемирному господству, то почему в составе флота нет значительных десантных сил? Если Советы хотят установить контроль над морями, то почему в составе флота нет авианосцев? Зачем советским кораблям небольшого водоизмещения нужна такая огневая мощь? Эти вопросы – бесконечны, а ответы – маловразумительны»¹⁹.

Поначалу с целью преодоления кризиса предпринимались попытки корректировки роли и значения отдельных составляющих «морской силы». Профессор Университета Джорджа Вашингтона Клайд Сарджент (Clyde B. Sargent), специалист по сравнительным исследованиям культур, в статье, посвященной влиянию национальной культуры на развитие национальной мощи, предлагал обратить более пристальное внимание на «народ [как] существенный элемент [национальной] мощи... Характеристики народа [как элемента морской силы] не могут быть измерены количественно или качественно и выражены статистически... [Но] мы знаем, что “сила людей” существует... она контролируется...»²⁰. Далее профессор К. Сарджент обосновывал необходимость исследования национального характера, считая его ключевым фактором в мотивации общественной деятельности²¹.

Возможность того, что «человеческий фактор» способен компенсировать ограничения географии и климата, допускал и Эдвард Вегенер, полагая, что «в условиях диктатуры поворот от континентального к морскому мышлению возможен в умах лишь небольшой группы людей», которой он считал офицерский корпус советского флота во главе с главкомом адмиралом С.Г. Горшковым.

Именно эта небольшая группа людей обеспечила рост советской морской мощи²².

Часть исследователей попыталась внести более кардинальные коррективы в содержание геополитических постулатов, сформулированных Хэлфордом Маккиндером и Альфредом Мэхеном. Профессор Военно-морской академии США, доктор политических наук Рокко Паон (Россо М. Раоне) в ходе своего анализа противостояния СССР, Китая и США в Индийском океане пришел к заключению, что «распространенная ранее теория, что СССР имеет психологические ограничения в развитии морской мощи в виде “сухопутной ментальности”, ныне не может быть принята...». Автор предложил откорректировать оценку советской морской силы по новой формуле «(размер флота + качество флота) × условия военно-морской географии = военно-морская мощь»²³.

Консультант Центра стратегических исследований Джорджтаунского университета профессор Джеффри Кэмп (Geoffrey Kemp) поставил вопрос о необходимости ревизии теоретических положений Альфреда Мэхена. Для начала он заново определил содержание дефиниции «морская держава», предложив считать таковой «государство, интенсивно использующее море и морские ресурсы для экономического развития, для проекции политической и военной силы в удаленные районы»²⁴. Тем самым было существенно откорректировано прежнее понимание морской силы как функции географических и экономико-культурных характеристик государства. Профессор Дж. Кэмп считал, что морская сила не есть функция состояния государства, определенного географией, но результат его целенаправленных усилий. Собственно предлагаемая трактовка более всего соответствовала тому явлению, которое наблюдали и анализировали зарубежные исследователи в 1960–1970-е годы: подъему морской мощи Советского Союза – государства, не обладавшего, согласно теории А. Мэхена, необходимыми предпосылками для создания таковой.

Но Джеффри Кэмп не остановился только на этом. Сопоставив развитие морской силы СССР и США, американский исследователь пришел к выводу о недостаточности использования лишь шести элементов морской силы, определенных А. Мэхеном, и необходимости пополнить их перечень таким элементом, как уровень развития в той или иной стране техники и инфраструктуры, а также способностью контролировать космос, что является необходимым условием для контроля над морем²⁵. Профессор Дж. Кэмп обратил внимание исследовательского сообщества и на то, что со времен А. Мэхена существенно изменилось и содержание среды деятельности морской силы, возникли новые факторы, существенно

влияющие на нее: 1) рост зависимости промышленности Запада от поставок ресурсов, энергии, экспорта товаров; 2) новое Морское право, изменяющее традиционную свободу пользования морем прежних великих морских держав; 3) колоссальный рост советской морской мощи и желание Советов использовать военный флот для проекции силы; 4) рост военно-морских возможностей менее развитых стран, имеющих конфликтные вопросы с морскими державами²⁶.

Частью общего процесса ревизии геополитических воззрений стала разработка новых подходов. Одним из первых появился подход, рассматривавший развитие советской морской мощи в рамках «реактивной модели». Этот подход не противоречил традиционной геополитической модели, но существенно корректировал ее.

Доктор Юрген Ровер (Jürgen Rohwer), издатель известного западногерманского военно-морского журнала «Marine Rundschau» и признанный эксперт по советскому флоту, предложил рассматривать советскую военно-морскую деятельность как форму ответной реакции руководства СССР на угрозу извне: «Мы можем построить наш анализ [советской военно-морской] угрозы Западу на исследовании новых кораблей, систем обнаружения и вооружения, их численности, размещении и действиях. Но мы должны быть осторожными, когда соотносим эти возможности нашего потенциального противника... с его реальными намерениями. Для Советского Союза эти намерения следует рассматривать в более широком поле конфронтации с другой супердержавой. Потому мы должны попытаться реконструировать возможную глобальную картину, которую представляли себе советские лидеры 8–10 лет назад, если мы хотим определить действительную роль [построенных] кораблей в планах, сформированных на основе этой картины. Имея это в виду, мы должны создать картину развития военно-морских вооружений СССР и США, реагирующих друг на друга в контексте своей общей военной политики»²⁷.

В поисках ответа на вопросы, связанные с быстрым ростом советской морской мощи, зарубежные исследователи обратились к идеологии. В результате этого возник политический подход, объяснявший «советский военно-морской ренессанс» потребностями советской идеологии и политики. О возможном создании мощного советского флота ради политических целей предупреждал Роберт Кернер еще в 1949 г.: «...Представляется достаточно определенным, что какую бы форму или содержание ни приняли советские базовые военно-морские теории, они будут дополнены революционной концепцией, предусматривающей, что советский флот должен быть достаточно мощным, чтобы оказать

помощь революциям, спонсируемым Советским Союзом в стратегически определенных регионах мира. Для этого им не нужен ни самый могущественный в мире флот, ни господство на море, но лишь флот, определенный в численности, составе и характере (возможно, преимущественно – подводный) для достижения поставленной цели»²⁸.

Отставной офицер британского флота Дональд Макинтайер (Donald Macintyre) полагал, что «России волей-неволей приходится стать в ранг первоклассной морской державы со всеми вытекающими последствиями... [так как] если она позволит своим противникам свободно использовать морские пути, то это серьезно ослабит ее наступательные возможности. Более того, основной противник, США, отделен от СССР двумя океанами, [следовательно] Россия должна быть готова к борьбе за контроль над морем»²⁹.

Доктор Морис Хеллнер, считая, что целями советской экспансии в 1940–1950-е годы было «разорвать “кольцо капиталистического окружения”, расколоть американскую систему [военных] союзов, поставить под контроль революционное движение по всему миру и добиться явного военного превосходства над Западом», был уверен, что «в решении каждой из этих задач морская мощь будет играть решающую роль...»³⁰ На две важнейшие политические задачи советской морской силы указывал и профессор Военно-морского колледжа ВМФ США Х. Дадли (H.G. Dudley): «Советский ВМФ – флот холодной войны, способный реализовать две задачи советской внешней политики – поддержка престижа и шантаж...»³¹

Наиболее полно политический подход был обоснован в работе Эрнеста М. Эллера «Вызов советской морской силы», где автор представил картину политического использования советской морской мощи: «Первоначально Советы строили свой флот для обороны и контроля над прибрежными морями. В 1950-е годы произошли решительные изменения в политике. Советы начали создавать флот для соперничества в океане. Лидеры СССР заявили, что их целью является уничтожение других форм правления по всему миру... Если Советы намерены доминировать в мире, им необходимо использовать море. Следовательно, Кремль принял решение по созданию устрашающих наступательных подводных сил, мощного ракетного надводного флота, быстро растущего торгового флота и позже – существенных десантных сил и сил обеспечения. Они преодолели свои континентальные традиции...»³²

Позднее мысль о том, что политический фактор является ключевым в развитии морской силы, стала весьма распространенной в зарубежных исследованиях. Офицер ВМФ США Фрэнк Пэндолф

(Frank C. Pandolfe) в статье, специально посвященной анализу влияния «мэхеновских факторов» на развитие советского флота, пришел к выводу, что «возможности для компенсации недостатков и ограничений развития морской силы... целиком зависят от политики правительства». В частности, автор указывал на возможность преодолеть географические ограничения путем обретения военно-морских баз на территории союзников (например, на Кубе и во Вьетнаме)³³.

Политический подход не противоречил геополитическому, не ставил его под сомнение, но лишь уточнял и дополнял последний. Сочетание этих двух подходов давало возможность объяснить, каким образом СССР, не имея необходимых условий для развития морской силы, тем не менее сумел создать мощный морской флот, целиком обязанный своим появлением политической воле правителей государства.

По мере расширения масштабов советской военно-морской деятельности перед зарубежными аналитиками и экспертами все настоятельнее вставала проблема определения (оценки) ее перспектив. Требовался новый подход, который мог бы обеспечить прогностическую функцию проводившихся исследований. Такой подход, который условно можно назвать экстраполяционным, начал формироваться с самого начала возникновения зарубежной историографии советской военно-морской деятельности периода холодной войны. О необходимости «выявить определенные аспекты военно-морской истории России как основу дальнейших планов и будущих тенденций [развития ее морской мощи]» писал в 1948 г. офицер ВМФ США П. Рейрден (P.W. Rairden, Jr.)³⁴.

По мнению бывшего начальника советского отдела британской военно-морской разведки Энтони Кортни, особое значение имело изучение военно-морских традиций российского и советского флота, как сохраняющей историческое постоянство модели действий: «Традиции долго живут в русском флоте, как и в других флотах, и влияние прошлого явственно прослеживается в некоторых аспектах создания современного советского флота»³⁵.

Окончательно экстраполяционный подход сформировался в 1970-е годы в условиях кризиса геополитического подхода. Роберт Батхорст, поставивший перед собой цель дать представление западному читателю о сути и перспективах роста советской морской угрозы, подчеркивал, что «понимание развития советского флота невозможно без знания его прошлого, неразрывно связанного с настоящим»³⁶. Впоследствии этот подход расценивался уже как само собой разумеющийся. «В моем представлении, советскую военно-морскую стратегию следует изучать на широкой

исторической базе», – отмечал в комментариях к изданию «Советский ВМФ и другие коммунистические флоты» бывший командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Сильвестр Фоли (Sylvester Foley R., Jr.)³⁷. Известный американский исследователь, автор многочисленных работ по истории флота, профессор Университета Чарлстона (Чарлстон, США) Кларк Рейнолдс (Clark G. Reynolds) для оценки степени морской угрозы со стороны Советского Союза предлагал сравнить его развитие с другими великими континентальными державами за последние 400 лет с целью выявления исторической модели развития ее морской мощи³⁸. Распространенность данного подхода к концу 1980-х годов нашла свое выражение и в том, например, что даже решение такой локальной задачи, как исследование роли авианосцев в развитии советского флота, представлялось невозможным без выявления соответствующего исторического контекста – развития этого класса кораблей в российском и советском флоте начиная с 1917 г.³⁹

И все же поиск новых подходов продолжался. Аналитик ЦРУ, специалист по развитию советских вооруженных сил Джеймс Бэрри (James A. Barry, Jr.) предложил более радикальные меры. Считая, что прежний геополитический подход не в состоянии объяснить «многие аномалии в развитии советского флота», американский аналитик предложил использовать новый, институциональный, подход, в рамках которого советский ВМФ надлежало рассматривать в качестве «самостоятельного бюрократического актора», имеющего свои собственные интересы, отстаиваемые его руководством в рамках общей системы советского военно-политического истеблишмента⁴⁰.

Специалист по международным отношениям, знаток советского Военно-морского флота Уильям Мэнторп (William H.J. Manthorp, Jr.) разделял эту точку зрения, рассматривая советский ВМФ как институт, являющийся частью общей системы вооруженных сил: «Будучи непосредственно интегрированным в советскую систему, Военно-морской флот... разделяет все характеристики системы. Благодаря особенно благоприятному отношению [общества] к воинской службе сильные стороны системы усиливаются и недостатки сглаживаются. Советская система обязана многими своими успехами героизму своего народа. Основа ее успехов в индустриализации и обретении военной мощи – сила, выносливость, постоянство, целеустремленность и явная способность продолжать свои усилия несмотря на трудности. Романтизм, мечтательность, идеалистический подход к жизни, готовность к страданиям также внесли свой вклад в продолжающееся продвижение Советского Союза к мировой мощи. Полагаясь на эти

характеристики, правители России и СССР были способны поставить и достичь цели вопреки трудностям, которые могли бы разочаровать и повернуть вспять другой народ»⁴¹.

Питер Тсорас (Peter G. Tsouras), военный историк и аналитик Центра разведки армии США, видя в советском флоте специфический институт, подчеркивал необходимость учитывать его связь с обществом: «Советский Военно-морской флот часто оценивается по стандартам других флотов, что может привести к ошибке. Военный флот – это не только сочетание кораблей, экипажей и вооружения... Это общественный институт, определяемый [в своем развитии] различными факторами – историей, культурой и географией... что [в конечном итоге] и определяет его эффективность во время войны...»⁴² О необходимости учитывать социальную специфику в оценке советского флота писал германский инженер-кораблестроитель, участник Второй мировой войны Вильгельм Хаделер (Wilhelm Hadeler): «...В случае с советским флотом простое перечисление кораблей и их вооружения мало что значит без соответствующего географического и политического контекста. Более того, установленные западные стандарты редко подходят для оценки советского образа мысли и действия»⁴³.

Впрочем, институциональный подход в свою очередь также подвергся корректировке. Известный французский экономист, профессор Жак Сапир (Jacques Sapir) указывал, что «советская военная система не является ни продуктом гипертрофированной защитной реакции, ни проявлением доминирования военных институтов общества... Большой парадокс советской ситуации заключается в том, что существующие механизмы и институты обеспечивают чрезмерное развитие военного аппарата, что служит интересам политической власти и увековечивает модель роста и социальных механизмов, обеспечивающих его существование. Поэтому выражение “парадоксальный милитаризм” является адекватным описанием системы». Наиболее продуктивными французскому исследователю представлялись возможности междисциплинарного подхода за счет «взаимобогащения различных дисциплин». Применительно к советской военной системе Жак Сапир предлагал использовать совокупность экономического и исторического подходов, так как «производство оружия в таких масштабах, как советские, определяет индивидуальное и коллективное поведение людей, что требует макроэкономических и макросоциальных исследований. Исторический подход необходим, так как любая система имеет свое прошлое и не является чистым листом. Кроме того, этот подход также позволяет выявить тенденции, как явные, так и скрытые»⁴⁴.

Созвучным идее междисциплинарного подхода было предложение Жака Сапира исследовать «комплексные системы вооружений – самолеты, корабли и танки – как компромисс в стремлении обеспечить мобильность, оптимальную защиту и оптимальную огневую мощь. Имеет большой смысл исследовать выбор между этими характеристиками...»⁴⁵

Предлагаемая французским исследователем проблематика открывала прямой путь к применению культурологической модели, ключевым для которой стало понятие «national look» – «национальный взгляд», выражающее суть подхода, часто применяемого зарубежными исследователями.

Наиболее полно необходимость данного подхода была обоснована в работах Роберта Батхорста. В формировании собственного культурологического подхода доктор Р. Батхорст исходил из того, что «каждая нация имеет свой собственный стиль ведения войны, восприятия и оценки угрозы. Контекст этого восприятия формирует культура на основе истории, географии, опыта войн... различия в том, как две страны [СССР и США] понимают суть и развивают свою морскую мощь, дают возможность говорить о культурных и национальных моделях военно-морского исследования...»⁴⁶

Теоретическим обоснованием нового подхода стали идеи американского антрополога Эдварда Холла (Edward T. Hall), использовавшего понятия «высококонтекстуальные» и «низкоконтекстуальные» культуры, не имевшие никакой качественной коннотации, но подразумевавшие культурологическую модель восприятия информации как целого (системы) в первом случае и во втором случае – как изолированного явления (самостоятельного элемента)⁴⁷. Роберт Батхорст, базируясь на данных понятиях, полагал, что «действуя в рамках высококонтекстуальной культурологической модели, советские военные теоретики исходят из комплексности угрозы, в то время как их американские коллеги в рамках низкоконтекстуальной модели склонны изучать военно-морские проблемы локально. Безусловно, метод низкоконтекстуального, изолированного решения проблем имеет ряд преимуществ, он более эффективен и быстр. Метод высококонтекстуального анализа медленнее, зависимо от сложности анализируемого контекста... В то же время контекст изменяет значение, а значит и восприятие угрозы»⁴⁸. Данная модель, полагал доктор Р. Батхорст, дает возможность предвидеть действия вероятного противника: «Наличие контекста советского военно-морского мышления дает нам существенное преимущество, которого не имеют Советы, мы можем ожидать от них единого типа мышления... мы в состоянии сделать обоснованные допущения по поводу их решений...»⁴⁹

Самым важным культурно-историческим фактором, повлиявшим на развитие советской военно-морской деятельности, Роберт Батхорст считал «всеобщую паранойю советских людей». Автор при этом счел необходимым оговориться: «Паранойя в данном случае не является унижительным термином. Любой народ, если бы ему довелось страдать столько же, сколько страдал русский народ, стал бы воспринимать мир вокруг как угрозу. Эта паранойя, однако, усиливается неведением относительно окружающего мира. Даже для [советских] лидеров этот мир остается пещерой Платона. Им приходится объяснять мир по теням, которые видны им через окно темницы. Подобный интеллектуальный климат определенно создает свою базу для принятия кризисных решений...» В качестве второго фактора культурного характера доктор Р. Батхорст называл «технологическое отставание Советского Союза, что создавало атмосферу, в которой западные идеи могут быть легко заимствованы и усвоены и в которой гордость русских находит свое выражение в требованиях определенной степени инноваций и улучшений западной модели...»⁵⁰

Перспективы культурологического подхода отмечал и профессор Военно-морского колледжа ВМФ США Милан Вего (Milan Vego). Бывший офицер военно-морских сил Югославии, эмигрировавший в 1976 г. в США, специалист по ВМФ СССР и стран Варшавского договора, он считал, что культура оказывает большое влияние на развитие флота: «Великороссы всегда были известны своей любовью к общим теориям. Русская культура подталкивала их, как никакую другую нацию, к стремлению описать и определить все проявления человеческой деятельности – привычка, лишь усилившаяся за семь десятилетий марксистско-ленинской идеологии... Понимание этого может дать большое преимущество западным военным аналитикам, ищущим объяснения советским концепциям и развитию техники... [Вследствие этого] Советы уделяют огромное внимание всем аспектам своей военно-морской теории. Они скрупулезно, даже педантично, дают определение различным терминам, описывающим тактику их флота и авиации. Конечно же, это не означает, что Советы могут реализовать эту тактику на практике. Они были не слишком успешны в этом отношении в прошлом, и нет причин полагать, что в будущем они будут более успешны»⁵¹.

Под занавес холодной войны культурологический подход оказался явным фаворитом среди исследовательских моделей зарубежной историографии. Показателем этого стала подготовка в 1990 г. специального сборника исследований, спонсированного Канадским институтом мира и международной безопасности

(Халл, Канада) «Стратегическая мощь: США/СССР». Составитель сборника доктор Карл Якобсен (Carl G. Jacobsen) обращал внимание читателей, что сборник был адресован «политикам, исследователям, журналистам и всем тем, кто хотел бы сравнить подход к стратегическим реальностям в США и СССР. Большинство американской литературы по войне и стратегии отражает системный анализ, техническую сторону вопроса, военные и политические оценки авторов и содержит очень мало знания другой истории и других культур стратегии...»⁵² Не менее значимым показателем стало участие советских специалистов в подготовке этого сборника⁵³.

Поиск зарубежными исследователями новых подходов продолжался вплоть до окончания холодной войны. Обзор методологических новаций и интенций был дан директором Центра русских и восточноевропейских исследований Бостонского университета профессором Уильямом Грином (William C. Green) в статье «Новые подходы в исследованиях русского военного флота», опубликованной в 1992 г. в сборнике «Советская военная мощь и будущее». Автор отмечал, что «в течение десятилетий ядром исследовательской методологии был подход, построенный на “анализе возможностей (способности советского флота выполнить свои задачи)”. Он базировался на признании преимущественного влияния на развитие советского флота внутренних факторов – целей и задач, поставленных партийным руководством и высшим военным командованием, вне зависимости от влияния советского общества. Но в существующих условиях, особенно после провала пугча в августе 1991 г., этот подход уже не работает... текущий анализ должен строиться на пристальном изучении действия внешних факторов – социальных, экономических и политических...» В этих условиях профессор У. Грин поставил перед собой задачу разработки нового «научного подхода и методологии исследования развития военно-морских сил преемника СССР...»⁵⁴

Однако последовавшее вскоре окончание холодной войны на какое-то время поставило точку в методологических поисках зарубежных исследователей.

Примечания

- ¹ Fairhall D. Russian Sea Power. Boston, 1971. P. 22. Здесь и далее цитаты из работ зарубежных исследований даны в авторском переводе.
- ² См.: Hellner M.H. Sea Power and Soviet Design for Expansion // U.S. Naval Institute Proceedings. 1960. March. Vol. 86. №. 3. P. 23–32; Dudley H.G.

- The Future Role of Soviet Sea Power // U.S. Naval Institute Proceedings. 1966. May. P. 39–49; *Atkinson J.D.* Who Will Dominate the Strategic Indian Ocean Area in the 1970's? // Navy Magazine. 1968. September. P. 22–27; *Herrick R.W.* Soviet Naval Strategy: 50 Years of Theory and Practice. Maryland, 1968; *Chadick W.L.* Naval Tradition – A Russian Heritage // Naval War College Review. 1969. June. P. 26–44; Soviet Sea Power. The Center for Strategic and International Studies. Georgetown University. Washington, 1969; *Cottrell A.J., Joshua W.* The United States-Soviet Strategic Balance in the Mediterranean // R.U.S.I. and Brassey's Defense Year Book. 1974. N. Y., 1974; *Wegener E.* Soviet naval offensive: an examination of the strategic role of Soviet naval forces in the East-West conflict / Tr. by H. Wegener. Annapolis, 1975; *Vigor P.H.* Soviet Understanding of «Command of the Sea» // Soviet naval policy: objectives and constraints / Ed. by M. McGwire, K. Booth, J. McDonnell. 1975; *McGwire M.* Command of the Sea in Soviet Naval Strategy // Soviet naval policy: objectives and constraints / Ed. by M. McGwire, K. Booth, J. McDonnell. 1975; *Morris E.* The Russian Navy: Myth and Reality. N. Y., 1977; To Use the Sea Power. Readings in Sea power and Maritime Affairs. / Ed. F.C. Rouse. Annapolis, 1977; *Hibbits J. G.* Admiral Gorshkov Writings: Twenty Years of naval Thought // Naval Power in Soviet Policy / Ed. by P.J. Murphy. Studies in Communist Affairs. Vol. 2. Washington, D.C., 1978; *Kipp J.W.* Sergei Gorshkov and Naval Advocacy: The Tsarist Heritage // Soviet Armed Forces Review Annual (SAFRA). Vol. 3. 1979 / Ed. by D.R. Jones. G. Breeze, 1979. P. 225–239; *Bathurst R.B.* Understanding the Soviet Navy. A Handbook. Newport, Rhode Island, Naval War College Press, 1979; Sea Power and Strategy in the Indian Ocean / Ed. A.J. Cottrell and Associates. L., 1981; *Smith C. Clyde A.* Seapower and superpower: The Soviet Navy in the World Ocean. Washington, D.C., 1984; The Soviet Navy: Strength and Liabilities / Ed. by B.W. Watson and S.M. Watson. Boulder; L., 1986; *Barnett R.W.* Soviet Maritime Strategy / Seapower and Strategy / Ed. by C. Gray, R. Barnett. Annapolis, 1989; etc.
- 3 Впоследствии эти идеи легли в основу знаменитой «доктрины сдерживания», что дало основания считать Н. Спайкмена «крестным отцом» этой доктрины.
- 4 *Hellner M.H.* Op. cit. P. 26.
- 5 *Polmar N.* The Modern Soviet navy: an assessment of the U.S.S.R.'s current warships, naval capabilities and development. L., 1979. P. 51.
- 6 To Use the Sea Power / Ed. by F. Rouse. Annapolis, 1977. P. III.
- 7 *Kerner R.J.* Russian Naval Aims // Foreign Affairs. Vol. 24. January 1946. No. 2. P. 290.
- 8 *Mitchell M.* The Maritime History of Russia, 848–1948. L., Sidgwick and Jackson Limited, 1949. P. 3.
- 9 *Eller E.M.* Soviet Bid for the Sea // U.S. Naval Institute Proceedings. 1955. June. P. 624.
- 10 *Wegener E.* Soviet naval offensive: an examination of the strategic role of Soviet naval forces in the East-West conflict / Tr. by H. Wegener. Annapolis, 1975. P. 126.

- 11 *Smith C.A.* Op. cit. P. 311.
- 12 *Ryan P.* First Line of Defense. The US Navy since 1945. Stanford, 1981. P. 2.
- 13 *Courtney A.* The Naval Strength of Russia // *Brassey's Naval Annual. The Armed Forces Year Book. 1954* / Ed. by H.G. Thursfield. N. Y., 1954. P. 77.
- 14 *Smith C.A.* Op. cit. P. 310–311.
- 15 Ibid. P. 310.
- 16 *Olkhovskiy P.* Russia's Navy from Peter to Stalin: Themes, Trends, and Debates. Alexandria, 1992. P. 29.
- 17 *Wegener E.* Op. cit. P. 126–127.
- 18 *Cottrell A.J.* Russia Nears Domination of Middle East – From Morocco to Indian Subcontinent // *Navy. 1970. November.* P. 12.
- 19 *Bathurst R.B.* Op. cit. P. 37.
- 20 *Sargent C.B.* National Cultural Characteristics and National Power. The basis of a nation's capability to exert power is found in its national cultural characteristics // *Naval War College Review. 1971. January.* P. 20–21.
- 21 Клайд Сарджент определял национальный характер как «одну или несколько специфических мозаичных моделей населения, культурных, индивидуально-психологических (прежде всего мотивационных) признаков, широко распространенных среди значительной части населения, отличающихся устойчивостью и длительностью и имеющих тенденцию определять поведение или действия народа. В число признаков входят интеллектуальные, физиологические и эмоциональные характеристики, включая отношения [к чему-либо], стремления, мотивы и созданные культурой индивид. и социальные ценности». Свою статью профессор К. Сарджент завершил несколько парадоксальным выводом, утверждая, что «США выделяются среди других тем, что им не удалось [в действительности] понять свой национальный характер...», в то время как познание его поможет американцам «проникнуть в суть [культурных ценностей], мы сможем лучше решать наши национальные дела и сможем увеличить эффективность нашего вмешательства (участия) в межкультурных и международных делах». См.: *Sargent C.B.* Op. cit. P. 21–22.
- 22 Одновременно немецкий исследователь уже в 1975 г. предсказывал: «Советский флот не имеет под собой основы в виде жизненной необходимости. Движущей силой [его развития] является исключительно стремление к мировой революции. Но, если эта идея потеряет свою силу, если стремление к мировой гегемонии ослабнет, тогда, возможно, советское руководство вернется к своему изначальному типу континентального мышления» (*Wegener E.* Op. cit. P. 127–128).
- 23 *Paone R.M.* The Big Three And the Indian Ocean // *Sea Power. 1975. August.* P. 29.
- 24 *Kemp G.* Maritime Access and Maritime Power: The Past, The Persian Gulf, and The Future / *Sea Power and Strategy in the Indian Ocean* / Ed. A.J. Cottrell and Associates. Beverly Hills; L., 1981. P. 27.
- 25 Ibid. P. 40, 46.

- 26 Ibid. P. 46–47.
- 27 Rohwer J. The Confrontation of the Superpowers at Sea // R.U.S.I. and Brassey's Defense Year Book. 1974. N. Y.: Praeger Publishres, 1974. P. 163.
- 28 Kerner R.J. The Soviet Union as a Sea Power. N. Y., 1949. P. 119–120 (цит. по: Hucul W.C. The Evolution of Russian and Soviet Sea Power, 1853– 1953 / Ph.D. Thesis. University of California, [n.p.], 1953. P. 11–12).
- 29 Macintyre D. The Soviet Submarine Threat // The Soviet Navy / Ed. by M.G. Saunders. L., 1958. P. 171.
- 30 Hellner M.H. Op. cit. P. 26.
- 31 Dudley H.G. The Future Role of Soviet Sea Power // U.S. Naval Institute Proceedings. 1966. May. P. 48.
- 32 Eller E., McNeill. The Soviet sea challenge. Chicago, 1971. P. 5.
- 33 Pandolfe F.C. Soviet Seapower in Light of Mahan's Principles // U.S. Naval Institute Proceedings. 1980. August. P. 44–46.
- 34 Rairden P.W. Soviet Sea Power // U.S. Naval Institute Proceedings. 1948. January. P. 67.
- 35 Courtney A. Op. cit. P. 77.
- 36 Bathurst R.B. Op. cit. P. 50.
- 37 Foley S.R. Commentary // The Soviet and Other Communist Navies: The View from the Mid-1980s / Ed. by J.L. George. Annapolis, 1986. P. 281.
- 38 См.: Reynolds C.G. History and the Sea. Columbia, 1989. P. 197.
- 39 См.: Jordan J. Aircraft Carriers / Soviet naval threat to Europe: military and political dimensions / Ed. by B.W. Watson, S.M. Watson. Boulder; L., 1989. P. 50.
- 40 См.: Barry J.A. Soviet Naval Policy: The Institutional Setting // The Soviet Naval Influence: Domestic and Foreign Dimensions / Ed. by M. MccGwire. N. Y., 1977. P. 107.
- 41 Manthorpe W.H.J. The Influence of Being Russian on the Officers and Men of the Soviet Navy // Naval Review. 1978. May. Vol. 104/5/903. P. 137–138.
- 42 Но в главном Питер Тсорас остался верен мэхеновскому видению морской силы, считая Советский Союз континентальной державой: «Важнейший урок военной истории России заключается в том, что безопасности государства никогда не угрожало вторжение с моря. Идея морской мощи никогда не могла проникнуть в континентальное мышление России... Государства, которые рассматривают морскую мощь лишь как средство дальнейшей экспансии, обречены на провал в ее использовании, так как она не является непрерывным условием их выживания. Испания, Франция и Германия – примеры континентальных держав, которым приходилось выбирать между континентальными интересами и морской мощью, и каждая из них не смогла пожертвовать первым ради второго...» (Tsouras P. Soviet Naval Tradition / The Soviet Navy: Strength and Liabilities // Ed. by B.W. Watson, S.M. Watson. Westview Press, Boulder, Colorado, Arms and Armour Press; L., 1986. P. 3–4).
- 43 Hadeler W. The Ships of the Soviet Navy // The Soviet Navy / Ed. by M.G. Saunders. L., 1958. P. 140.

Западная историография Военно-морского флота СССР..

- 44 *Sapir J.* The Soviet Military System / Tr. by D. Macey. Polity Press, Cambridge, UK, 1991. P. 2–3.
- 45 Ibid. P. 33.
- 46 *Bathurst R.B.* The Soviet Navy through Western Eyes // The Sources of Soviet Naval Conduct / Ed. by P.S. Gillette, W.C. Frank, Jr. Lexington. Toronto, 1990. P. 59–61.
- 47 См.: *Hall E.* Beyond Culture. N. Y., 1976.
- 48 *Bathurst R.B.* The Soviet Navy through Western Eyes. P. 63.
- 49 Ibid. P. 68.
- 50 *Bathurst R.B.* Understanding the Soviet Navy. P. 43.
- 51 *Vego M.* Soviet Naval Tactics. Annapolis, 1992. P. 351.
- 52 Strategic Power: USA/USSR / Ed. by C.G. Jacobsen. N. Y., 1990. P. XXII.
- 53 Среди них сотрудники Института США и Канады АН СССР С.П. Федоренко, А.А. Кокошин и С.М. Рогов, сотрудники Института мировой экономики и международных отношений А.Г. Арбатов и Г.К. Леднев.
- 54 *Green W.C.* New Approaches to Analyzing Russian Naval Developments // The Soviet Military and the Future / Ed. by S.J. Blank and J.W. Kipp. Westport, 1992. P. 161.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И.И. Глебова

СТАРОСТИН Е.В., ХОРХОРДИНА Т.И.
АРХИВЫ И РЕВОЛЮЦИЯ.
М.: РГГУ, 2007. 120 с.

Архивы и революция – тема, которая никогда ранее не выходила на уровень монографического исследования. Статьи, доклады и выступления, разделы в монографиях о судьбе историко-документального наследия в революционные годы имеются в изобилии. Каждый руководитель отечественного архивного дела считал своим долгом на юбилейных собраниях высказать свою точку зрения на вклад, который внесла революция в развитие архивов России. В этих докладах на съездах и конференциях, в юбилейных статьях излагалась в основном официальная точка зрения, не содержащая ни малейшего намека на альтернативную. Инстинкт профессионального и личного самосохранения уводил историков и архивистов от опасного теоретизирования. Тем более что тема революции как ни одна другая была важнейшей частью марксистского канона.

Авторы монографии «Архивы и революция» нарушили историографическую традицию, предприняв на фоне скрупулезного анализа собственно истории архивов попытку философского осмысления проблемы сохранения социальной памяти общества в революционную эпоху. Ощущая нехватку «мыслительного материала», авторы пошли на достаточно смелый шаг, сравнив историю архивов двух великих социальных переворотов – Великой французской революции конца XVIII в. и Великой русской революции начала XX в. Состоявшаяся на страницах этой книги встреча двух революций заставила авторов, а вместе с ними и читателя, задуматься о чрезвычайном многообразии и инвариантности отношений различных социальных слоев французского и русского обществ к сохранению историко-культурного документального наследия. Наконец, Е.В. Старостину и Т.И. Хорхординой пришлось определить свое место в историографическом наследии темы, не встать на позиции адвокатов или обвинителей революции,

---

© Глебова И.И., 2009

а найти золотую середину, не стесняющую их исследовательского метода.

Опираясь на систему фактов, они сумели доказать, что распространенное как в научной, так и «околонаучной» среде убеждение в том, что русская революция повторяет в главных чертах французскую, лишена основания. Несмотря на схожие моменты, судьбы архивов в двух революциях были разными.

Книга состоит из историографического предисловия, двух основных частей и заключения. В приложении читатель найдет материалы дискуссии, разгоревшейся на страницах «Отечественных архивов» в юбилейный 1998 год по поводу декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г., и оригинальные тексты двух архивных декретов, определивших развитие архивов в двух странах на долгие годы вперед.

Первая часть посвящена освещению архивного дела в период Великой французской революции и анализу знаменитого декрета 7 мессидора II года Республики. Будучи историками широкого профиля, авторы по-новому взглянули на узловые проблемы истории архивов в годы Французской революции. Они обратились к основательно забытому наследию «École gusse» в лице В.И. Герье, П.А. Кропоткина, И.В. Лучицкого, Н.И. Кареева, Е.В. Тарле и других, оттенили социальные мотивы, игравшие часто определяющую роль в объяснении причин поведения групп населения, вовлеченных в великий переворот, в том числе и по отношению к сохранению национального архивного наследия. Французские историки, писавшие на эту тему (А. Бордь, де Лаборд, Г. Ришу, Р.А. Ботье, Ж. Фавье, М. Дюшен и другие), не обратили внимания на то, что уничтожение сеньориальных архивов моментально прекратилось после окончательной отмены феодальных прав в 1793 г. Полезным явилось применение авторами методики лингвистического анализа к терминам, зарождавшимся в переломные годы: «национальный», «фонд», «достояние» и т. д. В итоге в первой части книги был подготовлен материал для проведения компаративистского исследования

Во второй части рассматривается история российских архивов в годы Февральской и Октябрьской революций. Авторы вводят читателя в сложный процесс сохранения историко-документального наследия России, прослеживая механизм включения архивов в политический арсенал партий и политических групп, борющихся за власть. Особое внимание уделяется политикам большевистской партии, считавшим себя прямыми продолжателями дела французских якобинцев. Чтобы углубить свою аргументацию, авторы использовали малоизвестные печатные и архивные источники.

И.И. Глебова

Чудовищным выглядит приведенный диалог между В.И. Лениным и Д.И. Курским на заседании СНК о формах уничтожения архивов нотариальных контор дореволюционной России. В этот список документов, подлежащих уничтожению, должен был попасть и Межевой архив, «чтобы никогда не могло восстановиться помещичье землевладение и землепользование».

Вполне самостоятельным выглядит обширное компаративистское заключение к книге. Это первая попытка в архивоведческой литературе провести сравнительный анализ «родственных» по своей природе событий, и она заслуживает всяческого одобрения. Заслуживает одобрения даже при том, что в заключении имеются спорные сюжеты, сомнительные аналогии и слишком смелые параллели. Оставим эти вопросы для дискуссий историкам архивов на страницах архивоведческих изданий. Но по одному пункту, на наш взгляд, следует возразить. Авторы пишут: «В любой стране мира, в которой назревает революционная ситуация, мировое сообщество обязано применить комплекс мер, вплоть до вооруженной охраны международными силами объектов, хранящих национальное, а следовательно и мировое историко-культурное, наследие». Утопичность этого пожелания очевидна. Исторический опыт говорит о том, что «интернациональные» силы сразу же превращаются в «национальные» и выполняют задачи, которые им диктуют контролирующую ситуацию западные политики. Разрушенные памятники буддизма в Афганистане, разграбленный Национальный музей в Ираке свидетельствуют о чрезвычайной сложности выполнения этой в идеале благородной миссии. Необходимо искать другие пути сбережения историко-культурного достояния мировых шедевров. ЮНЕСКО и Международный совет архивов своими разработками в области международного архивного права показали ряд направлений решения этой сложной проблемы.

Книга Е.В. Старостина и Т.И. Хорхординой может рассматриваться как учебное пособие для студентов, аспирантов, специализирующихся на изучении архивоведения. Полезна она будет и профессиональным историкам и архивистам, интересующимся проблемами сохранения и использования историко-документального наследия России.

А.Ю. Суслов

ЧЕРНОВ В.М. В ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ: ВОСПОМИНАНИЯ
О ВОСЬМИ ЛИДЕРАХ / публ., вступ. ст.,
подгот. текста и коммент. А.П. НОВИКОВА
И К. ХУЗЕР.
СПБ.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2007. 528 с.

Длительное время в отечественной историографии личностный фактор в истории многопартийности недооценивался. Лишь в 1990-е годы получило развитие переиздание произведений лидеров российских политических партий, в том числе социалистов-революционеров, опубликованных в свое время в эмиграции. Возвращаются к отечественному читателю книги В.М. Чернова, М.В. Вишняка, П.А. Сорокина, А.Ф. Керенского и других. Параллельно пишутся и издаются биографии видных деятелей ПСР, преимущественно в форме очерков, а также изучается их творчество.

Предлагаемые читателю воспоминания лидера партии социалистов-революционеров Виктора Михайловича Чернова (1873–1952) впервые были опубликованы в 1946–1947 гг. на идиш в нью-йоркской газете «Форвертс» и отдельным изданием в 1948 г. в Нью-Йорке под заголовком «Еврейские лидеры в партии социалистов-революционеров». На русском языке они появились впервые благодаря саратовскому историку А.П. Новикову и исследователю из Швейцарии Карин Хузер. Они издали их в том виде, как те были подготовлены самим автором: по его рукописям из коллекции Б.И. Николаевского, хранящейся в библиотеке Гуверовского института. Заметим, что А.П. Новиков опубликовал в 2004 г. сборник, где введен в научный оборот ряд неопубликованных писем В.М. Чернова, сделана подборка мемуарных свидетельств, составлена библиография его трудов и работ о нем (В.М. Чернов: человек и политик. Материалы к биографии. Саратов, 2004).

Обращение Чернова к еврейской тематике не случайно. Во вступительной статье «Мои дороги и тропинки к еврейству» он пишет о мучительном «долге перед народом» – всяким инородческим народом, первым из которых по степени бесправия и унижения в царской России был еврейский народ. Поэтому воспоминания

А.Ю. Суслов

о своих друзьях-единомышленниках, сыгравших огромную роль в создании партии эсеров, Чернов рассматривал как своеобразный моральный долг. Начиная с 1930-х годов биографический жанр занял особое место в обширном творчестве Чернова, воплотившись, уже в американский период эмиграции, в книгу очерков о революционерах-евреях, стоявших у истоков эсеровской партии.

Написанные хорошим литературным языком, мемуары Чернова не просто воссоздают портреты руководителей партии социалистов-революционеров, но и рисуют широкую панораму российского революционного движения конца XIX – первой четверти XX в. Рассказывая о М.А. Натансоне, Х.О. Житловском, С.А. Анском (С. Раппопорте), И.А. Рубановиче, Михаиле и Абраме Гоцах, Г.А. Гершуни и О.С. Миноре, Чернов приводит многочисленные, эмоционально окрашенные детали, позволяющие более глубоко представить жизнь и деятельность разных поколений членов партии социалистов-революционеров в России и в эмиграции. Это и зарождение эсеровского движения, дело Азефа, связи российской революционной эмиграции с европейским социалистическим движением, драматические события 1917 г., судьба Учредительного собрания и многое другое. Вполне можно согласиться с составителями, что «черновские воспоминания являются ценным историческим источником» (с. 16).

По-разному сложились судьбы героев очерков: кто-то (М.Р. Гоц и Г.А. Гершуни) не дожил до 1917 г., другие отошли от партийной деятельности (Х.О. Житловский, С.А. Анский), остальные ушли из жизни на чужбине (О.С. Минор) или погибли в ГУЛАГе (А.Р. Гоц). Несмотря на то что Чернов по-разному относится к каждому из них, он подчеркивает их вклад в борьбу за социализм, за построение в России подлинно демократического общества.

Помимо мемуарных очерков книга содержит краткий биографический словарь о деятелях партии социалистов-революционеров и иных лицах, упоминаемых в тексте.

А.Г. Алексеев

ОКРЕСТ КОЛЧАКА: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ /
Под ред. А.В. КВАКИНА. М.: Аграф, 2007. 512 с.

Гражданская война и интервенция стали для восточных территорий России временем тяжелейших испытаний и борьбы многочисленных интересов сопредельных государств за влияние на политику и экономику в этом регионе. В связи с этим особый интерес приобретают личность А.В. Колчака, фигуры окружавших его военных и политических деятелей, проводимая Омским правительством внутренняя и внешняя политика, поскольку именно в ней нашли свое воплощение все противоречия этого драматического этапа истории, все коллизии взаимоотношений, сотрудничества и конфликтов внутри верхушки колчаковской военной диктатуры.

Принципиально важным здесь является критическое освоение поистине необъятных массивов неопубликованных источников, хранящихся в государственных и частных архивохранилищах как в России, так и за ее пределами. Ибо главную трудность в изучении истории Белого движения в России, как не раз отмечали исследователи, представляет как раз далеко не полная сохранность и разбросанность источников по разным архивам, странам и континентам.

К настоящему времени открыты новые массивы источников по истории колчаковской диктатуры в сибирских архивных центрах – в Омске, Красноярске, Томске. В Россию из США передан архив управляющего делами Омского правительства Г.К. Гинса. Стали доступными материалы, хранящиеся в архивах ФСБ (фонд канцелярии премьер-министров В.В. Вологодского и В.Н. Пепеляева). Документы эти уникальны, они открывают перед современными исследователями Гражданской войны новые, более широкие, чем прежде, возможности для изучения личности Колчака (особенно если учесть, что адмирал вел переписку со своими премьер-министрами как с частными лицами), его ближайшего окружения

и в целом истории возникновения, развития и гибели Белого движения на востоке России.

Особенно показателен в этом плане новый сборник, подготовленный известным специалистом А.В. Квакиным, «Окрест Колчака. Документы и материалы». Книга продолжает публикацию источников по истории Белого движения на востоке России, начатую им в сборнике «За спиной Колчака. Документы и материалы» (М.: Аграф, 2005).

Основу нового сборника составили материалы Государственного архива Российской Федерации.

Открывает его дневник председателя Совета министров В.Н. Пепеляева. Юрист по образованию, нашедший себя сначала в учительстве, а затем в активной работе в Партии народной свободы, Пепеляев стал постоянным членом Верховного совета. Он был посвящен во многие тайны омской «политической кухни», о которых и не догадывались остальные члены правительства. Именно поэтому его дневник – подлинно «настольная книга» исследователя колчаковской драмы.

Дневник Пепеляева уже публиковался, и не однажды: в 1923 и частично в 1928 г. Однако прежние публикации сопровождались купюрами и комментариями, выдержанными в духе того времени, что затрудняет их использование в историческом исследовании, мешает объективно взглянуть на многие события и многих людей. В основу нынешней публикации легли архивные документы (машинописная копия, сверенная с рукописью В.Н. Пепеляева), находящиеся на хранении в ГАРФе. Поэтому есть все основания говорить о первой, подлинно научной публикации этого уникального источника, богатого фактическим материалом.

Примерно так же можно охарактеризовать и публикацию в этом сборнике допросов адмирала Колчака в Иркутске в январе–феврале 1920 г. До сих пор полный и выверенный по стенограмме текст допросов не издавался. Публикацию 1923 г. в «Архиве русской революции» в Берлине вряд ли можно назвать в полном смысле научной. Проведенная А.В. Квакиным тщательная сверка этого текста с оригиналом дешифровки, хранящимся в ГАРФе, показывает, что публикация 1923 г. содержит большое количество ошибок и опечаток, искажающих смысл показаний адмирала. Кроме того, редакция «Архива русской революции» зачастую корректировала явные бессмыслицы путем вставки предполагаемых слов, что негативно сказалось на аутентичности текста допросов и внесло в него еще большую путаницу. Таким образом, публикуемый в сборнике текст является наиболее точным и достоверным воспроизведением подлинных допросов Верховного правителя.

В сборник включены также воспоминания ближайших сподвижников Колчака – ротмистра В.В. Князева «Жизнь для всех и смерть за всех: записки личного адъютанта Верховного правителя, Адмирала А.В. Колчака», контрадмирала М.И. Смирнова «Адмирал А.В. Колчак (Краткий биографический очерк)», генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева «Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922 гг. Впечатления очевидца». Последний источник, на наш взгляд, наиболее интересен: вышедший из-под пера профессионального военного, он дает наиболее широкую панораму событий, происходивших на Белом востоке. Как ни парадоксально, но именно высшее белое офицерство оказалось наиболее откровенным в признаниях своего бессилия в борьбе с большевизмом, беспощадно критикуя собственные просчеты и ошибки. В этом смысле всем современным апологетам Белого движения из околонучных кругов не мешало бы чаще и внимательнее перечитывать мемуары генералов – и тех, кто окружал белых вождей в «столицах» антибольшевистских территорий, и тех, кто командовал войсками на фронте. Показательны наблюдения Филатьева, писавшего: «Одновременно с Колчаком на юге России действовал сухопутный генерал Деникин, в полной мере искушенный в ратном деле и окруженный плеядой старых опытных генералов и сливок государственных и общественных деятелей. Но и он не преуспел. Значит, были какие-то общие неумолимые причины нашего неуспеха на всех фронтах Белой борьбы. Это обстоятельство должно быть учитываемо при оценке деятельности адмирала Колчака».

Рядом с материалами, включенными в сборник, несколько странным выглядит предисловие составителя «Колчак известный и неизвестный» из-за обильного цитирования материалов, опубликованных в основных разделах сборника. Здесь, скорее, был бы уместен более глубокий собственный комментарий специалиста, отдавшего изучению истории Гражданской войны не один год.

В целом сборник «Окрест Колчака», профессионально составленный А.В. Квакиным, – несомненно, новый значительный шаг в изучении Белого движения и личности Верховного правителя России. Шаг, позволяющий глубже понять политические, идейно-нравственные и социально-экономические процессы, протекавшие на территории антибольшевистских режимов, понять и сущность, и многие черты Гражданской войны, заметные современникам и явственно ощущавшиеся ими, но ускользнувшие от нас, их потомков, за далью десятилетий.

Д.А. Пушмин

ИЗ ИСТОРИИ КОНСТИТУЦИОННО-
ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА
1991–1993 гг.

Мороз О. Так кто же расстрелял парламент?
М.: Русь; Олимп, 2007. 700 с.

Специфика интерпретации предпосылок, хода и результатов российского конституционно-политического кризиса начала 1990-х годов анализируется в статье на примере одного из современных историко-публицистических исследований. Автор статьи приходит к заключению, что для историографии противостояния ветвей власти в новой России все еще характерен акцент на поиск виновных в конфронтации, а не анализ отразившихся на формировании государственности РФ политических последствий конфликта.

Ключевые слова: Новая Россия, формирование государственности, конституционно-политический кризис, Верховный Совет РФ, Съезд народных депутатов РФ, Б.Н. Ельцин, указ Президента РФ № 1400.

Выявление природы, причин и последствий конституционно-политического противостояния ветвей российской власти 1991–1993 годов остается важной общественной проблемой, поскольку развязка конфликта предопределила нынешнее политическое устройство Российской Федерации. В то время как научное сообщество крайне осторожно касается драматических деталей недавнего прошлого, наблюдается устойчивое увеличение посвященной данной теме литературы публицистического и мемуарного характера.

Публицистическая доминанта отличает и книгу журналиста О.П. Мороза «Так кто же расстрелял парламент?» Автор, освещавший на страницах «Литературной газеты» многие проблемы российского переходного периода, ставит задачу дать читателю полное представление об основных процессах политической и экономической жизни страны в начале 90-х годов прошлого века.

© Пушмин Д.А., 2009

Состоявшаяся в ноябре 2007 г. презентация книги вызвала большой интерес со стороны СМИ и стала заметным событием в общественно-политической жизни. В итоговой пресс-конференции участвовали занимавшие в прошлом высокие посты в правительстве Е.Т. Гайдар и А.А. Нечаев. В своих выступлениях они оценили труд автора как «хорошую и честную» книгу. Принципиальная важность исследований политической истории недавнего прошлого была также отмечена бывшим работником администрации президента Б.Н. Ельцина М.А. Красновым и депутатом Верховного Совета 1990–1993 гг., секретарем Конституционной комиссии О.Г. Румянцевым.

«Так кто же расстрелял парламент?» представляет собой доработанную и дополненную версию выпущенных О.П. Морозом в 2005 г. «Хроник либеральной революции». Редакции подверглось содержание книги: изменены названия первых двух глав, в текст добавлены биографические справки основных участников политического процесса начала 1990-х годов, в новом издании отсутствует эпилог.

На первый взгляд, текст книги претерпел по сравнению с предыдущим изданием незначительные изменения. Однако в новом издании автором работы снят ряд концептуальных положений, с которыми он ранее подходил к рассмотрению интересующего его периода. Прежде всего О.П. Мороз отказался от определения «великая либеральная революция» по отношению к российской посткоммунистической трансформации. Также не нашлось места упоминанию о закономерности послереволюционного «термидора», с помощью которого автором объяснялась произошедшая после октября 1993 г. коррекция политического режима в сторону значительного усиления исполнительной власти. Наконец, в новом издании отсутствуют сравнения стиля руководства Б.Н. Ельцина с реформистским стилем генерала Ш. де Голля при переходе к Пятой французской республике.

Все эти положения давно уже стали общим местом как в публицистике, так и в научных работах. «Революционный» характер рассматриваемому периоду придавали С.С. Говорухин («великая криминальная революция»), В.А. Кутырев («демократическая контрреволюция»), М.Е. Салье («малый октябрь»), участники круглого стола ИРИ РАН 10 декабря 1993 г. («новый октябрь»). На «концепцию термидора» в оценках российской трансформации 1990-х годов ссылался авторитетный исследователь В.В. Согрин в статье «1985–2005: Три превращения современной России». Исторические параллели между современной Россией и Пятой республикой во Франции проводили Р.Г. Пихоя и В.А. Рыжков.

В новой редакции книга О.П. Мороза больше не отсылает читателя к этим более или менее спорным историческим аналогиям и обобщениям. Теперь автор пытается сделать акцент на рассмотрении специфики российского конституционно-политического кризиса.

Книга О.П. Мороза является ценным источником по истории рассматриваемого периода. В ней приводятся отрывки из бесед автора с бывшим госсекретарем РФ Г.Э. Бурбулисом по вопросам кадровых назначений 1991 г. в российское правительство. Представляют интерес воспоминания журналиста о встречах с Е.Т. Гайдаром, Г.А. Явлинским, на которых обсуждались перспективы демократических реформ в условиях системного кризиса. Включенное в книгу интервью с заместителем председателя Конституционного суда Н.В. Витруком содержит важные сведения для понимания позиции Конституционного суда в затяжном конфликте представительной и исполнительной властей, основанные на личностной характеристике председателя суда В.Д. Зорькина.

Достоинством книги является большое количество использованных О.П. Морозом источников. Среди них – законы, президентские указы, постановления правительства, доктринальные документы органов власти, политических партий и общественных движений, стенограммы заседаний Съездов народных депутатов, сессий Верховного Совета, выступления политических лидеров в СМИ, аналитические материалы отечественной и зарубежной печати, официальные результаты референдумов и данные опросов общественного мнения. Автор часто обращается к мемуарам участников политического процесса тех лет. В тексте присутствуют цитаты из «Записок президента» и «Президентского марафона» Б.Н. Ельцина, «Великой российской трагедии» Р.И. Хасбулатова, «Дней поражений и побед» Е.Т. Гайдара, «Совершенно секретно» С.А. Филатова.

Выступая против упрощенного понимания трагических событий 3–4 октября 1993 г. в Москве как силового подавления сторонников представительной ветви власти властью исполнительной, О.П. Мороз делает попытку показать комплекс приведших к столкновению причин и предпосылок. Для этого он подробно восстанавливает основные эпизоды противостояния политических сил, будучи уверен, что «октябрьские события 1993 г. начались еще в конце 1991 г.».

Фактический материал сочетается в книге с выраженной авторской позицией. Текст книги призван убедить читателя в том, что именно действия представительных органов власти России предопределили драматическую октябрьскую развязку. О.П. Мороз

пытается показать последовательную консолидацию сил, оппозиционных как Б.Н. Ельцину лично, так и в целом демократическому курсу и социально-экономической политике правительства. В «антиельцинскую коалицию» автором включены Съезд народных депутатов, Верховный Совет РФ во главе с его председателем Р.И. Хасбулатовым, очевидное большинство региональных Советов, руководство Центрального банка РФ, значительная часть судей Конституционного суда, а также внепарламентская коммунистическая и национально-патриотическая оппозиция. Все эти коалиционные силы, по мнению автора, ставили задачу дискредитации Б.Н. Ельцина и его сторонников. Они последовательно отвергли ряд предлагавшихся им компромиссных шагов по достижению общественного согласия, не оставив альтернатив силовому решению конфликта.

О.П. Мороз позволяет себе критику некоторых политических решений Б.Н. Ельцина. Главным стратегическим и тактическим просчетом президента, по мнению автора, являлось то, что он промедлил с принятием новой конституции России, в которой был бы закреплён баланс властных полномочий, характерный для президентской республики. Он утверждает, что для подготовки и принятия Основного закона «в относительно спокойной обстановке» у президента и его сторонников было 6–7 месяцев: с июня по ноябрь–декабрь 1991 г.

Другой ошибкой Б.Н. Ельцина и его администрации О.П. Мороз считает появление А.В. Руцкого и Р.И. Хасбулатова на руководящих постах. Он высказывает интересную мысль о том, что ставка на профессора-экономиста, представителя «малого» народа, и боевого летчика-командира, Героя Советского Союза соответствовала старым аппаратным представлениям, была призвана укрепить авторитет власти в различных слоях российского общества. Однако, получив в условиях новой России свои посты, Р.И. Хасбулатов и В.А. Руцкой тут же заявили о собственных политических амбициях.

Однозначной ошибкой Б.Н. Ельцина, по мнению публициста, была отставка с поста главы правительства Е.Т. Гайдара. Автор расценивает ее как очередной шаг из серии односторонних уступок Верховному Совету и Съезду, который только увеличил притязания оппозиции.

Наконец, одним из политических просчетов, едва ли не ставшим, по мысли автора, роковым, стала беспечность демократической власти перед угрозой «коммунистического реванша».

О.П. Мороз – убежденный сторонник социально-экономического курса правительства реформаторов. Действия правительства

в 1992 г. заслуживают его положительной оценки с точки зрения разрешения двух основных задач. Первая – недопущение гуманитарной катастрофы в стране. Вторая – придание демократическим реформам устойчивого, неотвратимого характера. Решение этих задач компенсировало, по мысли автора, «издержки» и слабые места реформы – коррупцию и слабую социальную защиту населения. В аргументации своих ключевых положений О.П. Мороз придерживается сходного с Е.Т. Гайдаром мнения об отсутствии у «шоковой терапии», в сложившихся в конце 1991 г. условиях, разумных альтернатив.

Рассматривая структуру демократических реформ в России, О.П. Мороз выделяет три ключевых компонента. Речь идет об установлении свободного ценообразования, приватизации предприятий государственного сектора, а также о жесткой кредитно-денежной политике государства. Во всех компонентах преобразований автор видит системное противодействие оппозиции реформаторам из правительства.

Либерализация цен и создание возможностей для свободной торговли были одними из первых шагов правительства. Болезненно пережитые значительной частью населения России, эти действия, в авторской интерпретации, решили задачу насыщения внутреннего рынка товарами. О.П. Мороз подчеркивает, что эффект либерализации продолжительное время оставался неустойчивым и обратимым. Не были отпущены цены на товары первой необходимости. Промышленное и аграрное лобби в Верховном Совете отстаивало существование ценовых ограничений на энергоснабжение. Неустойчивость политики либерализации демонстрируется автором на примере попытки В.С. Чернобырдина вернуться к регулированию цен на широкий ассортимент продукции и товаров в январе 1993 г., спустя год после решения о свободном ценообразовании.

В части финансовой стабилизации доказывается, что реформа была торпедирована рассогласованной деятельностью В.В. Герашенко на посту председателя Центрального банка РФ и федерального правительства. Решение Центробанка о выдаче технических кредитов странам СНГ подрывало стремление правительства стабилизировать курс национальной валюты. Погашение долговых обязательств государственных предприятий за счет федерального бюджета на основе дополнительной денежной эмиссии сводило на нет усилия по обузданию инфляции. Статус Центробанка стал предметом ожесточенных споров между исполнительной и представительной ветвями власти. В то время как Б.Н. Ельцин пытался подчинить Центробанк правительству, руководство Верховного

Совета настаивало на праве этого органа самостоятельно определять кредитно-финансовую политику.

Со стороны законодателей была внесена корректировка в правительственные замыслы по сокращению государственного сектора экономики. После полугода дебатов в программу приватизации было отдельным пунктом включено право преимущественного приобретения контрольного пакета акций трудовым коллективом предприятия. По мнению О.П. Мороза, это обстоятельство существенно замедлило ход реформы, обусловив появление неэффективных в условиях стихийного рынка форм собственности и широкое поле деятельности для стоявшего за спинами трудовых коллективов бывшего партийно-хозяйственного актива. Тем не менее приватизация называется автором самым успешным из направлений реформаторской деятельности: «Худо ли, бедно, в России все-таки утвердилось частная собственность. Причем в весьма краткие сроки» (с. 463).

Подробное рассмотрение влияния представительной власти на ход и характер экономических реформ позволяет автору работы показать, что значительная часть ответственности за рыночные преобразования лежит на законодателях. О.П. Мороз считает, что Съезд и Верховный Совет были не вправе занимать комфортную позицию независимого критика по отношению к курсу правительства, поскольку в самом начале одобрили концепцию реформ, а затем неоднократно оказывали на нее значительное воздействие.

Хотя автор обозначил ряд спорных моментов в тактике президентской стороны и в общей оценке политического развития страны в 1991–1993 гг., он в целом склонен оправдывать действия Б.Н. Ельцина и его сторонников, решительно осуждать парламентскую и внепарламентскую «реваншистскую» оппозицию.

Все же некоторые моменты в аргументации О.П. Мороза не представляются бесспорными.

При анализе возможностей превентивного воздействия на будущий конфликт ветвей власти автор видит упущенную возможность в отказе от принятия новой конституции России, а также от запрета коммунистической партии во всех ее вариантах сразу после прихода Б.Н. Ельцина к власти. Представляется, что конституционный процесс, запущенный еще в июне 1990 г., не мог завершиться в течение 1991 г. из-за нерешенных на тот момент вопросов Союзного и Федеративного договоров, определявших статус республик в составе РСФСР и будущего РСФСР как части Союзного государства.

Думается, однако, что запрет коммунистической партии в 1990–1991 гг. не снизил бы уровня напряженности в обществе,

зато мог привести к усилению давления на российскую власть со стороны объявленной вне закона оппозиции. Кроме того, О.П. Мороз не поясняет, каким ему видится механизм принятия такого рода решения.

При анализе некоторых аспектов экономической политики правительства в 1992 г. автор часто обращается к мемуарам Е.Т. Гайдара и цитирует их страницами, вплоть до сводок о продовольственной ситуации в регионах накануне либерализации цен (с. 35–37). Это несколько перегружает текст книги.

Дискуссионным остается однозначно решенный автором вопрос о слабой готовности Б.Н. Ельцина и его сторонников к силовой фазе противостояния. Историк и политолог Л.Ф. Шевцова в своей работе «Режим Б. Ельцина» считает, что внешняя неподготовленность и хаос, возобладавшие в рядах сторонников Б.Н. Ельцина, явились «игрой президентской команды, целью которой было дезориентировать оппозицию». Сходные оценки можно встретить и в воспоминаниях непосредственных участников событий.

Отказываясь от упрощенной трактовки конституционно-политического кризиса как верхушечного противостояния политических сил, автор встает на защиту другой релятивистской точки зрения: представления о том, что одна из противоборствующих сторон возглавляла ход фундаментальных перемен в стране, а другая ожесточенно им сопротивлялась. Именно такой подход критиковал известный британский историк П. Данкен в своем докладе «Конец советской эры: закономерности и противоречия» на круглом столе в ИРИ РАН, когда отмечал, что «нельзя однозначно заявлять, что бывший Верховный Совет – это коммунисты, националисты и т. п., а вокруг президента и в исполнительной власти – какие-то новые люди».

Думается, что анализ последствий подробно и вдумчиво описанного в книге конституционно-политического кризиса оказался несколько незаслуженно отодвинут автором на второй план поиском и изобличением виновных в драматических событиях 1993 г. в Москве. Вместе с тем «послеоктябрьский» период ознаменовался значительными переменами в политической жизни российского общества. Произошла дискредитация представительной власти как института. Контрольные функции нового Федерального Собрания оказались ограничены. Развязка противостояния в 1993 г. вовсе не укрепила позиции либеральных реформаторов в правительстве. Усилилось политическое влияние чиновников из президентской администрации и руководителей силовых ведомств. В жизни страны возросла роль кулуарного принятия решений.

Из истории конституционно-политического кризиса 1991–1993 гг.

С другой стороны, акцент на поиск виновных в эскалации конституционно-политического кризиса до степени силового противостояния отвечает интригующему названию книги в авторской редакции 2007 г., которое, несомненно, привлекает читателей и побуждает к дискуссии.

Н.Б. Тымчук

ГРИШАЕВА Л.Е. РОССИЯ И ООН:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
М.: Спутник +, 2007. 500 с.

Монография Л.Е. Гришаевой посвящена весьма актуальной, но малоизученной проблеме: участию СССР и России в деятельности Организации Объединенных Наций с 1945 по 2007 г. Проблематика очень сложная в научном плане, почти не исследованная, но крайне необходимая. Книгу можно смело отнести к масштабному комплексному историческому исследованию, новому как по постановке проблемы, так и по подходам к ее изучению.

На основе взвешенного анализа широкого круга малодоступных оригинальных источников, созданных внутри всей системы ООН, Л.Е. Гришаева дает реалистичную оценку места и роли нашей страны в работе ООН. Центральное место отведено анализу участия России во всеобъемлющей реформе ООН. Ясно и объективно показана специфика истории взаимоотношений с различными структурами ООН, сделан правомерный вывод о трудностях и противоречиях деятельности России в ООН на переломном этапе существования этой международной организации. Четко освещены самые острые проблемы, стоящие перед ООН: реформа Совета Безопасности, ядерная безопасность, миротворчество, социально-экономическое и валютно-финансовое сотрудничество. Глубоко раскрыта взаимосвязь между проблемами ООН и современными экономико-политическими проблемами России.

В книге впервые показан вклад и роль России в основных приоритетных направлениях деятельности ООН, обозначены структурные трансформации ООН и причины изменения подходов России к участию в ее структурах, определены сущность кризиса ООН и факторы, тормозящие процесс ее реформы, выявлены причины, по которым Россия занимает консервативные позиции в отношении реформы ООН. Иными словами, автором дана новая, объек-

тивная оценка роли и места России в процессе деятельности и реформирования ООН.

Автор прослеживает преемственность участия России в деятельности ООН. Как показано в книге, СССР внес решающий вклад в создание ООН, умел отстаивать свои интересы и добиваться своих целей, в результате великие державы пришли к разумному компромиссу и ООН приобрела всеобъемлющий глобальный характер. В то же время показано, что еще при ее создании, в ее истоках, при выработке ее основных принципов были заложены противоречия, последствия которых сказались гораздо позже: права малых государств, региональные организации и их роль, право вето.

Самым значительным достижением автора является то, что в книге впервые столь глубоко и логично выявляются причины кризиса ООН, анализируются позиции ведущих держав относительно путей разрешения кризиса ООН. Показан разрыв между существующими острыми мировыми проблемами и международными институтами, застывшими в своем развитии и неспособными адекватно реагировать на новые вызовы современности. Выявлены перспективы реформы Совета Безопасности, изменения в миротворческой деятельности. Освещена роль России в процессе реформы ООН: в целом она характеризуется как консервативная, что совпадает с позициями других великих держав – постоянных членов Совета Безопасности. Россию в целом отличает взвешенный подход, направленный на сохранение основ ООН и одновременно нацеленный на проведение назревших и полезных изменений, способствующих совершенствованию и повышению эффективности ее деятельности. Однако у России нет иных, помимо ооновских, мощных экономических, финансовых, военных рычагов воздействия на мировые процессы: она не является членом ЕС, НАТО и других сильных региональных организаций. Автором верно выявлены причины возникновения устойчивой тенденции в политике ряда западных стран во главе с США действовать в обход Совета Безопасности ООН. И показано на конкретных примерах, что тем не менее по здравом размышлении рано или поздно все страны обращаются в ООН для придания легитимности своим действиям.

В книге даны очень интересные сведения о сути деятельности Генсека ООН, раскрыты основные направления реформы ООН, роль России в их выработке: по проблемам ядерной безопасности, в решении вопросов миротворчества, в перестройке социально-экономической системы ООН. Особую значимость имеют выводы автора по современному состоянию и решению проблем ядерной безопасности по линии ООН. Позиция России определяется как взвешенная и прагматичная: развитие научно-технического про-

Н.Б. Тымчук

гресса должно объективно сочетаться с борьбой против угроз и вызовов со стороны государств, стремящихся избежать международного контроля, не участвовать в процессе разоружения и нераспространения ядерного оружия и создавать в одностороннем порядке собственное ядерное, крайне несовершенное и крайне опасное вооружение с намерением его произвольного применения якобы в оборонительных целях. Четко определено значение и место санкций в международных конфликтах, показывается их неоднозначность в определении конечных целей, указываются причины кризиса миротворческой деятельности ООН.

Однако, как полагает Л.Е. Гришаева, политика России, в целом верная по своей направленности, зачастую носит декларативный характер, а реакция ее на очевидные изменения в мире – явно замедленная.

Интересны оценки и выводы автора относительно социально-экономического направления деятельности ООН. В книге показаны усилия России по выходу в этой области на новый качественный уровень, что должно способствовать интенсивной интеграции российской экономики в мировое хозяйство, максимально эффективному противостоянию мировым финансово-экономическим кризисам.

Л.Е. Гришаева твердо стоит на той точке зрения, что альтернативы ООН не существует. Хотя и допускает, что, может быть, в перспективе все-таки она отомрет, не сумев справиться с существующими противоречиями, и будет заменена другой, новой организацией, как в свое время сама ООН заменила своего формального предшественника – Лигу Наций. Однако, убеждена автор, если и будет создана другая организация как аналог и преемник ООН, то уже без участия России.

В целом книгу Л.Е. Гришаевой отличает ответственная, смелая и современная трактовка этой крайне сложной темы. В то же время все сюжеты изложены просто и доходчиво. Текст насыщен уникальным фактическим и аналитическим материалом, который будет интересен всем, кого волнует роль России в сегодняшнем сложном мире.

Л.Е. Гришаева

ПРИМАКОВ Е. МИННОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИКИ.
М.: Молодая гвардия, 2007. 368 с.

Е.М. Примаков оказал значительное влияние на российскую внешнюю политику, но сам не считает «Минное поле политики» мемуарами и историческим исследованием. Тем не менее он сделал главное: показал «многослойность российской политической и общественной жизни» и указал на неприемлемость «однозначных оценок происшедшего и происходящего в России», без чего «невозможно понять историю России» (с. 5).

Академик Е.М. Примаков считается признанным знатоком проблемы ближневосточного урегулирования. Но в этой книге поражает то, как точно и политически выверенно он дал анализ существа конфликта в Косово. И это можно рассматривать и как урок современным политикам, и как научно обоснованное предвидение развития конфликтной ситуации.

Еще в начале 1990-х годов Е.М. Примаков выражал опасения в связи с расчленением Югославии и характеризовал выделение из нее Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины как «межэтническую чересполосицу», ставшую основой кровавых конфликтов. Мировое сообщество и, к сожалению, Россия как-то сразу, без особых опасений за будущее приветствовали все это (с. 211). Если положение в Боснии постепенно стабилизировалось, то в Косове ситуация развивалась по-другому. Конфликт сначала тлел – потом запылал.

Во времена И.Б. Тито Косово с его преимущественно албанским населением обладало широкими автономными правами. Сербская конституция 1974 г. также предоставила Косово права автономии. С. Милошевич, чувствуя себя всемогущим и игнорируя предостережения о возможности взрыва, в 1989 г. упразднил автономный статус Косово. По новой сербской конституции 1990 г. права Косово были значительно урезаны: ликвидированы законо-

дательные и исполнительные органы власти. Нежелание Белграда серьезно заняться косовской проблемой, надежда на то, что все само собой образуется, объективно усиливали позиции албанских сепаратистов в Косово (с. 211–212). А страны НАТО полностью игнорировали межэтнические противоречия в СФРЮ.

В ходе переговоров контактной группы (США, Великобритания, Россия и другие страны) в Лондоне Е.М. Примаков убеждал С. Милошевича выступить с инициативами об автономном статусе Косово, отвести воинские части в места их постоянной дислокации, взять личную ответственность за начало переговоров с умеренными лидерами косовских албанцев и согласиться на приезд в Косово наблюдателей ОБСЕ (с. 213). Однако Милошевич, пообещав все это, предпочел остаться в стороне. Запад же наращивал давление на Белград, демонстрируя несбалансированность подходов к сторонам конфликта.

Е.М. Примаков справедливо замечает: «У нас не могло не возникнуть ощущения, что косовская проблема рассматривается некоторыми западными партнерами по контактной группе через призму возможности окончательного развала Югославии при резком ослаблении Сербии» (с. 214). Становилась все более очевидной возможность применения силы НАТО против Югославии, хотя ряд европейских государств, в том числе членов НАТО, колебались в отношении осуществления такой акции, в особенности в обход Совета Безопасности ООН. Россия добивалась того, чтобы Белград заявил о готовности незамедлительно продолжить переговоры по всему комплексу проблем, включая формы автономии края; не осуществлять какие-либо репрессивные действия против мирного населения; для налаживания доверия обеспечить свободу передвижения на всей территории Косово; гарантировать доступ в край гуманитарных организаций; не ограничивать возможности ознакомления с ситуацией дипломатическим представителям иностранных государств и международным организациям. В ходе переговоров в Москве был сделан серьезный прорыв. Объективные наблюдатели пришли к выводу, что Россия дипломатическими средствами сняла необходимость применения силы против Белграда (с. 216). Кажется, дело идет к политической развязке.

Но в этот момент над Белградом вновь был занесен «натовский меч» (с. 217). Центром борьбы стал Совет Безопасности ООН, где США и Великобритания упорно хотели провести резолюцию по Косово со ссылкой на главу VII Устава ООН, которая предусматривает в случае угрозы международному миру эскалацию санкций вплоть до применения силы. Глава VII была использована лишь однажды: для санкционирования под флагом ООН войны в Корее.

Тогда советский представитель отсутствовал, и резолюция прошла. Теперь Россия постаралась учесть уроки прошлого и открыто заявила о том, что воспользуется правом вето. Однако России не удалось переломить ситуацию.

Еще в начале развития косовского конфликта Е.М. Примаков считал, что следует продолжать поиск политического выхода. Позиция России, по его утверждению, постоянна. «Она, образно говоря, состоит из четырех “нет”»: натовской вооруженной операции против Белграда; выходу Косова из Югославии; эскалации санкций против СРЮ; сохранению нынешнего статуса Косова, который не предоставляет автономии этому краю» (с. 218). Необходимо было немедленно начать переговоры. Е.М. Примаков заявил, что «под ударами натовской авиации не удастся заставить Милошевича сесть за стол переговоров. Это нереальная задача. Надо найти выход из ситуации. При эскалации конфликта решение косовской проблемы затруднится» (с. 297).

Именно Е.М. Примакову удалось выработать четкий и конструктивный подход к решению косовской проблемы: готовность к политическому урегулированию, которое может быть достигнуто путем переговоров представителей национальных общин Косово; переговоры, результатом которых должно стать обеспечение равных прав всего населения Косово вне зависимости от национальности и вероисповедания; готовность сразу же после прекращения бомбардировок начать отвод югославских вооруженных сил, находящихся в Косово; готовность обеспечить возвращение беженцев в Косово (с. 299). Однако бомбовый удар по Белграду был нанесен. Сказалась, по мнению Е.М. Примакова, и уклончивая политика тогдашнего Генсека ООН К. Аннана (с. 301). ООН справедливо стала подвергаться резкой критике. На Западе все более контрастно вырисовывалась идея отрыва Косово и Метохии от Сербии, придания этим землям какого-то особого статуса независимого государства. Косово – автономная единица, и ее выделение вопреки воле Белграда, предсказывал Е.М. Примаков, создаст опаснейший прецедент для всех государств, в которых национальные меньшинства стремятся выделиться. Особенно остро, предвидел он, эта проблема встанет для ряда бывших республик Советского Союза, в которых с таким трудом удалось погасить кровавые межэтнические столкновения (с. 305–306).

Л.Е. Гришаева

ПРИМАКОВ Е.М. МИР БЕЗ РОССИИ?
К ЧЕМУ ВЕДЕТ ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БЛИЗОРУКОСТЬ.

Российская газета, 2009. 240 с.

После окончания холодной войны, на рубеже веков обострились проблемы мироустройства. Драматический распад СССР изменил геополитическую ситуацию и расстановку сил в мире, место и роль России в нем также стали заметно иными. В условиях глобализации возросла взрывоопасность конфликтных ситуаций, произошло качественное усложнение природы конфликтов. Международное сообщество, прежде всего ООН, оказалось неготовым к адекватному реагированию на новые угрозы и вызовы, явно проявился кризис миротворческой системы ООН. Анализ работы ООН, которая моментально должна реагировать на проявление агрессии и нарушение стабильности в мире, свидетельствует не только об ее очевидной неэффективности, но и о том, что причины ее системного кризиса до сих пор не получили глубокого серьезного осмысления. Это дает повод думать об ООН как о «бумажной фабрике», «старой развалине», не способной выполнять свои уставные функции, и которую, соответственно, следует не просто подвергнуть радикальным преобразованиям, но и уничтожить.

Радикализм воззрений, базирующийся на некомпетентности, заменяет обоснованный анализ и ясность стратегического мышления и фактически исключает ответ на вполне резонный вопрос: а что будет взамен ООН? Ведь в условиях глобализации потребность в координирующих функциях, универсальных по своей компетенции в деле поддержания мира и безопасности, все равно сохранится и даже усилится. Региональные организации в свою очередь не способны решать эти проблемы в силу ограниченности состава, компетенции, задач и функций. Найдется ли тогда место России в новых, системообразующих международных структурах в многополярном мире?

© Гришаева Л.Е., 2009

Очевидно, что в такие острые переходные периоды возрастает необходимость в масштабных, аналитически мыслящих политических фигурах, способных дать объективный анализ мировой ситуации. Одним из наиболее ярких политических деятелей современной эпохи является академик Е.М. Примаков.

Его новая книга – «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость» – наиболее значимая и острая из его исследований и воспоминаний.

Е.М. Примаков справедливо утверждает, что лишь политической близорукостью можно объяснить готовность исключить Россию из числа великих держав, недооценивать ее потенциал, динамику, перспективы развития (с. 6). Поражает его точный и политически выверенный анализ современных международных отношений. Читателям остается лишь извлекать уроки политической мудрости и надеяться, что не только историки, но и нынешние политики также знакомятся с его блестящими работами.

Главная идея Е.М. Примакова состоит в новых подходах к характеристике многополярности. Прежде лишь констатировался факт краха биполярной системы, из которого логически, вольно или невольно, вытекало признание монополярного лидерства США. Однако Е.М. Примаков справедливо полагает, что доминирование США объективно носит хотя и длительный, но все-таки временный характер. Более того, роль США как единственного центра не придает устойчивости мировой системе. В то же время как раз в условиях неравномерности развития и при объективном постепенном появлении новых мировых центров и усилении интеграционных процессов именно «сама система многополярности надежна устойчивая» (с. 22). Это обусловлено превращением мировой экономики в условиях глобализации в целостную систему, состоящую из взаимосвязанных, взаимозависимых элементов, охватывающих весь земной шар. Образовалась система хозяйственных связей, на новом качественном уровне регулирующая инвестиционные, финансовые и торговые потоки в мире. Интеграционные процессы на межгосударственном уровне способствуют увеличению числа центров в современном мире, его многополярности, а транснационализация хозяйственной предпринимательской деятельности еще больше связывает эти центры друг с другом. Таким образом, полюсы современного мира оказываются взаимозависимыми не только в результате качественно-прорывного развития наукоемкого производства, но и новых форм производственных отношений. Е.М. Примаков приходит к совершенно верному выводу о том, что нынешняя многополярность сама по себе не предполагает столкновения, конфронтации и противостояния

между различными государствами даже при несовпадении их национальных интересов (с. 24).

Реальную картину сегодняшнего мира создает диалектика между складывающейся многополярностью и взаимозависимостью образующихся центров мировой системы. Взаимозависимость этих центров усиливается в результате потребности вовлечения всех мировых полюсов в противодействие новым опасностям и вызовам, в первую очередь распространению ядерного оружия, международному терроризму, региональным конфликтам, финансово-экономическим кризисам, обострению экологических проблем и т. д. Таким образом, совершенно очевидно, что важные мировые проблемы могут быть решены лишь на многосторонней основе. Этой цели призвана служить ООН – механизм международного сотрудничества, потребность в эффективном функционировании которого в настоящее время заметно увеличилась. ООН – это уникальный международный форум и главный координирующий центр принятия решений по ключевым мировым проблемам, в том числе в деле кризисного реагирования. ООН остается ареной для развития диалога наций по созданию безопасного мира. В то же время ясно, что необходима адаптация Организации к новым историческим реалиям. Однако, при всей универсальности, широте компетенции, совершенно очевидно, что ООН испытывает глубокий системный кризис. Россия может повлиять на его преодоление через реформу Организации Объединенных Наций. Реформа ООН должна стать глубинным процессом, затрагивающим все области деятельности, находящиеся в компетенции Организации.

Причины кризиса ООН – объективны и многоплановы.

Это прежде всего разнородность интересов «больших» и «малых» государств, входящих в ООН на равных, но не стремящихся сгладить противоречия между собой. Нежелание «малых» государств подчиняться диктату великих держав при слабом учете развитыми «привилегированными» государствами специфики и интересов очень разных, «не включенных в круг избранных» государств. Это особенно проявляется в отношении к Совету Безопасности ООН и, в частности, его составу, структуре и компетенции. Кроме того – размытость и неопределенность критериев понятия «великие державы» в современных условиях. Неясно, следует ли к ним относить ядерный статус, развитость в экономическом и научно-техническом отношении, международный авторитет, выгодное стратегическое положение, размер территории и количество населения, уровень жизни и т. д. Это в первую очередь относится к Германии и Японии, претендующим на постоянное членство в Совете

Безопасности. Далее – ослабление России после распада СССР и исчезновения биполярной системы. Само по себе усложнение сути мировых проблем и вступление в силу новых факторов международной безопасности. Так, новую остроту приобрела проблема нераспространения ядерного оружия, ядерной безопасности, причем не только в чисто военном плане, но и в связи с ростом ее противоречивости из-за стремления стран развивать ядерную энергетику, а также из-за создания технологий двойного назначения. Наконец, возросла организационно-структурная беспомощность ООН. Появилось чрезмерное количество различных программ, подразделений, часто дублирующих друг друга из-за неясной компетенции, нечетких целей и неопределенных функций. Слишком увеличился бюрократический аппарат ООН. Бюджет ООН расплывчат, он формируется и расходуется нерационально.

Многие проблемы ООН породила сама. Парализованная кризисом, ООН ясно их не сформулировала и эффективно реагировать на них пока не может, хотя пытается найти выход. Теперь, когда на первый план выступили новые угрозы (терроризм, экстремизм, религиозный фундаментализм и т. д.), ООН демонстрирует плохую управляемость новыми сложнейшими процессами. А реакция Совбеза ООН на изменения в мире замедлилась, обострилась противоречивость его действий вследствие столкновения двух противоборствующих тенденций: охранительной, препятствующей совершенствованию правовых категорий и уточнению сферы их применения, и радикальной, полностью игнорирующей сложившиеся юридические устои и попустительствующей действиям в обход выработанных правовых норм. Обе они ведут к дезинтеграции Совбеза, что вызывает сомнения в его дееспособности и порождает измышления насчет несостоятельности его решений.

Однако путь преобразований ООН неясен. Хотя очевидно, что, пока существует ядерное оружие, нужна и регулирующая организация «сдерживания» для предотвращения глобального конфликта. Именно поэтому реформа ООН требует особого неразрушающего подхода при определяющем мнении постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Е.М. Примаков выявляет причины негативного отношения США к ООН и особо подчеркивает, что упор на одностороннее применение силы объективно сталкивает США с ООН. По его мнению, причиной тому – взаимообусловленное развитие двух процессов: переход США на платформу самостоятельных превентивных действий в случае возникновения определяемой ими же самими угрозы международной безопасности и их дистанцирование от ООН (с. 50–51). Негативное отношение США к ООН накаплива-

лось годами. Одно время США перестали перечислять свои взносы в бюджет ООН, прекратили участие в ЮНЕСКО, выразив недовольство тем, что эта организация критически относится к некоторым моментам американской политики. После распада СССР намечилось некоторое потепление, вызванное стремлением США внятно обозначить свое доминирование в мире, во всех международных структурах: США начали погашать свои долги перед бюджетом ООН, отменили ранее введенный запрет на участие американских вооруженных сил в ооновских миротворческих операциях. Однако постепенно вновь проявилось обострение отношений США с ООН и рядом других международных структур. С новой силой стали разворачиваться апокалипсические сценарии развала ООН, раздаваться призывы прекратить американское участие в миротворческих операциях ООН, мотивируя это необходимостью вернуть военных, которых нерационально используют в мирных целях, на фронт в Ирак. В США развернулась борьба за отзыв подписи американского президента под Римским статутом – уставным документом Международного уголовного суда. Это было сделано вопреки настроению своих союзников. США развернули широкую пропагандистскую кампанию. Все четче стал звучать тезис: ООН «скончалась», современным условиям адекватно НАТО, которое может якобы с большей эффективностью выполнять функции, предписанные ООН. Однако поскольку «похороны» ООН оказались явно преждевременными, именно к помощи ООН прибегли США после нападения на Ирак и вторжения в Кувейт с тем, чтобы оформить создание антииракской коалиции и обеспечить широкую международную поддержку, в частности со стороны России, военной операции по освобождению Кувейта. Затем, в связи с несогласием ООН с эскалацией американской интервенции в Ираке, в США, нетерпимых к любой критике с высоты своего имперского величия, новый импульс получили обсуждения на тему, нужна ли вообще ООН. Однако ООН отражала реальные настроения в мировом сообществе и все больше становилась самостоятельным игроком на международной арене. Все отчетливее проявлялась неоспоримая истина: ООН несовместима с политикой односторонних действий США. Именно с этим не соглашались США. Особенно неприемлемой для них стала практика, при которой постоянные члены ООН Россия и Китай имели право вето и использовали его в случаях несогласия с резолюциями, на которых настаивали США. В таких условиях США, очевидно, посчитали: уж если и необходима международная организация для осуществления многосторонних мер, то она должна подчиняться США, а не быть нейтральной. Неприемлемым для США оказался и предло-

женный ООН вариант ее реформирования с целью сделать ее более эффективной в борьбе с новыми вызовами и угрозами.

Конфликт США с ООН перешел в новую фазу после очередного иракского кризиса в конце 2002 г. Несмотря на то что большинство членов Совбеза выступали против очередного вторжения США, война все-таки началась, а ООН в очередной раз непростительно запаздывала с принятием окончательного политического решения. Консенсус в Совбезе не был достигнут. Критики ООН припомнили многие серьезные промахи, допущенные ею в течение прошлых десятилетий, намеренно игнорируя ее неопределимый вклад в миростроительство, универсальность состава и компетенции. Российская позиция, обусловленная восстановлением влияния и ростом авторитета России в международных делах, в противоположность американской, оценивалась ООН высоко, как смелая и прагматичная. В частности, в адрес Е.М. Примакова, участвовавшего лично в выработке проектов реформы ООН, было высказано: «Вы нашли единые подходы к решению вопросов, которые в течение многих лет разъединяли и парализовали международное сообщество» (с. 53). Российские предложения сводились к следующему: угроза миру должна выявляться не односторонне, а коллективно, через Совет Безопасности ООН. Именно Совбез ООН должен определять и систему мер по нейтрализации этой угрозы.

Принципиальное убеждение России состоит в том, что в создавшихся условиях не нужно искать альтернативу Совету Безопасности в вопросах применения силы. В Уставе ООН заложены все возможности коллективного противодействия угрозам безопасности и стабильности, и как базовый правовой документ изменять его не надо. А вот критерии применения его положений нуждаются в уточнении и совершенствовании. Е.М. Примаков утверждает, что «ситуации, угрожающие миру и безопасности, связаны не с недостатками Устава ООН, а вопиющими нарушениями его положений» (с. 57). Однако это не снимает остроту необходимости повысить эффективность Совбеза ООН. Следовало бы привести его состав в соответствие с современными реалиями: пойти на увеличение числа его и постоянных, и непостоянных членов, четче соблюдать принцип регионального представительства. Однако значительное расширение числа членов Совбеза противоречит идее сохранения и усиления его дееспособности. Следует также сохранить право вето как таковое, и оно должно принадлежать лишь нынешней «пятерке» постоянных членов. По вопросу реформирования Совбеза Россия занимает весьма умеренную позицию: минимальные изменения, не затрагивающие привилегий постоянных членов.

Естественно, российская позиция не есть истина в последней инстанции. Необходимо настойчиво вести поиски компромисса. В этой связи Е.М. Примаков очень точно подмечает, что США, по сути, постоянно отвергали все рекомендации по приспособлению ООН для противодействия вызовам и угрозам миру и безопасности на современном этапе развития международных отношений (с. 60).

В интересах России не допустить вытеснения ООН на обочину миротворческой деятельности, отстоять ее координирующую роль в международных делах. С точки зрения национальных интересов, деятельность России в ООН определяется двумя фундаментальными обстоятельствами: статусом Российской Федерации как постоянного члена Совета Безопасности ООН, что предполагает особую ответственность за поддержание мира, а также незаменимой ролью ООН как правовой организационной основы для формирования демократической многополярной системы международных отношений.

Для большинства стран ООН предпочтительна потому, что она позволяет участвовать в операциях по поддержанию мира и «принуждения к миру» вооруженным силам государств, не являющихся членами военно-политических блоков. В вопросах применения санкций по линии ООН Россия исходит из того, что различные ограничительные меры могут вводиться исключительно резолюциями Совбеза. Подобные решения должны оставаться крайней мерой, когда другие средства воздействия исчерпаны. Решения о введении санкций должны быть строго адекватны имеющейся угрозе, предусматривать четкие ограничения по их срокам действия, возможность обзора, порядок отмены таких мер, содержать гуманитарные поставки.

В новой книге Е.М. Примаков провел и блестящий анализ конфликта в Косово (с. 184–190). Суть дела состоит не только в сепаратизме и разрушении целостности Сербии, а в том, что произведена попытка провозгласить государственность по этническому и религиозному принципу. Этот новый международный прецедент усилит центробежные тенденции раздробленности и, соответственно, будет иметь негативные последствия для всех государств.

Очаг конфликтной ситуации находится именно в Косово, а Сербия и Албания вовлечены в него опосредованно. Перспективы дальнейшей выработки и корректировки совместной единой позиции Совбеза ООН остаются противоречивыми и неопределенными. Формальным отсылкам к базовым правовым нормам сопутствует поиск лазеек для их обхода. Вопрос международно-правового статуса Косово до сих пор остается открытым, причем не только из-за интересов Сербии, но из-за готовности России и Китая

блокировать вступление Косово в ООН. Совбез не смог выработать единую позицию по вопросу об одностороннем провозглашении независимости Косово. Россия, Китай, ЮАР, Сербия, Вьетнам, Ливия, Индонезия выступили против признания независимости Косово, а США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Бельгия высказались за него. Расклад сил в Совбезе – не в пользу России. Двойные стандарты завели не только Запад, но и Россию в тупик. Рассуждая о необходимости сохранения территориальной целостности Сербии, Россия полагала, что это даст толчок обвалному признанию независимости конфликтных территорий на постсоветском пространстве, и обвиняла Запад в утверждении несостоятельного принципа «права наций на самоопределение». Одновременно Россия, предлагая пути решения «постсоветских конфликтов», ссылаясь на совершенно иные принципы – «статус гражданства» или «пресечение актов агрессии». Е.М. Примаков с самого начала косовского конфликта открыто называл это беспринципностью (*Примаков Е.М.* Россия сегодня многих изумляет // Литературная газета. 2008. 16–22 апреля. С. 3). В свое время у России не хватило политической воли и материальных средств для предотвращения негативного развития ситуации в Косово. Теперь, справедливо исключая силовые методы, Россия не должна сводить свои усилия к политическим декларациям, а добиваться введения в действие совершенных норм международного права. Е.М. Примаков полагает, что для выхода из тупиковой ситуации и снятия остроты проблемы после провозглашения независимости Косово нужно задуматься о его территориальном разделе между сербами и албанцами, переселении сербов на север Косово и присоединении этой его части к Сербии. НАТО не может вечно оставаться там с целью обеспечения порядка. Замена НАТО на контингент сил ЕС тоже не решит этой проблемы.

Он четко обосновывает, почему американцы и некоторые европейцы так рьяно требуют независимости Косово. С одной стороны, американцы хотят оправдать бомбардировки Югославии, которые, кстати, впервые осуществлялись без разрешения Совбеза ООН. Дескать, были они не напрасны: вместо Милошевича в Белграде к власти пришли «демократы», произошло отделение Черногории, а теперь независимость получило Косово – цикл завершен. С другой стороны, настойчивость в отношении Косово, как представляется, связана с внутривосточной обстановкой в США. Перед уходом администрацию Дж. Буша в основном критиковали в стране за то, что ею было принято без поддержки союзников решение о самостоятельном применении силы в Ираке, последствия которого весьма печальны. Вашингтону понадобилась какая-то акция,

в которой они действовали бы совместно с западноевропейскими союзниками. Но опять-таки вопреки Совбезу ООН. И вот ухватились за Косово. Кроме того США, и в этом их особенно поддерживает перенасыщенная эмигрантами-албанцами Германия, пытались создать условия для их возвращения в Косово и, возможно, в Албанию, граница которой с Косово открыта (с. 189–190).

Мировое хозяйство становится единым организмом, вне которого не может нормально развиваться ни одна страна. Именно конкурентоспособность на всемирном рынке прогрессивных технологий, товаров и услуг и будет в итоге определять положение и статус государства в международном сообществе. Е.М. Примаков отмечает противоречивость стратегического экономического курса России, приведшего к несомненным успехам, но и отягощенного нерешенными проблемами. После долгих поисков была преодолена идея, согласно которой до момента создания развитого цивилизованного рынка можно обойтись без решительного государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны. Сторонников чрезмерного ограничения роли государства Е.М. Примаков образно называет «либералами-догматиками». Он подчеркивает необходимость достижения разумного баланса между частным и государственным секторами экономики. В перспективе с помощью укрепления положительных тенденций и динамичного развития экономической базы государства приоритет частного сектора как более гибкого, подвижного и способного к быстрой модификации будет очевиден. Государственное участие в производстве во многом обусловлено спецификой перехода к рыночному хозяйству в России, состоящей не из научно-технических прорывов, а из извлечения прибыли из энергоносителей (с. 105–106).

Е.М. Примаков также отмечает и негативные черты наращивания государственного участия в российской экономике. В частности отсутствие прозрачности управления ресурсами госпредприятий, получаемыми из бюджета, что в ряде случаев приводит к их нецелевому использованию и в конечном итоге способствует инфляции. Он приходит к очевидному выводу о том, что без перевода на инновационные рельсы российская экономика никогда не будет конкурентоспособной (с. 111). Причем задача обеспечения инновационного пути развития обостряется в связи с мировым экономическим кризисом. Рывок в модернизации производства он связывает прежде всего с либерализацией внутреннего и внешнего рынков, способствующей как введению в полном объеме инновационных и инвестиционных льгот, так и скорейшему изъятию устаревшего производства. Государственная политика должна быть ориентирована на повышение устойчивости и конкурентных

преимуществ частных предприятий (с. 112–115). Без преодоления технической отсталости российских предприятий с устаревшим оборудованием, без решения все более обостряющейся проблемы низкой квалификации кадров невозможно ликвидировать отсталость России в производительности труда, а значит, и вывести ее на лидирующие позиции в мире. Е.М. Примаков авторитетно полагает, что средства, получаемые за счет высоких мировых цен на энергоносители, экспортируемое сырье, создали беспрецедентные возможности для развития российской экономики. Но именно в связи с разразившимся в 2008 г. мировым финансово-экономическим кризисом чрезвычайно важно не только рационально тратить, но и вкладывать значительные средства в диверсификацию экономики.

Е.М. Примаков приходит к справедливому выводу о приоритете идеи обеспечения экономического роста над борьбой с инфляцией. Он вскрывает истинные причины инфляции в России, носящие не монетарный характер, а состоящие в монополизации и отсутствии конкуренции среди естественных монополий. Следует искать и применять реальные механизмы против инфляции, а не призывать к санации денежной массы в обращении (с. 121). В связи с мировым финансово-экономическим кризисом Е.М. Примаков развенчивает в корне неверные постулаты об отрицании необходимой разумной государственной регулирующей роли в экономике и уповании на то, что все задачи экономического развития решит сам рынок.

Представляется, что при всех достижениях и положительных чертах экономического развития Россия в условиях глобализации не может сохраниться в статике, ибо это отбросит ее далеко назад. Антикризисные меры России абсолютно необходимы. Одновременно необходимо переосмысление ряда идей, заложенных в отношении с мировыми финансовыми центрами. Конечно, эти отношения надо развивать и углублять. Изоляция, при всей самодостаточности энергетических и интеллектуальных ресурсов, недопустима. Однако нельзя слепо копировать применение методик международных финансовых институтов при всей их полезности в смысле наличия значительного опыта и широких экспертных возможностей, поскольку они просто не могут до конца постичь и ясно учитывать сложную российскую специфику, отягощенную как прошлыми, так и новыми нерешенными социально-экономическими проблемами. К тому же ясно, что нельзя создавать серьезную зависимость экономики от притока заемных средств из-за рубежа и необходимости оплачивать громадный зарубежный долг. Это чревато финансовыми трудностями, особенно в условиях мирового финан-

Л.Е. Гришаева

сово-экономического кризиса. Следует не только надеяться на иностранные кредиты, но уделять большее внимание развитию внутренних источников кредитования, увеличению ликвидности всех звеньев финансовой системы. Более того, надо осознать, что международные экспертные услуги необходимы и важны, но, соответственно, также требуют значительных материальных затрат. И самое главное: передовые технологии, позволяющие занять лидирующие позиции в мировых рыночных отношениях, совершить научно-технический прорыв и опередить всех в конкурентном экономическом развитии, никогда и никто потенциальным соперникам не продаст.

Совершенно прав Е.М. Примаков, заявляя, что сегодня мир становится многополярным. Появляются новые центры силы, которые развиваются быстрее, чем США и Европа. Политика будущего – это самостоятельная политика современной России, которая снова заняла подобающее ей место в мире. Е.М. Примаков пишет о трудном возвращении России в число мировых лидеров (с. 98–140). Именно благодаря принципиальной позиции России можно будет реформировать ООН и преодолеть кризисные ситуации исключительно политическими методами. XXI век будет веком именно таких стран, как Россия. ООН остается универсальным форумом, наделенным уникальной легитимностью, несущей конструкцией международной системы коллективной безопасности, главным элементом современной многосторонней дипломатии. Альтернативы ООН нет. Другие организации могут лишь дополнять ООН, но не смогут ее заменить. Россия это осознает и направляет свои усилия на совершенствование ООН, чтобы эта система была оптимальной и эффективной. Ибо если и будет создан аналог ООН, то уже без участия России.

Н. Кац

PRESERVING PETERSBURG: HISTORY, MEMORY,
NOSTALGIA / Ed. by HELENA GOSCILO
AND STEPHEN M. NORRIS. BLOOMINGTON (IND.):
INDIANA UNIVERSITY PRESS, 2008. 234 p.

После распада СССР в течение последующих 15–17 лет вновь открытые архивные источники стимулировали активность американских ученых в изучении истории сталинизма, национальных проблем бывшего СССР и вопросов эмиграции. Затем спектр интересов американской историографии стал расширяться, вовлекая в свою сферу историю отдельных регионов России до и после большевистской революции. В результате в последние годы западная историография пополнилась значительным числом публикаций, посвященных различным вопросам российской истории, включая и культуру.

Стимулом к написанию работ по истории Северо-Запада Российской Федерации послужили подготовка и проведение торжеств, посвященных празднованию 300-летия С.-Петербурга. Многие авторы (Julia Buckler, Alexander Schenker, Anna Lisa Crone, Emily Johnson и другие) впервые обратились к краеведческим сюжетам и материалам, попытались на их основе осветить вопросы социокультурного развития бывшей имперской столицы. Эти материалы разнообразили палитру исторического анализа и позволили более образно представить картину развития русской культуры XVIII–XX вв.

В этой связи внимание специалистов обязательно привлечет сборник «Сохраненный Петербург: история, память, ностальгия» под редакцией Хелены Гошило и Стефена Норриса. Х. Гошило – профессор кафедры славянских языков и литературы Питтсбургского университета, автор ряда работ по истории литературы и культуры России, включая «Россия–Женщины–Культура» под ред. Б. Холмгрен (Indiana University Press, 1996). С. Норрис – профессор истории Майами университета в Оксфорде, штат Огайо, автор монографии «Картины войны: популярная живопись, военная культура и национальная принадлежность в России, 1812–1945» (Northern Illinois University Press, 2006).

© Кац Н., 2009

Среди авторов сборника – известные на Западе специалисты по истории русской культуры, включая Вильяма Брумфилда, Джулию Баклер, Стивена Дюка, Ричарда Стайтеса, Зару Торлон и других, что и позволило сделать его не только очень интересным, но и разнообразным по охвату различных сторон культурного развития Петербурга. Включенные в сборник публикации объединены ключевой идеей: искусство «выживания», проявленное городом на протяжении всей его 300-летней истории, делает Петербург уникальным не только для России, но и для всего мира.

Сборник открывается статьей В. Брумфилда, который пишет о том, что ко времени появления ранних работ Ф.М. Достоевского архитектура города, история которого насчитывала немногим более столетия, сильно контрастировала со всей культурной традицией допетровской Руси. Как утверждает автор, Достоевский уделял огромное внимание вопросам влияния архитектурной среды на психологию и поведение людей. Архитектурный историзм являлся для него художественным приемом, позволявшим говорить об особой духовности русского народа, существовавшей, по мнению писателя, в допетровское время (с. 12). Еще в 1847 г. он призывал своих читателей поразмышлять об архитектуре Петербурга, которая, как он считал, являлась своеобразным «историческим текстом», начало которому положил основатель города. Достоевский критиковал безликие коммерческие застройки, наводнившие в его дни имперскую столицу и портившие лицо города (с. 15).

Говоря о роли архитектуры в жизни народов, В. Брумфилд развивает идею о том, что в мире существует не так много городов, архитектура которых, особенно в XX в., стала бы фоном исторических событий, имевших международную значимость. В связи с этим он упоминает о штурме Зимнего дворца, воссозданном в 1927 г. С. Эйзенштейном в его ставшем классическим фильме «Октябрь», о событиях на Дворцовой площади в августе 1991 г. Обыватель, наблюдавший в те исторические дни толпы петербуржцев на Дворцовой площади, не только понимал, но и чувствовал, что великая архитектура имеет свой особый путь и свою особую судьбу, тесно связанную с историей народа, которому она принадлежит.

Как известно, история многих городов мира, начиная с античности, включила в себя легенды и сказания. Этой судьбы не избежал и Петербург: на протяжении вот уже более чем двух столетий «миф о Санкт-Петербурге» с различных точек зрения обсуждается в работах многих отечественных и зарубежных историков и литературоведов. Х. Гошило пишет о генезисе «мифа о Санкт-Петербурге» в русской литературе XVIII–XX вв. и, в частности, о трех его гипотезах, отраженных как художественной, так и научной литературой.

Первая, «позитивная», гипотеза, прослеживается начиная с XVIII в. в одах, созданных литераторами Российской империи. Эта гипотеза была изучена известным литературоведом и историком русской литературы М. Альтшуллером, который проанализировал зарождение «мифа о Санкт-Петербурге», начиная с оды В. Тредиаковского «Похвала Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу» (1752 г.) и «Оды торжественной Екатерине Алексеевне на ее восшествие на престол июня 28 дня 1762 года», преподнесенной императрице М. Ломоносовым. Дальнейшее развитие и оформление этого мифа можно увидеть в стихотворении М. Муравьева «Богине Невы» (1794 г.) и поэме П. Вяземского «Петербург» (1818 г.). А.С. Пушкин в поэме «Медный всадник» (1833 г.) внес свою лепту в развитие этой гипотезы. По мнению Х. Гошило, «миф о Санкт-Петербурге» в ранней своей форме олицетворял город в образе мужеподобной женщины, красота которой была не только способна обольстить любого, но и с легкостью и безразличием обрекает окружающих на смерть (с. 59).

Вторая, «негативная», гипотеза мифа отождествляла город со средоточием неестественных, порою злых амбиций, помешательствами, а также фантастическими видениями, как в пушкинском «Медном всаднике». Город отрицательно влияет на судьбы героев «Пиковой дамы» и «Евгения Онегина». Х. Гошило пишет о дальнейшем развитии «негативного» толкования мифа в произведениях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского (с. 60).

И, наконец, начало комплексному пониманию «мифа о Санкт-Петербурге» было дано А. Белым в романе «Петербург» (1913–1922 гг.) и позднее продолжено А. Битовым в романе «Пушкинский дом» (1978 г.). Они описали город как сокровищницу культуры, хранящую философские, эстетические и литературные традиции. Этот новый, концептуальный, подход к теме абсорбировал и эстетику А. Блока, А. Ахматовой и О. Мандельштама (с. 60).

Х. Гошило проанализировала художественный образ Петербурга, запечатленный художниками группы «Мир искусства», включая А. Бенуа, М. Добужинского, Б. Кустодиева, Е. Лансере. Она высоко оценивает научные и реставрационные работы сотрудников Русского музея и пишет, в частности, о выставке «Санкт-Петербург. Портрет города и горожан», приуроченной к 300-летию города.

З. Толон в статье «Повесть о двух городах: античный Рим и Санкт-Петербург в поэзии Мандельштама» пишет о том, что для многих поэтов прошлого тема города стала главной в их творчестве. Так, для Софокла Афины олицетворяли трагическое начало, в то время как жестокий Рим являлся объектом безответной любви для Овидия (с. 106). З. Толон, говоря о петербургской теме в русской

поэзии XX в., указывает на то, что, следуя традициям русского архитектурного классицизма, созданного Растрелли, Кваренги и Захаровым, которые пытались сделать город на Неве похожим на «вечный город» на Тибре, многие поэты стали называть Петербург «Новым Римом», восхваляя оба города за способность противостоять, выжить и победить в борьбе со стихией, временем и пространством. По мнению автора, Манделъштам, как и поэты античности, стремился дать ответ на вопрос, какую роль играют города в судьбах народов и отдельных людей. Анализируя влияние античности на поэзию Менделъштама, автор, в частности, утверждает, что художественное восприятие поэтом Рима прослеживается в его стихах о Петербурге, а образное сопоставление солнечного мира Средиземноморья с холодной и сумрачной Северной Пальмирой придало его поэзии новое звучание и стало новой вехой в развитии «мифа о Санкт-Петербурге» (с. 106).

Впрочем, мнение З. Торлон, что бывшая имперская столица была единственным городом России, связанным не только с греко-романской культурной традицией, но и со всей западноевропейской цивилизацией (с. 89), вряд ли можно признать состоятельной. Ведь к моменту основания города Россия уже более 800 лет была христианской страной и, следовательно, не избежала культурного влияния Запада, в том числе и на ее архитектуру. Самым, вероятно, хрестоматийным примером тому может служить архитектурное убранство Московского Кремля, где так славно потрудились архитекторы средневековой Италии.

Тема Петербурга в поэзии Русского зарубежья представлена в сборнике публикацией В. Хазана. Вынужденная эмиграция и, как ее следствие, ностальгия стимулировали развитие «петербургского синдрома» среди первого поколения русской эмиграции. Им страдали не только художественные натуры, рожденные и жившие до революции в Петербурге, но даже те, кто, как поэтесса Н. Белавина, никогда там не были (5-летней девочкой она была эвакуирована с остатками армии генерала П.Н. Врангеля в Константинополь, затем попала в Югославию, а уже оттуда переехала на Запад). «Петербургский синдром» был рожден в умах и сердцах русской интеллигенции, мечтавшей о родном городе как о потерянном рае, отрезанном от них закрытой на замок границей. По другую ее сторону, в СССР, свершалась непонятная и страшная метаморфоза: Петербург был переименован в Ленинград, за которым в советской мифологии утверждался официальный статус «города трех революций» (с. 117).

Поэты Русского зарубежья, полагает В. Хазан, видели в Петербурге символ потерянной российской государственности и лелеяли мечту о восстановлении прошлой жизни. Некоторые делали по-

пытки писать об ответственности литературы и о роли поэтов и поэзии в свершившейся в России революции. В результате эмигрантская литература стала приобретать особую мистическую ауру. Так, в поэзии А. Бальмонта, А. Ладинского, В. Булич и других, окрашенной «петербургским синдромом», фантастические призраки героев русской литературы неожиданно появляются на улицах Петербурга. Например в одном из стихотворений цикла «Медаль за оборону Ленинграда», написанного поэтессой В. Булич, герои пушкинской «Пиковой дамы» и «Медного всадника» активно действуют в блокадном Ленинграде, пытаются спасти и защитить город и его население. Кто бы посмел, спрашивает автор, упрекнуть поэтессу за неподходящие литературные ассоциации? (с. 120).

В. Хазан анализирует попытки некоторых поэтов эмиграции сохранить и приумножить начатое еще представителями литературы Серебряного века историко-культурное и историко-литературное рассмотрение Петербурга как особого художественного текста («Петербургский текст»). Для многих из них, испытавших преследования после большевистского переворота и вынужденных эмигрировать, имена А. Блока, Н. Гумилева, М. Кузмина, А. Ахматовой и О. Мандельштама ассоциировались с конкретным, болезненно памятным прошлым. Подобно герою гумилевского «Заблудившегося трамвая», промчавшемуся через мосты над Невой, Нилом и Сенной, поэты русской эмиграции связывали свою ностальгию с навсегда потерянным для них любимым Петербургом. Вот почему известия о гибели Н. Гумилева и смерти А. Блока воспринимались многими эмигрантами как завершение целого исторического периода в жизни России и ее культуры, начатого в XIX в. трагическим выстрелом на Черной речке.

Для всех представителей русской культуры, живших в эмиграции, Петербург всегда оставался самым красивым городом на земле, в то время как население стран, приютивших их, часто не верило их рассказам и считало, что он находится на краю света (с. 122–123). В целом, считает В. Хазан, «петербургская тема» в среде эмиграции носила трагический характер, в ней звучали интонации реквиема и даже плача по «мертвому городу». Поэты Русского зарубежья сравнивали Петербург или с Римом в период его падения, или с Помпеями, уничтоженными извержением Везувия. Анализируя поэзию послереволюционного Русского зарубежья, необходимо помнить о неустроенной жизни беженцев, потерявших родных и близких, ежедневно испытывавших болезненные потрясения, вызванные трудностями их экономического и политического положения. Только в таком контексте можно правильно понять генезис «мифа о Санкт-Петербурге» в литературе эмиграции и объяснить,

почему многие представители русской интеллигенции за рубежом описывали Петербург, наделяя его чертами «супергорода», характеризуя его как лучший город на земле. Такой подход помогал самим поэтам и их читателям выживать, чувствовать гордость, говоря о своем прошлом, и даже поддерживать и сохранять национальные, религиозные и культурные традиции (с. 126–127). Остается только добавить, что представители первого поколения русской эмиграции смогли также сохранить чистоту русского языка и передать его детям, рожденным уже в диаспоре.

Интересным представляется и толкование В. Хазаном другой важной темы, звучавшей в поэзии Русского зарубежья, – темы возвращения в родной город, темы встречи с Петербургом. В лирической поэзии часто прослеживается скрытое желание авторов заглянуть туда «на минуточку» и посмотреть, как там живут люди. Вот почему знаменитые строчки Мандельштама о встрече с друзьями в Петербурге вызвали такой широкий ответ в эмигрантской поэзии. Однако идея «возвращения в Петербург», в безвозвратно ушедшую прошлую жизнь, оставалась иллюзорной (с. 132).

Несколько других работ сборника освещают различные вопросы истории России в последние годы империи.

Так, С. Дюк анализирует межнациональные и межрелигиозные отношения среди населения города, критикуя недостаточность разработки этой темы в советской и постсоветской историографии. Автор пишет о мотивах, заставлявших национальные и религиозные меньшинства переселяться в имперскую столицу. К объективным экономическим (возможность найти работу) и культурно-образовательным (возможность получить образование, включая и высшее) факторам миграции примешивались и субъективные, психологические, связанные с условиями жизни среди преимущественно русскоговорящего населения в большом столичном городе, казавшемся выходцам из провинции фантастически красивым.

С. Симмонс пишет о культуре блокадного Ленинграда. Эта тема, казалось бы детально изученная российской и западной историографией, находит в интерпретации американского историка новое звучание. Она рассматривает особое, исторически сложившееся положение Петербурга среди других городов России, приписывая ему статус города-государства. Анализируя политическую и экономическую ситуацию в городе во время блокады, она приходит к заключению о практической его автономии, вызывавшей недовольство в Москве. Говоря о работах российских историков-краеведов, С. Симмонс высоко оценивает книгу А.В. Даринского и В.И. Старцева «История Санкт-Петербурга. XX век»

(СПб., 1997), материалы которой подтверждают ее мнение об особом, привилегированном положении этого города в России (с. 166).

Сегодня, считает С. Симмонс, история города изучается главным образом в контексте культурного наследия, оставленного имперским его периодом, а позитивный опыт советского прошлого, включая и время блокады, часто просто недооценивается. Руководство города, иногда в ущерб исторической правде, предпочитает скорее искать параллели с имперским периодом, игнорируя недавнее советское прошлое и забывая о том, что Петербург всегда являлся «центром высокой культуры, источником цивилизованности, баррикадой, защищавшей страну от дикости» (с. 167). Таким был Петербург-Ленинград и в страшные годы блокады. И таким С. Симмонс призывает сохранить его на века.

Тему культурного наследия продолжает статья известного культуролога Р. Стайтса. После распада СССР, в новой России, по его мнению, набирает силу элитарность, диктующая культуру новой, постсоветской элиты. Ее идеология подчеркивает важность защиты и сохранения культурного наследия прошлого. Относительно Петербурга новая элита выступает в первую очередь за необходимость широкой пропаганды и показа лучшего, что служило и служит прославлению исторического прошлого города. К сожалению, такой подход автоматически отсекает все то, что на первый взгляд выглядит не столь блестящим, неотразимым и привлекающим внимание. Нередко «селективная» политика отражает рыночный подход постсоветской элиты к вопросам культуры сегодняшнего дня. Р. Стайтс, следуя крылатым строчкам Пушкина, призывает руководителей культуры сегодняшней России видеть в Петербурге «окно в Европу», позволяющее поддерживать связи с глобальной системой высокой культуры (с. 184).

Сборник завершает статья С. Норриса, уводящая читателей в дни 300-летнего юбилея города. С. Норрис считает, что президент В.В. Путин хотел использовать имидж Петербурга как критерий, демонстрирующий успехи России последних лет, и поддерживает точку зрения М. Липовецкого, определяющего новый период в истории России как «постмодернистский».

Этот постсоветский «постмодерн», использующий культурное наследие прошлого, стремится сохранить Петербург как сокровищницу традиционных ценностей, как особого рода музей-хранилище, в то время как процесс перехода от советского к постсоветскому обществу требует найти определенные связи между прошлым и будущим, вызывая особую озабоченность о связях между прошлым и настоящим России (с. 214–215).

Abstracts

A. Borodkin

COMMUNITIES OF OLD BELIEVERS-CAPITONS IN THE CENTRAL RUSSIA AND GOVERNMENTAL SEARCHES OF CHURCH'S DECEDENTS IN THE XVII c.

The article describes the condition of the communities on old believers-capitons in the central Russia of the XVII c. The author investigates location, activity and social composition of old believer's communities. The interconnection of governmental searches of old believers and the division of the first old believers' organizations is analyzed for the first time. The centers of old believers have been studied as well as their interrelations with the patronage communities. The problems of relations the old believers' leaders and their attitude to the collapse of the united movement is being investigated.

Key words: old believers, religious communities, church decedents, monastery, archeries.

V. Blokhin

«PROVINCE BULLETIN» AS A MIRROR OF RUSSIAN PROVINCE (XIX c. – EARLY XX c.)

The article considers problems of the history of «Province bulletin» creation, analyses the degree of its influence on the processes occurring in the country. Created by the government itself, these means of the press did not find an objective estimation in the Soviet historical science up to 1990. The article contains analysis of various approaches, including present-day approaches, to these editions. Giving concrete examples the author proves that in its both best and worst samples «Province bulletin» served as a prototype of new forms of the private provincial press of the XX c.

Key words: «Province bulletin», official press, daily routine history, enlightenment, censorship.

N. Kulinich

FORMING OF URBAN POPULATION
OF THE RUSSIAN FAR EAST
(the second half of the XIX c. –
first third of the XX c.)

The article is focused on the particularities of the forming urban population of the Russian Far East, territory development of which was realized by authority by colonialist type. The growing townspeople were provided on account of the different forms of the transmigration from central region of the country. The state spent considerable means for this and didn't create conditions for settlers' acclimation rate. Lack of dwelling, bad supply, shortage of institutions of the culture and public health become main reason for mass return migration. So, main contingent of the far eastern towns' population was composed by «temporary inhabitants», who were not interested in radical changes of living conditions.

Key words: Russian Far East, cities, urban population, shaping, return migration.

A. Bendin

THE DECREE OF TOLERATION
AND ITS REALIZATION IN NORTHWEST EDGE
OF RUSSIAN EMPIRE (1905)

The article is devoted to the analysis of problems of application of the decree on April, 17, 1905 in territory of Northwest edge of Russian empire. The objects of research are the social aspects of the decision accepted by the government about expansion of the rights of Catholic church. In the article the features of recognition of the decree are analyzed by Catholic hierarchy, clergy and laymen which have been caused by unresolved problems concerning Catholics with the state and Orthodox church. The author investigates also negative consequences of the decree which were tested by Orthodox inhabitants of edge, in districts with the prevailing of Catholic population.

Key words: missionary faiths, toleration, the religious compulsion, proselyte, religious-ethnic intolerance.

A. Bakhturina

RUSSIAN REVOLUTIONARY MOVEMENT
AND FINLAND (1905–1908)

This article deals with the policy of Russian imperial government in respect to revolutionary movement in Finland during the Russian revolution of 1905. The Russian government headed by P. Stolypin was then fighting Russian revolutionaries, who were supported by local authorities and public. Therefore, jurisdictional aspects of interaction between Russian and Finnish police on Finnish territory had become a very important part of this struggle. The subject was hardly touched upon in Russian historiography. Investigation into this problem led the author to the conclusion that the national policy of Russian government in Finland was strongly influenced by the Russian revolutionary movement.

Key words: Finland, revolution, police, Russian autocracy, revolutionaries.

A. Sizova

RUSSIAN HIGHER EDUCATION
AT PROVISIONAL GOVERNMENT:
THE PLAN AND THE BEGINNING
OF DEMOCRATIC REFORM

The article describes reformatory activity of Provisional government in the Russian higher school. Its aspiration to solve an acute educational problems, that seriously braked state modernization in the beginning of XX c., have led to attempt of widespread realization of liberal educational program. Revealing of the basic directions of these reforms and the analysis of their efficiency became the purpose of the given work. The author allocates three directions of the given activity: democratisation of rules of an enrolment of students, expansion of high schools network and an establishment of principles of the higher schools autonomy. Two of these directions had the further development already under the Soviet rule.

Key words: Provisional government, higher education, reform, A. Manuilov, S. Ol'denburg, S. Salazkin.

S. Karpenko

THE FIRST STEPS OF GENERAL A.I. DENIKIN'S
GOVERNMENT ON FOREIGN TRADE
CONTROLS (August 1918 – April 1919)

The article is focused on the foreign trade activity of general A.I. Denikin's government in the end of 1918 – in the beginning of 1919: economic, war and political factors, which influenced the foreign trade in the South of Russia, conflicts between the White authorities, private trade companies and co-operative organizations. For the first time in domestic historiography it contains analysis of the first experience of Denikin's military dictatorship on trade controls.

Key words: A. Denikin, the White movement, the Special council, foreign trade, co-operative organizations, trade companies, trade controls.

V. Tomilin

MTSS AND COLLECTIVE FARMS
OF THE CENTRAL BLACK SOIL REGION:
DRAWBACKS OF THE PLANNING
AND AGROTECHNICAL WORKS (1946–1950)

The article is devoted to the collective farm production of one of the most important agrarian regions of Russia during the first years after the Great Patriotic War. The Soviet State policy aimed at speeding up of the reconstruction of fields was not strengthened by MTSS's material resources. The result of it was low level of agrotechnology and harvests.

Key words: agrarian politics, planning, agriculture, collective farms, MTSS, agrotechnology.

S. Bogdanov

POWER AND ECONOMIC CRIME
IN THE USSR DURING PERESTROIKA PERIOD

The article deals with the main economic, social and political-legal contradictions contributing to the increasing growth of economic crime in the USSR during the second half of 1980-s. It suggests the reasons for the negative consequences for the Soviet planning centralized model of the actual shadow economy legalization in a form of cooperatives and individual activity.

Key words: perestroika, abroachment, embezzlement of state property, defalcations, bribery, anti-alcohol campaign, economic crime.

Comments

M. Andreev

LEFT SOCIALIST-REVOLUTIONARIES IN NARKOMPROS IN 1917–1918

In this article the author analyzed the participation of left S-Rs in the formation of Narkompros, including the capture of the former ministry, organization of new ministry departments and selection of its staff. Some of the left Socialist-Revolutionaries, as opposed to a position of the majority of the Soviet historians, got very important posts in Narkompros and helped Bolsheviks to realize the ministry policy.

Key words: left Socialist-Revolutionaries, Narkompros, Bolsheviks, cultural building, people education.

A. Kubasov

FROM A HISTORY OF THE GPU'S PRISONS AND CAMPS (1922–1923)

The article is devoted to the places of detention of prisoners, subordinated to the State political department (GPU), after the end of the Civil war in Russia. On the basis of archival materials it shows earlier un-known pages from a history of Northern concentration camps used for isolation of political prisoners.

Key words: the Soviet special services, concentration camps, political prisoners.

A. Uryadova

GENOA CONFERENCE AND THE RUSSIAN EMIGRATION

The article examines the attitude of Russian emigration toward the Conference in Genoa, its reaction to the invitation of the Soviet delegation, study by Russians abroad the Soviet government contradictions in foreign policy before and during the conference. The purpose of the article is to study positioning by emigration itself and Soviets during the Genoa conference. Such approach to the Soviet foreign-policy activity and also to the history of emigration was not applied earlier.

Key words: Genoa conference, Russian emigration, RSFSR, foreign policy.

V. Kruglov

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL STRUCTURE
OF RUSSIA: PROJECTS OF THE
REFORMATION, 1990–2000

The article is focused on the projects of the reformation of administrative-territorial structure of Russia, published in 1990–2000. They are considered to be a predecessor of the changes in relations between the federal centre and regions in the early 2000's, including the process of enlargement of Russian territories. One of the main goals of the article is the analysis of contents of that projects and which ideas were put in practice by the federal government during the presidency of V. Putin.

Key words: Federation, territory, region, project, enlargement.

A. Takova

POLITICAL ALTERATIONS
IN KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC
IN 2005–2008

The article is about the political development of KBR in 2005–2008. There are problems that influence the political life of republic: in decision of land problem, the activation of international problems, the weak development institutes of citizen community.

Key words: Kabardino-Balkarian Republic, opposition, citizen community, meeting, investment, administrative reform.

A. Osmaev

GROZNY IN 1999–2008:
WAR AND A DAILY LIFE OF THE TOWNSPEOPLE

In clause the daily life of inhabitants of Grozny during with 1999 for 2008 of Works on this problem practically is considered is not present, as researchers study basically political, social, military aspects of events in the Chechen Republic. The purpose is the analysis of a conditions of life and vital problems, and also ordinary consciousness and daily behavior of inhabitants of Grozny. The heavy financial position, indefatigable struggle for an elementary survival in conditions of growth of criminality, military actions is established, that, frequent

change of authorities have seriously changed a daily life of the townspeople.

Key words: Grozny city, daily occurrence, the population, employment, restoration, leisure, war.

V. Mashko

FROM A HISTORY OF THE UNION STATE
OF BELARUS AND RUSSIA:
BUDGET AND BUDGETARY POLICY

The article is focused on the history of Russia-Belarus economic cooperation. The paper examines different trends in budgetary policy of the Union State of Belarus and Russia, lists the conditions and principles for further integration between both countries. The paper also analyses the possible effects of integration on economic stabilization and growth in both countries.

Key words: Belarus, budget, Union state of Belarus and Russia, integration, union's budget, budgetary policy.

The History and the Theory of Historical Science

A. Pashkov

THE LOCAL HISTORICAL RESEARCH
OF THE NORTHERN RUSSIA
IN THE CONTEXT OF
THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY
AND CULTURE DEVELOPMENT FROM
THE LATE XVIII c. UP TO EARLY XX c.

The article is devoted to the analysis of the interaction of Lay Historians of the Northern Russia with the Russian Historiography and Culture. The author distinguishes three periods of this interaction. From its origin at the late XVIII c. up to the middle of XIX c. Northern Russian Lay Historians developed under the impact of Russian professional Historians. At the second half of XIX c. it's possible to speak about useful for both sides interaction. At the early XX c. scholar level of many Lay Historians approximated to the level of professional Historians. Famous historians and writers used information of Northern Lay Historians in their works.

Key words: European North of Russia, Lay Historians, Russian Historiography and Culture.

G. Lanskoï

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY
OF RUSSIA OF XIX–XX cc. IN DOMESTIC
ETUDES OF 2008

In the article were analyzed the monographs concerned the social history of Russia of XIX–XX cc., which were published in 2008. For the analyze were selected the etudes of L.V. Koshman on the life of russian town in XIX c., B.M. Firsov on the specificity of intellectual life in the USSR during the post-war years and S.A. Pavlyuchenkov on the history of bolshevist party during 1920–1930.

Key words: Russia, historical science, social history.

P. Marchenya

HISTORICAL RESEARCH
ON MASS CONSCIOUSNESS
OF 1917 REVOLUTIONARY
EPOCH IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

The article focuses on the problem of masses and mass consciousness as one of the vital tasks of historical science. A number of related theoretical and practical problems are analyzed in terms of the role and significance of mass consciousness in Russian revolutions of February and October 1917. Author's original perusals are based on important historical sources and literature. Mass consciousness is regarded as a dominant factor in political history of Russia in 1917, which is crucially important for understanding the logic of Russian Revolution.

Key words: mass consciousness, masses, Russian Revolution, Strife, February 1917, October 1917, political parties.

V. Poliakov

THE FAMINE OF EARLY 1920's
IN THE SOVIET HISTORIOGRAPHY TRADITION

The paper deals with the historiography concerning the famine in Russia in 1920's, Povolzhie being it's epicentre. A number of key papers of soviet historians who laid the foundation of the investigation tradition of this tragic event, which reoccurred again later twice in the history of the Soviet State, have been considered.

Key words: historiography, methodology, the country, peasants, drought, food-staff taxation, famine.

A. Kilichenkov

WESTERN HISTORIOGRAPHY
OF THE SOVIET NAVY:
THEORIES OF COLD WAR PERIOD

The article is dedicated to the questions of theory and methodological approaches of western historiography of the Soviet navy of Cold War period. The author pays much attention to the influence of the ideas of the geopolitical theories of Halford Mackinder and Alfred Mahan on the research methods of foreign historians.

Key words: Soviet Navy, Cold war, historiography, theory, methodology.

Book Reviews

D. Pushmin

FROM THE HISTORY OF THE POLITICAL
AND CONSTITUTIONAL CRISIS
OF THE NEW RUSSIA 1991–1993

The article deals with the historiography of the lingering conflict between russian Branches of Power and the September-October of 1993 armed confrontation. The author concludes that the contemporary historiography is mainly aimed to blame different political forces in the conflict, than to conduct the deep analysis of the crisis consequences reflection on the the processes of the new Russia's state forming.

Key words: The new Russia's state forming, political and constitutional crisis, Supreme Soviet, Congress of Peoples' Deputies, B. Yeltsin, presidential Decree № 1400.

Сведения об авторах

Алексеев Антон Григорьевич – учитель истории средней школы № 171, преподаватель Центра довузовского образования РГГУ; vera@rggu.ru.

Андреев Михаил Александрович – аспирант кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ; mixandreev@yandex.ru.

Бахтурина Александра Юрьевна – д-р историч. наук, доцент кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ; a-yu-b@yandex.ru.

Бендин Александр Юрьевич – канд. историч. наук, доцент кафедры философско-христианской антропологии Института теологии Белорусского государственного университета (Минск); bendin26256@yandex.ru.

Блохин Валерий Федорович – канд. историч. наук, доцент кафедры истории и политологии Брянского государственного университета; val@kursiv.pptus.ru.

Богданов Сергей Викторович – канд. историч. наук, доцент кафедры философии Губкинского института (филиала) Московского государственного открытого университета (г. Губкин Белгородской обл.); sv-bogdanov@mail.ru.

Бородкин Александр Викторович – канд. историч. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ярославского филиала РГГУ; borodkin@mail.ru.

Глебова Ирина Игоревна – канд. историч. наук, д-р политич. наук, научный сотрудник ИНИОН РАН, руководитель Центра руссиеведения ИНИОН РАН; russianstudies@inion.ru.

Гришаева Лидия Евгеньевна – д-р историч. наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI вв. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; felixg@formatek.ru.

Карпенко Сергей Владимирович – канд. историч. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ; skarpenk@mtu-net.ru.

- Кац Наум Григорьевич* – профессор кафедры истории и кафедры современных языков Университета Карнеги-Меллона (Питтсбург, США); kats@andrew.cmu.edu.
- Киличенков Алексей Алексеевич* – канд. историч. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ; kilichenkov@yandex.ru.
- Круглов Владимир Николаевич* – аспирант кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ; vladimirkruglov2007@yandex.ru.
- Кубасов Александр Леонидович* – канд. юрид. наук, начальник отдела Управления ФСБ России по Вологодской области; KUBASOV86@mail.ru.
- Кулинич Наталья Геннадьевна* – канд. историч. наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск); kulinich_n_g@mail.ru.
- Ланской Григорий Николаевич* – канд. историч. наук, доцент кафедры аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ; gri_lanskoi@list.ru.
- Марченя Павел Петрович* – канд. историч. наук, доцент учебного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института РГГУ; marchenyar@mail.ru.
- Машко Владислав Валерьевич* – методист Методического управления РГГУ; istrosvlad@yandex.ru.
- Осмаев Аббаз Догиевич* – канд. историч. наук, ведущий научный сотрудник Комплексного НИИ РАН (Грозный); osmaev@mail.ru.
- Пашков Александр Михайлович* – канд. историч. наук, доцент, заведующий кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета; pashkov@psu.karelia.ru.
- Поляков Вячеслав Александрович* – канд. историч. наук, доцент кафедры истории России Волгоградского государственного университета; histrus@volsu.ru.
- Пушмин Дмитрий Александрович* – аспирант кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ; pushmin@list.ru.

Сизова Анастасия Юрьевна – канд. историч. наук, старший преподаватель учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России»; nastasya-ya@yandex.ru.

Суслов Алексей Юрьевич – канд. историч. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского государственного технологического университета; PLUSHA131333@yandex.ru.

Такова Александра Николаевна – аспирантка Института гуманитарных исследований правительства Кабардино-Балкарской республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН (Нальчик); sanatakova@yandex.ru.

Томилиן Виктор Николаевич – канд. историч. наук, доцент кафедры новейшей истории России Липецкого государственного педагогического университета; tomilin58@mail.ru.

Тымчук Наталья Борисовна – ст. преподаватель кафедры мировой политики и международных отношений РГГУ; natali_4509@bk.ru.

Урядова Анна Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; koukouch@mail.ru.

Information about the authors

Alexeev Anton A. – teacher of the high school №171 (Moscow), lecturer of the Center of preliminary education of RSUH; vera@rggu.ru.

Andreev Mikhail A. – post-graduate student of Institute for History and Archives of RSUH; mixandreev@yandex.ru.

Bakhturina Alexandra Yu. – doctor of science in history, assistant professor of the department of History of state and public-service institutions of Institute for History and Archives of RSUH; a-yu-b@yandex.ru.

Bendin Alexandr Yu. – candidate of History, the senior lecturer of Theology Institute of the Belarus State University (Minsk); bendin26256@yandex.ru.

Blokhin Valeri F. – candidate of History, associate professor of Bryansk State University; val@kursiv.pptus.ru.

Bogdanov Sergei V. – candidate of History, senior lecturer of the department of Philosophy of Gubkinskiy Institute of the Moscow State Open University (Gubkin city, Belgorod region); sv-bogdanov@mail.ru.

Borodkin Aleksandr V. – candidate of History, associate professor of the department of humanitarian and social-economic science of the Yaroslavl branch of RSUH; borodkin@mail.ru.

Glebova Irina I. – candidate of History, doctor of political science, director of the Center of Russian studies of INION (Russian Academy of Science); russianstudies@inion.ru.

Grishaeva Lidia E. – doctor of History, senior lecturer of the department of Contemporary history of Russia of Moscow State University; felixg@formatek.ru.

Karpenko Sergei V. – candidate of History, senior lecturer of the department of Contemporary history of Russia of Institute for History and Archives of RSUH; skarpenk@mtu-net.ru.

Kats Naum G. – professor of the History department, professor the Department of modern languages of Carnegie-Mellon University (Pittsburgh, USA); kats@andrew.cmu.edu.

- Kilichenkov Alexei A.* – candidate of History, senior lecturer of the department of Contemporary history of Russia of Institute for History and Archives of RSUH; kilichenkov@yandex.ru.
- Kruglov Vladimir N.* – master of arts in History, post-graduate student of RSUH; vladimirkruglov2007@yandex.ru.
- Kubasov Aleksandr L.* – candidate of Law science, chief of the FSB department on Vologda region; KUBASOV86@mail.ru.
- Kulinich Natalia G.* – candidate of History, senior lecturer of the department of Philosophy and culture of Pacific State University (Khabarovsk); kulinich_n_g@mail.ru.
- Lanskoi Grigori N.* – candidate of History, senior lecturer of the department of Audiovisual documents and archives of Institute for History and Archives of RSUH; gri_lanskoi@list.ru.
- Marchenya Pavel P.* – candidate of History, senior lecturer of the Research and Study Center «New Russia. History of post-soviet Russia» of Institute for History and Archives of RSUH; marchenyap@mail.ru.
- Mashko Vladislav V.* – teaching methods specialist of the department of management of RSUH; istrosvlad@yandex.ru.
- Osmaev Abbas D.* – candidate of History, senior research fellow of General Research and Development Institute of Russian Academy of Science (Groznyi); osmaev@mail.ru.
- Pashkov Alexandr M.* – candidate of History, senior lecturer, head of the department of the pre-revolutionary Russian history of Petrozavodsk State University; pashkov@psu.karelia.ru.
- Poliakov Viacheslav A.* – candidate of History, assistant professor of department of Russian history of Volgograd State University; histrus@volsu.ru.
- Pushmin Dmitry A.* – post-graduate student of the department of Contemporary history of Russia of Institute for History and Archives of RSUH; pushmin@list.ru.
- Sizova Anastasiya Y.* – candidate of History, the senior lecturer of the Research and Study Center «New Russia. History of post-soviet Russia» of Institute for History and Archives of RSUH; nastasya-ya@yandex.ru.

Suslov Alexei Y. – candidate of History, senior lecturer of the department of humanitarian science of Kazan State Technological University; PLUSHA131333@yandex.ru.

Takova Alexandra N. – master of arts in History, post-graduate student of Institute of humanitarian investigations of Kabardino-Balkaria Government and Kabardino-Balkarian Science centre of Russian Academy of Science (Nal'chik); sanatakova@yandex.ru.

Tomilin Victor N. – candidate of History, associated professor of the Russian Contemporary History of the Lipetsk State Pedagogical University; tomlin58@mail.ru.

Tymchuk Natalja B. – senior lecturer of the Department of world policy and international relations of RSUH; natali_4509@bk.ru.

Uryadova Anna V. – candidate of History, senior lecturer of Yaroslavl Demidov's State University; koukouch@mail.ru.

Корректор *Л.П. Буцева*
Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Подписано в печать 4.12.2009.
Формат 60×90 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 21,0. Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 274

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru